

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года
Выходит 4 раза в год

№ 49/2019

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. В. Шунков, доктор филологических наук,
доцент

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент

Технический редактор

О. В. Устимова

Редакторы: *Н. Ю. Мальцева,*
В. А. Шамарданов, О. В. Шомшина

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.

Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemgik.ru>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт
культуры», 2019

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006
Published quarterly

№ 49/2019

The Mass Media Registration Certificate
ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Founder, publisher

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
(FSFEI HE) "Kemerovo State University
of Culture"

The address of the founder, Publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

A.V. Shunkov, Dr of Philological Sciences,
Associate Professor

Administrative Secretary

L.Y. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor

Technical editor

O.V. Ustimova

Editors *N.Y. Maltseva,*
V. A. Shamardanov, O.V. Shomshina

Translation *A.A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M.B. Sorokina*
Design *A.V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Journal "Bulletin of KemGUKI"
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemgik.ru>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE "Kemerovo State
University of Culture", 2019

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Коллин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», член Российского философского общества, член Научно-образовательного культурологического общества, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Российского нового университета, профессор кафедры социологии и рекламной коммуникации, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Department of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Acting Member of the International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Higher Education Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Antipov Aleksandr Gennadyevich, Dr of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Literature and the Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Astafyeva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department of Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Center "Civic Society and Social Communications," Member of the Russian Philosophic Society, and Scientific Education Culturologic Society, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozeroва Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Sr Researcher of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Culturology, Socio-cultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation).

Włodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of the Szczecin University (Szczecin, Poland).

Gavrov Sergey Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Russian New University, Professor of Department of Sociology and Advertising Communications, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, член Российской Академии Естествознания, действительный член и член Президиума Отделения библиотекосведения Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Российский новый университет, академик Российской академии образования, действительный член Российской инженерной академии, академик Академии естественных наук Российской Федерации, почетный академик Международной академии науки, образования и технологий (Германия), академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствосведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук, вице-президент Русского отделения Международной академии наук, вице-президент Международной академии наук (Австрия), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Nataliya Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian State Library, Member of the Russian Academy of Natural History, Acting Member and Member of Presidium of the Library Science Department International Informatization Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, International Informatization Academy, International Higher Education Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Department Chair of UNESCO, Russian New University, Academician of the Russian Academy of Education, Acting Member of the Russian Academy of Engineering, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of International Academy of Science, Education and Technologies (Germany), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of the Institute of Music of the Faculty of Arts, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valeriy Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow University for the Humanities, Academician-secretary of Humanitary Sciences Section of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of the International Academy of Sciences (Austria), Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Honorary Worker of Higher Professional Education, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа в Хелме (г. Хелм, Польша).

Малыгина Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член Научного совета Российской академии наук по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент Российской академии образования (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Mazur Pyotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy, State School of Higher Education in Chelm (Chelm, Poland).

Malygina Irina Viktorovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilyevich, Dr of Art History, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture," Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-secretary of the National Academy of Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Sr Researcher, Head of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigoryevna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии Российской словесности, член Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, член Общественного совета и Совета по науке при Министерстве культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, директор Центра глобальных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, академик Международной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель Секции информационной грамотности Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиньинь, профессор, Чанчуньский государственный педагогический университет (г. Чанчунь, КНР).

Uzhankov Aleksandr Nikolaevich, Dr of Philological Sciences, PhD in Culturology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Acting Member of Academy of Russian Literary Word, Member of of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Member of the Public Council and Council for Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the International Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Jesús Lau, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Section of Information Literacy of the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA), Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Казakov Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Москва, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Kimeeva Tatyana Ivanovna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Moscow, Russian Federation).

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Folk Art Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Martynov Anatoliy Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovskiy Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Полякова Елена Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Барнаульский юридический институт МВД России; профессор кафедры музеологии и документоведения, Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория имени М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (г. Екатеринбург, РФ).

Грачева Лариса Вячеславовна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры актерского искусства, Российский государственный институт сценических искусств (г. Санкт-Петербург, РФ).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, ректор Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского (г. Красноярск, РФ).

Некрасова Инна Анатольевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры зарубежного искусства, Российский государственный институт сценических искусств (г. Санкт-Петербург, РФ).

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой культурологии и дизайна, декан факультета искусств и дизайна, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ).

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры театрального искусства, заведующий лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, декан факультета режиссуры и актерского искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Polyakova Elena Aleksandrovna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of History and Philosophy, Barnaul Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of Department of Museology and Documentation, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation).

Section of Art History

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Department Chair of History and Theory of Performing Arts, Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Member of Union Composers of Russia (Yekaterinburg, Russian Federation).

Gracheva Larisa Vyacheslavovna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Acting Art, Russian State Institute of Performing Arts (St. Petersburg, Russian Federation).

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Music and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Rector of Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Nekrasova Inna Anatolyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Art, Russian State Institute of Performing Arts (St. Petersburg, Russian Federation).

Nekhvyadovich Larisa Ivanovna, Dr of Art History, Associate Professor, Department Chair of Culturology and Design, Dean of Faculty of Arts and Design, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Theatre Arts, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art History, Dean of Faculty of Directing and Acting Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Applied Musical Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ).

Усанова Алла Леонидовна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ).

Учитель Константин Александрович, доктор искусствоведения, профессор кафедры продюсерства в области исполнительских искусств, Российский государственный институт сценических искусств, член Союза композиторов России, член Союза театральных деятелей Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Дочкин Сергей Александрович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва (г. Кемерово, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, директор НИИ межкультурной коммуникации и социально-культур-

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Applied Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Member of Union Composers of Russia (Kemerovo, Russian Federation).

Usanova Alla Leonidovna, Dr of Arts, Associate Professor, Professor of Department of Culturology and Design, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

Uchitel Konstantin Aleksandrovich, Dr of Art History, Professor of Department of Production in the Field of Performing Arts, Russian State Institute of Performing Arts, Member of Union Composers of Russia, Member of the Theatre Union of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Dochkin Sergey Aleksandrovich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation).

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication and Sociocultural

ных технологий, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Редлих Сергей Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Чурекова Татьяна Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, и. о. заведующего кафедрой педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры управления и экономики социально-культурной сферы, декан факультета социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Technologies, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatyana Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Redlikh Sergey Mikhaylovich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Churekova Tatyana Mikhaylovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Acting Head of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Yudina Anna Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department Management and Economics of Sociocultural Sphere, Dean of the Faculty of Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Учитель К. А. К принципам обучения актера на рубеже XIX–XX веков: педагогическая деятельность Степана Яковлева в воспоминаниях Николая Смолича.....	14
Проконова Н. Л., Крылов И. А. Режиссёрские стратегии в постдраматическом театре: спектакль-мистификация.....	22
Бураченко А. И. Функции секции критиков (опыт Новосибирского отделения ВТО, 1980-е годы).....	31
Мелехова К. А. Этнические традиции в монгольском изобразительном искусстве.....	36
Прошкина О. А., Во Ван Лак. Влияние философии даосизма на вьетнамскую народную графику Хангчонг XVIII века.....	44
Попова Н. С. Модерн как тенденция стилиобразования в архитектуре городов Западной Сибири конца XIX – начала XX века.....	51
Поморцева Н. В., Протасова Н. Г. Формирование интерпретационной культуры музыканта в процессе исполнительской деятельности.....	58
Федин С. Н., Харсенюк О. Н. О необходимости создания методологии сольного концертного исполнительства.....	64
Юдин А. Н. Концертмейстер-педагог: из творческой лаборатории М. В. Юдиной.....	73
Мин Мин Лян, Пенфей Сунь. Черты трагедии в опере Цзинь Сяня «Равнина».....	81
Пенфей Сунь, Мин Мин Лян. Черты китайского стиля в произведении А. Н. Черепнина «Пять концертных этюдов» (ор. 52).....	87
Исмагилова Е. И. Русские частушки в музыкально-фольклорных традициях теленгитов Улагана и сибирских чувашей.....	93

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Рындин А. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В., Карпун Н. Н. Объекты историко-культурного и природного наследия города Сочи в системе межэтнических коммуникаций: Сад-музей «Дерево дружбы».....	106
Рыгалова М. В., Шорина Д. Е. История формирования и современное состояние ведомственных музеев Алтайского края.....	119
Библиева О. В., Ащеулова А. А. От посетителя к сотворцу музейной экспозиции: контуры исследовательского проекта.....	128
Реховская Т. А. Актуализация традиций питания русских крестьян на базе школьных музеев.....	134
Попова В. Н. Инсценировки памяти: о современных формах театрализации праздника.....	142
Миненко Г. Н., Жилинина Н. А. Реформы Петра I и их влияние на брак и семейную жизнь в дворянской и крестьянской среде (опыт сравнительного анализа).....	150

Миненко Г. Н., Латышев А. А. Крестьянствование как современная культурная форма производственно-поселенческой организации россиян.....	157
Митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх (Смирнов В. А.), Астахов О. Ю., Шунков А. В. Актуализация культурного самосознания как условие развития теологического образования в вузах культуры.....	168
Гаврилов О. Ф., Гаврилова Н. П. Традиционная религиозность в эпоху модернизации общества.....	176
Попов А. А. Эволюция научных знаний о культуре эллинистической Бактрии.....	183
Попович Э. В. Национально-культурная идентичность как теоретическая проблема.....	193
Конопьянова К. Д., Волкова Т. А. Знаково-символический синкретизм традиционной культуры Индии (на примере классического индийского танца).....	200
Бородина Е. М. Песни казаков-станичников Кемеровской области.....	208

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шунков А. В., Пономарёв В. Д., Черданцева А. А. Наука и инновации как интеллектуальный ресурс вуза в профессиональной подготовке кадров культуры и искусства.....	214
Редлих С. М., Пономарёв Р. Е., Григоренко Н. Н. Высшее педагогическое образование в Кузбассе: история, тенденции и перспективы развития.....	221
Белов В. Ф. Конкурс профессионального мастерства как способ формирования ценностного отношения к будущей профессии (на примере учреждения СПО).....	227
Куркова Н. С. Художественно-творческое развитие детей и юношества средствами анимационного искусства.....	233
Ляхова Е. Г., Демченко М. Б. Повышение эффективности профессионально ориентированной подготовки по иностранному языку в лингвистическом вузе.....	242
Ивина Л. В., Ляхова Е. Г., Нечаева К. К. Повышение эффективности усвоения иностранного языка с помощью кинезиологических упражнений.....	252
Гасаненко Е. А., Дёрина Н. В., Рабина Е. И., Дёрина К. С. Формирование профессионального имиджа как основа методической и лингводидактической подготовки студента-переводчика.....	264
Алфавитный указатель авторов.....	271

CONTENTS

ART HISTORY

Uchitel K.A. To the Principles of Actor Training at the Turn of the 19-20 th Centuries. Pedagogical Activity of Stepan Yakovlev in the Memoirs of Nikolai Smolich.....	14
Prokopova N.L., Krylov I.A. Producer Strategies in the Postdrama Theater: Performance-mystification.....	22
Burachenko A.I. Functions of Critic Section (in Case of the Novosibirsk Department of All-Russian Theatrical Society, 1980s).....	31
Melekhova K.A. Ethnic Traditions in Mongolian Fine Arts.....	36
Proshkina O.A., Vo Van Lac. The Influence of the Philosophy of Taoism into the Hang Trong Vietnamese Folk Graphics of the 18 th Century.....	44
Popova N.S. Art Nouveau as a Trend of Style Formation in the Architecture of Cities in Western Siberia in the Late XIX – Early XX Century.....	51
Pomortseva N.V., Protasova N.G. Formation of the Interpretive Culture in the Performing Activity of a Musician.....	58
Fedin S.N., Kharsenyuk O.N. On the Need to Create a Solo Concert Methodology Performing.....	64
Yudin A.N. Concertmaster-Teaching: Glimpses of Maria Yudina's Workshop.....	73
Ming Ming Liang, Penfei Sun. Features of Tragedy in Opera of Jin Syan "Plain".....	81
Penfei Sun, Ming Ming Liang. Chinese Style features in A.N. Cherepnin's "Five Concert Etudes" (op. 52).....	87
Ismagilova E.I. Russian Chastushkas (Ditties) in Musical Folklore Traditions of the Uelagan Telengits and Siberian Chuvashes.....	93

CULTUROLOGY

Ryndin A.V., Sadovoy A.N., Belozerova M.V., Karpun N.N. Objects of Historic, Cultural and Natural Heritage of Sochi in the System of Ethnic Communications: Garden-museum "Tree of Friendship".....	106
Rygalova M.V., Shorina D.E. The History of Formation and the Current State of the Departmental Network of Museums in the Altai Territory.....	119
Biblieva O.V., Ashcheulova A.A. From a Visitor to Co-creator of a Museum Exposition: Avenues of a Research Project.....	128
Rekhovskaya T.A. Actualization of Russian Peasant Food Traditions on the Basis of School Museums.....	134
Popova V.N. Scenes of Memory: about Modern Forms of Theatricalization of the Holiday.....	142
Minenko G.N., Zhilyanina N.A. Peter I Reforms and Their Influence on Marriage and Family Life in the Noble and Peasant Environment (Experience of Comparative Analysis).....	150

Minenko G.N., Latyshev A.A. The Peasantry as a Modern Cultural form of the Production and Village Organization of the Russians.....	157
The Metropolitan of Kemerovo and Prokopievsk Aristarch (Smirnov V.A.), Astakhov O.Yu., Shunkov A.V. Implementing of Cultural Identity as a Basis for Developing Theological Education at Institutes of Culture.....	168
Gavrilov O.F., Gavrilova N.P. Traditional Religiousness in the Era of Society Modernization.....	176
Popov A.A. The Evolution of the Science Knowledge about the Culture of Hellenistic Bactria.....	183
Popovich E.V. National and Cultural Identity as a Theoretical Problem.....	193
Konopianova K.D., Volkova T.A. Sign and Symbolic Syncretism of Traditional Culture of India (in Case of a Classic Indian Dance).....	200
Borodina E.M. The Songs of Kemerovo Region Cossacks-villagers.....	208

PEDAGOGICAL SCIENCES

Shunkov A.V., Ponomarev V.D., Cherdantseva A.A. Science and Innovation as an Intellectual Resource of a Higher Education Institution in Professional Training the Personnel of Culture and Art.....	214
Redlikh S.M., Ponomarev R.E., Grigorenko N.N. Higher Pedagogical Education in Kuzbass: History, Trends and Prospects for Development.....	221
Belov V.F. Competition of Professional Skills as a Way of Forming a Valuable Attitude to the Future Profession (in Case of Secondary Vocational Education).....	227
Kurkova N.S. Artistic and Creative Development of Children and Youth by a Means of the Art of Animation.....	233
Lyakhova E.G., Demchenko M.B. Enhancing the Efficiency of Foreign Language Vocational Training at a Non-linguistics Institution for Higher Professional Education.....	242
Ivina L.V., Lyakhova E.G., Nechaeva K.K. Smart Physical Exercises Improve Foreign Language Acquisition.....	252
Gasanenکو E.A., Derina N.V., Rabina E.I., Derina K.S. The Formation of a Professional Image as a Basis of Methodical and Linguodidactic Training of a Student-translator.....	264
List of Authors in Alphabetical Order.....	271

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART HISTORY

УДК 792

К ПРИНЦИПАМ ОБУЧЕНИЯ АКТЕРА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТЕПАНА ЯКОВЛЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ НИКОЛАЯ СМОЛИЧА

Учитель Константин Александрович, доктор искусствоведения, профессор кафедры продюсерства в области исполнительских искусств, Российский государственный институт сценических искусств (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: ucchitel@bk.ru

Принципы обучения актера до разработки и распространения системы К. С. Станиславского недостаточно изучены, что определяет актуальность настоящей публикации. Целью работы является изучение учебно-методических подходов к актерскому профессиональному образованию в петербургском Императорском театральном училище на рубеже XIX–XX веков. Поставленные вопросы раскрываются на основе анализа впервые публикуемого источника – воспоминаний выдающегося отечественного режиссера Н. В. Смолича (1888–1968). В них подробно описываются занятия в театральном училище под руководством одного из крупнейших мастеров Александринского театра С. И. Яковлева (1870–1912). Педагогическая концепция Яковлева и система Станиславского имели общие корни, связанные с практикой А. Ф. Федотова. Описываются задания по сценической речи, упражнения по актёрскому мастерству, в том числе связанные с развитием воображения актера. Мемуары Смолича сопоставляются с воспоминаниями другого известного режиссера и педагога В. О. Топоркова. Многие из описываемых приемов вызывают интерес исключительно как материал для историка театра и театральной педагогики. Это касается, в частности, методов развития актерского темперамента. Вместе с тем в работе делаются выводы, связанные с возможной апробацией некоторых из описанных приемов и упражнений и с ценностью новых источников для понимания тенденций развития актерского искусства в исследуемый период.

Ключевые слова: история театра, обучение актера, сценическая речь, актерское мастерство, Александринский театр, Степан Яковлев, Николай Смолич.

TO THE PRINCIPLES OF ACTOR TRAINING AT THE TURN OF THE 19-20TH CENTURIES. PEDAGOGICAL ACTIVITY OF STEPAN YAKOVLEV IN THE MEMOIRS OF NIKOLAI SMOLICH

Uchitel Konstantin Aleksandrovich, Dr of Art History, Professor of Department of Production in the Field of Performing Arts, Russian State Institute of Performing Arts (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ucchitel@bk.ru

How did actors study before the advent of the Stanislavski's system, and how did other methodologies for educating the actor develop in parallel with Stanislavski's searches at the turn of the century? The first published fragments of the memoirs of the actor and director Nikolai Vasilievich Smolich (1888-1968) give quite definite

answers to these questions. In his memoirs, Smolich thoroughly restores the content and approaches to the professional training of the actor and teacher of the Imperial Theater School in St. Petersburg, Stepan Ivanovich Yakovlev (1870-1912), who led the course at the theatre school in 1906-1909. Yakovlev, in turn, studied with an outstanding actor, a famous teacher Alexander Filippovich Fedotov, who was also a teacher of Konstantin Sergeyevich Stanislavsky. Fedotov's school, of course, had a decisive influence on the educational ideas of Yakovlev.

In the early 20th century text-oriented drama theatre, the actor's skill and stage speech had not yet become separate disciplines, and it was the stage speech classes that occupied a central place in the training course. Smolich describes a series of scenic speech exercises related to staging, theatre breathing and diction. The most important goal of acting classes was the development of acting imagination. Smolich talks about the specific exercises and tasks that were used for this purpose. Many of them show that the methods of Yakovlev and Stanislavsky developed in parallel ways (in particular, playing with imaginary objects).

It seems interesting to compare Yakovlev's pedagogical techniques described by Smolich with those described by his other student, major director and teacher Vasily Toporkov. Smolich's memoirs are an important source for understanding the approaches to the actor's work and training, and this is their undoubted value. The teaching methods that were practiced at the imperial theatre school more than a hundred years ago can hardly be used today, at least without careful analysis and selection, but they can serve as a creative impulse for the teacher. At the same time, Smolich's memoirs provide a rare opportunity to understand an important stage in the development of Russian theatre pedagogy.

Keywords: theatre history, actors training, stage speech, acting, Alexandrinsky Theater, Stepan Yakovlev, Nikolai Smolich.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-14-22

Отечественная традиция обучения и воспитания актера уже более столетия связана с системой К. С. Станиславского. Педагогические концепции В. Э. Мейерхольда, Б. Брехта, Е. Грозовского, как и многие другие, в российской театральной школе часто склонны сегодня рассматривать либо как альтернативу «системе», либо как дополняющие ее элементы. Но как учился актер до возникновения системы Станиславского? И какие тенденции развивались в сценической педагогике параллельно с его поисками? Даже в профессиональной среде присутствует мнение, что вплоть до оформления системы в его ключевых работах обучение актера носило индивидуальный и вместе с тем стихийный, методологически неопределенный характер. Это, конечно, не так. Станиславский опирался не только на практический опыт, но и на принципы своих учителей сцены – Гликерии Николаевны и Александра Филипповича Федотовых. Однако каковы были эти принципы, составляли ли учебные задания, упражнения, тренинги некий целостный метод? И как развивались параллель-

но с системой Станиславского на рубеже веков другие методологии воспитания актера? Впервые публикуемые фрагменты воспоминаний актера и режиссера Николая Васильевича Смолича [6], посвященные педагогической деятельности другого ученика А. Ф. Федотова – С. И. Яковлева, – дают на эти вопросы вполне определенные ответы.

Николай Васильевич Смолич (1888–1968) в 1911–1917 годах был актёром, с 1916 – режиссёром Александринского театра, в 1920–1924 годах – руководителем художественной части. Этому периоду его творческой жизни посвящено исследование Е. В. Третьяковой [8]. В 1924–1930 годах Смолич руководил Малым оперным театром (ныне вновь Михайловский театр) в Ленинграде, в 1930–1938 – фактически был главным режиссёром, в 1947–1948 – режиссёром Большого театра (Москва), в 1938–1947 – главным режиссёром, позже директором и художественным руководителем Киевского театра оперы и балета им. Т. Г. Шевченко (в годы войны – в эвакуации в Уфе и Иркутске). Воспоминания Смолича, с том

числе впервые публикуемые в настоящей статье фрагменты из них, написаны, судя по некоторым деталям текста, в середине 1950-х годов. Между описываемым периодом и временем, когда воспоминания создавались, колоссальная, полувековая дистанция, насыщенная к тому же многочисленными сложными перипетиями, отнюдь не только личного характера. Перед нами – мемуары состоявшегося актера и режиссера, в недавнем прошлом – руководителя нескольких театров, одного из лидеров авангардного музыкального театра 1920-х годов, а впоследствии несколько разочарованного, но весьма титулованного мэтра советского оперного искусства. Однако Смолич пишет о методике обучения заинтересованно и деловито, как педагог. С 1912 года Смолич преподавал на частных драматических курсах Привано, потом в Школе актерского мастерства, а в 1920 году открыл в Петрограде свою собственную студию (в Эртелевом переулке), просуществовавшую до 1923 года. В 1950–60-х годах Смолич вернулся к педагогической деятельности, став профессором режиссерского факультета ГИТИСа.

Педагогами Смолича были С. И. Яковлев, В. И. Давыдов и А. И. Долинов (первые двое руководили курсами, последний был его непосредственным педагогом). Однако определяющим развитие молодого артиста стало воздействие Яковлева. «Давыдов, – пишет Смолич, – понимал сцену и актерское мастерство совершенно так же, как и Яковлев, но воздействовал больше на интуицию ученика и его воображение, чем путем обобщенных методов. Очевидно, так же учились его предшественники и так же, очевидно, они учили и его самого. Для способных учеников этот метод оказывал разительную помощь, а малоспособным мало и помогал» [6].

Степан Иванович Яковлев (1870–1912) окончил то же Императорское театральное училище по классу В. Н. Давыдова. Сразу же по окончании, в 1893 году, был принят в Александринский театр, где с некоторыми перерывами (когда он играл в Малом театре в Москве, в Театре Литературно-художественного общества в Петербурге и в Вильно – в театре Незлобина) служил до раннего своего ухода из жизни. Яковлев был ярким характерным артистом, блестящим мастером

комедии¹. В некрологе рано ушедшему артисту журнал «Студия» писал: «В Москве долгое время его “затмевали” Рыбаков и Ленский, с которыми ему приходилось играть в очередь, в Петербурге его “заслонила” фигура Давыдова. Между тем, публика любила Яковлева: подвижная мимика открытого, приветливого лица, широкий жест, вся его вдумчивая игра, замечательно тонкая передача психологии изображаемых лиц – все это резко выделяло покойного из среды сотоварищей по сцене, ставило его наравне с колоссами Александринской сцены: Давыдовым, Варламовым, Савиной и Стрельской. Несколько лет тому назад Яковлев был приглашен преподавателем на Императорские педагогические курсы и выказал недюжинные педагогические способности» [3, с. 24].

Свой курс в театральном училище Яковлев вел в 1906–1909 годах. Описывая способ преподавания Яковлева, Смолич отмечал его выстроенность (недаром употребляя слово «система»), но вместе с тем простоту и логичность:

«Система его проста, удобопонятна и не пестрит умствованиями “от лукавого”, замысловатой терминологией, проникшей в это дело с дилетантских потуг Сергея Волконского² и других богоискателей в иностранных словарях.

С другой стороны, задача не легка, так как в деле творчества всякая педагогика должна быть

¹ Среди лучших ролей Яковлева – Фамусов («Горе от ума» А. С. Грибоедова), Осип в «Ревизоре», Подколесин в «Женитьбе» Н. В. Гоголя, персонажи А. Н. Островского: Елеса («Не было ни гроша, да вдруг алтын»), Подхалюзин («Свои люди – сочтемся»), Бальзаминов («Праздничный сон – до обеда»), в особенности Константин («Сердце не камень»); Лопухин («Вишневый сад» А. П. Чехова), Лебедев («Идиот» Ф. М. Достоевского), Муромский («Свадьба Кречинского» А. В. Сухова-Кобылина) и другие. «Ежегодник императорских театров» в некрологе писал, среди прочего, что «очень удавался ему Кулыгин в “Трех сестрах” Чехова, но попытки Яковлева играть роли с драматической окраской, а также роли, требовавшие изящества, были не так успешны» [4, с. 133]. См. также [2; 5].

² Ироническое отношение Смолича вызвали, видимо, работы русского театрального деятеля, князя Сергея Михайловича Волконского, посвященные ритмической гимнастике. В них он развивал идеи музыкально-ритмического воспитания Э. Ж. Далькроза и систему выразительных жестов Франсуа Дельсарта.

таковой, важна не теория системы, а почти неуловимые способы ее применения на учащихся» [6].

Яковлев, будучи выпускником класса В. Н. Давыдова, учился у выдающегося актера, известного педагога Александра Филипповича Федотова, артиста Малого театра в Москве, некоторое время работавшего в Александринском театре и в петербургском Императорском театральном училище. Федотовская школа, несомненно, оказала определяющее воздействие на педагогические идеи Яковлева. Смолич пишет:

«Система Федотова в свое время легла <в> основу театральной педагогики в России в ее систематизированном виде.

В прежние времена, как известно, преподавание сводилось к прохождению ролей умудренного опытом актера с начинающим, который свято верил в своего руководителя. Таким образом готовились на сцену сотни наших корифеев. Биографические очерки и воспоминания о них часто указывают, как совершались первые шаги талантов, достигших вершин своего мастерства. Так учились Асенкова, Мартынов, Щепкин, Самойлов и очень многие другие и даже наши современники, как, например, Давыдов.

Но театров стало больше, потребность в актере выросла, и исторически театр подошел к необходимости огульного воспитания актеров целым классом. Тогда же стала складываться педагогически обоснованная школа, в которой, несомненно, система Федотова заняла одно из основных мест, и, главным образом, по ней, с небольшим, в сущности, отступлением, сложилась программа нынешнего преподавания так называемого «сценического искусства»» [6].

Говоря «нынешнего», автор мемуаров имеет в виду как раз ситуацию 1900-х годов. Логика Смолича вполне обоснована – в конце XIX века в театральной педагогике происходит массовый переход от индивидуальных занятий к групповым, коллективным, в начале XX века именно это обстоятельство повлечет за собой формирование феномена студийности. В ориентированном на слово драматическом театре конца XIX века мастерство актера и сценическая речь еще не выделялись в отдельные дисциплины, и именно занятия по *сценической речи* занимали в курсе обучения центральное место.

«Яковлев действительно был большим мастером в вопросе постановки голоса. Нечего го-

ворить, какое значение имеет голос для драматического актера, когда не только его достоинства, но даже недостатки зачастую создавали популярность его владельцу. Громадное внимание уделял Яковлев дыханию, которое, по его убеждению, не только давало будущему актеру возможность свободно пользоваться одним из главных органов его воздействия, но, кроме того, влияло на здоровье, столь необходимое в таком интенсивном творчестве, как искусство актера.

Яковлев приводил примеры, когда в содружестве с его приятелем, профессором Коровиным³, им удавалось излечивать туберкулезников системой этих упражнений.

После освоения учащимися правильного способа вдыхать, выдыхать и экономить дыхание главной заботой Степана Ивановича являлось, чтобы каждый звук, произнесенный упражняющимся, был, по его выражению, как бы «обволокнут дыханием», чтобы звук свободно, сочно и благозвучно вылетал из правильно открытого рта, чтобы между стенками горла и самим звуком, если так можно выразиться, было бы не пустое пространство, а пространство, насыщенное воздухом. Этим способом достигалась чистота звука, чуждая горлового оттенка, треска или рези в горле. Таким образом, воспитанный орган дает возможность актеру пользоваться им без утомления и реакции на протяжении большого и трудного спектакля. Ряд упражнений с гласными и согласными буквами, как составными элементами нашей речи, упражнение губ, руководящих формой звука, и специальные упражнения для исправления недостатков речи, которых, и весьма метких, и правильных, на всяких случаях у Степана Ивановича <была> масса, составляли круг наших занятий первого цикла.

Особое внимание уделялось отработке основных гласных: А, Е, И, О, У, твердых согласных: Г, К, Д, Т и шипящих. В речи актера, говорил Яковлев, согласные должны занимать тоже почетное место, как и гласные, весьма порочные в петербургском наречии. Особенно буква «Т» зачастую произносится петербуржцами как «Ц». Например, *цётя*⁴ вместо тётя, *целятина* вместо телятина и т. д. В основном актерском языке яв-

³ Известный в конце XIX века петербургский врач, фтизиатр, пульмонолог.

⁴ Здесь и далее курсив в цитатах – авторское подчеркивание мемуариста.

ляется московское наречие с его округлыми гласными и неослабленными согласными. Для правильного произношения гласных – правильное дыхание и тренированные губы играют решающую роль, а для четкости согласных необходим окрепший кончик языка. Правильная позиция рта, языка и дыхания, обеспечивающие работу резонаторов, являются средством, гарантирующим четкую дикцию, одно из первых правил актерского устава.

Чего категорически не допускал Яковлев, это произношения упражняемых букв нараспев. Четкий, оперный звук, охватывающий коконом выдыхаемого воздуха, должен быть компактен, четок, полнозвучен и в меру лаконичен. Ни в коем случае буква не должна вырождаться в ноту. Если существует напевность в разговорном языке различных народностей, то она зависит от архитектуры фразы, а не от механического выпевания слов.

Для упражнения голосом Яковлев всегда брал басню, преимущественно крыловскую, а не вошедший в моду гекзаметр, мотивируя это тем, что героический стиль этого размера невольно прививает учащимся повышенный, лишенный гибкости и простоты тон речи. Невольное формирование мешает упражнению, а впоследствии даже сказывается и на сценической речи, что и было явно заметно на учениках А. И. Южина и Ю. М. Юрьева.

Между прочим, современная манера чтения стихов, особенно на эстраде, с легкой руки выдающихся мастеров, стала для многих наших актеров модным каноном. Этот “канон”, рожденный когда-то в XVIII веке школой французских придворных актеров, давно был опорочен реалистическим театром и изжит последующими поколениями. Особенно странно видеть его возрождение в наш демократический век у советских актеров. Есть выдающиеся мастера слова, обладающие исключительно красивым голосовым аппаратом, которые во имя этой красоты заставляют нас забывать о некотором злоупотреблении своей манеры, зато их эпигоны способны привести в сострадание любое эстетически настроенное ухо. Можно себе представить, что бы испытал Пушкин или желчный Лермонтов, услышав свой стих в интерпретации некоторых наших мастеров “художественного слова”.

Как же получалась такая сила выразительности у прежних мастеров, вроде Давыдова, Варламова, Яковлева, Стрельской, несмотря на то, что их чтение не нуждалось ни в каких кунштюках, ни в голосовых, ни в модуляционных?

В упрек Степану Ивановичу можно поставить его нередкое стремление понизить тембр голоса учащегося. Делалось это для того, чтобы удалить из разговорной речи пискливые, вирризирующие ноты, делающие речь весьма тривиальной. Но в этом отношении Яковлев порой и увлекался, теряя чувство меры, особенно у женщин, но то, что одним кажется излишним, в других вызывает чувство восхищения и, пожалуй, это больше дело вкуса, чем обоснованного суждения.

Вскоре наряду с чисто техническими упражнениями присоединяется чтение стихов, прозы и впоследствии басни. Я не хотел бы употреблять это слово “чтение”, так как в данном случае это как раз не чтение. Самое неодобрительное определение со стороны педагога бывало, когда, отпуская ученика, он говорил: “Это не годится. Вы *читаете*”. Тут нужно другое слово, другое определение, но изобретать термины “есть тьма искусников, я не из их числа”.

“Весьма зыбким следует считать утверждение некоторых, что произнесение стиха требует напевности, – говорит Яковлев, – что это органическая стихия стиха”. Несомненно, это близоруко. Стих своим ритмом, тактом, акцентом, размером, звучностью рифмы сам по себе выполняет свои законные функции, и безвкусно и бессмысленно их умножать. Желая найти оправдание этой манерности, иные указывают на манеру менестрелей и современных поэтов, производящих свои произведения нараспев. Но задачи поэта и актера в чтении стихов различны, цели их далеко не всегда совпадают. Поэт репрезентует слушателю архитектуру своего произведения, актер же – его эмоциональную сущность. В противном случае поэты сами бы играли свои пьесы, а между тем мы знаем, как нам порой трудно слушать чтение поэтов. Между тем внешняя манерность чтения наших чтецов зачастую убивает всякий, порой весьма глубокий смысл произведения, усыпляет, размагничивая нашу мысль и восприятие, и совершают очевидное зло, преподнося свежей, молодой аудитории произведения и мысли великих людей в форме, искажающей их творчество.

Ведь действительно, некоторые чтецы довели это извращение до геркулесовых столбов. Например, я с эстрады слышал пушкинскую строчку: “Итак, звалась она...” и после огромной паузы, целая рулада на слове “Татьяна”. Таких примеров без конца. А то и звукоподражание в духе аккомпанеента к арии Варяжского гостя: “На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн...”

Ударениями на слогах *олн, ум, олн* чтец пытался изобразить прибой и в своем композиционном увлечении заставил Петра и слушателей очутиться не на берегах Невы, а по меньшей мере океана, в час прилива или даже шторма.

То же и относительно цвета или окраски интонации. Например, ученик читает: “Перед ним развернулись *зеле-о-ные* поля”, и прав Яковлев, задав вопрос: “А как вы изобразите, если поля будут желтые? А если красные? А если белые?” И ученику нечего ответить. Многим из учеников нравятся гоголевские отрывки “Чуден Днепр” или “И кто же из русских не любит быстрой езды”. Но зачем делать из них подобие голосовых симфоний, зачастую весьма примитивных по построению и разнообразию красок. Эти отрывки сами по себе музыка, музыка слова, не требующая ни прикрас, ни аранжировки тех исполнителей, которые, не рассчитывая на свои артистические возможности, фальсифицируют их непрошенной напевностью и эти шедевры русской прозы снижают до опошления. Но порочным и нелепым является обращать стихи в прозу, придавая этим будто бы большую естественность интонациям. Тогда, спрашивается, для чего же многие пьесы пишутся в стихах, уж, наверное, не для того, чтобы их читали как прозу. Этим порочным приемом искажается не только стиль произведения, но зачастую и его смысл.

Но самым ярким в преподавательской манере Яковлева было, после того, как ученик сумеет понимать техническую правильность чтения стиха и прозы, направлять его так, чтобы все упражнения этого цикла имели своей исходной сферой – чувство.

Сколько высокомерных упреков, сколько умаления достоинства слышалось в кличке “нутро”, “нутровик”, которую некоторые пристегивали к дарованию Степана Ивановича. И кто же эти некоторые? Да те самые, которые бредили именем

трагика Томмазо Сальвини⁵, забывая, что особенно ярко выявлена эта всепоглощающая внутренняя сила именно у канонизированного ими мастера. Быть может, благодаря размеру дарования у Сальвини эта внутренняя сила, или найдите другое выражение, расценивалась ими по-другому.

И что, собственно, они называли “нутром”? Ту сумму и гамму душевных ощущений, которые наполняют существо творящего? Так как же и какой художник может это поставить другому в упрек? Возможно, что Степан Иванович порой и увлекался этой сущностью своего крупного дарования, быть может, и в этом случае он грешил чувством меры в глазах скептиков, как актер, но в воспитательном смысле слова для его учеников искренняя полнота человеческих чувств была, есть и будет тем спасательным поясом, с которым не страшно открытое море в самые бурные дни всевозможных колебаний и зачастую губительных исканий. Все остальные он называл: “тонким переживанием на одной струне”» [6].

Как и позднее, в рамках обучения, основанного на идеях Станиславского, важнейшей целью педагога по *актерскому мастерству* становилось *развитие актерского воображения*. Смолич рассказывает о конкретных упражнениях и заданиях, которые использовались в этих целях. Многие из них свидетельствуют о том, что методы Яковлева и Станиславского развивались параллельными путями (в частности, игра с воображаемыми предметами):

«Развитию фантазии уделялось огромное внимание. Брался описательный кусок прозы или стихов, и ученик должен был *a livre ouvert*⁶, ясно и четко представить себе описываемую обстановку и людей, чтобы каждая мельчайшая деталь не могла бы поставить его в тупик при вопросе: “В каком порядке висели картины у Плюшкина, как расположились мухи на поверхности жидкости в рюмке, как выглядели часы, чудовища во сне Татьяны, гостиная старосветских помещиков, галстух у Чичикова, чепец у Пульхерии Ивановны и т. д.”.

⁵ Великий итальянский актер Томмазо Сальвини (1829–1915), представитель так называемой «школы переживания», был высочайшим образцом и для В. Н. Давыдова, и для С. И. Яковлева.

⁶ «Открытая книга» – французское идиоматическое выражение. Здесь: без подготовки, с листа.

Другой способ, уже позднейший, то есть во второй половине первого курса, таков: например, представить себе сад, где собираешь цветы, и чтобы по твоим движениям можно было судить о их сорте и породе. Или двое фехтуют на воображаемых шпагах, написать письма, не имея никаких принадлежностей, кроме стола и стула, раздеться, не снимая с себя ничего, вычистить воображаемые сапоги, приготовить салат, вымыться под краном, которого, конечно, на сцене нет, и прочее. Легко вообразить на себе тот костюм, в котором будешь впоследствии играть и ощущать все его особенности.

Единственный преподаватель – это Степан Иванович, у которого только я видел и участвовал в занятиях по развитию и воспитанию темперамента, и этот предмет не был попутным, а вполне самостоятельным.

Упражнения, главным образом, сводились к следующему: брался монолог обращения или размышления, скажем, монолог Чацкого “А судьи кто?” и другие в этом роде и произносился в состоянии повышенного раздражения, потом гнева и, наконец, в приступе ярости.

Этим путем достигалась и вырабатывалась значительная степень нервного возбуждения, тренировалось распределение внутренних сил, дающих возможность учащемуся владеть ими и подчинять себе свой подъем так, чтобы не он владел исполнителем, а исполнитель постепенно научился владеть им.

Яковлев предупреждал, что не следует вначале думать о нарушении пределов эстетики, пластики и прочего, что с освоением основной задачи эти мелочи убрать легко и, наоборот, наиболее трудным является достигнуть искреннего подъема и горения, хотя бы и за счет некоторых внешних нелепостей.

На самом деле в любой отрасли труда мы можем наблюдать те же условия. Скажем, человек, взявший в первый раз в руки топор, пилу, рубанок, будет нелепо обращаться с ними так же, как танцор, получающий первый урок сложного танца, или гимнаст, или любой спортсмен могут в начале своей работы вызывать не только улыбку, но и смех наблюдателей, и это неизбежно; зато в процессе дальнейших упражнений он приобретает необходимую ему легкость, ловкость и пластическую прелесть. Движения его становятся увереннее, красивее, и он оперирует предметом,

употребляя постепенно все меньшую и меньшую затрату сил. Он в состоянии уже контролировать свое поведение и, наконец, воздействие на наблюдателя.

То же самое происходит и при упражнениях для развития темперамента. Как нелепо, странно и некрасиво выглядит начавший заниматься развитием дыхания, тело его напряжено, лицо краснеет, глаза вытаращены от непривычного состояния и старания, но потом он же достигает того, что, беря полное дыхание, проделывает это механически, незаметно для других и непривычно для себя.

В сценической педагогике, как и во многих процессах труда, легче снять лишнее, чем вызывать не выявленное, легче подстричь растение, чем вызвать его рост. Конечно, не у всех учащихся результаты одинаковы. Более горячие, возбудимые и нервные субъекты достигают цели скорее остальных, но и самые тугие тоже немного повышают в себе эту способность, что является основным качеством актерского мастерства. Подчас результаты этого раздела бывали разительными. Подавляющее количество учеников Яковлева обладали яркими темпераментами, что далеко не всегда достигается другими преподавателями» [6].

В соответствии с традицией Малого театра, в конце XIX века распространившейся в Александринском театре, роли выучивались про себя и впервые произносились лишь на сцене. Считалось, что это дает свежесть, естественность интонации. Смолич говорит о том, что его педагоги еще в 1900-х, вопреки уже распространившейся методике Московского художественного театра, «горячо отстаивали “федотовский завет” учить роли про себя, а не вслух, во избежание опасности приобретать и заучить “читабельные” интонации, лишённые естественности, которые против воли исполнителя плотно фиксируются слуховой памятью, от чего при всем старании впоследствии отделаться невозможно» [6].

Интересным представляется сравнить педагогические приемы Яковлева, описанные Смоlichem, с теми, о которых рассказывал в ранее опубликованных трудах его «одноклассник», товарищ по курсу – крупный русский советский режиссер и педагог Василий Осипович Топорков (1889–1970): «Мои занятия в школе, в течение трех лет с прекраснейшим педагогом, каковым

является Ст. Яковлев, дали мне ту основную канву, пользуясь которой, я до сих пор творил те или иные художественные образы. Не знаю, какие в дальнейшем театральные течения увлекут меня и “где мне смерть пошлет судьбина”, но думаю, что эта канва всегда останется для меня неизменной и руководящей. <... Наш учитель> за все три года наших совместных занятий ни разу не вошел на сцену, чтобы показать, “как надо играть”. Он ни разу не прибегнул к какому-либо режиссерскому фокусу, которым обыкновенно подкрашивают сценические спектакли, затуманивая тем их истинную ценность. Степан Иванович никогда не “натаскивал” своих учеников, но неизменно понуждал нас к самостоятельной работе и ценил в ней главным образом ее самостоятельность. “Пусть будет плохо, да зато свое”. “Цыплят по осени считают”, – постоянно говорил он по поводу критики наших ученических упражнений. Выпускные экзамены убедили даже самых закоренелых скептиков в правоте нашего учителя, и он познал плоды своего терпения и своей безусловно правильной системы. К глубокому сожалению, в виду безвременной кончины Степана Ивановича, наш выпуск был первым и последним его выпуском» (см. [1, с. 392]).

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1950 году, Топорков писал, что Яковлев оказался новатором драматической школы, отказавшись уже на первом курсе от декламации в пользу упражнений в словесном действии. Однако, по мнению Топоркова, Яковлев – актер колоссального и стихийного темперамента – «не знал еще тех сложных обходных путей к пробуждению в актере подлинных чувств, подлинного живого органического темперамента, не знал тех “калиток”, через которые наиболее верно можно прийти к желанной цели и которые впоследствии нашел Станиславский.

Ст. Яковлев сворачивал с верного пути, на котором стоял первое полугодие занятий, и становился на запретный путь насилия над чувства-

ми. <...> У Ст. Яковлева не было сомнений в том, что у актера прежде всего должен быть темперамент. <...> Он даже применял особый вид воздействия на актера – подбадривающее топание ногой по полу во время репетиции, в то время как было бы правильнее остановить актера, “рвущего в клочки страсть”, успокоить его и повести по линии мысли, видений и других элементов, которыми пользовался в своей работе Станиславский» [7, с. 20–21].

При всем пиетете перед талантом учителя Топорков смотрит на приемы Яковлева как на отжившую архаику. Его оценки, однако, сделаны уже после длительного сотрудничества со Станиславским, – не только с мхатовских позиций, но и в контексте официальной (а в 1940–1950-х еще и предельно идеологически жесткой) установки на то, что система не только наилучший, но и единственно возможный путь развития, существования и воспитания актера.

Вернемся к мемуарным заметкам Николая Смолича. Они (будучи написаны не для непосредственной публикации, и к тому же в изменяющейся обстановке второй половины 1950-х годов) от однозначных оценок свободны. Смолич был хорошо знаком с Вс. Э. Мейерхольдом, находился под его несомненным влиянием, возможно, и поэтому во многом расходился во взглядах с Топорковым.

Мемуары Смолича – важный источник для осмысления подходов к работе и обучению актера, в этом и состоит их несомненная ценность. Методы обучения, которые практиковались в Императорском театральном училище более ста лет назад, вряд ли могут использоваться в наши дни, по крайней мере, без тщательного анализа и отбора. Вместе с тем воспоминания Смолича дают редкую возможность осмыслить важный этап развития отечественной театральной педагогики. Ничто не возникает из ничего, и новые материалы дают возможность увидеть истоки не только системы Станиславского, но и следующих за нею педагогических концепций.

Литература

1. Актеры и режиссеры / сост. С. Кара-Мурза и Ю. Соболев, ред. В. Лидин. – М.: Современные проблемы, 1928. – 456 с.
2. Далматов и Яковлев // Ежедневник государственных академических театров. – 1922. – № 4. – С. 12.
3. Памяти С. И. Яковлева // Студия. – 1912. – № 34–35. – С. 24.
4. С. И. Яковлев // Ежегодник императорских театров. – 1912. – Вып. 7. – С. 133.
5. С. И. Яковлев // Исторический вестник. – 1912. – Т. 74, вып. 7. – С. 72.

6. Смолич Н. В. Воспоминания // Государственный архив-музей литературы и искусства Украины. – Киев. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 20.
7. Топорков В. О. К. С. Станиславский на репетиции. – М.; Л.: Искусство, 1950. – 191 с.
8. Третьякова Е. В. Николай Васильевич Смолич // Сюжеты Александринской сцены. – Т. 2: Актеры. Режиссеры / ред.-сост.: Л. С. Данилова, А. Ю. Ряпосов, В. В. Сомина. – СПб.: Левша, 2018. – С. 218–237.

References

1. *Aktery i rezhissery [Actors and Directors]*. Compiled by S. Kara-Murza i Yu. Sobolev, Ed. V. Lidin. Moscow, Sovremennye problemy Publ., 1928. 456 p. (In Russ.).
2. Dalmatov i Yakovlev [Dalmatov and Yakovlev]. *Ezhenedel'nik gosudarstvennykh akademicheskikh teatrov [Weekbook of State Academic Theatres]*, 1922, no. 4, p. 12. (In Russ.).
3. Pamyati S.I. Yakovleva [In memory S.I. Yakovlev]. *Studiya [Studio]*, 1912, no. 34-35, p. 24. (In Russ.).
4. S.I. Yakovlev. *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov [Yearbook of Emperors Theatres]*, 1912, iss. 7, p. 133. (In Russ.).
5. S.I. Yakovlev. *Istoricheskiy vestnik [Historian Gerald]*, 1912, vol. 74, iss. 7, p. 72. (In Russ.).
6. Smolich N.V. *Vospominaniya [Memoires]*. *Gosudarstvennyy arkhiv-muзей literatury i iskusstva Ukrainy [Ukraine State Archive-Museum of Literature and Arts]*. Kiev, F. 71, Op. 1, D. 20. (In Russ., unpublished).
7. Toporkov V.O. *K.S. Stanislavskiy na repetitsii [Stanislavskiy on Rehearsal]*. Moscow; Leningrad, Iskustvo Publ., 1950. 191 p. (In Russ.).
8. Tretyakova E.V. Nikolay Vasilyevich Smolich. *Syuzhety Aleksandrinskoy stsény. Tom 2. Aktery. Rezhissery [Subjects of Alexandrinsky Stage. Vol. 2 Actors. Directors]*. Editors-compilers: L.S. Danilova, A.Yu. Ryaposov, V.V. Somina. St. Petersburg, Levsha Publ., 2018, pp. 218-237. (In Russ.).

УДК 792.01

РЕЖИССЁРСКИЕ СТРАТЕГИИ В ПОСТДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ: СПЕКТАКЛЬ-МИСТИФИКАЦИЯ

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, доцент, декан факультета режиссуры и актерского искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Крылов Иван Александрович, старший преподаватель кафедры театрального искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: kryloff_ivan@mail.ru

Актуальность темы связана с осмыслением значимости постдраматических техник в отечественном театре. Цель статьи авторы соотносят с экспликацией мистификации как режиссёрской стратегии, принадлежащей концепции постдраматизма в театральном искусстве. Приводятся доказательства подрывающего влияния концепции постдраматического театра на традиционную модель театральной структуры в контексте взаимодействия «драматург – режиссёр – актёр». Указываются факты замены в российском театре привычных и основных методов работы режиссёра с художественным текстом (толкование/интерпретация) на деконструкцию, монтаж литературных произведений разных эпох, смешивание культурных кодов, а также отчуждение от первичных, заложенных в первоисточнике, авторских смыслов. Эмпирическим материалом, аргументирующим позицию автора статьи, избраны спектакли кемеровских театров. На теоретическом уровне театральная мистификация рассматривается как факт расторжения ранее сложившихся в театральном пространстве союзов: «литература – театр», «драматург – режиссёр», «пьеса – спектакль». Формулируется тенденция отказа современных режиссёров выстраивать спектакль, придерживаясь идеи, композиции и конструкции литературного первоисточника. В качестве причин актуализации постдраматической концепции на отечественной сцене указываются такие намерения современных режиссёров, как стремление к полноценному авторству в отношении созданного ими спектакля, постулирование субъективной точки зрения при взаимодействии с литературным источником. В качестве общей особенности развития постдраматической концепции в отечественном театре называется приём текстопорождения, который позволяет создавать вербальную

(текстовую) основу спектакля всем участникам репетиционного процесса. Факт усиления значимости постановщика в постдраматическом театре аргументируется расширением функций режиссёра, связанных с работой над текстом, дописыванием или переписыванием литературного первоисточника в процессе коллаборации «режиссёр – актёры» с вычитанием из этого процесса автора/писателя/драматурга. Семантическая неоднозначность постановки-мистификации аргументируется через аспекты намеренного отказа от авторского текста и вовлечения зрителя в пространство театральной игры смыслами спектакля. Приводятся доказательства освоения мистификации как стратегии, выступающей практическим экспериментированием с постдраматическим инструментарием, формирующей уникальный опыт создания спектакля, способствующей овладению новыми выразительными средствами в области режиссуры.

Ключевые слова: постдраматический театр, режиссёрская стратегия, спектакль-мистификация, приём текстопорождения, деконструкция, коллаборация «режиссёр – актёры», игра смыслами спектакля.

PRODUCER STRATEGIES IN THE POSTDRAMA THEATER: PERFORMANCE-MYSTIFICATION

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, Associate Professor, Dean of Faculty of Direction and Performing Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Krylov Ivan Aleksandrovich, Sr Instructor of Department of Theatre Art, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kryloff_ivan@mail.ru

Actuality of the article theme is connected with the comprehension of the postdrama technics in Russian theater. The authors correlate purpose of the article with explication of mystification as producer strategy, which belongs to the concept of postdrama theatre art. They are given the proofs of the influence of the concept of postdrama theater, it undermines the traditional model of theatre structure in the context of interaction “playwright-producer-actor.” The facts of replacement in Russian theater of the producer’s customary and basic methods with the artistic text (interpretation) deconstruction, literary works installation of different epochs, mixing of the cultural codes are indicated here. The performances of Kemerovo theaters are where empirical material argues the author position. At the theoretical level, theatrical mystification is considered as the fact of dissolution of earlier theatre space unions: “literature-theater,” “playwright-producer,” “play-performance.” As reasons for updating the postdrama concept on our stage are indicated such intentions of contemporary directors’ tendency toward view postulation of interaction with literary source. As common special feature of postdrama concept development in our country theater is called the method of text delivery, which makes possible to create the verbal (text) basis of play to all participants in the rehearsal process. The fact of strengthening the significance of producer in the postdrama theater argues by expansion of the producer functions, connected with the work on the text, in the process of collaborates “producer-actors” with subtraction from this process of the author/writer/playwright. The semantic ambiguity of setting-mystification argues through the aspects of intentional failure of the author’s text and involvement of spectator in the theatre space by the senses of play. The proofs of mastery of mystification as strategy, which is practical experimentation with postdrama facilitates mastery of new expressive means in the region of direction, are led.

Keywords: postdrama theatre, producer strategy, performance-mystification, the method of text delivery, deconstruction, collaboration “producer-actors,” play of the performance meanings.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-22-31

До конца XX века всепоглощающей реальностью российского театра являлось искусство интерпретации. Театровед, доктор философских

наук Р. Р. Тазетдинова, рассматривая феномен художественного текста в статье «Интерпретация художественных образов как составная часть

режиссёрского анализа литературного первоисточника», предлагает режиссёрам воспринимать литературное произведение (художественный текст) как загадку, «пытаясь разрешить которую, режиссёр анализирует, интерпретируя, и интерпретирует, анализируя» [13]. Исходя из этого утверждения, можно предположить, что в большинстве случаев отечественная режиссура всегда стремилась концентрироваться и подчиняться литературе, тем самым как бы принимая на себя роль обслуживающего и второстепенного вида искусства. Так как, разгадывая литературный первоисточник, режиссёр завязан, в первую очередь, на понимании текста и его трактовке, то следует отметить, что режиссёрское толкование художественных образов, по мнению Р. Тагетдиновой, должно быть рождено из того, как понял художественный текст автора режиссёр. Но к концу XX столетия режиссёрское искусство испытывает кризис из-за круга ограниченности интерпретаций (толкований). Российский театровед, театральный критик, кандидат искусствоведения Павел Руднев в своих лекциях часто именует XX век веком интерпретаций и толкований для мирового театра. Констатируя этот факт, П. Руднев вменяет в вину режиссёрскому искусству начала XXI века избыточность трактовок и недостаток оригинальности.

В первое десятилетие XXI века ситуация в российском театре начинает меняться. Появляются спектакли, свидетельствующие о приходе эры постдраматической концепции в отечественное театральное пространство. Современные режиссёры в своих постановках всё чаще совершают акт разрыва театра и литературы в сфере «обслуживания». Для российских режиссёров Ю. Бутусова, А. Жолдака, А. Могучего, Д. Крымова, К. Серебренникова, К. Богомолова, Я. Туминой театральное действие и пространство видятся без текстологической и текстоцентрической опоры. В среде современных режиссёров просматривается тенденция создания спектакля, в котором литература (текст), вербальная основа может создаваться во время репетиционного процесса, то есть «здесь и сейчас». Режиссёры в современном театре всё чаще занимают место драматурга, создавая собственную литературную структуру и драматическую ткань спектакля. Так, П. Руднев, осмысливая тенденцию отказа современного теа-

тра «обслуживать» литературу, приходит к выводу, что «постдраматический театр не берет готовую литературу на вооружение. Текст спектакля, замысел спектакля формируется всеми участниками творческого акта с нуля, одномоментно. Никто не находится по отношению к другому в состоянии “подрядчик – заказ”» [11]. Стремительное развитие постдраматической концепции в отечественном театральном искусстве децентрализует основные категории режиссуры: толкование и интерпретацию. Режиссёры всё чаще на сценической площадке не интерпретируют и растолковывают автора, писателя, драматурга, а создают собственные оригинальные пьесы, пользуясь классическими героями и сюжетами для усиления своего авторского присутствия. Тенденция вмешательства режиссёров в литературное произведение (текстовую основу) как в первоисточник нередко используется представителями постдраматического театра. Следует заметить, что подобная тенденция закономерно связана с желанием современного человека (художника, режиссёра, актёра, перформера) не фиксировать и описывать сложившиеся ситуации, а действовать и изменять реальность, которая его окружает. Такого рода стремления приводят режиссёров (художников, актёров, перформеров) к полноценному и единоличному авторству в отношении созданного спектакля.

Процесс активного вмешательства режиссёра в литературный источник посредством сокращения текста автора (драматурга), а также добавления собственно сочиненного, отказ от тех или иных персонажей, предложенных в авторском варианте, и при этом введение новых героев – для концепции постдраматического театра являются закономерностями. На российской театральной сцене начиная со второй половины нулевых годов XXI века происходит процесс экспансии спектаклей, в которых авторский текст (первоисточник) заменяется режиссёрским (дописанным или переписанным текстом, полученным в результате коллаборации «режиссёр – актёры»). Явным лидером в области препарирования текстового (литературного) начала в спектакле смело можно назвать режиссёра Константина Богомолова. Для К. Богомолова литературный материал, представленный автором в виде пьесы, рассказа, повести, является всего лишь поводом для сочинения

собственного текста, служащего основой сценической постановки, спектакля-мистификации. «Wonderland-80» по произведениям С. Довлатова и Л. Кэрролла, «Идеальный муж. Комедия» по мотивам произведений О. Уайльда, «Мушкетёры. Сага. Часть первая» по мотивам романа А. Дюма, «Лир» по мотивам У. Шекспира, «Турандот» по К. Гоцци и Ф. М. Достоевскому – это особенно яркие спектакли К. Богомолова, реализующие идею мистификации – приёма текстопорождения.

Однако примеры использования мистификации как приёма текстопорождения можно наблюдать и на театральных сценах регионов России. Правда, материалов о творческих поисках театров провинции немного, и все же они есть. Например, о развитии современного театрального искусства в Кузбассе пишут в последние годы Н. Л. Прокопова (см. [5; 6; 7]), В. В. Чепурина (см. [5; 14; 15]), Т. А. Григорьянц (см. [3; 4; 5; 10]), М. М. Сабелев (см. [12]), И. А. Пузырёва (см. [9; 10]). Следует отметить, что адаптация постдраматических техник на профессиональной театральной сцене города Кемерово находится в движении от тенденции к закономерности. Анализируя спектакли кемеровских театров, созданные в опоре на постдраматические структуры, предполагаем, что мистификацию возможно определить как режиссёрскую арт-стратегию в контексте постмодернизма. Например, в Кемеровском театре для детей и молодёжи режиссёр Ирина Латынникова осуществила постановку спектакля «Про Любовь и Нелюбовь». Спектакль И. Латынниковой построен на отказе от традиционного способа постановки по определённому тексту. Последняя премьера 84 театрального сезона Кемеровского областного театра драмы, спектакль «Ай да Пушкин!», поставлена режиссёрской группой – Анастасией Остапенко, Антоном Остапенко, Иваном Крыловым и главным режиссёром театра Антоном Безъязыковым. Эта премьера служит наглядным примером работы режиссёра с пушкинским текстом. «Повести Белкина» рассматриваются здесь в разноректорных направлениях, от литературного спектакля к драматическому, а затем к осовремениванию классического текста с переходом в отказ от текстовой основы великого классика с использованием постдраматических структур. Спектакль «Ай да Пушкин!» стратегически представлен как своего рода театральный альманах. Спектакль

режиссера А. Джунтини «Travel-in-drama», также поставленный на сцене Кемеровского театра драмы, являет собой каскад постдраматических техник, которые при рассмотрении складываются в режиссёрскую арт-стратегию создания спектакля. Таким образом, анализ и эксплицирование подобных режиссёрских проб способствуют укреплению основ постдрамы в театральном пространстве не только столиц, но и регионов.

Нельзя не отметить, что развитие современной театральной культуры начиная с нулевых годов XXI века и по настоящее время сфокусировано на изменении характера чтения и радикальном преобразовании звучания классических текстов с театральной сцены. Кризис трактовки классических текстов приводит современных режиссёров к поиску уникальных и порой маргинальных смыслов в работе над классическим произведением. Такие режиссёрские фигуры, как Анатолий Васильев, Роман Виктюк, Андрей Могучий, Андрей Жолдак, Дмитрий Крымов, Юрий Бутусов, Кирилл Серебренников и Константин Богомолов, являются яркими адептами подрыва традиционной режиссуры, основанной на закономерном толковании и прочтении драматургического и литературного материала для создания сценических версий спектаклей в контексте интерпретаций. Ряд названных режиссёров сочиняет спектакли, в которых не сохраняется в исторической неприкосновенности первоисточник. Они свободно монтируют в своих спектаклях литературу разных эпох, сочетают несочетаемое, активно перемешивают культурные коды, актуализируя классические произведения приметами современной жизни. Названные выше режиссёры в своих спектаклях нарочито подчёркивают театральную природу созданного ими сценического действия.

Полагаем, что аспект мистификаций в отечественном театроведении только начинает разрабатываться, как, впрочем, и вся теория, связанная с постдраматическими структурами в театре. Если театральные критики и искусствоведы в своих статьях и рецензиях только фиксируют в постдраматических спектаклях мистификацию как приём подмены авторского первоисточника режиссёрским текстом, то лингвисты и литературоведы анализируют и трактуют термин «мистификация» в аспекте литературного художественного приёма. Под термином «литературная мистификация»,

как правило, понимается введение в заблуждение третьего лица (читателя, зрителя). Е. Ланн рассматривал «литературную мистификацию» в социологическом аспекте, а И. Л. Попова – в историко-функциональном. И. П. Смирнов и Е. Ю. Генниева в своих исследованиях атрибутировали «литературную мистификацию» как феномен культуры. Исследователи Д. Рицци, Н. Пхасарьян, Н. С. Гулиус рассматривали природу мистификации на материалах авторов XX века в ракурсе жанрового своеобразия. В свою очередь, В. А. Козаровецкий дефинировал мистификацию как укрупнённый знак и предмет игры. В настоящее время понятие «мистификация» в искусствоведении осмыслено не в полной мере. И его применение в анализе спектакля, как правило, ограничивается указанием отдельных ему принадлежащих свойств. Так, профессор Кемеровского государственного института культуры Н. Л. Прокопова, анализируя спектакль Кемеровского театра для детей и молодёжи «Про Любовь и Нелюбовь» (режиссёр И. Латынникова), приходит к выводу, что речевая сторона спектакля – «это так называемые литературные мистификации, которые и выступают в качестве “пространства воспоминаний” известных прозаических, поэтических и драматургических текстов XIX и XX веков» [8, с. 156]. В этом смысле Н. Л. Прокопова указывает на вторичность (по меньшей мере, сюжетную) речевой основы спектаклей-мистификаций. Кроме того, она отмечает, что текст спектакля придумывается актерами (см. [8, с. 156]). Заметим, что Н. Л. Прокопова не ставит в статье «Постдраматические театральные знаки в драматических спектаклях» цель конкретизировать используемую режиссёром стратегию решения, а лишь указывает на некоторые свойства спектаклей-мистификаций, соотносимые с театральными знаками постдраматических структур. Но, основываясь на литературоведческом и лингвистическом понимании термина «мистификация», можем предположить, что и театральная, и литературная мистификация имеют общие черты и корни. Думаем, что театральная, также как и литературная, мистификация не является тождественным понятием таким терминам, как: «подделка», «псевдонимия», «подражание», «стилизация», «пародия», «пастиш». На наш взгляд, театральная мистификация являет собой

самостоятельную стратегию в контексте создания спектакля, так как воплощается она из частного, личного и субъективного видения режиссёра, где исходными установками служат тезисы: «так я вижу», «так я чувствую» и «так я хочу». Подобные установки сдвигают, устраняют или опровергают накопленные культурно-исторические смыслы, закрепившиеся за литературным первоисточником, и выводят на первый план субъективные эмоции, впечатления режиссёра от соприкосновения с художественным текстом. Тем самым подтверждается факт рассогласования между автором литературного произведения и автором спектакля, что позволяет нам предполагать отсутствие сопряжения «мистификации» с такими выше названными терминами, как: «подделка», «псевдонимия», «подражание» и т. д. Режиссёр, пользуясь мистификацией как стратегией в решении спектакля, обретает практическую свободу в отношении создания уникального смысла во фрейме давно всем известного сюжета, при этом не подражая и не пародируя авторский первоисточник. Рассматривая мистификацию как приём театрального текстопорождения, режиссёры осуществляют передачу собственного сообщения/концепта/месседжа зрителю в виде театральной игры без копирования, имитации и подражания оригиналу, создавая собственный языковой модуль с опорой на литературный факт. Отметим, что отношение к литературному произведению в целом как к факту позволяет режиссёрам постдраматического театра не пересказывать историю, заложенную автором произведения, а передавать собственные эмоции, впечатления и ощущения от взаимодействия с этим литературным фактом.

Современный театральный режиссёр теперь в большей степени выявляет своё авторское «Я» во взаимодействии с литературой, нежели рассказывает или иллюстрирует в сценическом пространстве написанную автором историю. Виктор Вилисов, театральный критик и блоггер, рассматривая основные свойства постдраматического театра в отношении литературы в книге «Нас всех тошнит: как театр стал современным, а мы этого не заметили», приходит к выводу, что, «напитываясь перформативными практиками, театр адаптирует его основные методы: деконструкция смысла, обращение к самому себе и тематизация самого себя, выворачивание наружу внутренних механизмов

своей работы, сдвиг от игры/актёрства (acting) к исполнению (performing), критика репрезентации и иллюзии, проблематизация базовой структуры субъективности, выбор нетеатральных мест для показа спектакля, участие в представлениях больных и покалеченных, страдающих ожирением или анорексией людей, разные формы насилия перформеров над собственным телом прямо в рамках спектакля» [2, с. 63–64]. Опираясь на выводы театрального критика, смеем предположить, что мистификация как режиссёрская стратегия и есть прямое проявление свойств постдраматического театра, указанных В. Вилисовым: «...обращение к самому себе и тематизация самого себя». Именно важность столкновения «самого себя» с литературным фактом позволяет создать «живой» спектакль – мистификацию, где режиссёрское вмешательство и вторжение в текст оригинала позволяет воплотить свободное театральное сочинение без диктатуры конкретного литературного произведения. Подобное вмешательство и вторжение в авторский первоисточник не только постулирует и укрупняет фигуру режиссёра, но и репрезентирует его эмоционально-чувственное восприятие в художественно-сценическое событие. Думаем, что мистификация позволяет режиссёрам, отказавшись от всякой последовательности, создать на сцене не клишированное событие, замкнутое в конструкции первоисточника, а наделенное ярко выраженным личностным смыслом с индивидуальной (неповторимой) интонацией.

Для понимания термина «мистификация» предлагаем использовать определение профессора Института славистики Польской академии наук, искусствоведа и литературоведа Гражины Бобилевич: «Мистификация – это не столько цель, действие, направленное на конкретные произведения искусства, сколько определенная арт-стратегия, творческий метод, средство художественного выражения» [1]. На наш взгляд, именно такое понимание мистификации точно отражает конструктивную попытку современных режиссёров высвободиться от текстологичности и текстоцентричности в отношении постдраматического спектакля. Отметим сразу, что по своей природе спектакль-мистификация имеет целью не столько вкладывать смыслы, сколько вовлечь зрителя в игру со смыслами, причем рожденными в процессе этой же игры. Ведь режиссёр-

мистификатор погружает зрителя не в текст (каким бы художественно-образным он ни был), а в собственную картину мира и в своё мировоззрение. Зритель тем самым становится соучастником ритуала мистификации, ему предлагается не просматривать очередное толкование/интерпретацию классического текста, а проникать в восприятие режиссёра, который находится в диалоге с первоисточником.

Примером подобной мистификации на театральной сцене является спектакль «Travel-in-drama» режиссёра Алессандры Джунтини (Кемеровский областной театр драмы). В спектакле А. Джунтини на глазах у зрителя пушкинский текст распадается, разлагается и даже исчезает из поля зрения. Режиссёр, воплощая цикл одноактных пьес «Маленькие трагедии» Пушкина, достигает мистификации различными способами:

1) деконструирует текст автора (разрушает строку стихотворной драматургии, использует приём неоднократного повтора одних и тех же реплик, развоплощает и девальвирует смысловые опоры авторского текста, укрупняет собственные впечатления от прочтения пьес Пушкина);

2) вводит в текст действующих лиц, отсутствующих в тексте-первоисточнике. Например, вводит дополнительно образ «дантовских кругов ада» для цементирования фабулы и расширения сюжета спектакля на уровне цитирования строк из «Божественной комедии» Данте Алигьери и невербальных пластических реплик, вводит в действие спектакля новое действующее лицо – хор, как основной инструмент жанра трагедии, и откровенно встраивает в текст Пушкина цитирование других поэтических произведений (в сцене «Моцарт и Сальери» читается стихотворение поэта-диссидента И. Бродского);

3) нивелирует разницу в гендерной принадлежности при распределении ролей из пьес, вошедших в цикл «Маленькие трагедии» (актёры и актрисы в равной степени в спектакле исполняют как женские, так и мужские роли);

4) нарушает стилистическое единство в выборе музыкальных средств (соединяет классические музыкальные произведения с современным приёмом создания музыки (битбокс). Приём битбокса возникает в пространстве сценического действия, когда артисты для извлечения звука используют только рот, губы, язык и голос. Так-

же в спектакле активно используются приёмы электронного искажения человеческого голоса – от простого увеличения громкости звучания до превращения его в киберзвук).

Полагаем, что именно эти способы позволяют А. Джунтини отдалить зрительское восприятие от поверхности пушкинского текста (сюжета) и приблизить его к собственно сочинённой режиссёрской мистификации. Зрителю Кемеровского областного театра драмы в спектакле «Travel-in-drama» предлагается осуществить увлекательное путешествие по частным ощущениям и личностным впечатлениям режиссёра, рождённым от соприкосновения с литературным фактом А. С. Пушкина «Маленькие трагедии».

Особое место в спектакле «Travel-in-drama» занимает часть «Пир во время Чумы». А. Джунтини оставляет от текста пушкинского «Пира...» только песню Мэри и гимн Председателя, остальной текст полностью вымаран и заменён текстовыми квинтэссенциями артистов, которые прошли всё путешествие – весь спектакль, примеряя роли из одноактных пьес Пушкина «Скупой Рыцарь», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери». Примечательно, что отказ от стихотворной строки и в целом от пушкинского текста в спектакле «Travel-in-drama» происходит постепенно, с каждой играемой частью. И когда в финальной части «Пира во время Чумы» звучат по очереди в микрофон голоса артистов, испытавших на себе все пушкинские трагедии, то они воспринимаются уже не как стихи или песни, а как яростные лозунги, произносимые, скорее, артистами, чем героями «Пира...». Вся сцена «Пира...» решена как безумная вакханалия, переходящая в акцию протеста или митинг. Все находящиеся на сцене артисты обращаются к зрителю с призывами полюбить эту жизнь, какой бы она ни была. Именно строчка «Я люблю эту жизнь» является основным рефреном вакханального митинга из последней части пьесы «Пир во время Чумы» спектакля «Travel-in-drama». На глазах у зрителя происходит отчаянная, трагическая пляска героев нашего времени. В этой части спектакля режиссёр совместно с артистами манифестирует темы собственной боли в отношении себя и современного мира, а также себя и своего будущего. Происходящее на сцене действие зритель считает

как безбожный пир безумцев во время чумы, хотя следует отметить, что именно в этой части режиссёр полностью отказывается от прописанного драматургом драматического диалога. На сцене демонстрируется эволюция уныния и деградация человечества. Призывный вопль о любви к жизни трансформируется в хоральный надрызг к Всемогущему с мольбой оставить героев спектакля и не мучить их жизнью на этом свете.

Путешествие по «Маленьким трагедиям» А. С. Пушкина режиссёр А. Джунтини осуществляет ярко, театрально, обращая зрительское восприятие не к фактографической точности текста, а к эмоционально-чувственной и энергетической стороне происходящего на сцене.

Отметим, что пример смелого отказа от пие-тетного отношения к авторскому тексту (долгое время считавшегося характерным для театра) можно наблюдать в спектакле режиссёра А. Джунтини «Travel-in-drama». Здесь осуществилось активное вмешательство в пушкинский текст на уровне дополнения сценического действия речевыми фрагментами, порождёнными в результате совместной коллективной коллаборации «режиссёр – актёры». Кроме того, эту постановку отличает сочетание сочиненных речевых фрагментов с визуальным рядом спектакля, состоящим из крупных и ярких физических действий артистов на сцене. Все названное свидетельствует о совершённом акте мистификации. А. Джунтини при работе с текстом Пушкина осуществила не очередную интерпретацию классического текста, а намеренно ввела зрителя в театральную игру, независимую от литературного наследия первоисточника.

Режиссёр А. Джунтини экспериментально применила постдраматический инструментарий при воплощении спектакля «Travel-in-drama». На этот факт указывает использование таких способов, как: деконструкция пушкинского текста, введение новых действующих лиц, добавление в спектакль цитат из произведений других эпох, устранение гендерной разницы при исполнении ролей и сочетание материала разных стилей в музыкальной партитуре спектакля. Все эти способы, сплетаясь между собой, по сути, образуют ряд постдраматических выразительных средств, которые позволяют режиссёру транслировать новые

смыслы в спектакле по классическим произведениям. Постановки: «Travel-in-drama» А. Джунтини, «Про Любовь и Нелюбовь» И. Латынниковой, «Ай да Пушкин!» А. Безъязыкова и режиссёрской группы – подтверждают наличие в современном театральном искусстве арт-стратегии – мистификации, которая реализуется на театральных

сценах города Кемерово. Подобная практика кемеровских и столичных театров актуализирует вопрос обновления и дополнения театрального образования модулями, раскрывающими постдраматические тенденции режиссёрского искусства, однако этот аспект заслуживает рассмотрения в отдельной статье.

Литература

1. Бобилевич Г. Арт-мистификация в пространстве мировой культуры XX–XXI веков [Электронный ресурс]. – URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/2018-document-bobilewicz.pdf> (дата обращения: 02.09.2019).
2. Вилисов В. Нас всех тошнит: как театр стал современным, а мы этого не заметили. – М.: АСТ, 2019. – 336 с.
3. Григорьянц Т. А. Актуализация пластичности в спектаклях Кемеровского областного театра драмы им. А. В. Луначарского (конец XX – начало XXI века) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33(1). – С. 104–111.
4. Григорьянц Т. А., Киселёва В. А. Семиотика сценического пространства: проблемы режиссёрского высказывания // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 36. – С. 97–102.
5. Искусство Кузбасса в контексте развития региона (период 1990–2010 годов). / Н. Л. Прокопова, О. В. Синельникова, Н. С. Попова, В. В. Чепурина, Т. А. Григорьянц; отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: Кемеров. гос. ин-т культуры, 2016. – 264 с.
6. Прокопова Н. Л. Актерское существование в спектакле «Кофейная» по пьесе К. Гольдони на сцене Кемеровского областного театра драмы им. А. В. Луначарского // Театр и драма: эстетический опыт эпохи: мат-лы Всерос. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во НГТИ, 2016. – Вып. 4. – С. 59–72.
7. Прокопова Н. Л., Прокопов В. Л. Тенденция развлекательности в культуре постсоветского периода: актуализация комедий зарубежных авторов (на мат-ле театров Кузбасса) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово, 2019. – № 47. – С. 13–20.
8. Прокопова Н. Л. Постдраматические театральные знаки в драматических спектаклях // Жанрово-стилевые метаморфозы в искусстве начала XXI столетия: кол. моногр. / Н. С. Попова, К. А. Мелехова, Б. Стано, О. В. Синельникова, Н. Л. Прокопова, В. В. Чепурина; отв. ред. Н. Л. Прокопова; пер. О. В. Ртищевой. – Кемерово: Кемеров. гос. ин-т культуры, 2019. – С. 155–156.
9. Пузырёва И. А. Хореография как компонент действия в спектаклях драматического театра (на примере работ Кемеровского областного театра драмы им. А. В. Луначарского) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 178–183.
10. Пузырёва И. А., Григорьянц Т. А. Современная хореография в драматическом спектакле (на примере работ Кемеровского областного театра драмы им. А. В. Луначарского) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 45. – С. 90–94.
11. Руднев П. Кризис интерпретации в театре [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.teatral-online.ru/news/12595/> (дата обращения: 12.08.2019).
12. Сабелев М. М. Видеопроекция как выразительное средство современного музыкального театра // Театр XXI века и вызовы нового времени / мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию татарского театра. – Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2016. – С. 269–274.
13. Тазетдинова Р. Р. Интерпретация художественных образов как составная часть режиссёрского анализа литературного первоисточника [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/interpretatsiya-hudozhestvennyh-obrazov-kak-sostavnaya-chast-rezhisserskogo-analiza-literaturnogo-pervoistochnika> (дата обращения: 12.08.2019).
14. Чепурина В. В. Образная система театрального спектакля: синтез документальности и художественности // Жанрово-стилевые метаморфозы в искусстве начала XXI столетия: кол. моногр. / Н. С. Попова, К. А. Мелехова, Б. Стано, О. В. Синельникова, Н. Л. Прокопова, В. В. Чепурина; отв. ред. Н. Л. Прокопова; пер. О. В. Ртищевой. – Кемерово: Кемеров. гос. ин-т культуры, 2019. – С. 173–192.
15. Чепурина В. В., Боровинский Д. М. Эстетика документального театра в Кузбассе: создание сценического текста // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: исполнительство и педагогика. – Кемерово, 2018. – Вып. 16. – С. 151–163.

References

1. Bobilevich G. *Art-mistifikatsiya v prostranstve mirovoy kul'tury XX–XXI vekov* [Art mistification in the space of the world culture during XX–XXI centuries]. (In Russ.). Available at: <https://inslav.ru/sites/default/files/2018-document-bobilewicz.pdf> (accessed 02.09.2019).
2. Vilisov V. *Nas vsekh toshnit: kak teatr stal sovremennym, a my etogo ne zametili* [We are sicked: how theatre became modern, but we didn't remark it]. Moscow, AST Publ., 2019. 336 p. (In Russ.).
3. Grigoryants T.A. Aktualizatsiya plastichnosti v spektaklyakh Kemerovskogo oblastnogo teatra dramy im. A.V. Lunacharskogo (konets XX – nachalo XXI veka) [Actualy of plasticity in the plays of A.V. Lunacharsky Kemerovo regional drama theatre (the end of XX – beginning of XXI)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 33(1), pp. 104–111. (In Russ.).
4. Grigoryants T.A., Kiseleva V.A. Semiotika stsenicheskogo prostranstva: problemy rezhisserskogo vyskazyvaniya [Semiotics of stage space: problems of the producer statement]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2016, no. 36, pp. 97–102. (In Russ.).
5. Prokopova N.L., Sinelnikova O.V., Popova N.S., Chepurina V.V., Grigoryants T.A. *Iskusstvo Kuzbassa v kontekste razvitiya regiona (period 1990–2010 godov)* [Kuzbass art in the context of region development]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture Publ., 2016. 264 p. (In Russ.).
6. Prokopova N.L. Akterskoe sushchestvovanie v spektakle “Kofeynaya” po p'ese K. Goldoni na stsene Kemerovskogo oblastnogo teatra dramy im. A.V. Lunacharskogo [Actor's existences in K. Goldoni play “Coffee” on the Kemerovo regional A.V. Lunacharsky drama theatre stage]. *Teatr i drama: esteticheskii opyt epokhi* [Theatre and drama: aesthetic experience of epoch]. Novosibirsk, NGTI Publ., 2016, no. 4, pp. 59–72. (In Russ.).
7. Prokopova N.L., Prokopov V.L. Tendentsiya razvlekatel'nosti v kul'ture postsovetskogo perioda: aktualizatsiya komedii zarubezhnykh avtorov (na materiale teatrov Kuzbassa) [Entertainment trend in culture of the post-soviet period: implementing the comedies of foreign authors (in case of the Kuzbass theaters)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 47, pp. 13–20. (In Russ.).
8. Prokopova N.L. Postdramaticheskie teatral'nye znaki v dramaticheskikh spektaklyakh [Postmodern theatre symbols in drama performances]. *Zhanrovo-stilevye metamorfozy v iskusstve nachala XXI stoletiya* [Genre-stylistic metamorphoses in art of the beginning XXI century]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture Publ., 2019, pp. 155–156. (In Russ.).
9. Puzyreva I.A. Khoreografiya kak komponent deystviya v spektaklyakh dramaticheskogo teatra (na primere rabot Kemerovskogo oblastnogo teatra dramy im. A.V. Lunacharskogo) [Choreography as an Acting Part in Drama Performance (in Case of Performances of A. Lunacharsky Kemerovo Drama Theatre)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 48, pp. 178–183. (In Russ.).
10. Puzyreva I.A., Grigoryants T.A. Sovremennaya khoreografiya v dramaticheskom spektakle (na primere rabot Kemerovskogo oblastnogo teatra dramy im. A.V. Lunacharskogo) [Modern choreography in drama (on the base of performances of Kemerovo A. Lunacharsky drama theatre)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2018, no. 45, pp. 90–94. (In Russ.).
11. Rudnev P. *Krizis interpretatsii v teatre* [Crisis of interpretation in theatre]. (In Russ.). Available at: <http://www.teatral-online.ru/news/12595> (accessed 12.08.2019).
12. Sabelev M.M. Videoproektsiya kak vyrazitel'noe sredstvo sovremennogo muzykal'nogo teatra [Videoprojection as expressive means of contemporary musical theater]. *Teatr XXI veka i vyzovy novogo vremeni* [Theater of the XXI century and the calls of new time]. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2016, pp. 269–274. (In Russ.).
13. Tazetdinova R.R. *Interpretatsiya khudozhestvennykh obrazov kak sostavnaya chast' rezhisserskogo analiza literaturnogo pervaistochnika* [Art images Interpretation as a part producer's analysis of literaturesource]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/interpretatsiya-hudozhestvennykh-obrazov-kak-sostavnaya-chast-rezhisserskogo-analiza-literaturnogo-pervaistochnika> (accessed 12.08.2019).
14. Chepurina V.V. Obraznaya sistema teatral'nogo spektaklya: sintez dokumental'nosti i khudozhestvennosti [Image system of performance: synthesis documentary and artistry]. *Zhanrovo-stilevye metamorfozy v iskusstve*

nachala XXI stoletiya [Genre-stylistic metamorphoses in art of the beginning XXI century]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture Publ., 2019, pp. 173-192. (In Russ.).

15. Chepurina V.V., Borovinskiy D.M. Estetika dokumental'nogo teatra v Kuzbasse: sozdanie stsenicheskogo teksta [Aesthetic of documentary theatre in the Kuzbass: creation of stage text]. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyt: ispolnitel'stvo i pedagogika [Art and art study: theory and experience: acting and pedagogy]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture Publ., 2018, no. 16, pp. 151-163. (In Russ.).

УДК 792.03+792.072+ 008(091)

ФУНКЦИИ СЕКЦИИ КРИТИКОВ (ОПЫТ НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВТО, 1980-Е ГОДЫ)

Бураченко Алексей Иванович, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: aleksbur@mail.ru

Проблема театральной критики в провинции является актуальной для культурного пространства региона. Критик, с одной стороны, осмысляет текущий театральный процесс, с другой – регистрирует факты из театрального быта и сохраняет облик реально идущего спектакля для последующего возможного исторического изучения. В то же время критик как участник театрального процесса выступает в качестве независимого наблюдателя и аналитика, что превращает его в необходимого эксперта в решении текущих проблем функционирования театров. В современности наблюдается дефицит критических кадров в регионах, поэтому обращение к опыту создания особой – критической – среды является попыткой провести ревизию предшествующего периода и применить ценное в реальной практике сегодняшнего дня.

В статье рассматривается заключительный этап функционирования секции критиков в Новосибирске в советский период (1980-е годы). Эта институция стала значимым явлением в провинциальном искусстве советского периода, подобный опыт уникален, так как связан с социокультурной ситуацией, диктовавшей параметры функционирования как театра, так и критики. В статье анализируются успехи данной секции, основные шаги по разработке планов ее деятельности, проблемы, возникшие в реальной практике этого объединения. Рассматриваемый этап будет связан с преодолением указанных препятствий, акцент будет сделан на персоне руководителя секции, способного осуществлять анализ деятельности театров как с позиций общественных требований, так и в контексте саморазвития искусства.

Автор статьи основывает свое исследование на архивных источниках, пытаясь воссоздать движение организационного процесса театральной критики в одном из крупнейших советских городов.

Ключевые слова: театр, провинциальная критика, институция, советский период.

FUNCTIONS OF CRITIC SECTION (IN CASE OF THE NOVOSIBIRSK DEPARTMENT OF ALL-RUSSIAN THEATRICAL SOCIETY, 1980S)

Burachenko Aleksey Ivanovich, PhD in Culturology, Sr Instructor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aleksbur@mail.ru

The problem of theater criticism in the province is relevant to the cultural space of the region. The critic, on the one hand, interprets the current theatrical process, on the other hand, he registers facts from theatrical life and preserves the appearance of a real-life performance for later possible historical study. At the same time, the critic, as a participant in the theatrical process, acts as an independent observer and analyst, which turns

him into an indispensable expert in solving current problems of the functioning of theaters. In modern times, there is a shortage of critical personnel in the regions, so referring to the experience of creating a special critical environment is an attempt to revise the previous period and apply the valuables in the actual practice of today. The article discusses the last stage of tour a section of critics in Novosibirsk in Soviet Period (1980s). This institution has become significant in the provincial art of the Soviet Period; this experience is unique because it is associated with a socio-cultural situation that dictates the parameters of the functioning of both theater and criticism. The paper analyzes the reasons for the emergence of this section, the main steps to develop plans for its work, the problems encountered in the actual practice of this association. The final stage will be associated with overcoming these obstacles; the emphasis will be placed on the person of the section leader, who is able to analyze the activities of theaters both from the standpoint of social demands and in the context of the self-development of art.

The author of the article bases his research on archival sources, trying to recreate the organizational process of theater criticism in one of the largest Soviet cities.

Keywords: theater, provincial criticism, institution, Soviet Period.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-31-36

В данной статье мы рассмотрим развитие секции критики Новосибирского отделения Всероссийского театрального общества (НО ВТО) в 1980-е годы, этап становления (1960–70-е) представлен в нашей предыдущей статье (см. [1]).

Следующий период в деятельности НО ВТО можно обозначить концом 1970 – первой половиной 80-х годов. Характерным для этого периода стало то, что при секции критиков (которая была формальным, полудобровольным объединением людей, имеющих отношение к театральной жизни области) в октябре 1979 года был создан клуб молодых критиков. Его возглавили М. Рубина (журналист) и В. Лендова (завлит ТЮЗа). «Члены клуба занимаются изучением истории театра, просмотром и обсуждением спектаклей, их рецензированием. Всего прошло 16 занятий. В их проведении участвовали кандидат искусствоведения Н. Ю. Ясулович (лекция о проблемах современной сценографии), гл. режиссер облдрамтеатра И. Б. Борисов (обсуждение пьесы “Спешите делать добро” М. Рождина), журналистка и поэтесса К. Б. Эпова (рассказ о Пушкинском заповеднике) и др. Занятия приносят свои практические результаты: рецензии на спектакли, написанные членами клуба, печатаются в местной прессе» [2, д. 320, л. 3]. Позднее этот клуб стал называться секцией молодых критиков: там была предложена углубленная программа изучения истории

театра, освещались вопросы развития современного театра, проводились встречи с заметными театральными деятелями, обсуждались современные пьесы, члены секции обучались письменному и устному рецензированию [2, д. 396, л. 8–9]. В 1981 году секцию возглавляла М. Рубина, деятельность секции была признана удовлетворительной [2, д. 369, л. 2].

Секция набирала силу. В первую очередь, это было связано с тем, что ее кадровый состав был сформирован по-новому. Уже в 1987 году в основном составе секции (22 человека) было: кандидатов наук – 8 человек, искусствоведов – 5, журналистов – 7, представителей НО СТД – 2 человека, однако от театров – ни одного [2, д. 475, л. 35–36].

В декабре 1985 года вышел первый выпуск «Диалога» – альманаха о театральной жизни города, выступившего альтернативой официальной печати, в которой объективно и в полном объеме высказаться по проблемам театра не представлялось возможным [2, д. 475, л. 35]. Идею создания альманаха подсказала И. Н. Соловьева. Всего было подготовлено пять выпусков. Первый выпуск вышел в количестве четырех экземпляров – был напечатан на пишущей машинке в объеме 150 страниц. Второй выпуск – пять экземпляров в объеме 200 страниц. Альманах раздавался театрам, один экземпляр находился в местной театральной библиотеке. Отношение к этому альманаху было не-

однозначным. В письме из Москвы К. Баранов и И. Гладких (отдел по работе с отделениями ВТО) указывали следующее: «Секция критиков выпускает рукописный альманах “Диалог”, обсуждает спектакли “для себя”, то есть только среди критиков. Нам кажется, что это надо для того, чтобы выработать единое мнение, с которым следует выйти на труппу и на широкую общественную аудиторию города. Обсуждать спектакли только “для себя”, нам кажется, не совсем продуктивно и в результате малодейственно и неэффективно» [2, д. 457, л. 22]. Тем не менее выпуски «Диалога» – уникальные памятники конца советской театральной эпохи.

В 1983 году А. Гаршина, председатель правления НО ВТО, отмечая плодотворность деятельности обновленной секции критиков, констатировала, что «профессиональная группа критиков у нас не только чрезвычайно мала, но и практически совершенно не выступает в печати, что заметно сказывается на деятельности театров и обедняет в целом развитие театральной культуры города. А завоевание авторитета молодыми критиками – процесс длительный, требующий времени и подготовки» [2, д. 398, л. 28]. Мнение о качестве новосибирской критики было поддержано и представителем президиума ВТО В. Кошеленко, посетовавшего, что в городе «есть группа очень опытных театральных критиков, и нам бывает странно, когда вы... просите направить московских критиков, которые приезжают, чтобы помочь вам разобраться. Нам даже кажется, что некоторые ваши критики почти на уровне московских. Просто, как это часто бывает, “в своем отечестве” не можете найти пророка» [2, д. 399, л. 55]. Однако он констатировал, что основным камнем преткновения в вопросе эффективного существования местной критики является отсутствие печатных площадей, и в этом вина руководства как партийных, так и советских органов, в том числе и ВТО [2, д. 399, л. 56]. Год спустя уже другой представитель ВТО, К. Баранов, зав. отделом по работе с местными отделениями ВТО, касаясь вопросов местной критики, отметил, что «ориентация на приезжих критиков не всегда оправдана. Нужно самим ставить “диагноз” и давать рекомендации. Вам на месте виднее, чем “болен” ваш театр. Не умаляя достоинств других секций, заслуживает подражания и всяческих похвал ваша театроведческая секция» [2, д. 408, л. 23].

Нерешенным в деятельности секции оставался вопрос взаимоотношений с прессой. В журнале «Театр» через публикацию информации о проведенной в 1984 году научно-практической конференции в Новосибирске («Театральный процесс и его отражение в местной прессе») были высказаны соображения о театральной критике в городе [5]. Выступления М. Швыдкого, А. Иняхина, А. Вислова содержали анализ рецензий, помещенных в новосибирских газетах, выявляли отсутствие проблемности, преобладание комплиментарности, несформированность авторского актива, недостаточный анализ режиссерской работы в спектакле. М. Рубина парировала это тем, что театральный процесс Новосибирска «вялотекущий»: «...ведь если спектакль не вызывает ни восторга, ни столь же бурного желания спорить – писать не станешь» [5, с. 63].

В первом полугодии 1985 года секцией совместно с отделами культуры новосибирских газет был разработан план, согласно которому все новосибирские театральные премьеры должны были быть отрецензированы; данные рецензии обсуждались на секции – тем самым, как говорилось в отчете, вырабатывалось общесекционное мнение о театральном процессе города [2, д. 428, л. 5].

Учебную работу в секции проводили не только приглашенные преподаватели вузов Новосибирска, но и приезжие критики. Например, в мае 1985 года В. Калиш прочел доклад по теме «Анализ режиссерской методологии сегодня» [2, д. 428, л. 6]. Одним из вариантов развития секции критики стало возникновение долговременных отношений с коллегами из Омского отделения ВТО, а одним из мероприятий – приезд омичей и их анализ новосибирских спектаклей, в результате которого стало понятно, что «оценка спектаклей часто не совпадала с мнением новосибирской критики, встреча во многом оказалась полезной, так как выяснилось, что методология анализа спектаклей у критиков соседних отделений различная, значит – есть возможность усвоения новых приемов работы» [2, д. 428, л. 7]. Представитель Омского отделения входил в состав жюри конкурса на лучшую рецензию. Однако на очередном отчетно-выборном собрании НО ВТО (1985 год) проблема критики затрагивалась снова. Одна из проблем – при наличии сильной секции

критики у нее отсутствовала возможность влиять на театральную общественность через СМИ [2, д. 442, л. 53–55].

Во второй половине 1986 года произошел показательный в этом плане конфликт с «Красным факелом»: обзор сезона, подготовленный Т. Печерской и Л. Шатиной, вызвал резко негативное отношение дирекции театра, поэтому обзор и протокол его обсуждения было решено отправить в Москву [2, д. 452, л. 55]. Дирекция театра отказалась от обсуждения премьеры «Виноватые» 1986/87 театрального сезона, высказав сомнение в профессионализме секции критики [2, д. 452, л. 58]; на премьерный показ не пустили даже М. Рубину (по мнению театра, секция никому не нужна, она – «аппендикс»). Эта ситуация потребовала вмешательства управления НО ВТО: впервые за все время существования секции были утверждены списки членов секции, которые имели право беспрепятственного посещения спектаклей театра. На обсуждении этой ситуации артист А. Кондаков отметил, что результата «походов» – откликов в прессе – нет, театр же не должен становиться площадкой для обучения молодых рецензентов [2, д. 450, л. 73]. А. Гаршина и А. Покидченко предложили выбрать референтных критиков, работающих публично, а не обсуждающих спектакли в своем узком кругу. Также главный режиссер театра М. Резникович обозначил назначение критики помогать «стабилизации морального климата в коллективе театра, а не наоборот», оперировать аргументированными суждениями, корректировать творческую деятельность театра [3, л. 18].

В 1987 году этот конфликт стал предметом рассмотрения на заседании отдела культуры обкома КПСС. В справке было отмечено, что секция устранилась от печатной критики, сделав упор на внутренние рецензии и обсуждения на труппе, что привело к снижению качества газетных выступлений, поскольку вопросы рецензирования решались посредством привлечения «менее подготовленных людей» [4, л. 50]. С другой стороны, как в этом документе отмечалось, в газетах не особо и востребованы были развернутые аналитические работы, которые предоставлялись участниками секции критики, да и журналисты не являлись частыми гостями на мероприятиях, организуемых секцией. В целом, газеты стоят в сто-

роне от жизни театров, в частности, не отражены перестройка в театральном деле, ход театрального эксперимента, развернувшегося на базе трех театров города. Не использует ресурсы секции и областное управление культуры.

В данной справке рассмотрен и характер взаимоотношений секции и театров. В этом конфликте обком партии встал на сторону секции, пояснив, что нежелание директоров театров выслушивать критические замечания губительно для дальнейшего развития театральных коллективов. Тем более директора обязаны помочь молодому составу секции войти в профессию, поэтому ссыла на его некомпетентность – «скорее удобный предлог для вывода коллективов из зоны критического осмысления их достижений и просчетов» [4, л. 52].

В целом, как это ни странно, но Новосибирский обком КПСС взял сторону секции в вопросах ее взаимоотношений с театрами и газетами города [2, д. 463, л. 10]. Странность заключалась в том, что секция, ни в коей мере не являющаяся сообществом, так или иначе выполняющим идеологические обязанности, попала под контроль обкома партии, который, как признавала М. Рубина, требовал от нее новых неидеологических форм работы (см. [2, д. 461, л. 43]).

Финальной точкой в этом споре стала прошедшая в 1987 году Межзональная творческая конференция СТД, на которой присутствовали театральные деятели Урала, Сибири и Дальнего Востока. Самый острый вопрос – отношение театров к критике.

На этой конференции выступила М. Рубина, которая подвергла саморефлексии путь, пройденный секцией, в том числе и ее молодой частью, в 1980-е годы. Она отметила, что в новых условиях – условиях проводимого эксперимента – возрастает роль местных критиков, готовых выступать в качестве экспертов творческой деятельности театров, или, по-другому, они являются «неким общественным институтом и коллективным разумом» [2, д. 467, л. 31]. Однако, как виделось это М. Рубиной, «секция критики пока серьезного влияния на театральный процесс не имеет» [2, д. 467, л. 39] по ряду причин. И главная из них – отсутствие выхода секции на газетные площади, а то, что печатается в газетах, не соответствует современному уровню понимания

театрального процесса; и хотя рецензия стала приоритетной на страницах областной печати, она по преимуществу поверхностна и комплиментарна [2, д. 467, л. 39]. С другой стороны, М. Рубина как журналист «Советской Сибири» с 25-летним стажем затронула вопрос адресности критических материалов в газете общего профиля, где ориентация идет на среднего читателя, не нуждающегося в серьезном театроведческом разборе [2, д. 467, л. 40].

Секция критики, которой руководила М. Рубина, решала в первую очередь кадровый вопрос, так как до того лишь единицы могли выступать в роли критиков. И результат был: двое из молодежной секции вошли во взрослый состав, двое поступили в ГИТИС [2, д. 467, л. 32].

Идея организации новой версии секции базировалась на следующем: собрать небольшую, 10–12 человек, группу людей, искренне увлеченных театром, и обучить их рецензированию. Работа секции имела два направления. Одно из них было связано с внешней результативностью: организация расширенных творческих заседаний, посвященных анализу репертуаров театров; исследование театральных публикаций областных газет с последующим обсуждением с представителями редакций и пр. [2, д. 467, л. 33]. Второе направление – организация учебного процесса, занятия которого проводились два раза в месяц и были содержательными [2, д. 467, л. 33–34]. Однако итог внутренней работы секции оказался довольно-таки удручающим: с одной стороны, на проверку оказалось, что восприятие театра у всех ее членов различается диаметрально, с другой – откровенные разговоры в уютной внутрисекционной обстановке стали просачиваться вовне, что настроило театры против секции еще до ее развернутой «внешней» деятельности [2, д. 467, л. 33–34].

Силами секции уже были проведены встречи с театрами. Как считала М. Рубина, встреча с молодой режиссурой, которая в середине 1980-х появилась в городе, оказалась плодотворной, потому что разговор получился честный и прямой [2, д. 467, л. 37]. Вторая значимая встреча – с руководством «Красного факела», результат – восстановление отношений секции и театра.

Мнение В. Максимовой, в то время секретаря Совета по критике СТД РСФСР, об уходе крити-

ков в провинции в изустный способ бытования, высказанное на вышеуказанной Межзональной творческой конференции СТД в 1987 году, было категоричным: «...критика должна быть материально осязаемой, иначе поговорили и разъехались» [2, д. 467, л. 125]. Результатом ухода от ответственности, выраженной в печатном критическом слове, стала, как считала В. Максимова, «ориентация на среднего критика, ориентация на усредненное суждение, боязнь острых оценок, еще, слава богу, похвалить дадут, но обругать – никогда»; поэтому, чтобы спасти театр, рецензии нужно быть остродейственной и обязательно печатной [2, д. 467, л. 125].

В конце 1987 года правлением Новосибирской организации СТД РСФСР деятельность секции была признана удовлетворительной [2, д. 461, л. 5]. В целом к 1988 году секция стала важным экспертным институтом в рамках работы НО СТД, ее деятельность мыслилась в различных направлениях, которые можно сгруппировать по следующим функциям:

- *учебная* (участие в лабораториях театральной критики, проведение лекций и практических занятий для участников секции);

- *аналитическая* (обсуждение премьер с постановочными группами, выпуск альманаха «Диалог», организация теафорумов – дискуссий по проблемам театра, участие жюри в работе смотров профессиональных и самодеятельных коллективов области, сотрудничество с местными драматургами, выездные заседания в других городах Сибирского региона (например, в рамках обмена с омской секцией критики), обсуждение итогов гастролей театров – гостей города, выступления в СМИ, организация и проведение конкурса на лучший творческий портрет/рецензию, разбор публикаций местной печати по вопросам театра, подготовка обзоров театральной жизни Новосибирска для СТД РФ);

- *совещательная* (участие в работе художественных советов театров города, организация работы межсекционных объединений НО СТД, проведение творческих конференций и расширенных заседаний НО СТД).

Последствия участия театральных рецензентов в деятельности секции критики для многих из них были довольно значительны: Г. Журавлева

стала историком театров Новосибирска; Т. Антонова продолжительное время являлась одним из руководителей НО СТД; М. Ревякина, О. Сенаторова вошли в культурную жизнь столицы и страны; Ю. и Л. Шатины известны как выдающиеся филологи и театральные критики. Опыт секции критиков повлиял на создание новосибирского «ОКОЛОтеатрального журнала».

Вариант развития секции критики в Новосибирске вряд ли удастся повторить когда-либо еще, поскольку стартовые условия далеко уже не те: преодоление идеологического приоритета в деятельности театра, желание трезвого понимания состояния дел в театральной жизни региона – вот те истоки, которые привели к описанному опыту, а потребности современного театрального процесса разительно отличаются. Сейчас изменились отношения центра и провинции: идеоло-

гический диктат столицы сменился на обретение нестоличным театром определенной доли автономии (например, «новая драма» – детище провинции, имеющее созвучие с общеевропейскими процессами); в провинции происходит старт многих режиссеров «новой волны», с одной стороны, но, с другой – провинция завязана на ситуации пренебрежения, созданной не в городе; редкие наезды прифестивальных критиков – главное направление усилий нынешних руководителей театров. Сегодня в нестоличных городах, за некоторым исключением, отсутствует институция, осуществляющая рефлексию театральной жизни. Опыт же последних десятилетий советского театра – неповторимое, но не утратившее значение знание, которое может стать отправной точкой создания иных форм так необходимого анализа театрального процесса.

Литература

1. Бураченко А. И. Секция критиков Новосибирского отделения ВТО в 1960–80-х годах // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 164–171.
2. ГАНО. – Р-1730. – Оп. 1.
3. ГАНО. – Р-1404. – Оп. 1. – Д. 474.
4. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 105. – Д. 157.
5. Текущий момент // Театр. – 1984. – № 7. – С. 54–64.

References

1. Burachenko A.I. Sektsiya kritikov Novosibirskogo otdeleniya VTO v 1960–80-kh godakh. Nachalo [Section of critics of Novosibirsk department of All-Russian theatrical society (1960–1980s). Beginning]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 48, pp. 164–171. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti* [State archive of Novosibirsk region], R-1730, Op. 1.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti* [State archive of Novosibirsk region], R-1404, Op. 1, D. 474.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti* [State archive of Novosibirsk region], F. P-4, Op. 105, D. 157.
5. Tekushiy moment [This moment]. *Teatr* [Theater], 1984, no. 7, pp. 54–64. (In Russ.).

УДК 7

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В МОНГОЛЬСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Мелехова Ксения Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусства, костюма и текстиля, факультет искусств и дизайна, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: kschat@mail.ru

В статье рассматривается роль этнических традиций в становлении и развитии монгольского изобразительного искусства. Выявляется значение различных факторов для формирования самобытной стилистики, которая проявилась в свойственных для монгольского искусства приемах, техниках, средствах художественной изобразительности. Анализируется проявление этнотрадиций в искусстве кочевников, в живописи на свитках, в народном искусстве и современном творчестве художников. Целью статьи является изучение особенностей монгольского изобразительного искусства на основе этнотрадиций,

а также рассмотрение этого явления на примере традиционной и современной живописи. В работе использованы базовые теоретические и практические исследовательские подходы. Методы системного, структурно-функционального, сравнительно-типологического анализа и, соответственно, методы классического искусствознания. При анализе культурно-искусствоведческих явлений использовались формально-стилистический, семиотико-герменевтический и иконологический методы интерпретации. В монгольской культуре можно выявить ряд компонентов, связанных с этническими традициями, которые были сформированы в древности и легли в художественно-эстетическую основу изобразительного искусства монголов. Важную роль в истории монгольской культуры сыграл мультикультурализм, вызванный полиэтничностью региона. В результате сочетания орнаментальной живописной техники кочевых культур с приемами живописи оседлых народов сформировался особенный художественный стиль. Народное творчество определило непосредственность, наблюдательность, творческую фантазию. В XX веке родилось новое художественное направление «монгол-зураг», в основе которого лежали традиции плоскостной живописи, иконописи, декоративно-прикладного искусства. Возросло декоративное начало, это проявилось в доминирующем значении цветового решения, линейности, орнаментальности. Эти особенности стали основой для самобытного современного изобразительного искусства Монголии, в котором органично сочетаются этнокультурные традиции и инновации. Творческий метод современных мастеров доказывает, что, работая в разнообразных направлениях, жанрах, техниках, индивидуальных манерах, они сохраняют и развивают национальные традиции в живописи. Исследуется творчество современных мастеров изобразительного искусства Зориг Уянги, Ламжавына Ганболда, Тугс-Оюун Содномын, Гансуха Энхтайвана, Заясайхана Самбуу. Их творческая самореализация обусловлена совокупностью объективных представлений в области национального художественного опыта и проявляется в индивидуальном творческом методе. В настоящее время творчество монгольских мастеров остается открытым для освоения новых горизонтов художественного познания. Сохранение художественно-эстетического наследия этноса оказывает благоприятное воздействие на изобразительное искусство и жизнестойкость культуры в целом.

Ключевые слова: этническая традиция, художественная традиция, монгольское изобразительное искусство, современная монгольская живопись.

ETHNIC TRADITIONS IN MONGOLIAN FINE ARTS

Melekhova Kseniya Aleksandrovna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of History of Art, Costume and Textiles, Faculty of Arts and Design, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kschut@mail.ru

The article examines the role of ethnic traditions in the development of Mongolian visual arts. The significance of various factors for the formation of original stylistics is revealed, which manifested itself in receptions, techniques, and means of artistic depiction typical for Mongolian art. The manifestation of ethnotraditions in the art of nomads, in painting the scrolls, in folk art and contemporary art of artists is analyzed. The purpose of the article is to study the features of Mongolian art on the basis of ethnotraditions, as well as to consider this phenomenon using the example of traditional and modern painting. The basic theoretical and practical research approaches are used in the work. Methods of system, structural-functional, comparative-typological analysis are according the methods of classical art history. In analyzing cultural and art phenomena, a formal-stylistic, semiotic-hermeneutic and iconological method of interpretation was used. The creative method of modern masters proves that working in various directions, genres, techniques, individual manners preserves and develops national traditions in painting. The work of contemporary masters of fine arts Zorig Uyangi, Lamzhavyna Ganbold, Tugs-Oyun Sodnomyn, Gansukh Enkhtayvan, Zaisaykhana Sambuu is studied. Their creative self-realization is conditioned by a combination of objective representations in the field of national artistic experience and manifested in the individual creative method. At present days,

the work of Mongolian masters remains open to mastering the new horizons of artistic knowledge. Preservation of the artistic and aesthetic heritage of the ethnos has a beneficial effect on the visual arts and viability of culture in general.

Keywords: ethnic tradition, artistic tradition, Mongolian fine art, contemporary Mongolian painting.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-36-44

Введение. Актуальность работы, посвященной исследованию этнических традиций в монгольском изобразительном искусстве XX – начала XXI века, обусловлена повышенным интересом современного искусствознания к проблемам этнического самосознания, которое является характерной чертой творческой индивидуальности, а также тенденцией, внутри которой возникают определенные закономерности, связанные с формированием и развитием самобытного искусства народа. Такая мировоззренческая парадигма характерна для мирового искусства в целом и ярко отразилась в изобразительном искусстве Монголии. Теоретической основой статьи стали труды исследователей, которые рассматривают изобразительное искусство Монголии в историко-культурном контексте, а также его генезис и процесс эволюции, выделяя в нем самобытные этнические традиции. Интерес к монгольской культуре и искусству рос по мере расширения научного кругозора. Так, историография данной проблемы восходит к концу XVIII–XIX веку. Важную роль в этом сыграли экспедиции, организованные Российской академией наук. Участниками экспедиций были составлены обширные коллекции рукописей, книг, путевых зарисовок, произведений буддийской живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, которые поступили в государственные собрания. Изучением монгольской культуры занимался русский исследователь А. М. Позднеев. В его труде «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» уделяется существенное внимание монгольским иконам с подробным описанием персонажей, места действия, расположения, поз, жестов и т. д. Автор выделяет в качестве «особых рисунков» мандалы, изображающие места обиталищ бурханов. В изучении и популяризации изобразительного искусства монголов огромная роль принадлежит исследо-

вателю, философу, путешественнику, художнику Н. К. Рериху. Во время экспедиций им были собраны коллекции произведений искусства, в том числе буддийских икон. Большое значение изучению буддийского искусства придает С. Ф. Ольденбург и отмечает его важную роль наряду с философией и историей. В его трудах «Изображения 300 бурханов», «Альбом буддийских изображений Казанской духовной академии», «Материалы по буддийской иконографии», «Первая буддийская выставка в Петербурге» впервые опубликованы и атрибутированы памятники буддийской иконописи, введены в научный оборот многие произведения буддийского искусства, ставшие образцами самобытного творчества монгольских мастеров. Если Ольденбург говорит об оригинальности монгольского искусства с точки зрения его этнической идентификации, то исследователь Г. Ц. Цыбиков в своем труде «Цзонхава и его сочинение “Лам-рим чын-по”» отмечает заимствование культуры и буддийского искусства у Тибета. Об отсутствии этнической самобытности монгольского искусства говорит Бертольд Шпулер. В работе «Золотая Орда. Монголы на Руси (1223–1502)» он пишет: «Искусство, так же как и наука, развивалось в Золотой Орде под воздействием из-за границы. Иностранные идеи падали на благодатную почву, поскольку татары были одаренным народом. Их способность перенимать лучшее проявилась сразу после завоевания Кыпчака» [2, с. 375]. Разделяет подобную точку зрения американский ученый Роберт Артур Рупен, он говорит об отсутствии у номадов своей самобытной культуры. А. Н. Турунов акцентирует внимание на чрезмерном влиянии ламаизма на искусство монголов, отсутствии самостоятельной художественной ценности и национального своеобразия. Однако говорить о полном заимствовании монголами изобразительного искусства не правомерно, так как еще до активных культурных контактов с Тибетом и Китаем искусство Монго-

лии имело свои характерные черты и особенности, а в процессе ассимиляции с привнесенным художественным опытом приобретало черты самобытности. Об этом говорят многочисленные труды ученых XX века. Обстоятельный анализ традиций в монгольском искусстве представлен в работе Н. В. Кочешкова «Народное искусство монголов» [3]. Автор рассматривает эволюцию творчества монголов на широком историческом фоне в тесной связи с историей народа, с развитием его культуры. Н. Н. Бельский в работе «Изобразительное искусство Монголии» ставит вопрос о необходимости изучения монгольского искусства и особенно орнамента, отмечает важную роль технико-художественных традиций, выработанных коллективным гением народа. Фундаментальной работой, затрагивающей вопросы истории монгольского изобразительного искусства, явилась монография Ням-Осорына Цултэма «Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века», где автор рассматривает формирование и развитие монгольского искусства с привлечением источниковых данных из археологии, филологии, этнографии, а также анализирует уникальные коллекции музеев МНР. Вопросы синтеза европейской живописи и традиционной плоскостной нашли освещение в исследованиях И. И. Ломакиной «Изобразительное искусство социалистической Монголии» и «Марзан Шарав». Проблемы развития монгольской живописи, от средневековой до современной, представлены в ряде трудов монголоведа Т. В. Сергеевой. В своем исследовании «Современное искусство социалистических стран Востока» О. С. Прокофьев подчеркивает определяющую роль национального стиля, а также влияние западноевропейского реализма, с которым связан расцвет культуры. История изобразительного искусства Монголии с 1980–90-х годов представлена в труде А. В. Ринчен-Хабоевой «Изобразительное искусство страны вечного синего неба», где автор в хронологическом порядке размещает статьи о самобытном творчестве монгольских художников. Изобразительное искусство Монголии XX века в контексте влияния русской художественной школы рассмотрено алтайскими искусствоведами К. А. Мелеховой, Т. М. Степанской. Таким образом, историографическая ситуация показывает широкий исследовательский интерес

к изобразительному искусству Монголии и делает изучение этнических традиций в живописи актуальным и научно значимым.

Этнический менталитет кочевников и его значение для формирования искусства. Монгольское изобразительное искусство – яркое, самобытное звено в мировом художественном контексте. В его основе лежат этнотрадиции и интегративный художественный опыт. Автор монографии «Этническая традиция в современном гуманитарном знании» Л. И. Нехвядович отмечает: «Традиция – это не только устойчивый “каркас нации”, но и необходимое условие ее обновления. Сохранение этнокультурного многообразия, диалог и взаимодействие уникальных национальных традиций являются основой цивилизационной стабильности человечества и его эволюционного культурного потенциала» [6, с. 7]. Монгольскую культуру исследователи относят к кочевому (степному) типу, который развивался на основе традиционности всего жизненного уклада, неизменности накопленных веками навыков ведения хозяйства, общности мировоззренческих представлений сменяющих друг друга степных народов, их языкового единства и преемственности форм культуры. Многообразие культуры основано на сложной системе взаимоотношений, а следовательно, взаимопроникновения художественного опыта кочевых племен тюркских народов: хуннов, жуан-жуаней, тюрков-тюю, уйгуров, кыргызов, киданей, чжурчженей и т. д. В контексте такого этнокультурного многообразия происходила интеграция и ассимиляция художественного опыта, что в результате породило уникальный тип монгольской культуры. Художественный опыт кочевников базировался на повышенной декоративности. Предметы быта, жилище, костюм богато украшены орнаментами. Орнаментальность стала важным качеством искусства монголов. Если проследить генезис монгольского орнамента, развитие его художественных особенностей, то можно прийти к выводу о том, что орнамент, поступательно развиваясь и ассимилируясь, получает новую трактовку, в соответствии с культурно-историческим контекстом. Н. В. Кочешков видит особенность орнамента в динамизме декоративных композиций: «Неспокойный, динамический ритм композиций усиливается стремительно выходящими, переплетающимися друг с другом

завитками узоров. Своеобразие каждой орнаментальной композиции состоит в том, что она объединяет отдельные узоры, разбросанные, на первый взгляд, в хаотичном беспорядке, в единую строгую художественную систему и тем придает узорам известную осмысленность» [3, с. 18–19]. Орнамент эволюционирует от архетипичного, оберегового-декоративного начала к яркому самобытному художественному принципу, на основе которого строится композиция. Орнаментальность как стилистическое свойство проявилась в творчестве художников старшего поколения: Д. Манибазара, У. Ядамсурэна, А. Сэнгэцохио, Ц. Минжура и др.

Этнические особенности живописи на свитках. Религиозная живопись на свитках – особое художественное явление, в основе которого лежит строгий канон, разработанный в Индии и унаследованный многими культурами Азии. Именно в недрах индийской цивилизации развивались средства художественной изобразительности, иконография, система пропорций. В основе религиозной живописи на свитках лежала сложная философско-религиозная доктрина буддизма, который зародился в Индии и через тибетские монастырские школы пришел в Монголию. Монгольские мастера познакомились с данной художественной системой и создали на этой основе самобытный стиль и свою логику художественного восприятия. В результате сочетания орнаментальной живописной техники, рожденной в недрах кочевой культуры, с приемами живописи, выработанными оседлыми народами Индии и Тибета, родился художественный стиль, характеризуемый четкой и яркой цветовой гаммой, обилием орнаментальных мотивов, канонами условного двухмерного каллиграфичного изображения, тончайшей проработкой деталей, почти натуралистичностью и вместе с тем едва уловимой условностью и обобщенностью. По сравнению с индийской и тибетской, монгольская живопись более декоративна. Исследователь Т. В. Сергеева отмечает: «Живопись на свитках, базируясь на иконописном средневековом каноне, поступательно развиваясь, к концу XIX – началу XX века получала новую трактовку и новое выражение, в соответствии с запросами времени. Живопись на свитках – это реальное воплощение синтеза искусств: графики, каллиграфии, лите-

ратуры, имевшими изначальную связь с архитектурой, скульптурой, театрально-ритуальными мистериями. А историко-художественная интерпретация самих произведений искусства раскрывает не только их формально-стилистическое единство, особенности, присущие национальной культурной традиции, но и представляет их как явления культуры данного времени, подготовленные и узаконенные всей логикой исторического развития монгольского общества» [7, с. 4–5]. Из Индии была заимствована традиция работы не с натуры, а по образцу, следовательно, у мастера была хорошо развита зрительная память. В индийских и тибетских монастырях мастера оттачивали навыки восприятия и передачи образа в точной копии оригинала. Такой метод копирования позволял активно развивать профессиональные художественные навыки и живописную технику. В то же время работа по образцу не подразумевала слепой шаблонности. Эмоции и воспоминания мастера вплетались в иконографическую основу. Так, традиционная каноническая формула не преобладала, и получалось новое произведение с оригинальным решением, в котором композиция была обусловлена новыми нюансами, свободными ритмами и характерным живым цветом. Живопись на свитках постепенно приобрела национальный характер, стилистику, приближенную к народному искусству, этнические элементы и стала самобытным явлением в художественной практике. Эти особенности наиболее ярко нашли воплощение в творчестве Дзанабадзара, Жугдера, Д. Дамдинсурэна, Марзана Шаравы.

Роль народного искусства для формирования и развития самобытной живописи Монголии. Наиболее выразительно этнические особенности проявились в народном творчестве, которое не было связано иконографическим каноном. Мастера смело передавали особенности жестов, мимики, характерные детали костюма, этнографические черты. В образах присутствует условность и обобщенность, но эти факторы компенсировались свободой трактовки, жизненностью, динамичной моделировкой формы. Самыми распространенными среди произведений народного художественного творчества были картинки «дзагал» и «уйчир» [8, с. 106]. В их художественной трактовке присутствовали непосредственность, наблюдательность, грация и богатая твор-

ческая фантазия. Традиции народного искусства стали основой для формирования и развития в XX веке нового художественного направления «монгол-зураг». В основе «монгол-зураг» лежала техника традиционной плоскостной живописи клеевыми, минеральными и земляными красками на мелкозернистом грунтованном холсте. В качестве краски часто использовали гуашь. Для композиций «монгол-зураг» характерны: четкая плановость, плоскостность построения, отсутствие линейной перспективы и светотени; рисунок, выверенный и точный, с использованием локально ярких, насыщенных цветовых пятен; фон условный и обобщенный. Большое значение уделялось декоративному обрамлению, которое выполнялось по мотивам народных монгольских орнаментов, имеющих сложную символику. Яркие представители «монгол-зураг» – это: У. Ядамсурэн, А. Сэнгэцохио, Б. Гомбосурэн, Б. Аварзад, Ц. Минжуур, Ц. Жамсоран и др. В конце XX века в изобразительном искусстве Монголии появилось новаторское прочтение традиционной живописи «монгол-зураг». Народно-фольклорные сюжеты, образно-живописный строй, средства художественной изобразительности, техника, метод письма приобретали новые качества. Возросло декоративное начало, это проявилось в доминирующем значении цветового решения, линейности, орнаментальности. Художники в своем творчестве не только обратились к народным сюжетам и мотивам, но и стали подходить к решению художественных задач в русле эстетики постмодернизма, при этом не теряя этнической самобытности. Это монгольские художники: Н.-О. Цултэм, О. Мягмар, П. Цогзол, Ч. Ичинноров, Ё. Улзийхутаг, Ч. Хурэлбаатор и др.

Этнические традиции в монгольском современном изобразительном искусстве на примере творчества Зориг Уянги, Ламжавына Ганболда, Тугс-Оюун Содномын, Гансуха Энхтайвана, Заясайхана Самбуу. Современное изобразительное искусство Монголии – это яркий пример синтезированного художественного опыта, где органично сочетаются традиции и инновации в творчестве. Творческий метод современных мастеров доказывает, что, работая в разнообразных направлениях, жанрах, техниках, индивидуальных манерах, все они остаются глубоко национальными. Этот тезис

можно аргументировать рассмотрением творчества современных монгольских художников.

Зориг Уянга – художник-график, живописец, преподаватель, председатель Союза дизайнеров Монголии. Этническое в ее работах проявляется не только в сюжетном решении, но и в традиционных средствах художественной выразительности. Творческий метод З. Уянги – это синтез традиционного и инновационного. Работам Уянги свойственны теплота колорита, изысканность рисунка, композиционная ритмичность. Излюбленными темами ее творчества стали: фольклорные образы, древние легенды, сказания, история Монголии, а также женские образы, театральное закулирье, балет [1, с. 178]. Ее искусство символично и наполнено глубоким смыслом. В графических и живописных образах, которые художник по-своему осмысливает, представляются вечные вопросы постижения смысла жизни, духовного совершенствования, преемственности поколений. Главное средство художественной выразительности для нее – это линия, которая имеет множество вариаций, именно линия транслирует основную идею произведения. Новые композиционные графические формы З. Уянга передает средствами стилизации и обобщения. Фон, как правило, остается нейтральным, контекст не важен, на первом месте – образ. Цвет тоже являет собой определенный символ, исходную категорию идеи произведения. Эти качества сродни традиционной монгольской живописи «монгол-зураг». Через аналитическое восприятие модели автор доводит технику исполнения до совершенства. Данные особенности проявились в серии офортов «Леди» (2001), работах «Мать неба» (2005), «Невеста» (2005), «Тишина» (2006), в серии, посвященной балету (2009). Творчество Уянги – великолепный пример проявления этнокультурных традиций в современном изобразительном искусстве.

Ламжавын Ганболд – монгольский живописец, творчество которого характеризует поколение художников, создавших свой уникальный стиль на основе соединения традиционного направления «монгол-зураг» и европейской школы живописи. Важную роль в становлении творческого метода художника сыграли Российская академия художеств и Юрий Михайлович Непринцев, который был главным наставником в живописи для Ганболда [4, с. 134]. Еще будучи студентом,

он усвоил широкий диапазон средств художественной выразительности и развил композиционное мышление, основанное на европейском методе работы с натуры. Это позволило художнику стать мастером пейзажа со своей живописной манерой. Национальная идентичность в творчестве проявилась уже в 90-е годы XX века. Творчество Ламжавына Ганболда иллюстрирует развитие декоративных тенденций в живописи Монголии. Его работы насыщены колористическим звучанием и активным движением. Динамика усиливается ритмикой образно-композиционного строя. Такой художественный прием придает произведениям художника выразительность и музыкальность. В работах «Осень» (1998), «Перед дождем» (2004), «Первый снег» (2005), «Розовый вечер» (2005) и др. присутствуют романтические тенденции. В этих произведениях художник поднимается до обобщенного поэтического образа природы в ее разнообразных состояниях. Яркая, энергичная, пастозная живопись связана с декоративно-импрессионистическими исканиями. Сильными красками и поэтико-музыкальным настроением отличаются картины «Лунная ночь» (1998), «Ночная серенада» (2004), «Вечер» (2005). Пластические мазки красок рефлексируют в звучно-синем диапазоне. От этого возникает ощущение фантастичности, таинственности, сказочности. Бытовая тема раскрывается автором по-своему. Пейзаж, где изображены люди за привычными для аратов занятиями, типичен для монгольских художников. Ганболд подходит к решению этих сюжетов не через передачу конкретных характеристик быта, а через представление своего чувства очарования степной жизнью в гармонии с природой – неприступными горами, бескрайней степью, лазурью небес. Таковы работы художника: «Вечер в Ури» (2004), «Новое кочевье» (2004), «Первый иней» (2005) и др. Эпичность и мажорный лад присутствуют в горных пейзажах: «Ансамбль Роки» (2000), «Полдень в ущелье» (2005). В них цветовой гармонии вторит композиционный и ритмический строй. Аккордовыми последовательностями выстраивает художник изобразительный мотив. Это рождает ощущение величия и монументальности, восхищения и преклонения перед горными массивами. Творческий метод художника самобытен. В его полотнах раскрываются характер монгольского народа, этнокультурные

традиции, художественные ценности. Л. Ганболд представляет Монголию в ярком, звучном, смелом колорите. Пишет природу такой, какой ее видит – необыкновенной, завораживающей, удивительной. Национальные критерии художественности раскрываются в его творчестве через обобщение, образный строй, декоративность, цветовую палитру. Творчество Ганболда основано на национальном мироощущении и традициях русской художественной академической школы. Он создает свое художественное пространство и при этом не утрачивает национальной самобытности.

Творчество монгольской художницы **Тугс-Оюун Содномын** подтверждает факт, что народные монгольские традиции органично вписываются в современную художественную жизнь. Они являются живым, неисчерпаемым, постоянно действующим источником вдохновения для формирования самобытного стиля. Художнический подход Тугс-Оюун Содномын формировался под воздействием европейских направлений в искусстве (символизма и примитивизма), а также традиционной плоскостной монгольской живописи. Рисунок, штрих, линия являются главными средствами художественной выразительности. Линия точная, смелая, пластичная выявляет образы-символы, графически вычленяет пространство. Особый творческий метод позволяет художнице свободно обращаться к любой тематике и оставаться узнаваемой. Традиционные принципы фронтально-локальной национальной живописи варьируются, развиваются, приобретают новые качества. Таковы работы «Краса Гоби» (1986), «Молитва» (1996), «Встреча в Гоби» (1996) «Вечная любовь» (1997), «Молодые верблюды» (2005), «Любовь в Гоби» (2005), «Три дамы» (2005). Как мастер Тугс-Оюун нашла свои образы человека и природы и выработала собственные приемы их живописного воплощения.

Гансүх Энхтайван – молодой и самобытный художник Монголии, в творчестве которого явно читается индивидуальный стиль и яркое этническое начало. Художественное воплощение образов в работах Энхтайвана гармонично и пронизано способностью к созерцанию природы, для передачи которой художник использует национальную живописную традицию и профессиональную художественную школу. В творчестве преобладает пейзаж, в котором автор находит

различные виды, состояния, настроения. Работы «Оазис» (2013), «Озеро вечером» (2014) посвящены образу Гоби, характерному для творчества монголов. В авторской интерпретации этот образ декоративен. Через яркий колористический подход, открытое композиционное решение, четкость, даже фризность планов художник сообщает идею безграничности пространства мироздания кочевника. Работы «Сила гор» (2014), «Истоки» (2014) посвящены образу гор, который является еще одним символом национального менталитета. Эпичность, тяготение к монументальности и декоративности передано средствами обобщенности, универсализации образа цветом и светом. Пейзажные композиции «Могущественный человек», «Монгольские символы», «Фестиваль Наадом» дополняются жанровыми мотивами. И снова здесь предстают национальные архетипы – образы коня, наездников, юрты. В них присутствуют лаконичность цветового решения, обобщенность, аппликативность деталей, преобладание крупного плана – традиционные приемы монгольской изобразительной системы. Работам Г. Энхтайвана свойственны смелый пастозный мазок, открытое композиционное построение, условность фигур. Яркий синий, сочный зеленый, насыщенный красный – преобладающая палитра, которая активизирует внимание зрителя. Декоративность художественных приемов подчеркивает приверженность национальному изобразительно-му искусству.

Заясайхан Самбуу – современный монгольский художник, который родился в небольшом кочевье в пустыне Гоби на Западе Монголии, получил профессиональное образование на факультете живописи в Монгольском университете культуры и искусства, а в настоящее время живет в Калифорнии и работает в Международном сообществе художников [5]. Поиски индивидуальной творческой манеры привели З. Самбуу к изучению этнокультурного наследия монголов. В его работах преобладают символические об-

разы национальных красавиц в традиционных одеяниях, роскошных украшениях, со сложными головными уборами и прическами. Образы тяготеют к иконографичности, истоки которой берут начало в национальных традициях монгольской религиозной живописи на свитках и в народном искусстве. Художник выступает в своих полотнах как продолжатель лучших художественных традиций своей культуры. Разрабатывая традиционные методы изображения, он прибегает к приемам условного обобщенного изображения и яркокрасочной плоскостной живописи. Его интересы сосредоточены на передаче гармонии красок и колористической цельности полотен.

Выводы. В целом можно выделить следующие основные черты проявления этнических традиций в изобразительном искусстве Монголии. Во-первых, важная роль принадлежит этническому менталитету, в котором на сознательном и бессознательном уровнях вырабатываются определенные закономерности в стилистике искусства – декоративность, универсальность, орнаментальность. Во-вторых, этнические традиции легли в основу специфики искусства, где даже заимствованный художественный опыт приобрел самобытные черты. В-третьих, этническое начало, проявившееся в народном творчестве, легло в основу уникального художественного направления «монгол-зураг» и вывело изобразительное искусство Монголии на мировой уровень. В-четвертых, в современном искусстве этническая традиция нашла выражение через архетипическое начало, мифотворчество, национальные символы, образы, сюжеты, традиционные художественные приемы. Таким образом, монгольское изобразительное искусство имеет глубокие самобытные традиции, которые сформировались в прошлом и развиваются в современной живописи. Этнические традиции легли в основу художественно-образной системы и стали источником для формирования творческого метода художников в разные исторические периоды.

Литература

1. Белокурова С. М. Тема балета в искусстве современной монгольской художницы З. Уянги // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусства. – 2016. – № 36. – С. 176–183.
2. Бертольд Шпулер. Золотая Орда. Монголы на Руси (1223–1502) / пер. с нем. С. Ю. Чупрова. – М.: Центрполиграф, 2017. – 415 с.
3. Кочешков Н. В. Народное искусство монголов. – М.: Наука, 1973. – 200 с.

4. Мелехова К. А. Художник-педагог Монголии Ламжавын Ганболд // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 2014. – № 16. – С. 130–137.
5. Монгольский художник. Zayasaikhan Sambuu [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.risunoc.com/2013/03/mongolskiy-khudozhnik-zayasaikhan-sambuu.html> (дата обращения: 05.09.2017).
6. Нехвядович Л. И. Этническая традиция в современном гуманитарном знании. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2010. – 96 с.
7. Сергеева Т. В. Искусство Монголии. – М.: Сorex-Полиграфия, 1992. – 48 с.
8. Цултэм Н. О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. – М., 1984. – 232 с.

References

1. Belokurova S.M. Tema baleta v iskusstve sovremennoy mongol'skoy Khudozhnitsy Z. Uyangi [The theme of ballet in the art of the contemporary Mongolian artist Z. Uyangi]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Art], 2016, no. 36, pp. 176-183. (In Russ.).
2. Bertol'd Shpuler. *Zolotaya Orda. Mongoly na Rusi (1223–1502)*. [Golden Horde. The Mongols in Russia (1223–1502)]. Translation from the German S.Yu. Chuprov. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2017. 415 p. (In Russ.).
3. Kocheshkov N.V. *Narodnoe iskusstvo mongolov* [Mongolian folk art]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 200 p. (In Russ.).
4. Melekhova K.A. Khudozhnik-pedagog Mongolii Lamzhavyn Ganbold [Artist-teacher of Mongolia Lamzhavyn Ganbold]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri* [Cultural Heritage of Siberia]. Barnaul, 2014, no. 16, pp. 130-137. (In Russ.).
5. *Mongol'skiy khudozhnik. Zayasaikhan Sambuu* [The Mongolian artist. Zayasaikhan Sambuu]. (In Russ.). Available at: <http://www.risunoc.com/2013/03/mongolskiy-khudozhnik-zayasaikhan-sambuu.html> (accessed 05.09.2017).
6. Nekhvyadovich L.I. *Etnicheskaya traditsiya v sovremennoy gumanitarnom znaniy* [Ethnic tradition in modern humanitarian knowledge]. Barnaul, Altai State University Publ., 2010. 96 p. (In Russ.).
7. Sergeeva T.V. *Iskusstvo Mongolii* [The Art of Mongolia]. Moscow, Sorex-Poligrafiya Publ., 1992. 48 p. (In Russ.).
8. Tsultem N.O. *Iskusstvo Mongolii s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [The art of Mongolia from ancient times to the beginning of the twentieth century]. Moscow, 1984. 232 p. (In Russ.).

УДК 7.03

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ДАОСИЗМА НА ВЬЕТНАМСКУЮ НАРОДНУЮ ГРАФИКУ ХАНГЧОНГ XVIII ВЕКА

Прошкина Ольга Алексеевна, кандидат искусствоведения, главный специалист (искусствовед), Региональное отделение Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств (г. Красноярск, РФ); доцент, Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова при Российской академии художеств (г. Москва, РФ). E-mail: olga-proshkina@ya.ru

Во Ван Лак, кандидат искусствоведения, заместитель декана факультета индустриального изобразительного искусства, Университет Тон Дук Тханг (г. Хошимин, Вьетнам). Email: vovanlac@tdtu.edu.vn

Формирование образов в традиционном искусстве Вьетнама неразрывно связано с влиянием трех религий: даосизма, буддизма и конфуцианства. Статья посвящена влиянию даосизма на формирование образов, представленных в народной графике Вьетнама. Предметом исследования являются свитки Хангчонг XVIII века, которые существенно отличаются от народной графики других центров народной гравюры Вьетнама. Искусство Вьетнама остается недостаточно исследованным для российского искусствознания. Общий обзор народной графики Вьетнама и установление значения именно гравюры Хангчонг является целью данной статьи. Первые образы народной картины (лубка) во Вьетнаме появились не позднее XI века и существуют до настоящего времени как один из видов традиционного искусства. Наименование «Хангчонг» появилось в конце XVI века от названий улиц Хангчонг и Хангшон в Ханое, где находились мастерские по созданию гравюр. Помимо других целей, мастера создавали

ксилографии для даосских храмов, с этим связано более интенсивное проникновение даосской символики в оттиски Хангчонг. Применение комплексного историко-художественного метода помогло выявить существенные особенности ксилографии Вьетнама XVIII века: синкретический характер «Там-дао» повлиял на формирование многозначности «прочтения» изображений, имеющих как культовый, так и благопожелательный характер. Графику Хангчжоу важно рассматривать как часть городской столичной культуры. Оттиски изобилуют даосской символикой, что прослеживается в статье на примере нескольких произведений, опубликованных и описанных впервые на русском языке. Результаты исследования могут быть использованы в образовательной и научной деятельности, а также быть интересными самому широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Вьетнам, даосизм, Инь-Ян, ксилография, лубок, народная графика, «Там-дао», Хангчонг.

THE INFLUENCE OF THE PHILOSOPHY OF TAOISM INTO THE HANG TRONG VIETNAMESE FOLK GRAPHICS OF THE 18TH CENTURY

Proshkina Olga Alekseevna, PhD in History of Arts, Chief Specialist (Art Critic), Regional Office of the Russian Academy of Arts in the Urals, Siberia and Far East (Krasnoyarsk, Russian Federation); Associate Professor, Moscow State Academic Art Institute Named After V.I. Surikov of Russian Academy of Arts (Moscow, Russian Federation). E-mail: olga-proshkina@ya.ru

Vo Van Lac, PhD in History of Arts, Vice Dean Industrial Fine Art Faculty, Ton Duc Thang University (Ho Chi Minh City, Vietnam). Email: vovanlac@tdtu.edu.vn

The formation of images in the traditional art of Vietnam is inextricably linked to the influence of three religions: Buddhism, Confucianism and Taoism. The article is devoted to the influence of Taoism on the formation of images presented in the national xylography of Vietnam. The subjects of the study are the 18th century's Hang Trong scrolls, that differ significantly from other Vietnamese centers' folk graphic. The purpose of this article is a general overview of the woodcut of Vietnam and identifying the meaning of Hang Trong xylography of the 18th century. The first examples of folk paintings in Vietnam appeared not later than in the 11th century and they exist until now as a part of traditional culture. Woodcut Hang Trong got its name in the end of the 16th century from the naming of Hang Trong and Hang Nong streets in Hanoi city that housed the workshops of engraving. Among other purposes, the workshops created images for Taoist temples, thus the Taoist symbolism entered Hang Trong very soon. The integrated art-historical method helped identify the essential features of woodcuts of the 18th century. A syncretic character of "Tam Dao" influenced the formation of the ambiguity of "reading" images, which have both, a religious and good wishes character. Hang Trong xylography is important to consider as part of the urban culture. The Prints are filled with Taoist symbols, which can be seen in this article on the example of several works published and described for the first time in Russian. The results of the study can be used in educational and scientific activities, as well as be interesting to a wide range of readers.

Keywords: Vietnam, Taoism, Yin-Yang, xylography, woodcut, folk graphics, "Tam-Dao", Hang Trong folk graphic.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-44-50

Искусство Вьетнама складывалось под влиянием культур и религий соседних стран. Буддизм, конфуцианство и даосизм, оказавшись на территории Вьетнама, органично сплелись с местными верованиями и сформировали многие ключевые

особенности духовной жизни и мировоззрения вьетнамского народа. «Даосизм проник во Вьетнам одновременно с конфуцианством, в начале нашей эры. Это – политическая и философская доктрина, сформулированная древним китайским

мыслителем Лао Цзы (жил в период между 570 и 490 годами до н. э.). В учении Лао Цзы главное – понятие Дао, что переводится как “путь” и представляет собой единственный источник истины и закона во Вселенной. Дао контролирует все живое, призывает жить, следуя теории “недеяния”, “невмешательства” человека в естественную эволюцию» [6, с. 38].

Народная картина (чань зан зан) во Вьетнаме создается по принципу гравюры на дереве. Известно, что первые образцы появились не позднее XI века н. э. [8, с. 245]. Этот способ тиражирования и распространения изображений был очень популярен на протяжении многих веков, чему дополнительно способствовала популярность буддизма во Вьетнаме. Монастыри сохраняли печатные доски, при необходимости поновляли их и тиражировали оттиски. Изображения использовались в качестве иллюстраций к книгам, а также для украшения храмов. Известно, что уже в XV веке в Храме литературы в Ханое было создано хранилище для печатных досок [8, с. 246].

Со временем оттиски стали иметь широкое распространение не только в храмах и государственных учреждениях, но и в частных домах. Однако, так как религиозные верования во Вьетнаме имеют сложный, синкретический характер, то и изображения получили новые черты, атрибуты, а порой и значение.

Наименование «Хангчонг» закрепилось в конце XVI века и возникло от названий улиц Хангчонг и Хангнюн в Ханое, где находились мастерские по созданию гравюр на дереве. Традиция повсеместного распространения гравюры на дереве была связана с литературой, а также подготовкой материалов для прохождения чиновнического экзамена, который способствовал появлению небольшой социальной группы образованных людей ши-фу, чьи взгляды были сформированы конфуцианскими ценностями. Большой популярностью пользовались оттиски с благопожеланиями к празднику Нового года. Известно, что именно в этих мастерских также создавались изображения для даосских храмов. Отсюда возникает более интенсивное проникновение символического языка даосизма в изображения.

Рассматривать даосизм во Вьетнаме отдельно от других религиозных культов практически невозможно, потому что на данной территории

происходит ассимиляция вместе с даосизмом буддизма и конфуцианства. Кроме этого, большое значение приобретает соприкосновение внешних религиозных систем с культом предков. Родоплеменные верования дополняют даосские практики образами злых духов, которые вредят людям, урожаю и т. п. Фактически в основе большинства магических ритуалов Вьетнама лежит борьба с враждебными духами. Мощная философская система даосизма, существовавшая в Китае, не была целостно воспринята вьетнамцами. С проникновением трех религий культ предков расширился благодаря знакомству с духами буддийского и даосского пантеона. Из божеств даосского пантеона наиболее почитаемыми являются Лао Цзы, Нефритовый император (см. Приложение, рис. 1) и др.

В начале XII века культ «Там дао» объединил с буддизмом конфуцианство и даосизм. «В результате во вьетнамском сознании утвердилось представление о принципе религиозной дополнительности, не единственности картины мира, в отличие, скажем, от христианства. Феномен “Там дао” заключается в том, что каждая из трех систем (конфуцианство, даосизм, буддизм) на бытовом уровне во Вьетнаме в “чистом виде” не существовала. “Там дао” – это синтез трех религиозных течений, вариант вьетнамского религиозного синкретизма» [6, с. 40].

Самые ранние сохранившиеся народные картины относятся к XVII–XVIII векам. «Столичные мастера производили разновидность религиозных лубков, относящихся к культу медиумов. В основе культа лежат древние религиозные традиции, восходящие к анимистическим верованиям и вошедшие позже в систему религиозного даосизма. Сложный обряд хаудонг, в прошлом продолжавшийся порой много часов, совершался в специальных храмах или перед домашними алтарями обычно накануне сезонных праздников служителями культа, чаще всего женщинами. Вводя себя в ритуальный транс, они вызывали духов, изгоняли напасти, лечили от различных заболеваний» [2, с. 79].

В духе культа медиумов и графики Хангчонг выполнена композиция «Пять тигров» (XVIII век) (см. Приложение, рис. 2). Изображение этого животного имеет множество символов. Для вьетнамцев тигры олицетворяли «мирскую», грубую

силу, потому как приносили людям вред, убивая домашний скот и нападая на крестьян. Тигру приписывалась способность отгонять злых духов, отсюда традиция помещать изображение тигра у входа в дома или храмы [5, с. 119]. **Даосизм** воспринимался жителями Вьетнама как способ взаимодействия с природой, с ее стихийными силами. В изображении влияние даосизма просматривается в том, что художник наделяет образы животных значениями пяти элементов. Так, центральная фигура становится символом элемента Земли, с преобладанием желтых оттенков. Сверху элементы Металла и Воды соответствуют Западному и Северному направлениям. Внизу красный тигр соответствует элементу Огонь (Юг), а зеленый тигр – элементу Дерево (Восток).

«Что касается даосизма, то из всего многообразия его положений практический интерес представляла лишь нацеленность на любовь к природе. Мистицизм в даосизме ограничивался лишь умственными фантазиями. Шаманизм в даосизме способствовал объединению людей, имел немало положительных моментов, тем не менее, не мог быть использован в управлении государством и служить интересам стабилизации общества»¹ [1, с. 133]. Из чего следует, что даосизм во Вьетнаме был далек как от политических влияний, так и от покровительства власти. Это еще теснее связало его с народной культурой, которая, воспринимая китайскую натурфилософию, дополнила ее понятными сложившимися символами. Следовательно, даосизм был связан с календарными праздниками, которые «отражают моменты циклической смены природных явлений и связанных с ними периодов земледельческих работ. По сути своей – это культ природы, где перво-степенное значение придается стихиям, важным в сельскохозяйственном производстве: земле и воде. Смысл календарных обрядов заключается в попытках повлиять на окружающий мир таким образом, чтобы иметь хороший урожай, чтобы не было в работе помех со стороны враждебных сверхъестественных сил» [4, с. 82].

В гравюре «Пять тигров» изображенные животные имеют дополнительную символику божеств сторон света и разных природных стихий.

¹ Чан Ван Зяу. Традиционные ценности вьетнамского народа. – Ханой: Общественные науки, 1990. – С. 86–88. (На вьетнамском языке).

В ксилографии Хангчонг XVIII века «Великое собрание» (см. Приложение, рис. 3) в антропоморфном облике предстают те же божества. Фигуры располагаются регистрами, напоминая иконографию Собрания объектов прибежища в буддизме. Вверху изображен Авалокитешвара – бодхисатва сострадания, именуемый во Вьетнаме Куан Ам с предстоящими Нефритовой девушкой Нгок Ны и Золотым юношей Ким Донгом. Следующий регистр представлен изображением легендарных правителей государства Ванланг – Хунг Вьонгами. Первый (перечисление идет слева направо) покровительствует водной стихии, второй – огню и далее – стихиям земли и леса соответственно. Уровень ниже составляют образы Матери леса, Матери огня и Матери воды. Их окружают люди с дарами в руках (на многих праздниках, связанных с урожаем, укрощением водных стихий и плодородием вьетнамцы делали многочисленные подношения именно богиням-матушкам). Следующий регистр по распределению цветовой гаммы в одеждах и направлениям сторон света совпадает с рассмотренными выше образами пяти тигров. Центральный старец в желтых одеждах символизирует элемент земли, однако к значениям стихий и сторон света четырех крайних фигур добавляется символика времен года: начиная с весны на Востоке (левая фигура) и заканчивая зимой на Севере (правая фигура). Последний ярус божеств заполнен Тхань Мау – четырьмя Святыми Матушками, покровительствующими небу, лесу, рекам и земле. Во Вьетнаме много божеств покровительствует водной стихии, одни связаны с дождями и грозами, в то время как другие покровительствуют рекам и помогают людям, которые страдают от разливов водоемов. Натурфилософия даосизма во Вьетнаме рассматривалась как пантеистическая система. «До сих пор исследователи не могут ответить на вопрос, когда появились три сферы (четыре сферы), но большая их часть считает, что поклонение Матери трех сфер возникло раньше четырех сфер. Добавление четвертой сферы – это просто особенность вьетнамского даосизма» [7, с. 358].

Чередование мужских и женских божеств визуализирует взаимодополняющую структуру Инь-Ян, которая происходит из оккультных верований Древнего Китая, но с течением времени была воспринята и другими восточными странами.

Вьетнамские мифы наполнены различными символами. Так, множество божеств способны принимать форму как людей, так и животных. Нередко встречается превращение старца-мудреца в дракона. Изображения драконов можно встретить на предметах бытового назначения, а также их используют как часть декорирования тронов божеств в графике Хангчонг. Символика дракона восходит к древней китайской традиции. Вьетнамский народ, перенимая эту символику, считает дракона своим прародителем. Обширное распространение символики дракона связано также с культом предков.

«Существенным элементом даосизма является его древняя космография, запечатленная в спиралях звездных узоров Неба и горно-долинных узоров Земли. Принцип спирали – одно из важнейших и древнейших понятий даосизма, примененный при составлении календаря в Древнем Китае, полностью перенятый во Вьетнаме и символизировавший циклическое “развертывание” и “свертывание” Вселенной... Результатом системы астрономических наблюдений древней даосской космографии (около IV тыс. до н. э.) стало выделение созвездия Дракона как маркера Полюса Мира... Символизм Дракона, пронизывающий всю китайскую и вьетнамскую философию и мировоззрение вплоть до настоящего времени, в большой мере обязан древним астрономическим наблюдениям даосской культуры» [6, с. 38]. Поражает точность древних астрономических расчетов, так как самая близкая к северному полюсу звезда находилась в период IV тысячелетия до н. э. в созвездии Дракона, отсюда становится понятным, почему Дракон явился столь важным образом и своеобразной точкой отсчета в восточных верованиях.

Часто на свитках можно встретить изображения как нескольких божеств, расположенных в один и более рядов, так и одного божества. «Принцы и принцессы, так же как и высшие божества, часто изображались на отдельных свитках, восседая на различных животных (дракон, рыба и пр.) и почитались как покровители музыки, поэзии, а кроме того, как защитники от злых сил» [2, с. 79].

Во Вьетнаме большое значение имеют женские божества, особенностью местного буддизма является то, что эта религия формировалась как женский культ. Народная гравюра Хангчонг в оди-

ночных изображениях богинь местного пантеона неразделима и с буддистской традицией. «Образ женщины-основательницы (вьетнамская девушка Ман – первая буддистка) во вьетнамском буддизме полностью чужд мужскому характеру индийского буддизма. Здесь нет также сходных черт с китайским буддизмом, в котором почитается только одно божество – бодхисатва женского рода Гуаньинь, среди множества Будд и бодхисатв мужского рода. Своеобразие вьетнамского буддизма заключается также в том, что сегодня исповедуют его по преимуществу женщины, простые, зачастую неграмотные... Традиция зафиксировала это определенное социокультурное оформление и разделение культов: общинный дом, существующий в каждой вьетнамской деревне, предназначен для короля и для мужчин, буддийская пагода – для женщин и простого народа» [6, с. 38–39].

Интересны женские образы. Так, в изображении «Богини-матери гор и лесов» (см. Приложение, рис. 4) можно наблюдать композиционное построение, заимствованное из буддийских тханк. «Превратившись в хозяйку зеленых лесов, Ла Бинь прилагала все силы, чтобы исполнить свой долг. Она учила зверей и птиц петь и танцевать, прививала необходимые для жизни навыки, поощряла полезных животных и наказывала жестоких, вредивших остальным тварям» [3]. Это объясняет изображение животных вокруг фигуры богини. Данное изображение можно считать попыткой показать гармонию природы и человека, когда божество становится посредником между человеком и окружающим миром. В большинстве своем божества Вьетнама являют благостные образы, к которым можно обращаться за помощью. «Кульм Матери трех сфер (впоследствии четырех сфер) – это особое проявление поклонения Святой матери, которое несет в себе местные традиции вьетского населения дельты Красной реки в Бакбо (Северный Вьетнам). Благодаря его культурной ценности, духовности и жизненной силе, это верование распространилось на другие районы страны и даже вышло за ее пределы. Верование вьетов Матери трех сфер зарегистрировано в ЮНЕСКО в 2016 году как нематериальное культурное наследие человечества» [7, с. 357].

Работа мастерских Хангчонг на протяжении всей своей истории имела частный характер. Монополизация производства ксилографии государством на рубеже XVIII–XIX веков не сильно

сказалась на их деятельности. Так как все еще «оставались не запрещенными к ксилографированию “частниками” литературные произведения (в первую очередь, поэзия), а также вспомогательные учебные пособия для подготовки к сдаче конкурсных испытаний. В Ханое производство подобной продукции концентрировалось на улицах Хангчонг, Хангтай и особенно Хангхай. Последние из этих специализированных заведений в начале XX века своими глазами видели некоторые вьетнамские историки 70-х годов» [8, с. 247].

Народная графика Хангчонг XVIII века в сравнении с произведениями других школ относится к работам, созданным в рамках городской

культуры, которая к этому времени складывается под влиянием в том числе и «трех религий». Так как пантеистические взгляды вьетнамцев имеют тесное переплетение с обожествлением сил природы, логичным было проследить близость свитков Хангчонг именно с натурфилософией даосизма, что не исключает влияния буддизма и конфуцианства на столичную гравюру на дереве. Художники, работающие в квартале Хангчонг, обладали более высоким техническим мастерством, чем резчики других центров народной гравюры, стремились к изысканности образов, декоративности цветового решения и многозначности «прочтения» изображений.

Литература

1. Зыонг Куок Куан. Конфуцианство, буддизм и даосизм в феодальном Вьетнаме // Пространство и время. – 2014. – № 1 (15). – С. 128–133.
2. Легостаева А. С. Народная картина Вьетнама: история, развитие, современная ситуация // Культура и искусство Вьетнама: сб. науч. ст. – М.: РАН, 2017. – С. 77–93.
3. Мифы и предания Вьетнама [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=557548&p=4> (дата обращения: 17.04.2019).
4. Нгуен Лантуат. Этнокультурные особенности крестьянских представлений вьетов // Вопр. культурологии. – 2009. – № 2. – С. 81–83.
5. Нгуен Фи Хоань. Искусство Вьетнама: очерки истории изобразительного искусства / под ред. Д. В. Деопика. – М.: Прогресс, 1982. – 167 с.
6. Новакова О. В. Религия // Современный Вьетнам: сб. науч. ст. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, 2015. – С. 36–44.
7. Ты Тхи Лоан. Культ поклонения вьетов Святой Матери // Вьетнамские исслед. – 2017. – № 7. – С. 356–371.
8. Федорин А. Л. К вопросу об истории ксилографирования канонических и исторических текстов во Вьетнаме // Письменные памятники Востока. – 2007. – № 2. – С. 245–248.

References

1. Zyong Kuok Kuan. Konfucianstvo, buddizm i daosizm v feodal'nom Vyetname [Confucianism, Buddhism and Taoism in feudal Vietnam]. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time], 2014, no. 1 (15), pp. 128-133. (In Russ.).
2. Legostaeva A.S. Narodnaya kartina Vyetnama: istoriya, razvitie, sovremennaya situatsiya. [Folk picture of Vietnam: history, development, modern situation]. *Kultura i iskusstvo Vyetnama* [Culture and Art of Vietnam]. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 77-93. (In Russ.).
3. *Mify i predaniya Vyetnama* [Myths and Legends of Vietnam]. (In Russ.). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=557548&p=4> (accessed 17.04.2019).
4. Nguen Lantuat. Etnokul'turnye osobennosti krest'yanskikh predstavleniy vьетov [Ethno-cultural features of viets]. *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2009, no. 2, pp. 81-83. (In Russ.).
5. Nguen Fi Hoan. *Iskusstvo Vyetnama: ocherki istorii izobrazitel'nogo iskusstva* [Art of Vietnam. Essays on the history of fine arts]. Under the Editorship of D.V. Deopik. Moscow, Progress Publ., 1982. 167 p. (In Russ.).
6. Novakova O.V. Religiya [Religion]. *Sovremennyy Vyetnam* [Modern Vietnam]. Moscow, Institute of the Far East RAS. Center for Vietnam and ASEAN Studies Publ., 2015, pp. 36-44. (In Russ.).
7. Tu Thi Loan. Kul't pokloneniya vьетov Svyatoy Materi [The worship worship of the saints of the Holy Mother]. *Vьетnamskie issledovaniya* [The viets cult of worship of the Holy Mother], 2017, no. 7, pp. 356-371. (In Russ.).
8. Fedorin A.L. K voprosu ob istorii ksilografirovaniya kanonicheskikh i istoricheskikh tekstov vo Vyetname [On the history of woodcut canonical and historical texts in Vietnam]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East], 2007, no. 2, pp. 245-248. (In Russ.).

Рисунок 1. Нефритовый император.
Народная графика Хангчонг. XVIII век.
Бумага, натуральный пигмент. 91x65

Рисунок 2. Пять тигров. Народная графика Хангчонг.
XVIII век. Бумага, натуральный пигмент. 90x60

Рисунок 3. Великое собрание.
Народная графика Хангчонг. XVIII век.
Бумага, натуральный пигмент. 90x60

Рисунок 4. Богиня-мать гор и лесов.
Народная графика Хангчонг. XVIII век.
Бумага, натуральный пигмент. 91x61

МОДЕРН КАК ТЕНДЕНЦИЯ СТИЛЕОБРАЗОВАНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Попова Наталья Сергеевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: bublikova2007@yandex.ru

В статье рассматриваются региональные особенности архитектурного стиля городов Западной Сибири (Томск, Омск, Барнаул) в конце XIX – начале XX века. Автор описывает две точки зрения на роль стиля модерн в архитектуре городов Западной Сибири. В статье последовательно проводятся общесибирские черты развития стиля модерн в архитектуре; представлены и обобщены интерпретации стилевого процесса ведущих сибирских историков архитектуры, чьи исследования сосредоточены на тщательном изучении памятников архитектуры Омска, Томска и Барнаула. Автор обозначает взаимосвязь модерна с эклектикой и неоклассицизмом; проводит сравнение трех памятников сибирской архитектуры – особняков А. С. Кабалкина (Омск), В. Ф. Оржешко (Томск), И. Ф. Носовича (Барнаул). Выявленное сходство при сравнении архитектурно-планировочных решений зданий позволяет говорить о принадлежности этих трех особняков к стилю модерн. В статье показаны существующая практика изучения региональной архитектуры изолированно от общесибирских тенденций и близость художественных и архитектурно-планировочных решений, примененных в модерне в городах Западной Сибири. Также автор описывает идею и практический поиск регионального сибирского своеобразия стилевого процесса в архитектуре городов Сибири.

Ключевые слова: стиль, архитектура, модерн, эклектика, неоклассицизм, Томск, Омск, Барнаул, сибирская тема в архитектуре.

ART NOUVEAU AS A TREND OF STYLE FORMATION IN THE ARCHITECTURE OF CITIES IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Popova Natalya Sergeevna, PhD in History of Arts, Associate Professor of Department Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bublikova2007@yandex.ru

In the article, the regional peculiarities of development of the style process in the Western cities of Siberia (Tomsk, Omsk, Barnaul) are considered in the late 19th – early 20th century. As the main direction of the style process in the Western cities of Siberia, the author singles out modernism and reveals the interrelations and the influence of modernity on other trends of the regional style. The author of the article describes two points of view in the literature on the part of the modernist style in the architecture of Western cities in Siberia. It identifies the shortcomings formed in the middle of the 20th century point of view on the modernist style in the architecture of Siberia as a formal copy of the capital version of the style. It substantiates the second point of view, which assumes the regional originality of the flow of the style process. The article consistently searches for general Siberian features of the development of the Art Nouveau style in architecture. Presented and summarized are the interpretations of the style process of the leading Siberian architecture historians, whose research is focused on a thorough study of architectural monuments of Omsk, Tomsk and Barnaul. A comparison is made with the development of the Art Nouveau style in metropolitan Russian cities and reveals its chronological, sociocultural and substantive differences from the development of the Art Nouveau style in its interrelation with other style processes in the cities of Siberia. The relationship of modernity with

eclecticism and neoclassicism is indicated. Three monuments of Siberian architecture of A.S. Kabalkin (Omsk) V.F. Orzheshko (Tomsk), I.F. Nosovich (Barnaul) are compared. The similarity of their architectural planning decisions is revealed; there is a difference in the research interpretation of belonging to the style of these three mansions.

Keywords: style, architecture, art nouveau, eclecticism, Neoclassicism, Tomsk, Omsk, Barnaul, Siberian theme in architecture.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-51-57

Стилевые и внестилевые тенденции в архитектуре городов Сибири в конце XIX – начале XX века вызывают интерес у современных исследователей краеведческих аспектов искусствоведения. Обусловлен этот интерес не только общим подъемом в изобразительном искусстве и архитектуре городов Сибири этого периода, но также характером развития стиливых и внестилевых тенденций и неоднозначностью их интерпретации. Разнообразие стиливых тенденций в последней четверти XIX века подчиняется определенной логике. Так, в 1880–1890-е годы в архитектуре сибирских городов повсеместно присутствует эклектика. В рамках эклектики в городах Сибири проявились приметы историзма и «русского стиля» как варианта историзма в архитектуре. Интенсивность стиливых процессов в архитектуре также сопровождается развитием техники строительства.

Литература, посвященная исследованию стиля «модерн» в архитектуре России, достаточно многообразна. Так, направления развития модерна в России, а также его идейно-художественная программа проанализирована российским искусствоведом Е. И. Кириченко в монографии «Русская архитектура 1830–1910-х годов» [4]. В монографии исследователя русской архитектуры рубежа XIX–XX веков М. В. Нащокиной «Время стиля. К истории русской архитектуры конца XIX – начала XX века» представлен широкий охват теоретических проблем стиля, а также проведено исследование творческого наследия мастеров и памятников архитектуры модерна [8]. В ракурсе исследования региональной версии модерна заслуживает внимание сборник научных статей «Архитектура эпохи модерна в странах Балтийского региона». В частности, вызывает интерес статья Б. М. Кирикова «Круг северного

модерна», в которой автор отмечает региональные особенности в архитектуре модерна [5].

В литературе, посвященной проблематике развития стиля «модерн» в городах Западной Сибири, сложились две точки зрения. Согласно первой, стиль модерн, получивший широкое распространение в архитектуре Сибири, представляет собой единый органичный стиль со своей единой стиливой матрицей. Такая точка зрения присутствует в монографиях общего описательного характера, изданных столичными издательствами в 1970–1980-е годы. Другая точка зрения на проблему стиля в архитектуре Сибири 1890–1910-х годов предполагает столкновение тенденций неоклассицизма и эклектики. Этой точки зрения придерживаются такие видные сибирские исследователи, как А. Г. Гуменюк [2] и В. Г. Залесов [3]. Обе позиции достаточно обоснованы и проиллюстрированы документальными свидетельствами и анализом памятников архитектуры.

В основу данного исследования положена вторая точка зрения, согласно которой стиль модерн в архитектуре Сибири 1890–1910-х годов представляет собой этап развития общероссийского стиля модерн и понимается как результат органичного сочетания новых приемов архитектурно-планировочного решения, поиска стилистической общности и ее противопоставления эклектике. Характерными признаками стиля модерн в архитектуре являются: общность принципов построения формы, связи отдельных элементов между собой; анализ художественного смысла формы; диалогичность стиля, которая проявляется в постоянном обращении к стилистическим матрицам (примитивизму, классицизму, маньеризму, эклектике). Декоративность модерна также имеет двоякий характер: с одной стороны, художник стремится извлечь декоративный эф-

фekt из свойств материалов и архитектурной формы, с другой – декоративность строится на принципах эстетизации художественной формы.

Цель публикации – характеристика стилистических тенденций в архитектуре Сибири в 1900–1910-е годы. К числу задач относится исследование процесса официального и реального стилесложения в архитектуре Сибири; исследование общего художественного решения архитектурных памятников городов Западной Сибири (Омска, Барнаула, Томска) 1900–1910-х годов, относящихся к стилю модерн (на примере анализа особняков А. С. Кабалкина, В. Ф. Оржешко, И. Ф. Носовича).

Стиль модерн совершенно справедливо ассоциируется с европейской и русской столичной архитектурой рубежа XIX–XX веков. Этот стиль, выросший в противовес эклектике и примеривший на себя новые принципы формообразования и новаторские приемы строительства, на первое место ставит декоративное начало. Не случайно первые упоминания о стиле модерн употреблялись в отношении декоративного искусства того периода. При этом декоративность в рамках стиля модерн стала пониматься по-новому. Декор фасада здания должен быть ярким, впечатляющим горожанина, должен позволить зданию стать архитектурной доминантой в общей застройке города.

Другая характерная черта стиля модерн – диалогизм. Чтобы понять сущность диалогичной природы модерна, необходимо обратиться к работе Д. С. Лихачева «Контрапункт стилей как особенность искусств». Рассуждая об эклектизме, Д. С. Лихачев вывел ряд закономерностей. Во-первых, эклектизм освобождает искусство от тирании одного стиля, во-вторых, в рамках эклектизма возможно зарождение нового искусства и сохранение старых традиций. И, пожалуй, самое важное: неустойчивое равновесие эклектической системы при небольшом импульсе способно привести к полному разрушению или созданию новых стилей (см. [7, с. 88]). Среди описанных исследователем эстетических ситуаций, созданных эклектизмом, Д. С. Лихачев описывает ситуацию диалогизма: «привлечение одного из предшествующих стилей для создания нового» и «нарочитое разнообразие стилей, свидетельствующее о гибкости эстетического сознания» [7, с. 89].

Таким образом, диалогичность стиля модерн не только определяет обилие использованных мотивов и приемов в конкретных произведениях, но и объясняет скачкообразные изменения при становлении и развитии стиля. В общих чертах можно выделить три периода в развитии стиля: 1) 1880–1890-е годы – период зарождения стиля модерн на почве поздней эклектики; 2) 1890-е годы – период, в отношении которого впервые прозвучало название модерн. Характерными чертами этого периода стали: разнообразие направлений и активный творческий поиск приемов и источников вдохновения; 3) 1910-е годы – период, завершающий развитие стиля, главным направлением которого стала ориентация на поиск в рамках стиля рациональных и функциональных решений классики.

Стиль модерн получил наиболее яркое развитие в таких крупных городах Западной Сибири, как Омск и Томск. Менее выражено стиль модерн проявился в архитектуре Барнаула. Развитие этих городов обусловлено разными градообразующими факторами. Также по-разному проходила застройка городов и комплектование корпуса городских архитекторов. Общими тенденциями для всех сибирских городов стали: параллельное развитие в архитектуре стилей неоклассицизм, модерн и внестилевого направления эклектика; интенсивное развитие каменного и деревянного частного строительства в 1890–1910-е годы; обращение к общесибирским тенденциям, сложившимся в местной архитектуре и обусловленным функциональными и градостроительными условиями сибирского города.

Развитие стиля модерн в архитектуре провинциальных городов России имеет свои особенности. Период развития стиля модерн в архитектуре городов Западной Сибири хронологически близок господству стиля модерн в столичных городах России. Возникновение стиля модерн в городах Западной Сибири приходится на 1890-е годы. А завершение этого стилевого направления в городах Западной Сибири совпало с революционными событиями в России. Такое совпадение обусловлено объективными факторами. Практическое строительство зданий в стиле модерн в основном развивается благодаря частным заказам представителей купечества. То есть приме-

нение и популярность стиля модерн в реальной практике строительства связаны с ментальным развитием купечества и повышением его роли в обществе. Закат стиля модерн тоже обусловлен историческими процессами в России и мире. Для Центральной России это связано с началом Первой мировой войны, для Сибири – с изменением транспортной сети ввиду строительства Транссибирской железной дороги, революционными событиями в России, приведшими к гражданской войне и движению представителей дворянства и буржуазии из столиц через Сибирь и Дальний Восток далее за границу.

Теоретические исследования стилевых процессов в городах Сибири невозможны без изучения практического материала. Также необходимо отметить, что стилевые характеристики в оценке архитектуры Сибири расставлены не всегда. Стилелевая принадлежность часто имеет эклектичный, смешанный характер. Более того, использование стиля модерн в архитектуре Сибири сосредоточено не столько на общих процессах в искусстве, сколько на творчестве конкретных архитекторов, понимающих и предпочитающих этот стиль. Однако характеристика стилевых тенденций, их проявление в архитектуре городов Сибири, детальная атрибуция памятников архитектуры возможны только в сопоставлении с общими столичными и региональными тенденциями в архитектуре. Общие вопросы развития стиля в архитектуре Сибири в 1920-е годы освещены в статье Н. С. Поповой «Стилевые тенденции в архитектуре Омска в 1920–1930-е годы». Но данная публикация отражает период заката стиля модерн и рождения новых стилевых процессов [9].

Сибирское своеобразие модерна в архитектуре

Стиль модерн пришел в архитектуру городов Сибири в 1900-е годы. Исследователи выделяют несколько периодов в развитии стиля модерн. Ранний модерн, также называемый предмодерном, тяготеет к историзму. Так, среди памятников архитектуры предмодерна можно выделить ряд произведений, тяготеющих к эклектизму, и произведения, относящиеся к стилизации средневековой готики. В развитой стадии стиль модерн в Сибири приобретает оттенки интернационально-

сти в приемах и общем художественном решении. И еще один вариант модерна можно охарактеризовать как национально-романтический модерн. Все варианты модерна в архитектуре городов Сибири проявились одновременно. На стиль модерн влияли неоклассицизм, эклектика и другие стилевые и внестилевые направления, которые также развивались в архитектуре сибирских городов в этот период.

Исследования проявления стиля модерн в деревянной архитектуре городов Сибири провела Л. Чуйко [11]. Особенности распространения стиля модерн в деревянном и каменном зодчестве анализировал А. Н. Гуменюк [1; 2]. Оба искусствоведа в качестве исследовательского материала брали архитектуру Омска. Естественно, в каждом городе Западной Сибири наблюдались отличия в развитии архитектуры. А. Н. Гуменюк отмечает интересный факт, что тенденции стиля модерн и неоклассицизма пришли в деревянную городскую застройку Омска примерно одновременно (в 1900-е годы) и проявились преимущественно в домовой резьбе. Необходимо отметить, что вхождение городских стилей и направлений (модерна, неоклассицизма и эклектики) в деревянную жилую застройку обусловлено несколькими факторами. Первым фактором стало наличие частного заказа на строительство деревянных особняков. Такими заказчиками стали представители сибирского купечества и высшего городского чиновничества. Вторым немаловажным фактором явилось обращение к деревянному зодчеству профессиональных высококлассных архитекторов, которые могли не только решить трудные архитектурные задачи, воплотить в дереве стилевые особенности модерна и неоклассицизма, но и оснастить особняки коммуникациями по последнему слову техники.

Каменная архитектура стиля модерн в городах Сибири обладает как авторским почерком сибирских архитекторов, так и общими для архитектуры Сибири чертами. Показательны рассуждения известного исследователя Сибири В. И. Кочедамова о стиле в архитектуре Омска конца XIX – начала XX века: «Омск избежал заметного влияния на массовое строительство форм каменной архитектуры времени классицизма, столь распространенного в северных и

среднерусских губерниях России. Это объясняется не столько его удаленностью от Петербурга и Москвы (ибо влияние через “образцовые проекты” испытали на себе Томск и Тобольск), сколько недостаточной состоятельностью широких слоев населения, продолжавшего местные строительные традиции» [6, с. 111]. В. И. Кочедамов в исследовании, проведенном в 1950–1960-е годы, видит проявление регионального своеобразия архитектуры Омска через призму несостоятельности и невозможности адекватно отразить столичную версию стиля.

Иную точку зрения на мотивацию к поиску «сибирского стиля» высказывает томский искусствовед В. Г. Залесов: «В частной практике архитекторов нашли отражение явления, базирующиеся на областнических идеях буржуазно-либеральной интеллигенции Сибири. Призывы лидеров этого движения к изучению самобытного искусства местных народов, к отражению в искусстве “сибирской темы” подтолкнули архитекторов к поискам своеобразного облика зданий, их декоративной обработки, согласующихся, по их мнению, с решением данной проблемы» [3, с. 88–89]. В. Г. Залесов отмечает два направления формирования и осмысления сибирского художественного своеобразия. Первое направление проходит через метод детально-декоративной стилизации мотивов сибирской природы и орнаментов традиционной художественной культуры коренных народов Сибири. Типичным примером этого направления является декор каменного дома, построенного архитектором А. И. Лангером в 1910 году по адресу пер. Нахановича, 3. В межоконных промежутках стены третьего этажа выполнены лепные вставки в виде зеркально симметричных друг другу двух белок с шишками. Второе направление в поиске сибирского художественного своеобразия развивается по пути образно-ассоциативного восприятия архитектуры. Истоком для творчества в этом направлении стала архитектура севера Европы. Обращение к североевропейской архитектуре также стало распространено в так называемом «северном модерне». Для сибирских архитекторов истоком стала как архитектура скандинавских стран, так и приемы, выработанные петербургскими зодчими.

Обобщая рассуждения о поиске сибирского художественного своеобразия, необходимо отметить, что это направление творческой мысли родилось в среде томской интеллигенции и также стало популярно среди томских архитекторов. Поиски этого своеобразия шли параллельно поискам форм русского стиля в модерне и являются региональным отражением этих столичных процессов внутри стиля модерн.

Так, в Омске наиболее характерным проявлением стиля модерн считается построенный в 1911 году дом Александра Соломоновича Кабалкина, известного омского юриста и присяжного поверенного. В доме были соединены две функции – жилая и общественная. То есть дом был предназначен для проживания семьи А. С. Кабалкина, а также для ведения приема клиентов по юридическим вопросам главой семейства и по медицинским вопросам – его сестрой и двоюродным братом. Общественная функция особняка проявилась в предусмотренности подъезда к дому и создании обширного мощеного двора. По мнению А. Н. Гуменюк, «дом присяжного поверенного А. С. Кабалкина полностью отражает стилистику модерна в деревянной архитектуре Омска» [1, с. 35]. В основу архитектурно-планировочного решения дома А. С. Кабалкина положена вертикальная ось, обозначенная угловой эркерной башней с завершающей его высокой шатровой крышей. Кроме того, вертикаль общего решения дома подчеркнута фронтоном «на плечиках», в целом характерным для деревянной архитектуры Омска. Асимметричность архитектурного решения также является фактором, позволяющим причислить это здание к стилю модерн. Асимметричность архитектурного решения акцентируется отказом от распространенной в Сибири домово́й резьбы, подчеркнутым лаконизмом в решении парадного входа и наличников окон, а также простотой бревенчатой кладки стен, выступающей главным ритмическим элементом архитектурного решения здания. А. Н. Гуменюк видит общность архитектурного решения дома А. С. Кабалкина с образом североевропейской средневековой архитектуры, находит сходство с художественным решением особняка архитектора В. Ф. Оржешко в Томске, построенного в 1911 году [1, с. 35]. Влияние местных архитектурных традиций также

отмечает А. Н. Гуменюк: «В романтизированном облике особняка Кабалкина присутствуют черты местной архитектурной традиции. Ступенчатый аттик, акцентирующий главный вход в здание, стилизован под характерный мотив, который при благоприятных обстоятельствах развития “нового стиля” в деревянной архитектуре Омска мог бы стать для него знаковым» [1, с. 36].

Близким по архитектурному и художественному решению дому А. С. Кабалкина стал особняк архитектора И. Ф. Носовича, построенный в 1907–1908 годах в Барнауле. Особняк И. Ф. Носовича первоначально был построен на улице Чернышевского, 152, но в 1989 году перенесен на улицу Анатолия, 106. Особняк представляет собой двухэтажный деревянный дом с угловой эркерной башней, крытой шатровой крышей. В отличие от омского особняка А. С. Кабалкина и томского особняка В. Ф. Оржешко, в барнаульском особняке И. Ф. Носовича декоративную функцию выполняет резьба наличников и карниза. Также особенностью дома И. Ф. Носовича стал высокий кирпичный цоколь и вход, оформленный крыльцом с крытой верандой. Хотя исследователи архитектуры Барнаула совершенно справедливо относят дом И. Ф. Носовича к внестилевому направлению эклектика, общность художественного решения дома И. Ф. Носовича и А. С. Кабалкина вызывает исследовательский интерес [10, с. 26]. Крытое крыльцо, резной декор наличников и карниза, шатровое завершение башенного объема обращают исследователя к историческим реминисценциям и позволяют предположить, что дом И. Ф. Носовича относится к внестилевой эклектике, которая, в свою очередь, соединила в себе демократический русский стиль и модерн. Анализируя проявление неоклассицизма и эклектики в деревянном зодчестве городов Западной Сибири в 1890–1910-е годы, исследователи отмечают тесное соприкосновение и параллельное бытование стилей в архитектуре и творчестве архитекторов.

В заключение необходимо отметить, что стилевые тенденции в архитектуре городов Сибири были переплетены между собой и приходятся на очень короткий временной период – с 1900 по 1918 год. Для стилевых тенденций архитектуры городов Сибири характерно одновременное развитие форм раннего, зрелого и позднего модерна.

Причина такой одновременности развития форм стиля, с одной стороны, кроется в удаленности сибирских городов от столицы и, соответственно, временной дистанцией в утверждении нового стиля в архитектуре. Следует отметить, что в сибирские города стиль модерн пришел в своей снятой форме. Уже кристаллизованный в целостное стилевое явление, с отработанным набором технических и композиционных приемов, модерн в Сибири имеет сугубо практическое применение: создать архитектурную доминанту в городе, подчеркнуть передовые взгляды заказчика здания, привлечь клиентов и улучшить имидж коммерческой фирмы или частного владельца в городе. Немаловажным фактором в сибирской архитектуре модерна стала практичность архитектурного решения, предусмотренность коммуникационных сетей, водопровода, канализации и т. д.

В то же время в городах Сибири воплощаются идеи и тенденции в архитектуре, показывающие достаточно большую глубину понимания современного положения архитектуры и ее стилевое развитие. В числе таких идей находятся поиски сибирского художественного своеобразия. Также интересен творческий поиск архитекторов в области форм частного особняка, с включением эстетики так называемого «сибирского стиля». В архитектуре городов Западной Сибири стиль модерн ярко проявился в частном заказе на жилые дома-особняки, торговые, а также доходные дома. Воплощение стиля модерн сопровождалось развитием технологии строительства, популяризацией деревянной резьбы, поиском новых архитектурно-планировочных решений и проявлением художественной изобретательности в разработке декора.

Необходимо отметить, что истоками осмысления стиля модерн в частной архитектурной практике томских архитекторов явились собственные представления о стиле модерн, вкусы заказчика, требования градостроительной ситуации и возможности по вписыванию нового здания в конкретный сформированный или формируемый ансамбль застройки улицы. Большим значением для создания облика здания стали технические возможности при строительстве и, в частности, использование железобетонных конструкций, а также высокий профессиональный уровень томской деревянной резьбы.

Литература

1. Гуменюк А. Н. Деревянная жилая застройка Омска 1910-х годов. Особенности развития и стилевые черты // Визуальная культура: дизайн, реклама, полиграфия: мат-лы VI Междунар. науч. конф. – Омск: ОмГТУ, 2007. – С. 33–37.
2. Гуменюк А. Н. Специфика стилевой эволюции архитектуры Омска конца XIX – начала XX веков // Вопросы стиля в отечественной архитектуре. – Л.: Ин-т им. Репина, 1991. – 84 с.
3. Залесов В. Г. Архитекторы Томска (XIX – начала XX века). – Томск: Изд-во Том. гос. архитектур.-строит. ун-та, 2004. – 170 с.
4. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. – М.: Искусство, 1978. – 399 с.
5. Кириков Б. М. Круг северного модерна // Архитектура эпохи модерна в странах Балтийского региона / РААСН НИИТИАГ; сост., науч. ред. С. С. Левашко. – СПб.: Коло, 2014. – С. 70–79.
6. Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. – Омск: Книж. изд-во, 1960. – 112 с.
7. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – 191 с.
8. Нащокина М. В. Время стиля. К истории русской архитектуры конца XIX – начала XX века. – СПб.: Коло, 2018. – 432 с.
9. Попова Н. С. Силевые тенденции в архитектуре Омска в 1920–1930-е годы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 16. – С. 70–76.
10. Степанская Т. М. Служили Отечеству на Алтае: книга для чтения по художественному краеведению. – Барнаул: Пикет, 1998. – 136 с.
11. Чуйко Л. В. Элементы орнамента коренных народов в домовой резьбе Западной Сибири // Визуальная культура: дизайн, реклама, полиграфия: мат-лы VI Междунар. науч. конф. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. – С. 94–97.

References

1. Gumenyuk A.N. Derevyannaya zhilaya zastroyka Omska 1910-kh godov. Osobennosti razvitiya i stilevye cherty [Wooden residential building in Omsk in the 1910s. Features of development and style features]. *Vizual'naya kultura: dizayn, reklama, poligrafiya: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Visual culture: design, advertising, printing. Materials of the VI International Scientific Conference]. Omsk, OmGTU Publ., 2007, pp. 33-37. (In Russ.).
2. Gumenyuk A.N. Spetsifika stilevoy evolyutsii arkhitektury Omska kontsa XIX – nachala XX vekov [Specificity of the style evolution of Omsk architecture of the late XIX – early XX centuries]. *Voprosy stilya v otechestvennoy arkhitekture* [Style issues in the domestic architecture]. Leningrad, Repin Institute Publ., 1991. 84 p. (In Russ.).
3. Zalesov V.G. *Arkhitektory Tomsk (XIX – nachala XX veka)* [The Architects of Tomsk (19 – beginning of 20th century)]. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2004. 170 p. (In Russ.).
4. Kirichenko E.I. *Russkaya arkhitektura 1830–1910-kh godov* [Russian architecture 1830 – the 1910th years]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 399 p. (In Russ.).
5. Kirikov B.M. Krug severnogo moderna [Circle of Northern art Nouveau]. *Arkhitektura epokhi moderna v stranakh Baltiyskogo regiona* [Architecture of the art Nouveau era in the Baltic region]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2014, pp. 70-79. (In Russ.).
6. Kochedamov V.I. *Omsk. Kak ros i stroilsya gorod* [Omsk. How the city grew]. Omsk, Knizhnoe izdatelstvo Publ., 1960. 112 p. (In Russ.).
7. Likhachev D.S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of artistic creativity]. St. Petersburg, Blits Publ., 1999. 191 p. (In Russ.).
8. Nashchokina M.V. *Vremya stilya. K istorii russkoy arkhitektury kontsa XIX – nachala XX veka* [Time of style. To the history of Russian architecture of the late XIX-early XX century]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2018. 432 p.
9. Popova N.S. Stilevye tendentsii v arkhitekture Omska v 1920–1930-e gody [Style trends in Omsk architecture in the 1920s-1930s]. *Vestnik Kemerovskogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2011, no. 16, 70-76. (In Russ.).
10. Stepan'skaya T.M. *Sluzhili Otechestvu na Altae: kniga dlya chteniya po khudozhestvennomu kraevedeniyu* [Served the Fatherland in the Altai: a book for reading in art of local lore]. Barnaul, Piket Publ., 1998. 136 p. (In Russ.).
11. Chuyko L.V. Elementy ornamenta korennykh narodov v domovoy rez'be Zapadnoy Sibiri [Elements of the ornament of indigenous peoples in the house thread of Western Siberia]. *Vizual'naya kul'tura: dizayn, reklama, poligrafiya: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Visual culture: design, advertising, printing. Materials of the VI International Scientific Conference]. Omsk, OmGTU Publ., 2007, pp. 94-97. (In Russ.).

УДК 7

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МУЗЫКАНТА В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Поморцева Нина Владимировна, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: musiclogist@mail.ru

Протасова Наталья Григорьевна, доцент кафедры музыкально-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: wzonnet@yandex.ru

Современные реалии мира искусства предъявляют к исполнителям всех возможных творческих направлений высокие требования, и исключительно теоретические знания в совокупности с профессиональной грамотностью уже не являются показателем мастерства. В настоящее время ценность представляет творческая личность, умеющая принимать нестандартные решения в своей исполнительской деятельности, по-новому передающая интерпретацию скрытого подтекста сочинения, как соавтор, вступивший в диалог с создателем произведения и удерживающий баланс между авторским замыслом и собственной творческой инициативой.

В данной статье наше внимание сконцентрировано на вопросах формирования интерпретационной культуры музыканта-исполнителя, умеющего не только верно «прочитать» музыкальное сочинение, но и, «пропустив через себя», выдать свое собственное видение завуалированных нюансов художественного смысла, неприметных, на первый взгляд, слушателю и начинающему музыканту.

Известно, что исполнительское видение нотного текста влияет на авторский замысел, сужает или расширяет его художественное содержание, дополняет или трансформирует заложенный в сочинении образ. В данном случае поднимается вопрос об «интерпретационной культуре» исполнителя, насколько он внимателен к авторской информации, близок к пониманию главной идеи музыкального произведения, а следовательно, насколько точно им будет сделан «перевод» авторского текста в реальные звуковые образы.

В последнее десятилетие усиливается тенденция к интеграции творческого и методического опыта из одного вида искусства в другое. Поэтому при анализе и интерпретации нотного текста органичным будет не только привлечение богатого опыта теории и практики музыкального искусства, но и вплетение в исполнительскую деятельность музыканта (подготовку концертного выступления) методов, использующихся в других сферах искусства, например, в театральной деятельности (погружение актера в роль). Проникновение элементов театральности в музыкальное искусство должно способствовать более глубокому постижению художественного содержания музыкального произведения. Таким образом, в результате исследования выявлены важные компоненты, необходимые для сформированности высокого уровня интерпретационной культуры.

Ключевые слова: интерпретационная культура, исполнительское искусство, диалог, музыкальное искусство, подтекст, театральное искусство, художественный текст.

FORMATION OF THE INTERPRETIVE CULTURE IN THE PERFORMING ACTIVITY OF A MUSICIAN

Pomortseva Nina Vladimirovna, PhD in Art History, Department Chair of Musicology and Applied Musical Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: musiclogist@mail.ru

Protasova Natalya Grigoryevna, Associate Professor of Musical and Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: wzonnet@yandex.ru

Contemporary realities of the art world place high demands on performers of all possible creative directions, and only theoretical knowledge in conjunction with professional literacy is no longer an indicator of skill. At present, the value is represented by a creative person who is able to make non-standard decisions in his performance, re-imagining the interpretation of the hidden subtext of the composition, as a co-author who entered into a dialogue with a creator of the work and maintains a balance between the author's idea and his own creative initiative.

In this article, our attention is focused on the issues of forming the interpretive culture of a musician-performer who cannot only correctly "read" a musical composition, but also, "passing through himself," to give his own vision veiled nuances of artistic meaning, inconspicuous, at first glance, listener and aspiring musician.

It is known that the performing vision of the musical text influences the author's idea, narrows or expands its artistic content, complements or transforms the image laid down in the composition. In this case, the question of the "interpretive culture" of a performer, how attentive he is to the author's information, is close to understanding the title idea of a musical work, and, therefore, how accurately they make the author's text "translation" in real sound images.

In the last twenty years, the tendency to integrate creative and methodical experience from one art form to another has intensified. Therefore, when analyzing the musical text, we see organic attraction in the vision of the musician not only the rich experience of theory and practice of musical art, but the methods and ways of working from other spheres of art. In the specific case of interpretation of the artistic text, we see an organic interweaving into the performance of the musician methods used in theatrical activity. The penetration of elements of theatricality into musical art should contribute to a deeper understanding the artistic content of a musical work. Consequently, the study highlights the important components needed to form a high-level interpretation culture.

Keywords: interpretation culture, performing arts, dialogue, musical art, subtext, theatrical art, artistic text.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-58-63

Мир современного музыкального искусства предъявляет высокие требования к профессиональному исполнителю. Музыканту необходимо не только хорошо знать теоретические вопросы и владеть исполнительским мастерством, но и уметь вступать в сотворчество с композитором, понимать скрытый подтекст, который вложен в художественный замысел музыкального сочинения. Вопрос верной интерпретации музыки неоднократно поднимался в научных трудах искусствоведов и педагогов, однако и в наши дни продолжает оставаться актуальным, особенно в процессе обучения молодых специалистов в области исполнительского искусства. Следует напомнить, что уровень прочтения скрытого подтекста в музыке является показателем творческого мышления музыканта, его художественного опыта, накопленного в ходе профессиональной деятельности, а также свидетельствует о правильности избранного музыкантом пути в развитии своего творческого потенциала. В данной статье рассмотрим вопрос формирования «интерпрета-

ционной культуры» в творческой деятельности пианиста, под которой М. Корноухов понимает «комплексно-интегративное системное качество, формирующееся в музыкально-педагогическом процессе и включающее в себя индивидуально-художественный опыт исполнителя» [7, с. 3]. В данном контексте особую роль приобретает профессиональное воспитание музыканта. Избранные ориентиры учебно-воспитательного процесса позволят вывести способности исполнителя на новый уровень, сформировать багаж умений и навыков, «составляющих компонентов исполнительской компетентности», необходимых для осуществления художественной интерпретации [6, с. 5].

В современной тенденции подготовки будущего профессионального пианиста часто прослеживается проблема между органичным соединением исполнительских навыков и художественным осмыслением музыкальных сочинений. Встречаются примеры, демонстрирующие блестящую технику музыканта, но вступающие

в противоречие с заложенным художественным смыслом. К сожалению, нацеленность на правдивую, точную стилистическую интерпретацию держит в определённых рамках фантазию большинства начинающих профессионалов, лишая возможность продемонстрировать свою индивидуальность, свое особое понимание музыкального текста. Здесь стоит акцентировать внимание на том, что сущностью интерпретационной культуры является диалог, возникающий между исполнителем и композитором в процессе исполнения музыкального сочинения. Следовательно, это выработка особого механизма, ориентирующего в дальнейшем исполнителя на систему ценностей, критериев отбора и оценки информации, различные методы и уровни познания музыкального текста.

Для полноценной сформированности интерпретационной культуры требуется умение исполнителя мыслить в стиле определенной эпохи и в духе конкретного композиторского видения. Однако не каждый музыкант, особенно в начале своего профессионального пути, способен к подобным экспериментам. Так, импровизация является еще одним необходимым элементом интерпретационной культуры, позволяющей продемонстрировать умение исполнителя заполнить «пробелы текста», возникающие в результате погрешности памяти, стрессовой ситуации и непредвиденных случаев. Например, в ансамблевом выступлении в момент остановки солиста (по разным причинам) концертмейстеру необходимо продолжить звучание музыки, заполнив неожиданную паузу в стиле исполняемого сочинения. Подобные импровизируемые случаи являются доказательством того, насколько исполнитель приблизился в диалоге с композитором к пониманию его индивидуально-попечерка.

Если обратиться к истории исполнительского искусства, то на протяжении многих веков проявление музыкальной фантазии было органичным для музыкального искусства, особенно в эпохи барокко и классицизма. Композитор и исполнитель в одном лице искусно владел импровизацией на инструменте, без фиксации её на бумаге. Однако именно с эпохи барокко начинается постепенное разделение этих двух сфер. Г. И. Панкевич отмечает, что подобная дифференциация позволила открыть возможность исполнения «огромного количества сложных в стилистическом и техническом отношениях сочинений разных эпох»

[9, с. 72]. Формирующийся тезаурус новых, сложных для художественного осмысления и исполнения задач способствовал появлению разнообразия «подготовительных» к исполнительской деятельности жанров – этюдов и упражнений для овладения традиционными и новыми техническими формулами. В XIX веке вновь вернулся интерес и понимание ценности импровизации. Такие жанры, как парафраз, вариации, транскрипция связаны, в первую очередь, с умением композитора и исполнителя импровизировать, фантазировать на уже известную тему, фразу или по-новому подать уже известный музыкальный материал.

В продолжение размышлений об искусстве импровизации стоит привести высказывания Б. Асафьева об особом «творческом даре: способности изобретения и комбинирования материала» (цит. по [1, с. 169]) и Я. Мильштейна о необходимости вернуть профессии музыканта начальную двуединую природу композитора-исполнителя в виде соединения «двух некогда нераздельных музыкальных организмов» (цит. по [1, с. 168]).

Импровизация, как один из способов понимания подтекста музыкального сочинения, особенно ценна в непредвиденных случаях. Так, К. Станиславский считал, что любой элемент мастерства лучше познается с разных сторон «во взаимосвязанности и в столкновении с непредвиденными случайностями» [11, с. 9]. Конечно, данное высказывание принадлежит театральной сфере искусства, но не менее близко к пониманию интерпретационной культуры в области музыкального искусства. Любое выступление – это пространственно-временное действие, которое зависит от мастерства исполнителя и глубины его понимания художественного мира автора. Поэтому подготовка к исполнению – особый и ответственный процесс, обнаруживающий общие параллели в музыкальном и театральном видах искусства. Необходимо настроиться, «пропитаться» исполняемой музыкой или исполняемой ролью, не отпускать заложенное в нотном тексте или сюжете настроение и общее движение драматургии. Обнаруживаемые интегративные признаки между музыкой и театром были неоднократно отмечены в наблюдениях отечественных учёных: Г. Панкевич, С. Савенко, В. Ценовой, В. Холоповой, Т. Чередниченко, Е. Чigareвой и др. Так, Г. Панкевич в крупных музыкальных жанрах по своему драматургическому воплощению отмечена близость к процессу создания пьесы в театре: «...и там,

и здесь требуется исполнительское звено – актёры, режиссёр. Без актёра театра нет» [9, с. 68].

К. Станиславский в своих трудах часто приводит сравнения театрального искусства с музыкой, нередко приводя примеры из области музыкального исполнительства: «Посмотрите, как музыканты изучают законы и теорию своего искусства, как они ухаживают за своим инструментом: за скрипкой, виолончелью или роялем. Почему же драматические артисты не делают того же? Почему они не изучают законов речи, почему не ухаживают за своими голосами, речью, телом?! Они – их скрипка, виолончель, их тончайшие орудия выразительности!» [11, с. 368].

Этапы подготовки музыкального сочинения к исполнению, поиск верной интерпретации художественного текста музыкантом также близки актерскому анализу и работе над ролью. По мнению К. Станиславского, подготовка роли состоит из четырёх этапов: познание, переживание, воплощение, воздействие.

В процессе **познавания** присутствуют несколько моментов. *Первое впечатление* – мгновение, определяющее дальнейший ход работы над произведением, это показатель «артистического увлечения и восторга, которые имеют большое значение в творческом процессе» [10, с. 48]. Второй момент – процесс *анализа*. К. Станиславский пишет об ощущении в артистическом анализе: «Если результатом научного анализа является мысль, то результатом артистического анализа должно явиться ощущение. В искусстве творит чувство, а не ум; ему принадлежит главная роль и инициатива в творчестве. То же и в процессе анализа» [10, с. 54]. *Создание и оживление внешних обстоятельств* – последний момент в работе актёра над ролью: «Артист должен любить и уметь мечтать. Это одна из самых важных творческих способностей. Вне воображения не может быть творчества» [10, с. 69]. Артистические мечты существуют в нескольких видах: *пассивное мечтание*, когда зрительные, слуховые и другие образы (как внешние, так и внутреннее представление) наблюдаются как бы «со стороны». Таково, например, использование идеи «спектакля» в работе над фортепианными произведениями композиторов XVIII века, где Фигаро или иные герои опер этого времени становятся образами тем сонат В. А. Моцарта. *Активный вид мечтаний*, в котором сам артист становится действующим лицом

происходящего, прослеживается в музыке К. Дебюсси, где зрительные образы природы и впечатлений от их лицезрения помогают созданию ощущений образов музыки.

В процессе разучивания музыкального произведения исполнитель имеет возможность прослушать варианты его аудио-, видеозаписей и в концертном исполнении со сцены, сформировав свое *первое впечатление* и «загоревшись» желанием сыграть и показать свое прочтение музыкального текста. Здесь важно, чтобы «первые впечатления были правильными», тогда они станут «важным залогом успеха, прекрасным началом для дальнейшей творческой работы» [10, с. 53]. *Анализ* услышанного вызывает в воображении образы, ассоциации, некие «творческие возбудители», позволяющие сформировать в сознании целостность художественного мира произведения, его логику развития драматургии: «оживить» темы, представить говорящего через звуки автора. Поддерживается это воображение и зрительным восприятием реальных объектов той эпохи. Просмотр спектаклей, фильмов, экранизаций опер и балетов композитора исполняемого сочинения, с достоверными костюмами эпохи, предметами обстановки, посещение выставок соответствующей эпохи в музее способствуют *созданию и оживлению внешних обстоятельств*. Исполнитель условно становится современником композитора, «вживаясь во время» написания исполняемого сочинения.

Второй из четырёх этапов – **период переживания**, К. Станиславский считает в творческом процессе важнейшим. Если этап познания – это творческое устремление, желание, то переживание – этап действия, нахождение необходимых средств воплощения образа. В исполнении сочинения музыканту необходимо найти и физическое удобство, и осмысленность средств музыкальной выразительности с диктуемыми произведением образом и настроениями.

Размышляя над **этапом воплощения**, К. Станиславский подчеркивает важность творческого взросления исполнителя, способного понять и осознать глубину художественного текста на той стадии, когда «слова роли будут сами проситься и ложиться ему на язык», «став самой удобной формой словесного воплощения для выявления артистом его собственных творческих чувств и всей его душевной партитуры» [10, с. 157]. В мире

музыки на этом этапе текст становится частью мышления и собственных чувств музыканта. Вся форма исполняемого сочинения осознается музыкантом как движение мысли, которую сопровождает эмоциональное наполнение музыки.

Период **воздействия** связан с передачей актером своего видения роли зрителю, который, в свою очередь, влияет на актёра своим живым непосредственным откликом на сценическое действие. Подобно этому, музыкант выносит на суд слушателя свое прочтение музыкального текста и ожидает такого же отклика в ответ. «Передача на сцене чувств и мыслей писателя, его мечтаний, мук и радостей является главной задачей спектакля», – пишет К. Станиславский, словно о музыкальном сочинении, звучащем со сцены [11].

Следовательно, при интерпретации музыкального сочинения музыкант, подобно актеру, должен хорошо представлять эпоху и композитора исполняемого произведения, уметь «пропустить через себя» художественный текст, проанализировать мельчайшие детали средств музыкальной выразительности и ремарок автора, найти наиболее убедительные способы звукоизвлечения для передачи представляемой ему образной атмосферы.

Таким образом, отметим основные параметры, определяющие уровень сформированности интерпретационной культуры музыканта. Развитая рефлексия и эмоциональная сфера, позволяющая исполнителю прочувствовать музыкальный текст и уловить главные образные линии, формирует «ценностный» компонент, мотивирующий музыканта к познанию и анализу скрытого подтекста в произведении. Исполнительский опыт, технические навыки и теоретические знания

обобщаются в «конструктивном» компоненте, позволяя музыканту увидеть логику драматургии и использования средств музыкальной выразительности сочинения, их взаимосвязь с мышлением композитора или людей определенного отрезка времени.

В «художественный» компонент входят: индивидуальное прочтение исполнителем семантических нюансов музыкального текста, его навыки эмпатии, гибкость мышления, способы передачи образного строя произведения слушателю.

В заключение отметим, что способность исполнителя к качественной высокохудожественной интерпретации тесно взаимосвязана с такими составляющими, как исполнительская техника, исполнительское мастерство и интерпретационная культура. Следовательно, помимо технических моментов, интерпретационная культура включает в себя:

- особое музыкальное мышление;
- навык видения, восприятия и воспроизведения музыкального образа;
- умение анализировать и вступать в диалог с композитором в прочтении художественного текста;
- навык импровизации, работы в стиле;
- высокий уровень исполнительской техники и исполнительского мастерства.

Таким образом, перечисленные качества интерпретационной культуры, а также понимание четырех важных этапов познания и воплощения музыкального текста (по К. Станиславскому) являются важными условиями в реализации художественной интерпретации музыкальных сочинений и требуют своего дальнейшего изучения.

Литература

1. Баренбойм Л. За полвека: очерки, ст., мат-лы. – Л.: Совет. композитор, 1989. – 368 с.
2. Блох О. А. Развитие духовно-творческого потенциала учащихся-музыкантов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2004. – 48 с.
3. Бухов О. Н. Условия развития творческих способностей студентов в учебной деятельности // Наука и школа. – 2017. – № 4. – С. 160–166.
4. Гайдай С. Н. Становление творческой самостоятельности студента-музыканта в учебно-художественной деятельности [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной педагогики: мат-лы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 года). – Уфа: Лето, 2013. – С. 151–154. – URL: <https://moluch.ru> (дата обращения: 26.08.2019).
5. Казанцева Л. П. Содержание музыкального произведения в контексте музыкальной жизни. – СПб.: Лань: Планета музыки, 2017. – 192 с.
6. Комурджи Р. З. Проблема исполнительской интерпретации музыкальных произведений // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по мат-лам IX Междунар. науч.-практ. конф. – М.: МЦНО, 2017. – № 7 (9). – С. 5–9.

7. Корноухов М. Д. Феномен исполнительской интерпретации в музыкально-педагогическом образовании: методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2011. – 48 с.
8. Мельникова Н. Фортепианное исполнительское искусство как культуротворческий феномен / Новосибир. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2002. – 232 с.
9. Панкевич Г. И. Искусство музыки. – М.: Знание, 1987. – 112 с.
10. Станиславский К. С. Работа актёра над ролью // Станиславский К. С. Собр. соч.: в 9 т. / под ред. И. Н. Виноградовой. – М.: Искусство, 1991. – Т. 4. – 399 с.
11. Станиславский К. С. Работа над собой в творческом процессе воплощения // Станиславский К. С. Работа актёра над собой: в 9 т. / под ред. А. М. Смелянского. – М.: Искусство. – 1990. – Т. 3, ч. 2. – 508 с.
12. Федорович Е. Н. Русская педагогическая школа как педагогический феномен: моногр. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 236 с.
13. Чинаев В. П. Исполнительские стили в контексте художественной культуры XVII–XX веков (на примере фортепианного исполнительского искусства): автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 1995. – 48 с.

References

1. Barenboym L. *Za polveka: ocherki. Stat'i. Materialy* [For half a century Essays. Articles. Materials]. Leningrad, Sovetskiiy kompositor Publ., 1989. 368 p. (In Russ.).
2. Bloch O.A. *Razvitie dukhovno-tvorcheskogo potentsiala uchaschchikhsya-muzykantov: avtoref. dis. doktora ped. nauk* [Development of spiritual and creative potential of students-musicians. Author's abstract of Diss. Dr of Pedagogical Sciences]. Moscow, 2004. 48 p. (In Russ.).
3. Bukhov O.N. *Usloviya razvitiya tvorcheskikh sposobnostey studentov v uchebnoy deyatel'nosti* [Conditions of development of creative abilities of students in educational activity]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2017, no. 4, pp. 160-166. (In Russ.).
4. Gayday S.N. *Stanovlenie tvorcheskoy samostoyatel'nosti studenta-muzykanta v uchebno-khudozhestvennoy deyatel'nosti* [Formation of creative independence of the student-musician in educational and artistic activity]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy pedagogiki: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, mart 2013 goda)*. [Actual problems of modern pedagogy: materials of the III Intern. scientific conf. (Ufa, March 2013)]. Ufa, Leto Publ., 2013, pp. 151-154. (In Russ.). Available at: <https://moluch.ru> (accessed 26.08.2019).
5. Kazantseva L.P. *Soderzhanie muzykal'nogo proizvedeniya v kontekste muzykal'noy zhizni* [Content of a musical work in the context of musical life]. St. Petersburg, Lan' Publ.; Planeta muzyki Publ., 2017. 192 p. (In Russ.).
6. Komurdzhi R.Z. *Problema ispolnitel'skoy interpretatsii muzykal'nykh proizvedeniy* [Problem of performing interpretation of musical works]. *Nauchnyy forum: Filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiya: sb. st. po materialam IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Scientific forum: Philology, art history and cultural studies: collection of materials of the IX int. scientific-prakt. conf.]*. Moscow, MCNO Publ., 2017, no. 7(9), pp. 5-9. (In Russ.).
7. Kornoukhov M.D. *Fenomen ispolnitel'skoy interpretatsii v muzykal'no-pedagogicheskom obrazovanii: metodologicheskii aspekt: avtoref. dis. doktora ped. nauk* [Phenomenon of performing interpretation in musical and pedagogical education: methodological aspect. Author's abstract of Diss. Dr of Pedagogical Sciences]. Moscow, 2011. 48 p. (In Russ.).
8. Melnikova N. *Fortepiannoe ispolnitel'skoe iskusstvo kak kul'turotvorcheskii fenomen* [Piano performing art as a cultural phenomenon]. Novosibirsk, 2002. 232 p. (In Russ.).
9. Pankevich G.I. *Iskusstvo muzyki* [Art of music]. Moscow, Znanie Publ., 1987. 112 p. (In Russ.).
10. Stanislavskiy K.S. *Rabota aktera nad rol'yu* [Actor's work on the role]. *Sobranie sochineniy v 9 t. [Collected Works in 9 vols]*. Ed. I.N. Vinogradova. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, vol. 4. 399 p. (In Russ.).
11. Stanislavskiy K.S. *Rabota nad soboy v tvorchestvom protsesse voploshcheniya* [Working on yourself in the creative process of incarnation]. *Rabota aktera nad soboy: v 9 t. [Work of the actor on himself: in 9 vols]* Ed. A.M. Smelyansky. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, vol. 3, part 2. 508 p. (In Russ.).
12. Fedorovich E.N. *Russkaya pedagogicheskaya shkola kak pedagogicheskii fenomen* [Russian pedagogical school as a pedagogical phenomenon]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 236 p. (In Russ.).
13. Chinaev V.P. *Ispolnitel'skie stili v kontekste khudozhestvennoy kul'tury XVII–XX vekov (na primere fortepiannogo ispolnitel'skogo iskusstva): avtoref. dis. doktora iskusstvovedeniya* [Performing styles in the context of artistic culture of XVII–XX centuries (on the example of piano performing art). Author's abstract of Diss. Dr of Art History]. Moscow, 1995. 48 p. (In Russ.).

УДК 78.067

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ СОЛЬНОГО КОНЦЕРТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА

Федин Сергей Николаевич, профессор кафедры музыкально-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: sergej.fedin@yandex.ru

Харсенюк Олег Никитович, доцент кафедры эстрадного оркестра и ансамбля, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: harsenyuk@mail.ru

Статья посвящена анализу концертно-исполнительской деятельности музыканта. Исполнительская деятельность рассматривается не только как технологический, но и как психологический процесс. Опора в рассуждениях делается на то, что музыка – временное искусство. В нём любая реально звучащая форма – процесс. В связи с этим рассматриваются концепции ведущих психологов, музыкальных психологов, психофизиологов, теоретиков музыкально-исполнительского искусства: Л. Л. Бочкарёва, Ю. В. Григорьева, А. В. Вицинского, Д. К. Кирнарской, М. С. Старчеус, Р. Ф. Сулейманова. Идеи и исследования названных ученых явились основой мысли о необходимости создания научно обоснованной методологии сольного концертного исполнительства. Продолжая их традиции, авторы данной статьи дифференцируют различия между видами исполнительской деятельности, конкретизируют специфику сольного концертного исполнительства. Кроме того, в работе очерчивается круг проблем, существующих в теории и истории музыкального исполнительства.

В статье изложены результаты исследований, полученные с помощью методов, опирающихся на теорию вероятности, статистику. Эти выводы вносят существенные коррективы в закономерности теории музыкального исполнительства. Введены термины тех качеств музыкального искусства, которые практически не использовались в методиках обучения специальному инструменту, а также в теории музыкального исполнительства.

Большое внимание в данной работе уделяется художественной ценности музыкального произведения. Несмотря на то, что это качество не формализовано и относится к феноменологии, ему отводится главное место в формообразовании музыкального произведения и в управлении процессом исполнения. В статье ясно прослеживается мысль о необходимости создания методологии сольного концертного исполнительства, опирающейся на современные знания, полученные из таких научных областей, как психология, музыкальная психология, теория музыкального исполнительства.

Ключевые слова: сольное и концертное исполнительство, методология, целостность, структура, сознание, рефлекс, этапы, энтропия.

ON THE NEED TO CREATE A SOLO CONCERT METHODOLOGY PERFORMING

Fedin Sergey Nikolaevich, Professor of Department of Musical and Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sergej.fedin@yandex.ru

Kharsenyuk Oleg Nikitovich, Associate Professor of Department of Pop Orchestra and Ensemble, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: harsenyuk@mail.ru

The article is devoted to the European musical culture, specifies the conditions that divided composing and performing activities into independent types. Musical-performing activity is considered not only as a technological, but also as a psychological process. The support in the reasoning is that music is a temporary art. In it, any really sounding form is a process. In this regard, the concepts of leading psychologists, music psychologists, psychophysicologists, theorists of the performing arts are considered: L.L. Bochkarev,

Y.V. Grigoriev, A.V. Vitsinsky, D.T. Kirnarskaya, M.S. Starcheus, R.F. Suleimanov. The ideas and research of these scientists were the basis of the idea of the need to create a scientifically based methodology for solo concert performance. Continuing their traditions, the differences between the types of performing activities are considered, the specifics of solo concert performance are specified. It outlines a range of problems existing in the theory and education of musical performance.

The article presents the research results obtained using the methods based on probability theory, statistics. These conclusions make significant adjustments to the regularities of the theory of musical performance. The terms of those qualities of musical art that were practically not used in the teaching methods of special tools, as well as in the theory of musical performance, were introduced.

Much attention in this work is paid to the artistic value of the musical work. Despite the fact that this quality is not formalized, and belongs to phenomenology, it is given the main place in the formation of a musical work and in managing the process of performance. The article clearly traces the idea of the need to create a methodology for solo concert performance, based on modern knowledge obtained from such scientific areas as in psychology, musical psychology, and theory of musical performance.

Keywords: solo and concert performance, methodology, integrity, structure, consciousness, reflex, stages, entropy.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-64-72

В процессе развития европейской музыки и музыкальной культуры постепенно произошло отделение исполнительской деятельности от композиторской, что диктовалось не только социальными требованиями, задачами искусства, но и различием операций, выполняемых композитором и исполнителем. Если некоторые операции совпадают по смыслу, то отличаются распределением во времени и последовательностью, что приводит к различию технологических процессов. Термин «технология» непривычен для людей искусства, однако мы можем говорить, например, о процессе создания художественного продукта с помощью орудий труда (музыкального инструмента), следовательно, употребление этого термина вполне уместно. Любой технологический процесс требует специальной подготовки человека, управляющего им, а также изменения функционирования его психических и физических качеств. Развивая своё исполнительское мастерство, музыкант-исполнитель формирует свое воображение (внутренний слух), двигательные приемы, расширяет диапазон эмоциональных представлений. Работая над нотным текстом музыкального произведения, он работает над своими психическими возможностями, формируя их для реализации поставленных задач и получения художественно значимого результата.

Получение конечного результата творчества композитора и исполнителя включает в себя большое количество этапов деятельности, связанной с подготовкой процесса презентации музыкального произведения. Деятельность композитора и исполнителя существенно различаются технологически, физически и психологически. Эти различия накладывают специфический отпечаток на используемые композитором и исполнителем анализ и синтез в процессе их деятельности. Особенно ярко это заметно во время исполнения музыкантом произведения наизусть, то есть при опоре только на память. Отметим и то, что у музыканта-исполнителя задействовано достаточно большое количество типов памяти – двигательная, тактильная, зрительная, слуховая, каждая из которых подразделяется на множество разновидностей. Следует отметить, что функционируют и взаимодействуют эти разновидности в музыкально-исполнительском искусстве своеобразно, но данное явление фактически мало изучено в науке. Это касается, прежде всего, асинхронной исполнительской техники, без которой невозможно исполнение виртуозных произведений. Существует техника мелодическая, гармоническая, ритмическая, тембральная и этот список можно продолжить. Для того чтобы решать проблемы концертирующих исполнителей, необходимо активное включение

ние собственно самих исполнителей, потому что никто лучше самих музыкантов не знает предмет и проблемы, существующие в нём. Обозначить проблему функционирования памяти, взаимодействия всех её видов во времени очень сложно, так как каждой из вышеуказанных видов памяти соответствует раздел в теории музыки. Каждому из этих разделов отводится огромное количество времени в учебном процессе, начиная с музыкальной школы и заканчивая консерваторией. Авторы статьи не собираются отрицать огромную значимость этих предметов, их содержания для общей культуры музыкантов – композиторов, исполнителей, искусствоведов, преподавателей. Задача данной статьи заключается в попытке осмыслить и понять механизмы воздействия этих предметов на память, а следовательно, и на исполнительское мастерство музыканта, а также на процессы исполнения музыкального произведения, которые, к сожалению, мало исследованы. Полученные в результате нашего рассуждения выводы должны показать степень необходимости создания методологии сольного концертного исполнительства. Хотелось бы подчеркнуть – не методики игры на музыкальном инструменте, а именно методологии сольного концертного исполнительства.

Музыкант-исполнитель выступает в двух ипостасях – создателя и слушателя музыкального материала, а технология создания и технология музыкального произведения различны. Музыкальное произведение создаётся из «кирпичиков», называемых в музыкальном искусстве нотами. Двенадцать нот составляют октаву. У некоторых инструментов количество октав достигает девяти. У каждого инструмента нота звучит специфически, причём каждый звук является сложным, он включает звучание других звуков, называемых обертонами, что неявно делает одnogолосное музыкальное произведение гармоническим.

Чаще всего музыкальные произведения обладают сложной фактурой, состоящей из множества музыкальных звуков, провести анализ которых возможно лишь при наличии определённых знаний, навыков и умений, полученных в курсах сольфеджио, гармонии, полифонии, в практике анализа музыкальных форм, не говоря уже о синтезе, то есть превращении определённого количества звуков, расположенных по вертикали и горизонтали, в музыкальное произведение. Определение

значимости отдельного звука для созвучия возможно лишь с помощью музыкального мышления, которое формируется в процессе обучения. Не музыкального слуха, а именно мышления, так как слух ощущает общее звучание фактуры (всех звуков) благодаря анатомическому строению органа слуха. И только внутренний слух позволяет выделить тот или иной звук в созвучии.

Мышление формируется в процессе опыта музыкальной деятельности по освоению музыкального языка. В лучшем случае это, конечно, профессиональное образование. Связано это с тем, что многие психические процессы развиваются постепенно по мере взросления человека, следовательно, невозможно в семь лет осмыслить и проанализировать то, что разовьётся, например, в 15 лет, так как эстетический и эмоциональный опыт меняются с возрастом. В статье «Структурные характеристики художественного звучания музыкального произведения» [11] С. Н. Фединым проведён анализ связей эмоционального содержания музыкального произведения, уровня его художественной ценности с элементами музыкального языка, лежащими в основе формообразования. В результате анализа выяснилось, что основными составляющими компонентами музыкального произведения являются: эмоциональное содержание и его яркость, эстетика архитектоники музыкальной формы. В то же время эстетическая и эмоциональная составляющие музыкального произведения зиждутся на самостоятельных элементах музыкального языка: для первой характерны громкость, тембр; вторая в большей степени опирается на регистр, высоту звука. Но если существуют два объективных элемента, то существуют и два органа, фиксирующих их в процессе реального времени [9]. Следовательно, существуют *два совершенно* различных метода их организации, два самостоятельных метода управления ими. Следует отметить, что регистр можно и даже нужно отнести к той же категории, что и высота, – это та данность, которая общепринята и не может быть изменена исполнителем и лишь в редких случаях меняется композитором при создании своего произведения.

На что же должен опираться исполнитель, создавая реальное звучание, – на громкость или на высоту звуков? Бесспорно, что и на то, и другое, хотя алфавиты этих музыкальных вырази-

тельных средств существенно различаются – как качественно, так и количественно. Вопрос о том, на основе каких законов алфавиты этих средств превращаются в художественное явление, остаётся открытым. Различие алфавитов в технологическом процессе исполнительской деятельности не такая уж редкость.

Обратимся к одному выводу, связанному с исследованием причин нарушения стабильности исполнения на эстраде (см. [8]). Одну из причин исследователь увидел в различном количестве знаков звуковысотного алфавита и аппликатуры (двигательного алфавита). Нот двенадцать, а пальцев пять, следовательно, на каждый палец приходится по 2,4 тона, а если учесть октавы, то станет понятна вся сложность и зыбкость запоминания произведения музыкантом-исполнителем и нестабильность выступления на концертной площадке. Исследование музыкальных произведений с использованием энтропийного метода выявило, что коэффициент корреляции между Н1 (энтропии) нотных знаков и Н1 (энтропии) аппликатуры показал 0,716, в то же время коэффициент корреляции между Н2 (энтропии двух рядом стоящих знаков) и Н2 (энтропия двух поочередно используемых пальцев для извлечения двух соседних нот) аппликатуры – 0,904. При условии оперирования исполнителем отдельным звуком и кодирования его отдельным пальцем, степень взаимной зависимости между системами составляет 71 из 100 %. Комбинация из двух нот и комбинация из двух пальцев определяет степень взаимозависимости 90 % из 100 возможных. Таким образом, вполне допустимо, что степень стабильности условно-рефлекторных связей сохраняют соответствие 71 % и 90 %, исходя из законов статистики, охватывающих и условно-рефлекторные связи в музыкальном исполнительстве. Возможно сделать вывод: предпочтительнее использование интервалов, нежели *отдельных звуков*. Следующий пример это подтверждает: а) ре 1-й октавы, ре 1-й октавы, до 1-й октавы, ля малой октавы; б) ре 1-й октавы, ре 2-й октавы, до 2-й октавы, ля 1-й октавы. При соблюдении одинаковой высоты, но разной интервалики формируются различные мелодии. Следующий пример: соль, соль, ля, ля, си, си, до; до, до, ре, ре, ми, ми, фа. Используется одна и та же октава при различной высотной последовательности, и в результате – мелодии одинаковые. Вопрос оперирования исполните-

лем данными средствами в ходе концертного выступления весьма индивидуален и достаточно сложен. Взаимосвязь его решения, равно как и создание методологии сольного концертного исполнительства очевидны. Рассматривать это можно с позиции осознания качества, которым осмысленно оперирует музыкант в ходе исполнения музыкального произведения, – реального звукового воплощения произведения, которое воспринимают и оценивают слушатели.

Обычно при анализе исполнения того или иного произведения речь идёт об артистичности исполнителя, о яркости передачи эмоционального содержания произведения, о точности передачи авторского замысла (хотя, безусловно, дать объективную оценку этому может только автор произведения), об уровне исполнительской техники, своеобразии интерпретации (хотя и это менее приоритетно) и совершенно незначительно – о целостности и гармоничности произведения. Не исключено, что многие музыканты ассоциируют данные понятия с такими, как: «убедительность эмоционального содержания», «глубина передачи авторского замысла». Однако авторы музыки объясняют это недостаточными знаниями о понятиях целостности и гармоничности. Не отображаясь в нотном тексте, они реализуются в процессе реального звучания и зависят от соответствующего использования агогики, артикуляции и др.

Чувство «устоя» и «неустоя» свойственно всем музыкантам, знакомым с традициями классической музыки. «Устой» в противоположность «неустою» создает ощущение завершенности. Следовательно, устой мы рассматриваем как целостность, а «неустой» как нецелостность. Эти же принципы реализуются исполнителями и в более крупных частях музыкальных произведений.

Рассматривая понятие «гармоничность», допустимо сделать следующий вывод: любой целостный элемент музыки, в состав которого входят более простые элементы музыкального языка, будет являться гармоничным.

Небольшие музыкальные построения являются составными частями более сложного элемента, который, в свою очередь, интегрируется в состав ещё более сложного. Наличие гармоничности можно увидеть в любой музыкальной форме (см. рис. 1).

1.																								
2.																								
3.																								
4.																								
5.																								
6.																								

Рисунок 1. Музыкальная форма

1. Простая двухчастная форма.
2. Периоды.
3. Предложения.
4. Фразы.
5. Мотивы.
6. Интонации.

Крупные и циклические музыкальные формы – рондо, сонатная, вариационная, сюита, концерт, сонатно-симфонический цикл – формируются по тому же принципу. Необходимо ещё раз подчеркнуть, что формирование гармоничности музыкального произведения, его целостности воспринимается только в реальном времени и акустическом пространстве при его звучании, а процесс исполнения возможен лишь в случае понимания закономерности взаимодействия всех уровней структуры музыкального произведения. К сожалению, эти два качества, лежащие в основе художественной ценности, не упоминаются в теории музыки и теории исполнительства. По сути, мы говорим о совершенно новых качествах, присутствующих в процессе исполнения, и, если мы хотим дальше развивать теорию исполнительства, нам необходимо понять, с помощью какой функции человеческого мышления мы оцениваем данные качества [8].

Наиболее ценной работой у музыкантов считается работа, не использующая звуковой пример, – в виде прослушивания чьего-либо исполнения. Она является наиболее трудоёмкой, но исключает влияние на собственную интерпретацию чьего-либо мнения, опирается на свои знания, умения и индивидуальное своеобразие музыкального мышления. Если формирование музыкально-звукового образа у некоторых музыкантов может

проходить без музыкального инструмента, и лишь в дальнейшем подвергаться корректировке за инструментом, то мотосенсорный образ, эмоциональный образ не может формироваться вне музыкального инструмента. Исполнительский образ музыкального произведения состоит не из одного образа – музыкально-звукового, а из зрительного, мотосенсорного, эмоционального и логического. Каждый из этих образов делится на множество подвидов. Что же делает это множество единым монолитом, что связывает музыкально-звуковой, зрительный, мотосенсорный, эмоциональный, логический и другие образы? Ответ таков: условный рефлекс. В процессе работы мы вырабатываем условно-рефлекторные связи между двигательными действиями и звуковыми ощущениями, между эмоциональными и звуковыми ощущениями, между зрительными представлениями и звуковыми ощущениями. Пока логический опыт не подскажет нам, что мы сформировали целостный комплексный образ музыкального произведения, говорить о выучивании музыкального произведения наизусть нельзя. Как только мы сталкиваемся с условно и безусловно рефлекторными связями, мы просто обязаны обратиться к общей и музыкальной психологии.

Психологический подход к решению многих проблем профессионального музыкально-исполнительского искусства стал доминирующим во второй половине XX – начале XXI века. А. В. Вицинский в своих исследованиях отмечал, что при всём разнообразии взглядов на творческий процесс исполнителя некоторые общие психологические условия вполне можно выделить в структуре работы над произведением [2].

Это формирование образа музыкального произведения и его воплощение в реальном звучании. Многие известные деятели исполнительского искусства разделяют свою работу над музыкальным произведением на три этапа: 1) ознакомление с музыкальным текстом (что позволяет сформировать исполнительский замысел); 2) реализация исполнительского замысла; 3) период предконцертной подготовки. В настоящее время это принято за основу психологией музыкально-исполнительского творчества, невзирая на различные взгляды музыкантов-исполнителей на систему работы над произведением. По мнению С. И. Савшинского, общей системы для всех не существует, поскольку она зависит от условий работы, индивидуальности исполнителя.

Л. Л. Бочкарёв, один из авторитетнейших исследователей психологии музыкального творчества, считает: «Формирование прообраза музыкального произведения является содержанием первого этапа исполнительской деятельности» [1, с. 225]. «На второй стадии исполнения – происходит реализация замысла, прообраз получает воплощение в исполнительских средствах. Исполнитель приступает к работе на инструменте, дирижёр – к работе с оркестром, режиссёр – с певцами. Музыкальное произведение готовится вчерне. Основной задачей многих исполнителей-инструменталистов является техническая реализация прообраза в конкретном живом звучании. Некоторые на этом этапе “кухни” заботятся в большей степени об автоматизации игровых движений, работая в медленном темпе, иногда форсируя звук» [1, с. 232].

Третий период работы исполнителя с произведением – предконцертный. А. В. Вицинский характеризует его как процесс окончательного совершенствования музыкально-исполнительского образа, необходимого музыканту-исполнителю. Л. Л. Бочкарёв выделяет в нём четыре этапа психологической подготовки к публичному выступлению.

Первый этап: начальная подготовка, основная задача которой – решение осуществления подготовки к публичному выступлению и самооценка ее исполнительского уровня.

Второй этап: работа над программой, создание положительной мотивации, уверенности в реализации творческих планов. Организация и планирование занятий.

Третий этап: подготовка, связанная с предконцертным периодом, – организация деятельности в условиях предстоящего выступления – репетиции. Работа над формированием оптимального предконцертного состояния.

Четвёртый этап – ситуативная психологическая подготовка, основная задача которой определяется психологической готовностью к исполнению музыкального произведения с максимальной концентрацией внимания музыканта на предстоящем исполнении [1].

«Каждый из этапов подготовки имеет свои особенности, обусловленные поставленными задачами, средствами, приёмами их решения, однако общей задачей на всех этапах является формирование состояния психической готовности музыканта-исполнителя к выступлению» [1, с. 249]. Судя по материалу, изложенному в книге, Л. Л. Бочкарёв рассматривает музыкально-исполнительскую деятельность не с позиции психологии музыкально-исполнительской деятельности, а с позиции психологии личности. Не во многих работах по музыкальной психологии исполнительское искусство представлено как самостоятельная деятельность [1; 3; 5; 6; 7].

Очень много внимания в психологической литературе уделяется специфике выступлений и связанному с этим характеру установки. Установка, действительно, у многих исполнителей может меняться – в зависимости от вида выступлений. Специфика выступлений для одного слушателя отличается от специфики выступлений на концерте или конкурсе. Специфика выступлений в коллективе отличается от специфики сольных выступлений. Установка – это всегда осознанное, волевое решение, требующее точного знания технологического процесса, включающего акустические, физические, психофизиологические и психические процессы. Технологические процессы у каждого перечисленного вида исполнительства очень разнятся. Выводы непосредственных исполнителей об этих процессах, встречающиеся в литературе, уникальны, потому что других нет, несмотря на то, что они основаны на эмпирических наблюдениях исполнителей во время своих выступлений за своими ощущениями и что эти наблюдения происходили в состоянии стресса, при том, что их достоверность вызывает сомнение. Причина состоит в том, что всё внимание исполнителя сосредоточено на звуке, а не на том

или ином психологическом процессе, происходящем во время исполнения в душевной организации исполнителя. Многие психологические процессы не контролируются исполнителями даже во время так называемых подготовительных этапов, так как приходится анализировать взаимодействие различных музыкальных звуков (нот), а это можно делать только сознательно, как и осуществлять контроль за психологическими процессами. Таким образом, весь технологический процесс – взаимодействие бессознательного и подсознательного – проходит мимо сознания. Причём эти виды мышления функционируют одновременно как между собой, так и с сознанием. Какие процессы исполнительской деятельности управляются бессознательным или подсознательным, интуитивно могут знать музыканты-исполнители, но они, к сожалению, не всегда это осознают.

Особенности музыкально-исполнительского жанра, акустические свойства помещения, необычность условий выступления диктуют исполнителю цели, ориентиры, навыки и умения. Специфика технологического процесса музыкально-исполнительского искусства требует на определённых этапах изменения цели, *навыков и умений*.

Так как каждый этап имеет свою специфику, цель и определенные навыки, предпочтительнее определять их как особый вид деятельности. Первые два этапа универсальны, поскольку используются не только в исполнительской практике, но и в деятельности концертмейстера, теоретика, композитора. Однако исполнительская деятельность весьма специфична и во многом недостижима музыкантам других направлений.

В. Ю. Григорьевым были проанализированы некоторые психофизиологические параметры учащегося в различных средах деятельности, и он сделал следующие выводы: «Исполнитель оказывается перед насущно необходимой задачей формирования особой функциональной системы, которая позволяла бы эффективно адаптироваться к экстремальным условиям, освоить приёмы саморегуляции исполнительских состояний, создать предпосылки для успешной художественной деятельности на эстраде. Эта система должна обеспечивать не только сохранение достоинств игры, достигнутых в подготовительном периоде, но и призвана способствовать порождению новых качеств, до этого не присущих исполнителю,

скрытых резервов его творческих способностей. Такую систему следовало бы назвать системой психофизиологической мобилизации. Разумеется, она должна максимально использоваться не только непосредственно перед выступлением, но на протяжении всего периода подготовки сочинения к концертному исполнению и стать органической частью длительного многокомпонентного процесса исполнительского образования музыканта» [4, с. 29]. Иными словами, В. Ю. Григорьев считает необходимым введение в учебный процесс психотерапевтических навыков и умений. Необходимость формирования особой функциональной системы, которая позволяла бы эффективно адаптироваться к экстремальным условиям концертного выступления, бесспорна, но это не обязательно система «психофизиологической мобилизации», потому что не всегда понятно, что именно мобилизовать, что менять, на что опираться.

Несмотря на тотальное увлечение психологическими подходами, мы, к сожалению, не встретим в публикациях понятий условного и безусловного рефлексов. Хотя этими качествами пронизана вся деятельность не только музыканта-исполнителя, но и всех людей музыкальной профессии, включая любителей. При этом надо учитывать, что некоторые безусловные рефлексы вообще не поддаются регулированию, следовательно, их функционирование нельзя допускать в процесс выступления, и, если они возникают, значит, технологический процесс несовершенен и требует изменений.

Явление, названное в музыкально-исполнительских кругах «эстрадным волнением», было впоследствии использовано в качестве психологического метода в искусствоведении и музыкальной педагогике. Авторы статьи считают, что объективнее это явление называть «нарушением стабильного исполнения». «Вопрос об эстрадном волнении, самочувствии и поведении исполнителя во время концертного выступления вызывает массу споров и эмоциональных высказываний, ибо выступление – важнейший этап подготовки артиста, кульминационный пункт, процесс творческого единения и композитора, и художника-интерпретатора, и слушателя, когда рождается Музыка» [4, с. 9]. Работой «Исполнитель и эстрада», которую авторы статьи счи-

тают лучшей из всех работ по данной проблеме, В. Ю. Григорьев обобщил опыт предшественников, очертил круг возможностей указанной методологии. «Определённое несоответствие между намеченной программой действий и реальным результатом игры можно обнаружить в каждом выступлении на эстраде. Оно закономерно и должно быть предусмотрено заранее. Его не следует бояться, ибо идеальное, во всех отношениях совершенное исполнение может рассматриваться, скорее, как счастливое исключение из правил» [4, с. 136].

Итогами книги «Исполнитель и эстрада» стали создание типологии эстрадных неудач исполнителей-учащихся и анализ их причин. Григорьев видит их в отклонениях от существующей методологии, а не в самой методологии, которая не учитывает специфики и цели сольной концертной деятельности, а также специфики и цели тех видов деятельности, которые предшествуют концертному выступлению. Авторы статьи считают, что причины неудач исполнителей-учащихся – в несовершенстве методологии, которую не нарушают только избранные. Среди них те, о которых мы говорим «великие исполнители», например Рихтер, Гилельс, Ростропович, Вишневецкая, Коган, Липс, Семёнов и др. Необходимо менять (хотя менять-то, по сути, и нечего) методологию музыкально-исполнительского искусства, а именно последовательно переводить ее с принципов феноменологически развивающегося творчества на принципы научно обоснованной организации исполнительской деятельности. В противном случае обучение музыкально-исполнительскому искусству (а искусством оно становится, когда достигает вершин) будет представляться некой иллюзией.

Когда мы говорим о создании новой методологии музыкально-исполнительской деятельности, подразумевается не создание *методик*, лежащих в основе различных видов деятельности, не создание системы психологических тренингов для саморегуляции. Необходимо стремиться к созданию именно *методологии*, которая была бы в полной мере научно фундированной. И тогда процесс подготовки к сольному выступлению, начиная от взятия нотного текста в руки и заканчивая концертным исполнением, опирался бы на методологию, которая может приводить к успешному

результату независимо от своеобразия и одарённости музыканта. Этот процесс не может включать обращение к психологу, требовать психологических тренингов и принятия «лекарств». Следуя теоретически обоснованной методологии, можно ожидать появления виртуоза – востребованного публикой концертирующего музыканта. «Просто так» достичь этого невозможно – без введения в искусствоведение новых знаний и понятий, отсутствие которых мешает осознать объективные причины отставания в подготовке концертирующих исполнителей. Попыткой восполнить этот «провал» и является анализ эстрадных неудач, изложенный в книге В. Ю. Григорьева «Исполнитель и эстрада» (глава «Типология эстрадных неудач исполнителей-учащихся и анализ их причин»), а также в работах В. И. Петрушина («Музыкальная психология»), А. В. Тороповой («Музыкальная психология и психология музыкального образования»). Дальнейшим развитием изложенных там идей является и настоящая статья.

В материале упомянутой главы можно выделить следующие основания, порождающие, по мнению В. Ю. Григорьева, эстрадные неудачи:

1. Особенность восприятия слушателей.
2. Отсутствие достаточного концертного опыта.
3. Неверное поведение концертанта.
4. Отрицательное психофизиологическое состояние.

Перечисленные явления могут быть порождены малоэффективной подготовкой. Она, в свою очередь, – отсутствием методик и знаний, формирующих разнообразные навыки и умения, отсутствием в методиках базового качества, управляющего многочисленными функциями музыканта в процессе исполнения. Такое качество существует – это художественная или же эстетическая ценность, но она относится к области феноменологии и пока что не формализована. Именно эта её специфика не позволила основать совершенную методологию великим педагогам прошлого. При всём этом возможно разработать более совершенную методологию и методики сольного концертного исполнительства. Для этого необходимо понять функции методик работы над музыкальным произведением, распределение их во времени, осознать, что они меняют в мышлении музыканта-исполнителя. Реализовать поставлен-

ную задачу возможно, создав идеальную модель процесса сольной концертной деятельности, опираясь на знания, полученные на современном эта-

пе физиологией, психофизиологией, музыкальной психологией, акустикой, кибернетикой, с помощью компьютерной техники.

Литература

1. Бочкарёв Л. Л. Психология музыкальной деятельности. – М.: Классика XXI, 2006. – 350 с.
2. Вицинский А. В. Психофизиологический анализ процесса работы пианиста над музыкальным произведением: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1948. – 232 с.
3. Вицинский А. В. Процесс работы пианиста-исполнителя над музыкальным произведением: психол. анализ. – М.: Классика-XXI, 2004. – 96 с.
4. Григорьев В. Ю. Исполнитель и эстрада. – М.: Классика-XXI, 2006. – 151 с.
5. Кирнарская Д. К. Музыкальные способности: [Психология спец. способностей]. – М.: Таланты-XXI век, 2004. – 493 с.
6. Петрушин В. И. Музыкальная психология: учебник и практикум для СПО. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 380 с. – (Профессиональное образование).
7. Старчеус М. С. Музыкальная психология. – М.: Владос, 1997. – 412 с.
8. Сулейманов Р. Ф. Психологические основы профессионального мастерства музыканта-инструменталиста. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. – 170 с.
9. Торопова А. В. Музыкальная психология и психология музыкального образования. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 245 с.
10. Федин С. Н. Специальный инструмент. Причины нарушения стабильности исполнения на эстраде у баянистов и их устранение в классе специального инструмента: учебное пособие. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – 192 с.
11. Федин С. Н. Структурные характеристики художественного звучания музыкального произведения // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 221–230.

References

1. Bochkarev L.L. *Psikhologiya muzykal'noy deyatel'nosti [Psychology of musical activity]*. Moscow, Classic XXI Publ., 2006. 350 p. (In Russ.).
2. Vitsinskiy A.V. *Psikhofiziologicheskiy analiz protsessa raboty pianista nad muzykal'nym proizvedeniyem: dis. kand. ped. nauk [Psychophysiological analysis of the work of a pianist on a musical work. Diss. PhD in Pedagogy]*. Moscow, 1948. 232 p. (In Russ.).
3. Vitsinskiy A.V. *Protsess raboty pianista-ispolnitelya nad muzykal'nym proizvedeniyem: psikholog. analiz [The process of the pianist-performer on the musical work: psikholog. analysis]*. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2004. 96 p. (In Russ.).
4. Grigoryev V.Yu. *Ispolnitel' i estrada [Performer and pop]*. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2006. 151 p. (In Russ.).
5. Kirnarskaya D.K. *Muzykal'nye sposobnosti: Psikhologiya spets. sposobnostey [Musical abilities: Psychology spec. abilities]*. Moscow, Talanta-XXI century Publ., 2004. 493 p. (In Russ.).
6. Petrushin V.I. *Muzykal'naya psikhologiya: uchebnik i praktikum dlya SPO [Musical psychology: a textbook and a workshop for SPO]*. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 380 p. (In Russ.).
7. Starcheus M.S. *Muzykal'naya psikhologiya [Music Psychology]*. Moscow, Vlados Publ., 1997. 412 p. (In Russ.).
8. Suleymanov R.F. *Psikhologicheskie osnovy professional'nogo masterstva muzykanta-instrumentalistsa [Psychological foundations of professional skill of an instrumentalist: monograph]*. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University Publ., 2003. 170 p. (In Russ.).
9. Toropova A.V. *Muzykal'naya psikhologiya i psikhologiya muzykal'nogo obrazovaniya [Music psychology and psychology of music education: a textbook for undergraduate and graduate programs]*. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 245 p. (In Russ.).
10. Fedin S.N. *Spetsial'nyy instrument. Prichiny narusheniya stabil'nosti ispolneniya na estrade u bayanistov i ikh ustraneniye v klasse spetsial'nogo instrumenta: uchebnoye posobiye [Special tool. Causes of violation of the stability of performance on the stage at the Bayanists and their elimination in the class of a special tool: study guide]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2010. 192 p. (In Russ.).
11. Fedin S.N. *Strukturnye kharakteristiki khudozhestvennogo zvuchaniya muzykal'nogo proizvedeniya [Structural characteristics of the artistic sound of a musical work]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 20, pp. 221-230. (In Russ.).

УДК 7

КОНЦЕРТМЕЙСТЕР-ПЕДАГОГ: ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ М. В. ЮДИНОЙ

Юдин Александр Наумович, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры музыкально-инструментальной подготовки, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: u_rojala@mail.ru

Темой предлагаемой статьи является педагогико-концертмейстерская деятельность уникального музыканта и одного из немногих представителей истинно гуманистических идеалов человечества в XX столетии – Марии Вениаминовны Юдиной. Являясь неотъемлемой частью педагогического «служения» пианистки, аккомпаниаторская практика стала для нее важнейшей сферой, в которой (и через которую) она могла выразить многие из своих мыслей, чувств и устремлений. Немаловажную роль в этом сыграло то, что подобная деятельность предполагала общение с вокалистами, то есть с человеческим голосом и словесным текстом, что помогало непосредственному художественному выражению ее музыкальных намерений. Несмотря на свое многообразие, обсуждаемая ипостась педагогической работы М. Юдиной до сих пор оставалась в тени остальных видов ее деятельности и не подвергалась полноценному научному анализу. Данная статья является первой попыткой такого рода. Кроме того, предлагаемая публикация представляет собой краткое изложение одного из разделов учебного курса, посвященного истории и теории концертмейстерского искусства. Важной особенностью изложения данной темы студентам является ее неразрывная связь как с педагогикой, так и с особенностями личности музыканта, вся жизнь и исполнительская деятельность которой была неразрывно связана в ее сознании с религиозным служением.

Ключевые слова: аккомпанемент, педагогико-концертмейстерская работа, вокалисты, пианисты-аккомпаниаторы.

CONCERTMASTER-TEACHING: GLIMPSES OF MARIA YUDINA'S WORKSHOP

Yudin Aleksandr Naumovich, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Musical and Instrumental Training, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: u_rojala@mail.ru

The article is dedicated to the accompaniment teaching practices of a unique musician and one of the few true representatives of humankind's humanistic ideals in the 20th century, Maria Yudina. As an integral part of the piano performer's "ministry," accompaniment was to her a vital pursuit in which (and via which) she was able to express many of her thoughts, feelings and aspirations. Significantly, this work included interacting with vocalists, i.e. human voice and verbal text, which contributed to the direct artistic expression of her musical intentions. The erudition of Maria Yudina, whose knowledge far exceeded the musical art. In the accompaniment, she revealed herself as a true explorer. In particular, this is seen in translating the texts of Franz Schubert's songs to Russian that spanned many years, and her specific ways of interacting with the soloists. Despite their many facets, these particular teaching practices of Maria Yudina have so far remained eclipsed by her other pursuits and have not been properly explored. This article is the first attempt to do this. It also contains an outline of one of the sections of a teaching course in the history of the art of accompaniment. Therefore, the article may serve as a source of materials for the said course or additional information for the courses of Accompaniment Class or Accompaniment Art. An important aspect of presenting this subject to students is its close connection to both, the teaching practices and specific personality of a musician whose life and work were in her mind inseparable from religious ministry.

Keywords: accompaniment, pedagogical and concertmaster work, vocalists, pianists-accompanists.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-73-81

*Я, кажется, понимаю тайную пружину,
психологический корень своего обожания
вокалистов – именно подчинение, то есть
блаженство, отдых и растворение.*

*Это, разумеется, лишь частица
всей суммы причин, почему я
не могу жить без этой стихии.*

**Юдина М. В. «Об искусстве
аккомпанемента» [19, с. 305].**

*Моя душа, моя мысль, мое воображение
поет через всех вас...*

**Из письма М. В. Юдиной вокалистам
[20, с. 27]**

Писать о гениальном музыканте Марии Вениаминовне Юдиной (1899–1970) невероятно сложно, особенно если перед исследователем стоит узкоспециальная задача – анализ концертмейстерской деятельности пианистки. Изучая материалы, так или иначе связанные с ее жизнью и творчеством, изумляешься многогранности и невероятной духовной стойкости этого человека. Марии Вениаминовне удавалось практически невозможное: прожить жизнь свободного человека в несвободной стране, предпочтя раз и навсегда культуре полезности культуру достоинства. Прожив всю жизнь фактически в нищете (как много об этом в ее письмах!), она осталась бессребреником до конца своих дней; живя в атеистической стране, она смогла открыто исповедовать христианство. Кроме того, Юдина была одной из самых образованных музыкантов своего времени, постулируя недостаточность базового консерваторского образования для подлинного развития личности. Всю жизнь она интересовалась, помимо музыки, самыми разными областями знания: филологией, историей, философией, в 1920–1923 годах была вольнослушательницей историко-филологического факультета Петроградского университета, всю жизнь поддерживала взаимоотношения с выдающимися мыслителями своего времени. Все это невозможно не учитывать, анализируя ту или иную грань ее творческой биографии. Такая абсолютная независимость парадоксальным образом имела значение и для аккомпаниаторской деятельности пианистки, той сферы творческой работы, которой она отдала невероятно много сил, занимавшей столь важное

место в ряду ее духовных устремлений. Многие из поклонников ее таланта были убеждены в том, что, работая с вокалистами, она тратит свое время впустую, распыляет себя на недостойную ее дарования деятельность. В одном из писем Ирины Николаевны Медведевой (Томашевской), литературоведа, жены известного ученого, исследователя творчества А. С. Пушкина Б. В. Томашевского, адресованных Юдиной, содержится прямой упрек: «А Вы-то, Вы-то, которая не хуже Корто (Альфред Дени Корто (1877–1962) – швейцарский пианист и дирижёр. – А. Ю.) можете волновать сердца, чем Вы занимаетесь! Можете на меня сердиться как хотите, а я опять скажу: “Рояль, только рояль”. Тут и ум Ваш, и воображение, и культура, и мировоззрение – все. А со своими посредственными певцами и певичками, какие Вы чудеса ни творите – все будет не то. Борис Викторович слышал Вашего Шуберта и не в большом восторге. И в “Орестее”, все говорили, что Вы – одна. Ей Богу, Ваше стремление внедрить высокую музыкальную культуру – академизм какой-то, а Вы принадлежите искусству и не должны себя растрачивать» [20, с. 103]. Необходимо также отметить, что концертмейстерская деятельность М. В. Юдиной неразрывно связана с преподавательской. Одно было не вычитаемо из другого и, как следствие, воспринималось пианисткой как одна из важнейших личных творческих миссий. Учительство в целом было для нее не просто одной из сфер творческой деятельности, а непреложной обязанностью по передаче своих знаний и умений молодым музыкантам. Такое служение педагогике и искусству в целом, безусловно, связано с глубоко религиозным отношением музыканта к жизни во всех ее проявлениях.

Концертмейстерская практика М. Юдиной развивалась в нескольких направлениях. Это непосредственная работа с солистами в классе и на сцене в рамках их сольных выступлений. Другой важнейшей сферой ее деятельности стали концертные исполнения оперной музыки «под рояль», в ходе которых пианистка выполняла сразу несколько функций: начиная от непосредственно исполнительских (звучание партии оркестра, занятия с певцами по подготовке партий) и заканчивая дирижерскими и режиссерско-постановочными. Такая работа требовала не только полной мобили-

лизации всех сил, но и огромного количества специальных знаний и умений. Прежде всего, речь идет о знании оперной литературы, особенностей постановочного процесса, технических особенностей вокального исполнительства, а также глубокой эрудиции. Все это необходимым образом прибавлялось к базовым концертмейстерским задачам и превращало пианиста в автора спектакля.

И еще об одной сфере, непосредственно связанной с аккомпаниаторской деятельностью М. Юдина, надо говорить особо. Это многолетняя работа музыканта по переводу на русский язык текстов песен Ф. Шуберта. С неослабевающим энтузиазмом она обращалась к лучшим советским поэтам с подобными просьбами (а иногда – почти требованиями). Итогом такой деятельности являлись не только нотные издания с обновленными текстами, но и концерты, составленные из произведений Шуберта. В качестве солистов-вокалистов в них выступали студенты Института им. Гнесиных, а бессменным аккомпаниатором была М. В. Юдина (см., например, [9, с. 94]). К этой же просветительской линии необходимо отнести лекции-концерты, основанные пианисткой и часто проводимые при участии певцов. В частности, большую известность получил цикл встреч «Романтизм, его истоки и параллели» (см. [18, с. 447]). Нет сомнения в том, что подобная образовательная деятельность была направлена, прежде всего, на повышение внимания к слову, к смыслу исполняемых произведений.

Также необходимо отметить, что всей своей концертмейстерской практикой пианистка утверждала право концертмейстера на равную, а зачастую и ведущую роль аккомпаниатора в процессе подготовки музыкальных сочинений. Особенно остро стоял этот вопрос применительно к учебным заведениям. Мария Вениаминовна была одной из тех, чья подпись стоит под коллективным письмом в газету «Советская культура» с красноречивым названием «Концертмейстер – это педагог». С сожалением приходится признать, что с тех пор (1950-е годы) произошло не очень много положительных изменений в этой сфере. И по сей день пианисты, даже работающие в вокальных классах, отнюдь не приравнены по своему статусу к преподавателям, несмотря на объем, сложность и важность выполняемой ими работы. Авторы письма, среди которых имена выдающих-

ся музыкантов (как певцов, так и инструменталистов), пытаются донести мысль о том, что без полноценной концертмейстерской работы невозможен сам процесс воспитания молодых музыкантов, в частности, привлекают внимание к положению аккомпаниаторов в вузах [5].

Среди тех, кому аккомпанировала Юдина, были музыканты самого разного уровня: начиная от студентов и заканчивая яркими известными исполнителями, с каждым из которых завязывался свой «сюжет взаимоотношений». В этом ряду имя певицы, педагога, доктора искусствоведения Ксении Николаевны Дорлиак (1882–1945) стоит особняком. Мария Вениаминовна выступала с ней в 1920-е годы и всегда с особой теплотой говорила об этом сотрудничестве. В своих биографических заметках «Немного о людях Ленинграда» она рассказывала об этом периоде своей жизни: «Ездил я к Ксении Николаевне на наши бесконечные репетиции, ибо много лет имела счастье быть постоянным ее концертмейстером, и всегда мы вместе музицировали, выступали вместе» [17, с. 212]. Их знакомство относится к 1922 году, когда пианистка решила обратиться к певице с предложением сотрудничества. Посредником этого знакомства выступил композитор, педагог Максимилиан Осеевич Штейнберг (1883–1946). И здесь снова мы сталкиваемся с проявлением уникального характера Юдиной: с одной стороны, жесткость, непреклонность, духовная и физическая стойкость во многих жизненных ситуациях, с другой стороны, стеснительность и робость в самых, казалось бы, естественных ситуациях. В течение года, предшествующего знакомству, она мечтала о том, чтобы работать с К. Дорлиак, но в результате даже побоялась подойти к ней лично [11, с. 262]. Творческая дружба была крепкой и долгой. У Ксении Николаевны в это время подрастала дочь, в будущем известная камерная певица Н. Л. Дорлиак (1908–1998). В более поздние времена Юдина неоднократно высказывалась о ее творчестве, порой весьма неоднозначно. Впрочем, тут сыграло свою роль то, что Нина Львовна всегда выступала со своим мужем, пианистом С. Т. Рихтером (см. об этом [12, с. 98, 99]). О нем она говорила: «Мы идем разными путями, взаимно уважая и ценя друг друга, и всё!» [14, с. 436].

Уникальным творческим дуэтом К. Дорлиак – М. Юдина за время его существования

было подготовлено много различных программ. Среди них и такие трудные и малоисполняемые произведения, как, например, вокальные циклы Дебюсси «Песни Билитис», «Забытые ариетты», «Галантные торжества» и др. Репетиции проходили в теплой атмосфере любви, уважения и, складывается впечатление, некоторой нежности и заботливости. Мария Вениаминовна всегда следила за состоянием голоса певицы. Известен эпизод, когда она поддержала певицу в желании отменить концерт в связи с неудовлетворительным состоянием ее голоса («ее имя и так на волоску в вокальном смысле», «без голоса петь нельзя») [16, с. 61]. К несчастью, в 1930 году, когда тогдашнее руководство Ленинградской консерватории решило уволить пианистку, в качестве формальной причины была выбрана «самовольная отлучка на гастроли» с певицей.

Важнейшей вехой в педагогическо-концертмейстерской деятельности музыканта была постановка первоначально силами студентов-вокалистов оперы С. И. Танеева «Орестея». Это событие относится к тому периоду, когда М. Юдина вела в Московской консерватории класс камерного пения. Интересно отметить, что подобная практика, когда пианисту поручается полноценное педагогическое руководство над молодыми певцами в вузе в рамках исполнительской дисциплины, давно ушла в прошлое. С сожалением приходится признать, что даже многоопытные пианисты, много лет отдавшие работе с молодыми вокалистами, не могут всерьез рассчитывать на такую должность. Тем не менее в этом выборе была своя глубокая логика. Ведь задачей преподавателя камерного пения не является обучение техническим вокальным навыкам (для этого есть педагог по специальности), в данном случае акцент должен ставиться на понимании и передаче смысла того или иного музыкального произведения, иными словами – на верную интонацию. Такая работа в большинстве случаев ложится именно на плечи пианиста. Не вызывает сомнений, что М. Юдина была уникальным преподавателем-концертмейстером (в данном случае эти две функции сливаются до абсолютного их неразличения). Не случаен также и сам выбор произведения. Музыка Танеева, написанная на античный мифологический сюжет, как нельзя более соответствовала

характеру и мировосприятию пианистки, не только блестящего музыканта, но и высокообразованного человека.

Постановка «Орестеи» состоялась в 1938 году. Большую помощь в работе оказал пианист, музыковед, педагог и композитор Болеслав Леопольдович Яворский (1877–1942). Будучи профессором Московской и Киевской консерватории, он сочетал свою преподавательскую и научную деятельность с концертной практикой, чаще всего с концертмейстерской. Среди певцов, которым он аккомпанировал, были такие известные в истории музыки исполнители, как А. М. Ян-Рубан, К. Г. Держинская, Н. П. Кошиц и многие др. М. Юдина неоднократно говорила о том, что богатый опыт работы Яворского с вокалистами оказывал непосредственное влияние на характер ее сотрудничества с певцами. В частности, постоянной темой их профессиональных бесед были вопросы несовпадения художественной ценности музыки и текста. Разумеется, что относиться к этому можно только с позиции понимания субъективности любого суждения такого рода. Вот как сама пианистка пишет об этом: «...я сообщи лишь о некоторых “знаменательных” наших диалогах (с Б. Л. Яворским. – А. Ю.); <...> Например – умопомрачительная высота Пушкина в “Пророке”, “Анчаре”, “Воспоминании” и слабая (надлежит говорить правду!) музыка Римского-Корсакова и Метнера» [15, с. 245].

Необходимо сказать и об одной неточности, связанной с постановкой «Орестеи», которая довольно прочно установилась в отечественной литературе по истории музыки (истории исполнительского искусства). Во многих источниках можно прочесть о том, что концертное исполнение этой оперы с аккомпанементом Юдиной состоялось не в 1938, а в 1939 году. Особенное распространение эта ошибка получила в материалах, посвященных Б. Яворскому (см., например, [2]). Корни ее следует искать в статье, написанной пианисткой, теоретиком музыкальной культуры, ученицей Яворского Лией Абрамовной Авербух (1897–1978). Несмотря на то, что сам текст найти не удалось, о ее содержании можно судить по одному из писем М. Юдиной к Авербух. Тон этого документа довольно эмоциональный и является по своей сути откликом на вышеупомяну-

тую публикацию. Мария Вениаминовна пишет: «“Орестея” была целиком и полностью задумана, подготовлена и осуществлена мной в 1938 году, а в 1939 я отказалась и ее повторили без меня. <...> В Вашей статье примерно 75 % лжи» [18, с. 380]. Можно предположить, что Л. Авербух, движимая любовью к учителю, несколько преувеличила его участие в постановке, что вызвало неудовольствие автора спектакля. Остается только гадать, что же послужило причиной отказа М. Юдиной участвовать в исполнении 1939 года.

Однако с течением времени опера была возобновлена и исполнена самой пианисткой, на этот раз с солистами Всероссийского театрального общества. Объявление в газете «Вечерняя Москва» от 18 января 1946 года гласило: «К своему десятилетию ансамбль (ВТО. – А. Ю.) готовит оперу композитора А. Касьянова “Фома Гордеев” (по Горькому), “Орестею” Танеева и “Страшный двор” Моноюшко. <...> Партию рояля исполняет (в “Орестее”. – А. Ю.) профессор Московской консерватории М. Юдина. В остальных двух операх примут участие пианисты Н. Миронов и Д. Гаклин» [1]. Очевидно, что организаторы выбрали для юбилея коллектива редко исполняемые оперы, способные привлечь внимание, скорее, профессионалов, чем любителей музыки. Наверное, это сознательная установка руководителей ансамбля, связанная с желанием представить публике малоизвестные сочинения. Обращает на себя внимание также и выбор пианистов, под аккомпанемент которых звучали оперы. Заслуженный деятель искусств, артист Москонцерта Николай Андреевич Миронов (1907–1970) в 1940–1970-х годах аккомпанировал лучшим советским оперным певцам и музыкантам, выступал с американским певцом Полем Робсоном (1898–1976). Ярким пианистом-концертмейстером был также Давид Исаевич Гаклин (1908–1970). Кроме того, он же являлся одним из первых в Советском Союзе высокопрофессиональных звукорежиссеров. Но, несмотря на это, самым ярким и запоминающимся было исполнение «Орестеи». Критики того времени писали о «потрясающей силе фортепианного изложения оркестровой партии» [3], а также о «художественной глубине и благородной выразительности» звучания рояля [4]. Сама пианистка, как и в первый раз, с большой увлеченностью работала над этим сочинением

и с нежностью относилась к солистам, принимавшим участие в постановке. Одно из писем, адресованных исполнителям главных партий оперы (Агамемнона и Клитемнестры), она начинает следующими словами: «Милые мои царь с царицей». Все письмо проникнуто каким-то особым отношением к этим исполнителям, которые бесконечно ей дороги именно совместной работой над этим произведением. Предлагая в будущем подготовить совместный концерт (по всей вероятности, так и не состоявшийся), она пишет: «Вы можете себе легко представить, что “меня рвут на части” разные вокалисты и многие не могут добиться от меня согласия (Катульская) или беспредельно ждут меня, как Ф. С. Петрова и т. д. <...> но теперь, конечно, первое место в моем сознании, времени и сердце имеют “наши” товарищи и друзья по Ансамблю» [20, с. 27]. Под «царем» и «царицей» скрываются солисты Ансамбля Советской оперы ВТО Павел Иванович Коробков (1903–1995) и А. Васильева. Приведенный фрагмент из письма Марии Вениаминовны дает не только представление о востребованности Юдиной в качестве концертмейстера («меня рвут на части»), но также вновь и вновь напоминает нам об особенностях ее характера, который проявляется во всем, прежде всего, в отношении работы. В выборе солистов, с которыми она соглашалась сотрудничать, решающими факторами могли быть либо духовные устремления пианистки, либо личные взаимоотношения с конкретными исполнителями. В то же время материальная сторона вопроса, казалось, не интересовала ее вовсе. Лишь ее письма, адресованные самым близким, красноречиво говорят о том, насколько она была стеснена в средствах, как всю жизнь отчаянно нуждалась в деньгах («Мои кеды, дешевые спортивные ботинки, в коих я хожу круглый год, стали “притчей во языцех”» [18, с. 447]).

С неменьшей теплотой относилась она и к своим ученикам. Очевидно, слово «ученик» в данном случае надо понимать в более широком смысле, чем обычно, и включать в их число не только студентов-вокалистов Юдиной, коих было великое множество, но и певцов-солистов, с которыми она выступала. Думается, что, в той или иной мере, все они были ее воспитанниками. Такое наставничество можно рассматривать как в чисто музыкальном отношении, так и в нрав-

ственным. Мария Вениаминовна всегда была авторитетом для своих учеников. Невольно ученики перенимали какие-то из моральных установок учителя, возможно, одновременно понимая, что соответствовать им (почти кантианским по духу) в полной мере невозможно. Но одно было всегда неизменно: пианистка отдавала все свои душевные силы работе с вокалистами и никогда не рассматривала эту сферу деятельности для себя как второстепенную. Вокалисты же в большой степени отвечали ей взаимностью. Когда, в силу тех или иных обстоятельств, они были вынуждены утратить контакт с учителем, их не покидало чувство вины по отношению к горячо любимому педагогу-концертмейстеру. Один из ярких примеров такого рода – певец Глеб Петрович Саввин, выступавший с Юдиной во второй половине 1940-х годов. В одном из писем того периода, когда он уехал из Москвы и перестал работать на концертной эстраде, Саввин, описывая обстоятельства своей жизни и работу в одном из периферийных оперных театров, обращается к горячо любимому педагогу: «Милая Мария Вениаминовна! <...> Я знаю, что Вам неприятно думать обо мне – вложили в меня столько, и вот результат. Но я прошу Вас поверить мне в последний раз: наши занятия, беседы и Ваше самое сердечное отношение ко мне останутся навсегда в моем сердце» [20, с. 116]. Иные же из ее вокалистов-воспитанников были убеждены, что не смогли оправдать надежд своего учителя, и горько сетовали на это в переписке с пианисткой. К числу последних относится Ионас (Юделис) Матвеевич (Маушевич) Капланас (1916–1995), певец (тенор), студент Юдиной по классу камерного пения. В середине 1950-х годов он писал учителю: «Я еще очень мало успел, чтобы оправдать Ваши ожидания и веру в меня – остаюсь до сих пор, к сожалению, только посредственным певцом» [20, с. 432]. Сама же пианистка, со своей стороны, постоянно хлопотала за тех из своих питомцев, которых считала талантливыми и перспективными, понимая, как порой нелегко бывает заявить о себе ярким молодым музыкантам (см., например, [20, с. 136]).

И все же критерии, по которым пианистка соглашалась или отказывалась работать с тем или иным исполнителем, остаются загадкой. Иногда решающим фактором оказывались вокальные

возможности, иногда – уровень музыкантской зрелости, а иногда большую роль играла и христианская вера. Вопрос о вероисповедании всегда был важен для М. В. Юдиной. Выбор религиозной принадлежности не был для нее простым. Будучи по рождению еврейкой, она, тем не менее, предпочла религию Христа, и вера стала для нее важнейшей частью жизни, определяющей многие мысли и поступки. Такая позиция, выраженная открыто, была связана с огромными трудностями. Ее надо было отстаивать в атеистическом государстве, и, кроме того, необходимо было выдерживать скрытое (а подчас и откровенное) непонимание евреев, считавших ее предательницей своих национальных корней. И зачастую в этой ситуации для нее было почти что необходимостью присутствие рядом человека, разделяющего ее духовные устремления. Одним из таких людей была Виктория Николаевна Иванова (1924–2002). Несмотря на достаточно редкие совместные выступления, Юдина стремилась к общению с этой певицей. Очевидно, столь велика была потребность в общем служении искусству с человеком той же веры. Ибо свою исполнительскую практику пианистка рассматривала как служение, как часть таинства, посвященного Богу. В этом же ряду стоит ее сотрудничество с одним из самых известных священников Русской православной церкви М. К. Холмогоровым (1870–1951). Уникальный бас, которым он обладал, позволил многим современникам и почитателям таланта называть его «Шалапиным церковного пения». Также в репертуаре певца были и светские произведения. Будучи знакомым со многими музыкантами и художниками, Михаил Кузьмич был желанным гостем на домашних вечерах, где в основном исполнял под рояль произведения басового репертуара. Мария Вениаминовна часто аккомпанировала ему. Переводчик Николай Любимов (1912–1992) рассказывает в своих устных воспоминаниях об одном из таких вечеров на квартире у художника М. Нестерова (1862–1942). Певец исполнял на нем арию Варяжского гостя [10, с. 58]. Несмотря на то, что исполнялись на таких собраниях в основном произведения светского репертуара, подобное сотворчество не могло не иметь для Юдиной особого значения, связанного, в первую очередь, с личностью солиста, его церковным служением.

Вновь возвращаясь к чертам личности пианистки, необходимо отметить, что их своеобразность зачастую являлась причиной того, что музыканты боялись профессионального сотрудничества с ней. Ведь совместная работа двух музыкантов всегда предполагает тот или иной сюжет личных взаимоотношений, а они в этом случае могли складываться самым непредсказуемым образом. Очевидно, это удел всех, кто общается с гениальными, творчески одаренными людьми. Внешнее выражение чувств у них всегда коренится в особом чувствовании, в особом отношении к окружающему миру и людям вокруг. С точки зрения обыкновенных людей, такое поведение зачастую кажется неуважительным, иногда и пугающим. В такой связи становится неудивительно, например, замечание Н. Дорлиак, которая всегда «ужасно боялась встреч с ней, опасалась, – возьмет и скажет что-то бестактное» [8, с. 204]. Лишь немногим дано относительно «безмятежное» существование рядом с гением.

Но были и иные ситуации, когда инициатива сотрудничества исходила от самой пианистки и не находила понимания у солиста. Так случилось с молодой тогда певицей З. Долухановой¹ (1918–2007), которую, очевидно, Юдина услышала на одном из концертных выступлений и предложила ей подготовить совместную программу. Трудно сейчас сказать, что именно послужило причиной отказа солистки, но, как признается она сама, важнейшей из причин был страх, не позволивший даже представить себя на сцене рядом с великой Юдиной. Другим же мотивом, очевидно, было стремление молодой певицы быть единственным центром внимания на сцене, а не находиться в тени выдающегося музыканта. Кроме того, могла возникнуть мысль о подавлении творческой самостоятельности в процессе подготовительных занятий. Так это или иначе, но Зару Александровну до конца жизни не покидало чувство сожаления от несостоявшегося сотрудничества [7, с. 418].

С позиций сегодняшнего дня было бы трудно рассуждать о том, как бы сложились профессиональные отношения З. Долухановой и М. Юдиной. Одно несомненно: простыми они быть не могли. Когда две столь ярко одаренные

личности соединяются в одном творческом пространстве, результаты могут быть самыми непредсказуемыми. Вполне возможно, что опасения Зары Александровны не были лишены оснований. Ведь искусство аккомпанемента никогда не воспринималось пианисткой как союз ведущего и ведомого. В разговорах с певцами она неоднократно подчеркивала равноценность голоса и рояля в сотворчестве (см., например, [6, с. 161]). Не приходится сомневаться, что в вопросах музыкальной трактовки того или иного музыкального произведения солистке пришлось бы, как минимум, прислушиваться к замечаниям гораздо более опытного и авторитетного партнера. Вполне возможно, что многие из указаний пианистки могли бы оказаться слишком субъективными и привели бы к конфликту. Зачастую трудно было понять некоторые из требований Марии Вениаминовны, человека авторитарного в профессиональных вопросах. Неоднократно, например, говорилось об особом ее отношении к текстам на иностранных языках. Как много было потрачено сил на создание новых переводов песен Шуберта! И в то же время певцам категорически запрещалось исполнять эти произведения на языке оригинала [6, с. 161]. Очевидно, пианистка считала, что в России, для русскоговорящей публики, необходимы тексты на родном языке, в противном случае будет невозможно полное понимание и проникновение в суть и смысл шедевров мирового репертуара. Особенно важно отметить, что подобное требование выдвигалось несмотря на то, что немецкий язык был для нее по сути вторым родным.

Поводя итоги своим размышлениям об уникальном явлении в истории концертмейстерского искусства, каким, без сомнения, является аккомпаниаторская практика Марии Вениаминовны Юдиной, хотелось бы еще раз подчеркнуть абсолютную неразрывность, единство всех видов исполнительской деятельности выдающейся пианистки. В этом проявилась цельность ее личности, ее жизни, важнейшую часть которой составляла педагогическая деятельность в самых разных ее проявлениях. Не вызывает сомнений, что работа с вокалистами не только была насущной необходимостью для нее самой, но и, являясь частью педагогического «служения», оказалась одной из связующих ниточек между поколениями музыкантов.

¹ Подробнее об аккомпаниаторах З. Долухановой см. [13].

Литература

1. Без подписи. Оперы в концертном исполнении. 10 лет ансамбля ВТО // Вечерняя Москва. – 18.01.1946.
2. Без подписи. Яворский Болеслав Леопольдович [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mosconsv.ru/ru/person.aspx?id=4746> (дата обращения: 27.12.2018).
3. Бэлза И. «Орестея» С. И. Танеева // Известия. – 3.03.1946.
4. Варвацци Е. «Фома Гордеев» и «Орестея» // Вечерняя Москва. – 7.03.1946.
5. Гольденвейзер А., Гнесина Е., Юдина М., Мирзоева М., Ямпольский А., Владимирова М., Доливо А., Шпиллер Н. Иванова В. Концертмейстер – это педагог. Письмо в редакцию // Советская культура. – 05.06.1954.
6. Давыдова Л. Воспоминания о Юдиной // Вспоминая Юдину. – М.: Классика-XXI, 2008. – С. 160–162.
7. Долуханова З. Встреча с М. В. Юдиной // Пламенеющее сердце: Мария Вениаминовна Юдина в воспоминаниях современников. – М.: Автокнига, 2009. – С. 418–419.
8. Дорлиак Н. Трудно отрешиться от юдинского контекста // Вспоминая Юдину. – М.: Классика-XXI, 2008. – С. 204.
9. К.-Н. Е. Неизвестные романсы Шуберта // Советская музыка. – 1947. – № 2. – С. 94.
10. Любимов Н. Устные воспоминания // Вспоминая Юдину. – М.: Классика-XXI, 2008. – С. 57–58.
11. Щербачев В. Статьи, воспоминания, письма. – Л.: Совет. композитор, 1985. – 360 с.
12. Юдин А. Н. Уроки С. Рихтера-концертмейстера // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 45/1. – С. 93–101.
13. Юдин А. Н. Уроки концертмейстерского мастерства: из опыта работы пианистов-концертмейстеров с Зарой Долухановой и Георгом Отгом // Вестн. каф. ЮНЕСКО. Музыкальное искусство и образование. – 2016. – № 3 (15). – С. 116–127.
14. Юдина М. В искусстве радостно быть вместе. Переписка 1959–1961 годов. – М.: РОССПЭН, 2009. – 816 с.
15. Юдина М. Воспоминания о Болеславе Леопольдовиче Яворском // Мария Вениаминовна Юдина: ст., воспоминания, мат.-лы. – М.: Совет. композитор, 1978. – С. 235–246.
16. Юдина М. Высокий стойкий дух. Переписка 1918–1945 годов. – М.: Рос. полит. энцикл., 2006. – 656 с.
17. Юдина М. Немного о людях Ленинграда // Мария Вениаминовна Юдина: ст., воспоминания, мат.-лы. – М.: Совет. композитор, 1978. – С. 209–227.
18. Юдина М. Нереальность зла. Переписка 1964–1966 годов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 677 с.
19. Юдина М. Об искусстве аккомпанемента // Мария Вениаминовна Юдина: ст., воспоминания, мат.-лы. – М.: Совет. композитор, 1978. – С. 305.
20. Юдина М. Обреченная абстракции, символик и бесплотности музыки. Переписка 1946–1955 годов. – М.: РОССПЭН, 2008. – 592 с.

References

1. Bez podpisi. Opery v kontsertnom ispolnenii. 10 let ansamblya VTO [Operas in concert performance. 10 years of VTO ensemble]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow], 18.01.1946. (In Russ.).
2. Bez podpisi. Yavorskiy Boleslav Leopoldovich [Jaworski Boleslav Leopoldovich]. (In Russ.). Available at: <http://www.mosconsv.ru/ru/person.aspx?id=47146> (accessed 27.12.2018).
3. Belza I. "Oresteya" S.I. Taneeva ["Oresteya" by S.I. Taneev]. *Izvestiya* [News], 03.03.1946. (In Russ.).
4. Varvatsi E. "Foma Gordeev" i "Oresteya" ["Foma Gordeyev" and "Oresteya"]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow], 07.03.1946. (In Russ.).
5. Goldenveyzer A., Gnesina E., Yudina M., Mirzoeva M., Yampolskiy A., Vladimirova M., Dolivo A., Shpiller N. Ivanova V. Kontsertmeyster – eto pedagog. Pis'mo v redaktsiyu [Concertmaster is a teacher. Letter in edition]. *Sovetskaya kul'tura* [Soviet culture], 05.06.1954. (In Russ.).
6. Davydova L. Vospominaniya o Yudinoy [Memories of Yudina]. *Vspominaya Yudinu* [Remembering Yudina]. Moscow, Classica-XXI Publ., 2008, pp. 160-162. (In Russ.).
7. Dolukhanova Z. Vstrecha s M.V. Yudinoy [Meeting with M.V. Yudina]. *Plameneyushchee serdtse: Mariya Veniaminovna Yudina v vospominaniyakh sovremennikov* [Flaming heart: Maria Veniaminovna Yudina in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Avtokniga Publ., 2009, pp. 418-419. (In Russ.).
8. Dorliak N. Trudno otreshit'sya ot yudinskogo konteksta [It's hard to turn away from yudinskogo context]. *Vspominaya Yudinu* [Remembering Yudina]. Moscow, Classica-XXI Publ., 2008, p. 204. (In Russ.).
9. K.-N.E. Neizvestnye romansy Shuberta [Schubert's Unknown romances]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music], 1947, no. 2, p. 94. (In Russ.).

10. Lyubimov N. Ustnye vospominaniya [Oral memories]. *Vspominaya Yudinu. [Remembering Yudina]*. Moscow, Classica-XXI Publ., 2008, pp. 57-58. (In Russ.).
11. Shcherbachev V. *Stat'i, vospominaniya, pis'ma [Articles, memories, letters]*. Leningrad, Sovetskiy kompozitor Publ., 1985. 360 p. (In Russ.).
12. Yudin A.N. Uroki S. Rikhtera-kontsertmeystera [Lessons of S. Richter-concertmaster]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2018, no. 45/1, pp. 93-101. (In Russ.).
13. Yudin A.N. Uroki kontsertmeysterskogo masterstva: iz opyta raboty pianistov-kontsertmeystеров s Zaroy Dolukhanovoy i Georgom Otsom [Lessons accompanist skills: experience of pianists-accompanists with Doluhanova Zahra and Georg Ots]. *Vestnik kafedry YUNESKO. Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie [Bulletin of UNESCO chair. Music art and education]*, 2016, no. 3 (15), pp. 116-127. (In Russ.).
14. Yudina M. *V iskusstve radostno byt' vmeste. Perepiska 1959-1961 goda [In the art is a joy to be together. Correspondence 1959-1961]*. Moscow, ROSSP-EN Publ., 2009. 816 p. (In Russ.).
15. Yudina M. Vospominaniya o Boleslave Leopoldoviche Yavorskom [Memories of Boleslav Leopoldovich Yavorsky]. *Mariya Veniaminovna Yudina: stat'i, vospominaniya, materialy [Maria Veniaminovna Yudina. Articles, memories, materials]*. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1978, pp. 235-246. (In Russ.).
16. Yudina M. *Vysokiy stoykiy dukh. Perepiska 1918-1945 godov [High, persistent spirit. Correspondence of 1918-1945]*. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2006. 656 p. (In Russ.).
17. Yudina M. Nemnogo o lyudyakh Leningrada [A little about the people of Leningrad]. *Mariya Veniaminovna Yudina: stat'i, vospominaniya, materialy [Maria Veniaminovna Yudina. Articles, memories, materials]*. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1978, pp. 209-227. (In Russ.).
18. Yudina M. *Nereal'nost' zla. Perepiska 1964-1966 godov [Unreality of evil. Correspondence 1964-1966]*. Moscow, ROSSP-EN Publ., 2010. 677 p. (In Russ.).
19. Yudina M. Ob iskusstve akkompанемента [On the art of accompaniment]. *Mariya Veniaminovna Yudina: stat'i, vospominaniya, materialy [Maria Veniaminovna Yudina. Articles, memories, materials]*. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1978, p. 305. (In Russ.).
20. Yudina M. *Obrechennaya abstraksii, simvolike i besplotnosti muzyki. Perepiska 1946-1955 godov [Doomed abstraction, symbolism and disembodied music. Correspondence 1946-1955]*. Moscow, ROSSP-EN Publ., 2008. 592 p. (In Russ.).

УДК 782.6

ЧЕРТЫ ТРАГЕДИИ В ОПЕРЕ ЦЗИНЬ СЯНА «РАВНИНА»¹

Мин Мин Лян, доцент Института искусств, Университет Янцзы (г. Цзиньчжоу, КНР). E-mail: 534366380@qq.com

Пенфей Сунь, преподаватель Института искусств, Университет Янцзы (г. Цзиньчжоу, КНР). E-mail: 437800013@qq.com

Китайское оперное произведение «Равнина», относящееся к жанру серьезной оперы, было создано драматургом Вань Фаном и композитором Цзинь Сяном. Будучи первой оперой, написанной после введения политики реформ и открытости и сочетающей в себе техники и приемы западного музыкального творчества с локальным сюжетом, она обладает чрезвычайно большим значением для истории оперного искусства Китая. В роли исторического фона данной оперы выступает жизнь так называемого старого общества Китая, «литературизация» и «аудиализация» подчеркивают драматизм этого произведения, его сюжет заставляет зрителя задуматься о человеческой натуре и в то же время отражает эстетические требования современной эпохи к трагедии. Образы, созданные драматургом «Равнины», отличаются яркостью и самобытностью: мстительный главный герой Цю Ху, умеющая любить и ненавидеть

¹ Работа была поддержана программой «Современное образование и исследования культуры Цзинчу» Университета Янцзы (2019YSH09).

главная героиня Цзинь Цзы, слабый и нерешительный Цзяо Дасин, коварная и жестокая мать Цзяо Дасина, – колоритные, запоминающиеся личности персонажей еще больше усиливают драматический эффект оперы. В данной статье автор исследует либретто, музыкальные особенности и эстетическое содержание оперы «Равнина». Цель работы – выявление драматических черт в современной реалистической китайской опере.

Ключевые слова: опера «Равнина», трагедийность, художественные особенности, действующие лица.

FEATURES OF TRAGEDY IN OPERA OF JIN SYAN “PLAIN”

Ming Ming Liang, Associate Professor of the College of Art, Yangtze University (Jinzhou, China). E-mail: 534366380@qq.com

Penfei Sun, Lecturer of the College of Art, Yangtze University (Jinzhou, China). Email: 437800013@qq.com

Chinese Opera “Plain,” referring to the genre of strict opera, was created by playwright Wang Fang and composer Jin Xiang in 1989. Being the first Opera written after the introduction of the policy of reforms and openness and combining the techniques and techniques of Western musical creativity with a local plot, it has an extremely great importance for the history of Chinese opera art. Especially for today’s Chinese postmodern style, opera creation plays a very important guiding significance. The opera plot is thrilling, the story is touching, and the opera lyrics are beautiful and have profound metaphorical meanings. The characters are portrayed, and their inner activities are very complicated and varied. New and old ideas collide with each other. The historical background of this Opera is life of the so-called old society of China, “literary” and “auditory” emphasize the drama of this work, the plot makes a viewer think about the human nature and at the same time it reflects the aesthetic requirements of the modern era to the tragedy, letting them understand the true meaning of the truth, kindness, and virtue. The images created by the playwright of “Plain” are different in brightness and originality: vengeful protagonist Qiu Hu, who can love and hate Jin Zi, a main character, weak and indecisive Jiao Daxing, treacherous and cruel mother Jiao Dasina, a bright, memorable personality of the characters further reinforce the dramatic effect of the Opera. In this article, the author explores the libretto, musical features and aesthetic content of the opera “Plain,” the aim of the study is to identify the dramatic features in the modern realistic Chinese opera.

Keywords: Opera “Plain,” tragic mood, artistic features, characters.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-81-87

Опера «Равнина» является первым произведением в жанре серьезной оперы в Китае на локальный сюжет после проведения политики реформ и открытости, поэтому ее появление отмечено несомненным историческим своеобразием. В 1980-х годах Китай постепенно начинает оправляться от последствий «культурной революции», в это время получают развитие многие общественные начинания как в области экономики, так и в сфере культуры. Одним из ярчайших феноменов того периода считается так называемая «литература шрамов». «“Литература шрамов” – это продукт идеологического освободительного

движения, неизбежный результат пробуждения субъективного сознания людей, в особенности молодежи. В этом литературном движении молодые авторы посредством обращения к собственному опыту не только демонстрируют читателям физический и духовный ущерб, с которым им пришлось столкнуться, но и, главным образом, возвращаются к прошлому, переосмысляя его и раскрывая истоки исторической трагедии» [8, с. 71]. В то же время «оперное искусство в Китае также стало стремительно восстанавливаться и развиваться... оперная сцена вновь начала демонстрировать яркие признаки расцвета,

сформировав еще один великолепный творческий этап в развитии оперы после образования нового Китая» [3, с. 56]. «Равнина», в свою очередь, представляет собой классический образец оперы этого периода, отражая стойкое сопротивление простого народа закостенелому старому мышлению, а также его неустанный стремление к свободе и новой прогрессивной идеологии.

1. Драматические черты, воплощенные в либретто оперы «Равнина»

Либретто оперы «Равнина» является адаптацией одноименной театральной пьесы, написанной мэтром китайского драматического искусства Цао Юем в 1937 году. Это произведение как по содержанию, так и стилистически существенно отличается от других его пьес, таких как «Гроза» или «Восход». «Равнина» – единственное произведение Цао Юя, посвященное крестьянству [6, с. 166], эта тема сама по себе уже не похожа на привычное читателю описание порочной и расточительной жизни старого Шанхая или уродства капиталистического бюрократизма. В пьесе «Равнина» на относительно ограниченном фоне сельской жизни ярко выделяются простодушные и чистосердечные характеры крестьян, вынужденных столкнуться с необходимостью совершения мести, их терзания и беспомощность перед сложным выбором.

С точки зрения стилистики, можно сказать, что это произведение вырвалось из рамок традиционной драматической модели реалистического сюжета с «бинарной оппозицией». В нем характеры персонажей более сложные и изменчивые: отрицательный герой Цзяо Дасин нежно влюблен в главную героиню Цзинь Цзы, а с главным героем Цзю Ху находится в добрых дружеских отношениях, что заставляет Цзю Ху колебаться в отношении совершения своей мести, вызывает в нем сложный внутренний конфликт. Несмотря на изменчивость характеров действующих лиц и все перипетии сюжета, тема мести и угрызений совести красной нитью проходит через все события пьесы, благодаря чему драматический конфликт вспыхивает с еще большей силой, а сюжет постановки достигает завершенности и совершенства.

В сюжете «Равнины» глубоко воплощены трагические противоречия человеческих взаимоотношений. Великолепная оперная постановка продолжает поиск определения нравственности,

заложенный в пьесе Цао Юя. В ней символически выражаются такие чувства, как любовь и ненависть, а также сложный нравственный конфликт героев, который заключен здесь в трех типах переживаний.

Во-первых, это сочетание любви и ненависти. Любовь Цзю Ху к отцу, сестре и Цзинь Цзы чиста и искренна, и именно эта искренность сделала возможной безграничную ненависть, что родилась в его сердце. Эти два противоположных чувства, переплетающихся в душе Цзю Ху от побега и вплоть до совершения мести и гибели, закладывают трагическую основу данного произведения. В национальной опере «Равнина» авторы постоянно задаются вопросом, что же такое человеческая нравственность и мораль, расцветившая трагедию эпохи сотнями оттенков чувств и эмоций. Кроме того, основные черты главных героев: умение любить и ненавидеть Цзинь Цзы, мстительность Цзю Ху, слабость Цзяо Дасина и т. д. – все это отражает реальные нравы современных людей и становится основой для конфликта в будущем. С точки зрения переломного момента главного противостояния в сюжете объектом мести Цзю Ху, в конечном счете, стал Цзяо Дасин, что привело к гибели второго. Это простое выражение ненависти с позиции нравственности ввергло Цзю Ху в порочный круг вражды и мести. Таким образом, противоречие между человеческими отношениями и моралью подчеркивает сложность и изменчивость человеческой природы, в опере этот конфликт происходит из любви и ненависти главных героев.

Во-вторых, это переплетение мечты и реальности. Согласно сюжету «Равнины», если бы не злой умысел семейства Цзяо, то Цзю Ху, с юных лет влюбленный в Цзинь Цзы, мог бы жениться на ней и создать счастливую семью. Однако вторжение злых сил заставило все измениться: один за другим пострадали члены семьи Цзю Ху, отец, а потом младшая сестра, Цзинь Цзы принудили выйти замуж за Цзяо Дасина, – все это вмиг разрушило мечты Цзю Ху о счастливой жизни. Реальность постепенно ожесточила сердце молодого человека, и, ведомый ненавистью, он окончательно погрузился в мир мести и вражды. Таким образом, конфликт между мечтой и реальностью является одним из самых острых в сюжете оперы. Именно из-за этого противоречия человеческая природа может быть простой и доброй, но также

злой и темной. Мечта здесь символизирует подавленные феодальным строем надежды простых людей, а реальность – действие злых сил. Таким образом, противоречия порождают друг друга, заставляя зрителя задуматься как о вопросе нравственности, так и о социальных проблемах.

В-третьих, это выбор между добром и злом. Данное противоречие наиболее очевидно воплощено в персонаже Цзю Ху. Пока злые силы еще не разрушили его семейное счастье, он был честным, добрым и порядочным крестьянином. Потом же Цзю Яньван (отец Цзю Дасина) своим преступным поведением – убийствами и грабежом спровоцировал изменения в характере Цзю Ху, вызвав в нем ненависть и злобу. По-настоящему произведение начинается с момента побега Цзю Ху, затем традиционный принцип «долги отца погашает сын» вынуждает его окончательно потерять рассудок. В результате новая злобная личность Цзю Ху даже любовь использует как орудие мести. Так, от рассудительности до безумия он теряет свой путь и идет навстречу гибели.

В опере «Равнина» объект мести Цзю Ху изначально – это Цзю Яньван, однако, узнав о его смерти, главный герой превращает в мишень доброго и нерешительного Цзю Дасина. В начале произведения жестокий и бесчеловечный, Цзю Яньван ярко контрастирует с честным и порядочным Цзю Ху, а сцена в преисподней отражает его злодейскую натуру. Тем не менее, когда Цзю Ху узнает о смерти своего заклятого врага и осуществляет свою месть, утонченный и слабый характер Цзю Дасина начинает контрастировать уже с жестокостью и бессердечием Цзю Ху, таким образом, в опере вновь возникает противостояние добра и зла в человеческой натуре. Эмоциональные конфликты выражаются в репликах персонажей и выступают в роли поворотных моментов в сюжете оперы «Равнина». Такой подход не только отражает противоречивость человеческого выбора, но и дает намек на трагический финал истории.

Стоит отметить, что, когда герои оперы «Равнина» выбирают между добром и злом, стандарты этих категорий пребывают в текучем, подвижном состоянии, можно также сказать, что герои будто бы постоянно утрачивают человечность. Нравственный конфликт – обязательная предпосылка кульминации оперы, тогда как потеря человечности – неизбежный результат, порожденный трагедией. Цзю Ху из честного и доброго человека

превратился в злобного и мстительного, с самого начала он возненавидел Цзю Яньвана, однако, получив сообщение о его смерти, он потерял объект возмездия и использовал Цзинь Цзы как инструмент мести уже всей семье Цзю, так, его юношеская любовь вместе с рассудком сгорела в пламени ненависти. Убийство Цзю Дасина стало символическим жестом, воплощающим месть Цзю Ху, неизбежным выбором в нравственном противоречии и неизбежным результатом человеческой трагедии. Цзю Ху потерял свою человечность из-за ненависти, ненависть привела к внутреннему конфликту и указала на трагический финал. Можно сказать, что потеря человечности стала важным пунктом в адаптации сюжета пьесы для оперного произведения Вань Фанем, в современных реалиях обладающего также и сатирическим значением. Таким образом, введение трагизма в личности героев привело к драматическому конфликту, всегда движущемуся в крайностях добра и зла. В дополнение к этому моральный мрак и жестокость социальной эпохи, описываемой в истории, а также сильные сдвиги в человеческой натуре в сложившихся условиях приписывают либретто оперы основные элементы, свойственные трагедии. Именно эти базовые составные элементы отличают ее от такого драматического жанра, как драма, и обогащают эмоциональное содержание оперы «Равнина», в драматической форме адресовав зрителю полемику и размышления о добре и зле человеческой натуры.

С точки зрения изображения образов людей, живущих в сельской местности, мы считаем, что это произведение является удачным воплощением заимствования приемов из характерного для французского и итальянского искусства конца XIX века стиля веризма. Показанное в «Равнине» время внутренних смут и внешней агрессии, переживаемое в Китае, перекликается с обстановкой во Франции и Италии конца XIX века – национальные конфликты и классовые противоречия создавали крайне нестабильное, напряженное положение в обществе этих стран. Новелла «Сельская честь», написанная в 1889 году Джованни Верга, является выдающимся образцом литературы веризма в Италии. В ней отражается острый социальный конфликт того времени, а также воспроизводится облик настоящей итальянской деревни, что вкупе и формирует обозначенный выше стиль. Данная новелла также была положе-

на в основу одноименной оперы Пьетро Маскани, представляющей веризм в мировом оперном искусстве. Что же касается «Равнины», запутанные отношения между героями, клановая вражда сформировали веристическое драматическое обрамление пьесы, место действия также обладает ярко выраженным китайским колоритом, где образ мрачной и зловещей усадьбы в традиционном стиле не только выражает жестокость и коварство земельной аристократии Китая того времени, но и предвещает скорый крах этого сословия. Таким образом, мы считаем, что в своем произведении Цао Юй успешно реализовал творческое заимствование важнейших стилистических деталей у последователей пришедшего из Франции и Италии веризма. Конкретно это проявляется в следующем.

История, описываемая в «Равнине», тоже разворачивается в сельской местности, крестьяне сталкиваются с утратой человечности, порождаемой ненавистью, которая привела в итоге к трагическому финалу – «злодейскому убийству» и «смерти». Такое веристическое драматическое обрамление пьесы берет свое начало в последующем развитии романтической литературы в конце XIX века, поэтому мы имеем все основания полагать, что либретто «Равнины» по своему трагическому стилю может быть отнесено к романтической трагедии.

Пьеса «Равнина» стала не только вершиной творчества Цао Юя, но в то же время и воплощением его постепенно сформировавшегося представления о том, какова должна быть трагедия. Он считал, что «жизнь – это страдание, вселенная подобна бездонной дыре, которая затягивает человека, как бы он ни сопротивлялся, и никому не избежать ее холодного мрака» (цит. по [1, с. 250]). В «Равнине» главные герои жаждут свободы, при этом находясь под влиянием своего собственного ограниченного мышления, таким образом, источник конфликта и трагедии в пьесе напоминает ту самую «мрачную яму» или же «намертво затянутый узел», который невозможно распутать. В заключительной части пьесы штык Цю Ху все-таки пронзает Цзяо Дасина, что отражает также и другой взгляд драматурга на трагедию. 19 февраля 1942 года Цао Юй выступил в Чунцине с докладом «Душа трагедии». По мнению писателя, «душа трагедии должна быть способна решиться на дей-

ствие, трагедийные персонажи должны обладать страстью, подобной огню, могучим духом, характером настоящего героя, столкнувшись с проблемой, они не могут искать мирного решения, не могут пойти на компромисс или “придерживаться золотой середины”» (цит. по [5, с. 3]). Благодаря описанию именно этого бескомпромиссного отношения и воли к борьбе, в «Равнине» так хорошо передана трагедия безысходности низших слоев общества перед противником, которого им не сокрушить, а также духовная сила и бунтарский дух главных героев.

2. Драматические черты, воплощенные в музыкальной композиции оперы «Равнина»

Музыка к опере «Равнина» была написана композитором Цзинь Сяном, являющимся ярким представителем плеяды деятелей искусства эпохи, наступившей после «культурной революции». По понятным причинам, все они питали серьезный интерес к темам, связанным с борьбой за свободу и бессилием перед роком. Можно сказать, что подвергавшиеся в прошлом политическим репрессиям композиторы в силу исторических обстоятельств испытывали особые чувства по отношению к жанру трагедии.

В опере «Равнина» главный герой Цю Ху в аду яростно вызывает к справедливости: «Я, Цю Ху – хороший крестьянин, я, Цю Ху – хороший человек, так почему же? Почему мы всю жизнь должны быть вашим рабочим скотом и даже здесь вы не хотите отпустить меня?!» [2, с. 360]. Известно, что отец композитора во время «культурной революции» подвергся репрессии, из-за чего вся семья попала в крайне тяжелое положение, многие были арестованы или лишены возможности работать. В одном из интервью он сказал: «Культурная революция – это страшное бедствие! С ее последствиями столкнулся каждый человек, каждая семья» [4, с. 123]. Возможно, после обретения долгожданной свободы этот опыт и стал главной причиной создания оперы «Равнина». В переживаниях самого композитора можно ощутить горечь и страдания, скопившиеся в сердце главного героя Цю Ху, а также его стремление к борьбе. Отличие лишь в том, что Цю Ху выбрал для борьбы с судьбой нож, а Цзинь Сян – кисть и нотную тетрадь, благодаря которым он смог выразить неопишемое словами состояние подавленности и печали.

В процессе создания оперы Цзинь Сян большое внимание уделено драматической атмосфере. Чтобы подчеркнуть трагедийность сюжета, композитор уже в прелюдии использует технику алеаторики: посредством записи в партитуре нот неопределенной высоты он пытается передать пронзительные крики душ, томлящихся в преисподней, добиваясь таким образом мрачного, пугающего звукового эффекта. Оркестр свободно трактует ритмику, а участники хора сочетают манеру декламации и пения, создавая своеобразную напряженность, будоражащую зрителя. Хор делится на четыре группы, одновременно исполняющие причитание, смех, вопли и ропот. Эти группы голосов хаотично переплетаются между собой, закладывая своего рода лейтмотив страшной трагедии мести, предстающей перед нами. Особенно стоит отметить, что, кроме музыкальных эффектов, авторы оперы не используют никакой визуализации ада, полагаясь лишь на искусно продуманный звуковой ряд, передающий весь ужас данной локации. Этот прием «аудиоликации» позволяет максимально затянуть зрителя в действие оперы, обращаясь к его ассоциативному мышлению, а диссонирующее взаимодействие участников хора создает еще более напряженную обстановку, тогда как звуки плача и стенаний заставляют зрителя воочию представить страшные картины преисподней.

Подобный прием используется и в четвертом акте оперы, где действие происходит в темной чаще леса: партия скрипки непрерывно исполняет аккорд, состоящий из двух диссонирующих интервалов – малой секунды и увеличенной квинты, при этом регистр мелодии очень высокий,

а тембр – резкий; в то же время низкий тембр виолончели подражает рычанию диких хищников, рыщущих вокруг в поисках добычи. Барабаны в свою очередь создают иллюзию приближающихся раскатов грома. В то время как главная героиня Цзинь Цзы блуждает в чаще леса и видит кошмар наяву, декорации на сцене не подвергаются каким-либо изменениям – композитор использует металлический звук треугольника, чтобы передать момент перехода из иллюзии в реальность; при этом, когда героине мерещатся нападающие на нее хищные звери, быстрым скачком вверх вступает скрипка, переходящая на непрерывное вибрато, которое выражает напряжение и трепет героини.

Опера «Равнина» рассказывает историю о борьбе и мести угнетенного крестьянского сословия в жестоких реалиях старого китайского общества. Используемый в сюжете оперы драматический оттенок, свойственный веризму, демонстрирует не только жестокое угнетение феодалами крестьянского сословия, но и сопротивление злему року сильных духом крестьян, столкнувшихся с безвыходным положением, а драматическая, полная отчаяния развязка выносит на свет блистательное великолепие истинной человеческой природы. Как сказал однажды Лу Синь, «трагедия – это уничтожение всего, что человеку дорого, у него на глазах» (цит. по [7, с. 164]). В опере «Равнина» все драматические черты как музыки, так и сюжета позволяют зрителю не только насладиться эстетикой трагедии, но в то же время и задуматься над такими важными для общества концепциями, как любовь, нравственность и человеческая природа.

Литература

1. Ван Х. Истории китайских знаменитостей / под ред. Линь Т. – Пекин: Кит. жен. издат. дом, 2004. – 227 с.
2. Дзинь С. Партитура оперы «Равнина». – Шанхай: Шанх. музык. изд-во, 2005. – 412 с.
3. Лю Д. Учебное пособие по вокальной музыке. – Нанкин: Нанкин. пед. ун-т, 2006. – 172 с.
4. Цзинь С. Бесконечный поиск. – Пекин: Народ. музыка, 2014. – 705 с.
5. Цзэн Я. Разнообразие и распространение языка арии в опере Цзинь Сяна «Равнина» // Журн. Цзилиньской акад. художеств. – 2014. – № 05. – С. 2–7.
6. Цуй Ч. Полн. собр. биографий китайских и иностранных знаменитостей. – Харбин: Хэйлунцзян Мэйшу, 2012. – 366 с.
7. Чжан Ж. Введение в искусство. – Пекин: Народ. музыка, 2015. – 215 с.
8. Чжу Ц. Исследование молодежной культуры в новом Китае. – Чжэнчжоу: Народ. Хэнань, 2002. – 308 с.

References

1. Van Kh. *Istorii kitayskikh znamenitostey [The history of Chinese celebrity]*. Pekin, Kitayskiy zhenskiy izdatel'skiy dom Publ., 2004. 227 p. (In Chin.).

2. Dzin S. *Partitura opery "Ravnina" [Full score of the Opera "Plain"]*. Shankhay, Shankhayskoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 2005. 412 p. (In Chin.).
3. Lyu D. *Uchebnoye posobiye po vokal'noy muzyke [Textbook on vocal music]*. Nankin, Nankinskiy pedagogicheskiy universitet Publ., 2006. 172 p. (In Chin.).
4. Tszin S. *Beskonechnyy poisk [Endless search]*. Pekin, Narodnaya muzyka Publ., 2014. 705 p. (In Chin.).
5. Tszen Ya. Raznoobrazie i rasprostranenie yazyka arii v opere Tszin Syana "Ravnina" [The diversity and spread of the Aria language in Jin Xiang's Opera the "Plain"]. *Zhurnal Tszilin'skoy akademii khudozhestv [Journal of Jilin Academy of arts]*, 2014, no. 05, pp. 2-7 (In Chin.).
6. Tsuy Ch. *Polnoye sobranie biografii kitayskikh i inostrannykh znamenitostey [Full collection of biographies of Chinese and foreign celebrities]*. Kharbin, Kheyluntszyan Meyshu Publ., 2012. 366 p. (In Chin.).
7. Chzhan Zh. *Vvedenie v iskusstvo [An introduction to the art]*. Pekin, Narodnaya muzyka Publ., 2015. 215 p. (In Chin.).
8. Chzhu Ts. *Issledovanie molodezhnoy kul'tury v novom Kitae [Youth Culture Study in New China]*. Chzhenchzhou, Narodnyy Khenan Publ., 2002. 308 p. (In Chin.).

УДК 786.2

ЧЕРТЫ КИТАЙСКОГО СТИЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. Н. ЧЕРЕПНИНА «ПЯТЬ КОНЦЕРТНЫХ ЭТЮДОВ» (Ор. 52)¹

Пенфей Сунь, преподаватель Института искусств, Университет Янцзы (г. Цзиньчжоу, КНР).
E-mail: 437800013@qq.com

Мин Мин Лян, доцент Института искусств, Университет Янцзы (г. Цзиньчжоу, КНР). E-mail:
534366380@qq.com

Александр Николаевич Черепнин – известный российский и американский пианист, композитор и дирижер. В 30-е годы XX века, чтобы разнообразить свое музыкальное творчество, он не раз приезжал в Китай с концертами и в качестве преподавателя. В течение трех лет, что он провел в Китае, А. Н. Черепнин исполнял обязанности музыкального консультанта для Национального правительства, занимал должность почетного профессора в Шанхайской государственной консерватории, а также в качестве пианиста и композитора дал ряд концертов высочайшего уровня в Шанхае и Бэйпине. Чтобы воодушевить молодых китайских композиторов того времени на более активное применение китайского традиционного наследия в их творчестве, А. Н. Черепнин самостоятельно организовал конкурс под названием «В поисках фортепианного концерта в китайском стиле». «Это мероприятие не только произвело фурор в Шанхае и Бэйпине, но и оказало глубокое историческое влияние на “китаизацию” фортепианной музыки в стране» [3, с. 18]. После этого маэстро открыл в Токио музыкальное издательство, в котором большими тиражами издавались произведения молодых китайских композиторов. «Поскольку Черепнин постоянно выступал в разных уголках мира, знакомя слушателей с китайскими произведениями, в Европе и Америке он, в конце концов, приобрел имя “популяризатора китайской музыки”» [8, с. 55].

Объектом исследования данной статьи является фортепианное сочинение А. Н. Черепнина в китайском стиле «Пять концертных этюдов» (Ор. 52), тогда как целью исследования стало изучение истории создания, художественных особенностей, эстетических концепций, заложенных в данное произведение, а также выявление и всесторонний анализ использованных в нем элементов китайского стиля и его влияния на распространение национального колорита в фортепианных произведениях в Китае периода новой истории.

Ключевые слова: А. Н. Черепнин, китайский стиль, произведения для фортепиано, художественные особенности.

¹ Работа была поддержана программой «Современное образование и исследования культуры Цзинчу» Университета Янцзы (2019YSH09).

CHINESE STYLE FEATURES IN A.N. CHEREPNIN'S "FIVE CONCERT ETUDES" (OP. 52)

Penfei Sun, Lecturer of the College of Art, Yangtze University (Jinzhou, China). Email: 437800013@qq.com

Ming Ming Liang, Associate Professor of the College of Art, Yangtze University (Jinzhou, China). E-mail: 534366380@qq.com

Alexander Nikolaevich Cherepnin is a famous Russian and American pianist, composer and conductor. In the 1930s, in order to diversify his musical creativity, he often came to China with concerts and as a teacher. During the 3 years he spent in China, he served as a music consultant for the National Government, served as an honorary professor at the Shanghai State Conservatory, and as a pianist and composer gave a number of concerts of the highest level in Shanghai and Beiping. To inspire the young Chinese composers of the time to use more actively the Chinese traditional heritage in their work, A.N. Cherepnin independently organized a competition called "In Search of a Piano Concerto in the Chinese Style."

"This event not only caused a stir in Shanghai and Beiping but also had a profound historical influence on the "Sinization" of piano music in the country" [3, p. 18]. After that, the maestro opened a musical publishing house in Tokyo, in which works of young Chinese composers were published in large editions. "Since Cherepnin constantly performed in different parts of the world, acquainting listeners with Chinese works, in Europe and America, he eventually acquired the name of "a popularizer of Chinese music" [8, p. 55].

The object of this article is the piano composition by A.N. Cherepnina in the Chinese style "Five Concert Etudes" (Op. 52), while the aim of the study is to study the history of creation, artistic features, aesthetic concepts embedded in this work, as well as to identify and comprehensively analyze the elements of the Chinese style used in it and its influence on the dissemination of national color in piano works in China during the period of modern history.

Keywords: A.N. Cherepnin, Chinese style, works for piano, artistic features.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-87-93

В период с 1934 по 1936 год А. Н. Черепнин был приглашен в качестве почетного профессора в Шанхайскую государственную консерваторию, где за это время создал для студентов большое количество учебных материалов и этюдов для игры на фортепиано в китайском стиле, среди которых важнейшими являются: «Учебное пособие по пентатонике для фортепиано», «Пять концертных этюдов» (Op. 52), «Технические упражнения на основе пентатонической гаммы» (Op. 53). С точки зрения обстановки в музыкальных кругах Китая того времени, количество этюдов для фортепиано было гораздо меньше каких-либо других произведений для этого инструмента. Можно сказать, что данный шаг Черепнина по созданию этюдов в китайском стиле в то время стал уникальным в своем роде. «Учебное пособие по пентатонике для фортепиано» и «Технические упражнения на

основе пентатонической гаммы» (Op. 53) были созданы для решения педагогических задач и, по сути, представляют собой обычные учебные материалы, тогда как «Пять концертных этюдов» (Op. 52) являются произведением, обладающим художественной ценностью и созданным для исполнения на концертах. Таким образом, этюды Черепнина были написаны не просто для отработки материала на занятиях, но и «для исполнения, требующего разных уровней мастерства, понимания разных форм и жанров музыки, то есть в них действительно был воплощен сложный, систематизированный творческий замысел» [2, с. 102].

Эти этюды впервые были представлены композитором для публики в 1936 году в Токио и в том же году опубликованы в Германии издательством «Schott» с заголовками, переведенными на три языка: немецкий, французский и английский.

ский. Сам автор так описывал свое произведение: «В 1934 году, когда я впервые приехал с концертами на Дальний Восток, я страстно увлекся китайской традиционной музыкой и театром. Было много причин, почему так называемая пентатоника глубоко тронула меня, она раскрыла новые уровни хроматизма и обогатила используемый мною музыкальный язык. “Пять концертных этюдов”, написанные с 1934 по 1936 год, стали выражением моих теплых чувств по отношению к китайской музыке» (цит. по [1, с. 42]).

Пять этюдов Черепнина представляют собой пять отдельных небольших произведений, каждое из которых имеет собственный заголовок.

1. «Театр теней» («Shadow Play»)

Китайский традиционный театр теней зародился еще в эпоху Хань (206 год до н. э. – 220 год н. э.), а к периоду правления династий Тан и Сун (VII–XIV века) стал излюбленным видом сценического искусства для простого народа [7, с. 119]. Во время представления артисты позади плотно натянутого на раму белого полотна управляют марионетками и одновременно исполняют песни на популярные мотивы, в которых рассказывают историю персонажей, а также аккомпанируют

себе на ударных и струнных музыкальных инструментах. Все это действо обладает выраженным народным колоритом [6, с. 2]. В «Пяти концертных этюдах» «Театр теней» является первым по счету произведением, в нем А. Н. Черепнин мастерски воспроизводит юмор действующих лиц, перипетии сюжета, бурные столкновения героев традиционного китайского театра теней посредством имитации ударных инструментов.

С точки зрения построения музыкальной формы в данном этюде применяются классические для традиционной китайской оперы приемы, неритмическая, свободная структура повествования. Кроме того, здесь используются традиционные для Китая пентатонические лады, при этом объединение промежуточных знаков альтерации создает многократные модуляции. Фигуры аккомпанемента левой руки чрезвычайно богаты, в дополнение к непрерывному использованию повторяющихся интервалов в качестве вспомогательного фона для основной мелодии правой руки композитор также использует ломаный аккорд, украшение и вибрато, – формы аккомпанемента, которые обогащают колорит звучания и в то же время уравнивают интенсивность партий правой и левой руки (см. рис. 1):

Рисунок 1. Черепнин А. Н. Театр теней, ОП. 52, No. 1, такты 5–14

Автор данной статьи считает, что имитация ударных инструментов китайского театра теней в произведении А. Н. Черепнина не только будоражит чувства слушателей, но и вызывает в их сознании ряд ассоциаций, посредством музыкальных эффектов раскрывая художественные особенности яркого и самобытного народного китайского искусства.

2. «Гуцинь» («The Lute»)

В этом этюде в качестве музыкальной темы используется мелодия из пьесы для гуциня (традиционный китайский музыкальный инструмент, родственник цитры), сочиненной средневековым китайским музыкантом Жуань Цзи под названием «Безумие от вина». Музыкальный стиль игры на гуцине плавный и печальный, он напоминает движения пошатывающегося от опьянения человека и в то же время передает уныние и отчаяние его жизни, болезненное и безнадежное состояние его души.

В «Безумии от вина» применен трехдольный размер, структура музыкального мотива, главным образом, строится на чередовании скачкообразного движения и медленного ведения вниз. А. Н. Черепнин произвел всестороннее заимствование стилистических особенностей «Безумия от вина». Во вступлении композитор использует знак фермата над паузой в одном такте: несмотря на то, что знак паузы в музыке не рождает какой-либо звуковой окраски, автор сделал пометку в партитуре, согласно которой в этот момент нужно использовать педаль, а это означает, что музыка начинается уже в месте со знаком паузы, таким образом, автор выражает даосскую идею, согласно которой «беззвучие превосходит звучание». Во втором такте игры левой руки, то есть в нижнем регистре нот, композитор имитирует технику пиццикато в исполнении на гуцине, обозначив музыкальные динамические оттенки (см. рис. 2).

Op.52 No.2

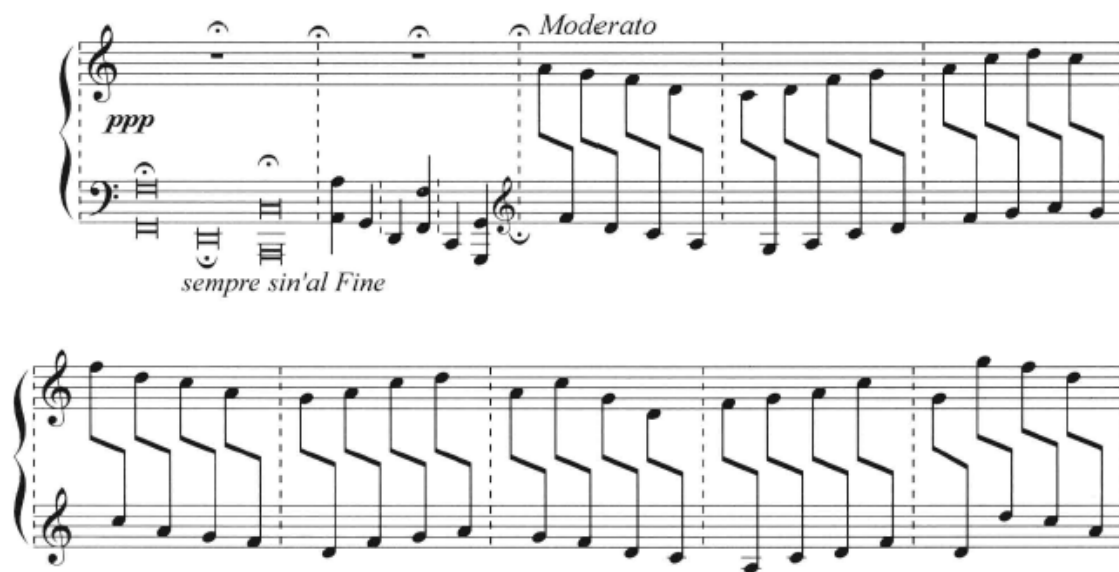

Рисунок 2. Черепнин А. Н. Гуцинь, ОП. 52, No. 2, такты 1–10

Очевидно, что уже во вступлении Черепнин демонстрирует художественные особенности и идеи, заключенные в игре на гуцине, пытаясь

передать спокойный и таинственный образ китайского ученого, исполняющего музыку на гуцине и декламирующего стихи.

3. «Посвящение Китаю» («Homage to China»)

Пипа – это китайский народный щипковый музыкальный инструмент с многовековой историей, обладающий высокой сложностью техники исполнения и богатой музыкальной выразительностью. В оркестре он может выступать соло, аккомпанировать, бисировать или быть частью ансамбля [4, с. 18]. А. Н. Черепнин вскоре после прибытия в Китай заинтересовался этим инструментом и стал изучать технику игры на нем у известного китайского музыканта Цао Аньхэ, а также включил эту технику в создание фортепианной музыки. Данный этюд как раз и является результатом слияния техники игры на пипа и исполнения музыки в китайском стиле на фортепиано.

Этюд «Посвящение Китаю» был предназначен в подарок для супруги композитора пианистки Ли Сяньминь. С точки зрения музыкальной формы, главной его особенностью можно считать большое количество повторов одной ноты. В звучании имитируется ритм игры на пипа и свойственное ей «чувство зернистости». Кроме того, А. Н. Черепнин использовал метод частого преобразования ритма, чтобы выразить гибкость и изменчивость музыки, исполняемой на пипа, ритм в этой композиции изменяется одиннадцать раз. На протяжении всего произведения композитор стремится подражать музыкальному колориту китайских народных щипковых инструментов, добиваясь лиризма и очарования в звучании.

4. «Панч и Джуди» («Punch and Judy»)

В основу этого этюда легла музыкальная тема из китайской народной песни «Двенадцать месяцев с сестренкой». Эта песня сначала была известна в провинциях Цзянсу и Аньхой, а впоследствии распространилась по всему Китаю. А. Н. Черепнин в 1934 году посетил в Китае представление народного кукольного театра, где услышал эту мелодию, она запомнилась композитору, и через некоторое время из этого воспоминания родился фортепианный этюд. Первые две фразы народной песни сформировали музыкальную тему «Панч и Джуди», которая в виде вариаций проходит через всю композицию. Этот прием позволил не только сохранить в этюде достаточно ясный образ оригинальной песни, выделить и сделать акцент на главной теме, но и придать всему этюду целостное звучание в этническом стиле.

5. «Хвалебная песнь» («Cantique»)

Материал пятого завершающего этюда «Хвалебная песнь» также заимствован из народной песни провинции Цзянсу, автор статьи считает, что это связано с достаточно долгим пребыванием А. Н. Черепнина на юге Китая, где композитор жил и занимался преподаванием. При создании этого этюда он старался сохранить мягкость и уклончивость тональности, свойственные народным песням с правобережья реки Янцзы. Кроме того, в композиции сохранена целостная пентатоническая гамма, из-за чего в ней невозможно обнаружить привычные для западной музыки техники мажорно-минорной системы. Этюд «Хвалебная песнь» создан с использованием вариационной формы, его центральная музыкальная тема хотя и происходит от китайской народной песни, однако благодаря искусному построению композиции, рациональному применению полифонии и гармонии в китайском стиле композитору удалось добиться торжественной атмосферы ритуала в звучании, что отражает его глубокое понимание древней конфуцианской и буддийской философии.

А. Н. Черепнин в подлинном смысле слова является «гражданином мира в музыке». Американский музыкант Аарон Копланд называл его «почетным американским композитором», а японский композитор Тору Такемитсу – «отцом японской музыки». В китайском музыкальном сообществе, хотя у Черепнина и нет определенно-го «прозвища», тем не менее многие музыканты и композиторы периода новой истории в глубине души считают его своим учителем. Действительно, Александр Николаевич с большим энтузиазмом и от всего сердца поддерживал молодых китайских композиторов. Наиболее известным примером этой поддержки стала организация музыкального конкурса «В поисках фортепианного концерта в китайском стиле». Первое место в конкурсе занял Хэ Люйтин с композицией «Флейта пастушка», в то же время лауреатами конкурса стали Цзян Динсянь, Чэнь Тяньхэ, Лао Чжичэнь, Юй Бяньмин. Это событие вдохновило многих молодых композиторов и задало вектор развития их дальнейшего творчества. Чтобы дать возможность китайской музыке быстрее попасть в поле зрения международного сообщества, А. Н. Черепнин использовал свои концерты в западных странах, где исполнял произведения молодых

китайских композиторов. Зачастую эти прошедшие через руки маэстро композиции производили настоящую сенсацию. Другим видом поддержки молодых композиторов из Китая А. Н. Черепниным была его издательская деятельность, так, в Японии он опубликовал произведения призеров вышеупомянутого конкурса Хэ Люйтина и Лао Чжицэня, а также 4 романа Лю Сюэяня и т. д.

Кроме того, в 1938 году в Брюсселе А. Н. Черепнин официально вступил в брак с Ли Сяньминь, выпускницей первого потока факультета фортепианной музыки Шанхайской национальной консерватории, что стало лучшим символом его концепции слияния Европы и Азии. С тех пор пара неоднократно исполняла вместе китайские произведения и всячески способствовала продвижению китайских композиторов и китайской музыки. Более того, находившиеся в то время в Европе музыканты Чжоу Сяоянь, Сяо Шусянь, Юй Исюань, Сы Игуй, Цзян Ин и т. д. были близкими друзьями А. Н. Черепнина и его супруги, поэтому также получали их всестороннюю поддержку и помощь. В том числе композитор часто писал под заказ концертные композиции для Чжоу Сяоянь, именно он порекомендовал ей вместе с Ли Сяньминь принять участие в Первом Международном музыкальном фестивале «Пражская весна», а также добавить в представление произведения в китайском стиле.

После смерти композитора Ассоциация А. Н. Черепнина учредила в Шанхайской консерватории и Центральной музыкальной консерватории ежегодный творческий конкурс произведений для скрипки и виолончели. В разное время лауреатами этого конкурса становились Сюй Шуя с его «Скрипичным концертом», Е Сяоян с «Китайской поэзией» и Сюй Сяосун с «Песней горцев». При этом в «Скрипичном концерте» Сюй Шуя в качестве главной музыкальной темы была использована вариация китайской народной песни «Сяо и барабаны в сумерках», объединенная с современными музыкальными техниками, а второй музыкальной темой стала мелодия из небольшого произведения для фортепиано самого А. Н. Черепнина. Это мероприятие и то, как его участники гармонично сочетают приемы и техники из западной и восточной музыки, демонстрируют нам, что даже без непосредственного участия Александра Николаевича его инициатива по поддержке молодых китайских композиторов все еще живет в

сердцах его последователей и продолжает оказывать влияние на музыкальный мир.

Относительно концепции китайской музыки А. Н. Черепнин считал, что, в отличие от европейской музыки, ей не обязательно постепенно проходить этапы классицизма, романтизма, импрессионизма, экспрессионизма и т. д. — достаточно совершить один решающий скачок и сразу же перейти к модерну. При этом очень важно, чтобы модерн здесь гармонично сочетался с китайским этническим колоритом, только так он может стимулировать развитие китайской музыки. Безусловно, скачкообразное движение вряд ли сможет решить проблему разницы между свободным творчеством и формальным обучением, ведь и сам А. Н. Черепнин сначала подробно исследовал Бетховена и другую классическую музыку и лишь затем ступил на путь модерна. Тем не менее обучение, начинающееся с Дебюсси, в сочетании с темой национальных музыкальных культурных традиций, по-прежнему дает большое вдохновение молодым композиторам. Учениками Черепнина были Хэ Люйтин, Цзян Динсянь, Лю Сюэянь, Чэнь Тяньхэ, Тань Сяолин и другие композиторы, внесшие свой вклад в развитие современной китайской музыки, которая благодаря его учению смогла обрести национальный характер и постепенно выйти на мировую арену.

«Пять концертных этюдов» (Op. 52) А. Н. Черепнина — это ставшее образцовым для китайской музыки периода новой истории фортепианное произведение. Черты китайского стиля в этюдах проявляются в следующем: композитор не только смог адаптировать мелодии традиционного китайского театра или народных песен к исполнению на фортепиано, но также и сумел за счет определенных техник создать имитацию звучания народных музыкальных инструментов на фортепиано. Автор статьи считает, что в данном произведении глубоко запечатлена яркая всепроникающая творческая идея А. Н. Черепнина, а именно: «Чем более произведение обладает национальным характером, тем более оно космополитично» [5, с. 134]. Его работы и идеи стали колоссальным вкладом в историю китайской музыки новой и новейшей эпохи, позволили ей избавиться от влияния европейского традиционного искусства. Создание новой музыки с национальным китайским колоритом открыло для китайских композиторов новую страницу на пути развития их творчества.

Литература

1. Ван В. Китайский стиль и техники исполнения «Пяти концертных этюдов» Черепнина // Музыкальное время. – 2012. – № 5. – С. 42–43.
2. Доу Ц. Создание фортепианных этюдов Черепнина в китайском стиле // Китайское музыковедение. – 2006. – № 4. – С. 101–104.
3. Лю Г. Знания и навыки игры на музыкальных инструментах. – Шэньян: Детское изд-во Ляонин, 2014. – 118 с.
4. Лю Ц. Сборник музыкальных рецензий Лю Цайшэна / Ц. Лю. – Шанхай: Изд-во Шанх. консерватории, 2015. – 623 с.
5. Цянь Ж. Материалы Международного симпозиума «Черепнин и китайская музыкальная культура». – Шанхай: Изд-во Шанх. консерватории, 2016. – 304 с.
6. Чжан Б. Театр теней для подростков. – Цзинань: Изд-во Тайшань, 2012. – 165 с.
7. Чжан Г. Народная опера. – Хэфэй: Хуаншан. книж. клуб. – 2016. – 139 с.
8. Чжан Ц. Черепнин и китайская современная музыка // Музыкальное искусство. – 2013. – № 02. – С. 47–57.

References

1. Van V. Kitayskiy stil' i tekhniki ispolneniya "Pyati kontsertnykh etyudov" Cherepnina [Chinese style and techniques of performance of the "Five Concert Etudes" by Cherepnin]. *Muzykal'noe vremya* [Musical time], 2012, no. 5, pp. 42-43. (In Chin.).
2. Dou Ts. Sozdanie fortepiannykh etyudov Cherepnina v kitayskom stile [The creation of piano etudes Cherepnin in the Chinese style]. *Kitayskoe muzykovedenie* [Chinese musicology], 2006, no. 4, pp. 101-104. (In Chin.).
3. Lyu G. Znaniya i navyki igry na muzykal'nykh instrumentakh [Knowledge and skills of playing musical instruments]. Shen'yan, Detskoe Izdatel'stvo Lyaonin Publ., 2014. 118 p. (In Chin.).
4. Lyu Ts. Sbornik muzykal'nykh retsenziy Lyu Tszayshena [Collection of music reviews by Liu Zaisheng]. Shangkhai, Izdatel'stvo Shangkhaitskoy konservatorii Publ., 2015. 623 p. (In Chin.).
5. Tsyun Zh. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma "Cherepnin i kitayskaya muzykal'naya kul'tura" [Proceedings of the International Symposium "Cherepnin and Chinese Musical Culture"]. Shangkhai, Izdatel'stvo Shangkhaitskoy konservatorii Publ., 2016. 304 p. (In Chin.).
6. Chzhan B. Teatr teney dlya podrostkov [Shadow Theater for Teens]. Tszinan, Tayshan Publ., 2012. 165 p. (In Chin.).
7. Chzhan G. Narodnaya opera [Folk opera]. Khefey, Khuanshan'skiy knizhnyy klub, 2016. 139 p. (In Chin.).
8. Chzhan Ts. Cherepnin i kitayskaya sovremennaya muzyka [Cherepnin and Chinese modern music]. *Muzykal'noe iskusstvo* [Musical art], 2013, no. 02, pp. 47-57. (In Chin.).

УДК 398.88

РУССКИЕ ЧАСТУШКИ В МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ТЕЛЕНГИТОВ УЛАГАНА И СИБИРСКИХ ЧУВАШЕЙ

Исмагилова Екатерина Игоревна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, РФ). E-mail: zhimul@ngs.ru

Статья посвящена рассмотрению бытования жанра частушки, заимствованного из русского фольклора, в традиции южно-алтайского этноса теленгитов и проживающих в Сибири в течение последнего столетия чувашей. Автором перечислены характерные черты русских частушек, описаны особенности процесса заимствования и функционирования образцов этого жанра в неславянских музыкальных культурах; рассмотрено содержание текстов частушек, звучащих на родных языках носителей фольклорных традиций: у теленгитов широко бытуют лирико-философские размышления о жизни, у чувашей были записаны тексты преимущественно с любовно-лирической тематикой. В статье проанализи-

зированы модификации частушечного напева «Подгорная» на уровне ритмики и мелодики: основная семи-восьмисложенная ритмоформула сохраняется, в небольшой степени присутствует ритмическое варьирование; наибольшие расхождения с общеизвестным частушечным напевом проявляются в сфере мелодики, что связано с линейностью музыкального мышления носителей традиционной культуры. Автор приходит к выводам о значимости в XX – начале XXI века жанра частушки для музыкально-фольклорных традиций указанных этносов, а также о том, что в теленгитских образцах русский напев подвергается большим трансформациям, чем в чувашских.

Ключевые слова: частушка, заимствованные жанры, мелодико-ритмические трансформации напева, интонационная культура теленгитов, песенный фольклор чувашей Сибири.

RUSSIAN CHASTUSHKAS (DITTIES) IN MUSICAL FOLKLORE TRADITIONS OF THE UELAGAN TELENGITS AND SIBERIAN CHUVASHS

Ismagilova Ekaterina Igorevna, PhD in Art History, Researcher of Sector of Folklore of the Siberian Ethnic Groups, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zhimul@ngs.ru

Chastushkas (ditties) are widely known and common everywhere compositions of oral folk art. Their distinctive features are aphoristic character, improvisational capability, extreme thematic diversity and mobility. The basis of chastushka is a metric monostrophe of two text lines. In the 20th century, as a result of enhanced interethnic and intercultural contacts, chastushka enters into many folklore traditions of non-Slavic peoples of Russia. The existence of chastushkas as a borrowed genre is practically not studied on Siberian material. South Altaians, including the Telengits, became familiar with chastushkas in the 1930-1940s. This genre of Russian oral-poetical art enters folklore traditions of the Siberian Chuvashes in the beginning of the 20th century, on the main territory of their inhabitation, in the Volga region. The content of the Telengite chastushkas, as well as of their Russian analogues, is very diverse. Those are lyrico-philosophical reflections on life, on relatives and friends. The chastushka tunes could be accompanied by texts of the traditional Altai songs. Content of the Chuvash texts is less diverse, those are chastushkas about the feelings and emotions of young people in love. One can encounter the double-language texts where separate Russian words are used. Basis of the melodic of considered samples includes the chastushka tunes of common Russian existence. In the majority of cases, these are the variants of “Podgornaya” (“Under the mountain”), widely common in all Russia. This tune is realized in the intonational cultures of the Telengits and Siberian Chuvashes in the form of wide spectrum of variants. The structure of two-line strophe is most stably retained. Changes partially concern the rhythmic, while the core seven-eight-compound rhythm formula is being preserved. Deviations from the widely known chastushka tune are mainly expressed in the sphere of melodics. Appearance of the diverse variants is related with reliance on linearity, as the principal regularity of musical thinking among the carriers of traditional culture. In overall, in the Telengit samples the “Podgornaya” tune is subjected to larger transformations than in Chuvash samples, in many ways approaching the Altai folk songs.

Keywords: chastushka, borrowed genres, melodic-rhythmic transformations of the tune, intonational culture of the Telengits, song folklore of the Siberian Chuvashes.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-93-105

Частушки – это широко известный и повсеместно распространенный жанр устного народного творчества, характерными чертами которого являются афористичность, импровизационность,

чрезвычайное тематическое разнообразие, мобильность, то есть возможность практически мгновенного отклика их создателей и исполнителей на происходящее. По своей конструкции

частушка является метрической двестишной монострофой с рифмами, народным дистихом, построенным на двух тактометрических периодах [8, с. 333]. Структуру метрического стиха частушки определяет принцип равнодольности (16 долей в периоде). Монострофичность частушки придает предельную сжатость изложению ее содержания. Вот как отзывался о частушках выдающийся русский мыслитель начала XX века П. А. Флоренский: «...будучи импрессионистской лирикой по существу, частушка необходимо получает форму небольшого, замкнутого в себе более или менее изящно сложенного целого. Четверостишие частушки самодовлеюще, его нельзя продолжить, его нельзя сократить. Частушка закончена в себе и определена нисколько не менее, нежели сонет или газель или японская танка» (цит. по [12, с. 17]). Приведем также высказывание современной исследовательницы фольклора А. В. Кулагиной: «Отдельная частушка – капелюшка бытия, в которой отражается краткий момент из жизни человека, душевное движение, деталь портрета, а в совокупности (их сотни тысяч) частушки представляют собой образ многомиллионного народа с его чаяниями, радостями, с тем, что он утверждает, прославляет, и с тем, что он осуждает, осмеивает, обличает» [12, с. 264].

Окончательно оформившись как самостоятельный жанр в последней четверти XIX века, частушка становится особенно популярной в XX веке – времени больших социальных потрясений, как живой и непосредственный отклик на них [16, с. 621]. Не теряет своей актуальности этот жанр и в начале XXI века.

Функция частушки принципиально отличается от функции песни. По мнению собирателя образцов этого жанра В. И. Симакова, жившего в начале XX века, основное предназначение частушки заключается в скорейшем отклике на происходящее: «Мне вспоминается характерное сравнение, сделанное одним крестьянином, он сравнил частушку с газетой: вы, говорит, все новости городской жизни узнаете из газет, а мы деревенские новости можем узнать из частушек» (цит. по [1, с. 158]). Таким образом, частушка отражает постоянно меняющуюся жизнь общества и, кроме того, является «способом нарративного осмысления личного и общего опыта» [1, с. 167].

В XX веке в результате усилившихся межэтнических и межкультурных контактов частушка проникает во многие фольклорные традиции неславянских народов России. К настоящему моменту существует очень мало исследований, посвященных проблеме функционирования заимствованных жанров в иноэтнических для них фольклорных традициях. В частности, укажем на труд И. Е. Карпухина, содержащий почти четыре тысячи частушечных текстов, записанных на русском языке от представителей разных народов (украинцев, татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев), населяющих Башкортостан [17]. Во вступительной статье к сборнику исследователь говорит о том, что «частушка заполнила собой даже не свойственные ей по природе ниши: она проникла в русские и отчасти в нерусские свадьбы, откуда ушел традиционный свадебный фольклор, и закрепилась там» [17, с. 7]. Далее автор убедительно раскрывает мысль о воздействии русских частушек на формирование сходных явлений в традициях нерусских народов Башкортостана – *такмаков*, в том числе билингвистических¹. Объединяющим началом для разноязычных текстов, по мнению исследователя, служит русская мелодия [17, с. 17].

Бытование заимствованных жанров и трансформации, происходящие с ними в иноэтнической среде, становятся предметом внимания этномусикологов сравнительно недавно – в конце XX – начале XXI века [2, с. 71–72; 6, с. 61–62; 7, с. 42–47]. Проблематика настоящей статьи находится в русле подобных исследований, ее целью является рассмотрение и сравнение бытования жанра частушки в музыкально-фольклорных традициях двух тюркоязычных этносов, коренного для Сибири – теленгитов Улаганского района Республики Алтай и чувашских переселенцев, на протяжении сотни лет проживающих в разных областях Сибирского региона. Необходимость предпринятого исследования вызвана фактами ши-

¹ Одним из источников такмаков были переводы частушек исполнителями на родной язык. Отдельные такмаки возникли в результате творческой переработки частушек [17, с. 20]. Особый интерес представляют двуязычные частушки-такмаки. Они возникали и бытуют благодаря билингвизму практически всех народов Республики Башкортостан [17, с. 68].

рокого распространения частушек в XX веке, их активного творческого включения в неславянские фольклорные традиции и крайне малой изученностью этой темы на сибирском материале. А меж тем изучение функционирования заимствованных жанров представляется важным для понимания процессов развития и трансформации, происходящих с фольклорными традициями в XX веке. Заметную роль в этих процессах нередко играют именно привнесенные жанры иноэтнической природы и, в частности, частушки. Показательным также является сравнительный ракурс исследования, позволяющий определить, что общего и что особенного в бытовании образцов этого заимствованного жанра у двух различных тюркоязычных этносов.

Рассмотрим далее бытование частушек в теленгитской и чувашской фольклорных традициях на уровнях их функционирования, вербального и музыкального компонентов. Соприкосновение русской и теленгитской культур произошло достаточно поздно, в конце XIX – начале XX века, поскольку территория Улаганского района Республики Алтай расположена в отдаленной и труднодоступной горной местности². Теленгиты Улагана хорошо идентифицируют частушки именно с этим жанровым обозначением и противопоставляют его собственно алтайским песням – *кожон*. В подавляющем большинстве случаев частушки звучат на родном языке носителей традиции, при этом исполнители, как правило, осознают русское происхождение этого жанра.

Чуваши познакомились с этим жанром русского устно-поэтического творчества, скорее всего, в несколько более ранний период – в начале XX века, еще на основной территории своего проживания, в Поволжье³. Однако расцвет бытования этого жанра в чувашско-сибирской народно-песенной традиции приходится именно на середину – вторую половину XX века. В сибирских деревнях контакты между чувашами и русскими были еще более частыми и постоянными, в результате чего жанр частушки прочно закрепился в

этой локальной чувашской традиции. Как и у многих других народов, у чувашей частушки создавались и исполнялись во время проведения молодежью совместного досуга; очень часто частушки звучали в процессе пляски. В отличие от песенной традиции теленгитов, в устном поэтическом творчестве чувашей наряду с русскими частушками существует самостоятельный жанр так называемой чувашской частушки, или *такмак*. Это краткие, однострофные песни, во многом близкие русским частушкам и испытавшие их непосредственное воздействие [14, с. 124, 139]. Им также свойственна импровизационность, моторно-плясовое начало, двудольная ритмика, отсутствие распевов, интонационная простота, быстрый темп, задорный характер исполнения [9]. По своей стиховой структуре такмаки практически полностью совпадают с русскими частушками. Однако интонационно-мелодическое наполнение чувашских частушек иное, чем у их русских аналогов, поскольку в основе напевов такмаков находятся самостоятельные чувашские мелодии⁴. Примечательно, что сибирские чуваша не употребляют национальное обозначение *такмак* и говорят только по-русски – *частушка*, но при этом воспроизводят тексты такмаков на чувашском языке.

Содержание теленгитских частушек, так же, как и их русских аналогов, удивительно разнообразно⁵. Среди них лирико-философские размышления о жизни, о друзьях, родных и близких:

Элик бычкак өдүгем элей барза, эт албай.

Эне төрөөл ол јерим санай борза, санарбай.

Если моя обувь, сшитая из шкуры косули, изнашивается, то я ее зашью.

Если я соскучусь, затоскую по Родине-матери, то буду ее вспоминать⁶.

⁴ Указанная жанровая разновидность подробнее рассмотрена в статье автора настоящей публикации «Частушки в фольклорной традиции сибирских чувашей» (Чебоксары, 2019, в печати).

⁵ Автор статьи благодарит Н. Р. Ойноткинову за выполнение расшифровок и переводов текстов теленгитских частушек.

⁶ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноткиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от Г. К. Белевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

² Подробнее об особенностях распространения частушек у южных алтайцев см. [5, с. 70].

³ Наиболее многочисленная волна чувашских переселенцев из Поволжья в Сибирь пришла на 1910–20-е годы [11, с. 28–38].

Камду бөрким берейин, кайра тутпай кийип жүр.

Кару сөзим айдайын, качан бирде санан жүр.
Соболью шапку дам, не выворачивая, носи ее.

Доброе слово свое скажу, когда-нибудь вспомни его⁷.

Буурыл тайдың колоңын бура тарткан жогыс па?

Бу Алтайдың ичине кожо өскөн жогыс па?

Стремя чалого жеребенка накрепко натянули, не правда ли?

На этом Алтае вместе росли, не правда ли?⁸

Встречаются тексты, сложившиеся предположительно в ситуации молодежных собраний и игр:

Ойнобосто не келгең? От аларга келгең бе?

Жыргабайта не келгең жылынарга келгең бе?

Если не собираешься играть, то зачем явился? Огня попросить пришел ты?

Если не собираешься веселиться, то зачем пришел ты? Погреться пришел ты?⁹

Тошту сууды кечерге мениң адым тайкылбас.

Тошур согуп ойнорго мениң колым чылабас.

Чтобы заледевшую реку перейти, моя лошадь не споткнется.

Чтобы играть на топшуре, моя рука не устанет.

Ташту сууды кечерге мениң адым тайкылбас.

Гармошко тартып ойнорго мениң колым чылабас.

Чтобы каменистую реку перейти, моя лошадь не споткнется.

Чтобы на гармошке играть, моя рука не устанет¹⁰.

Во многих частушечных текстах присутствует мотив ожидания. По словам исполнителей, эти частушки пелись во время напряженного ожидания родных, ушедших на фронт:

Ак чечектиң бажына адару качан конгой не? Адай барган төрөндөр айланып оймо келгей не?

На кончик белого цветка когда-нибудь пчела сядет ли?

Родные люди, с которыми не виделись, еще увидимся ли?¹¹

В некоторых частушках передана радость от встречи с долгожданными, вернувшимися с войны близкими:

Чапкан өлөң чалынду, кургак өлөң ол кайтсын?

Жуудаң арткан жыргалду, ырыстузы ол кайтсын?

Скошенная трава свертывается в кучу, с сухой травой что случится?

Оставшиеся после войны с весельем, с счастливыми что случится?¹²

⁷ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в д. Кара-Кудюр Улаганского района Республики Алтай от М. И. Кобышевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

⁸ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в д. Кара-Кудюр Улаганского района Республики Алтай от А. М. Сандяевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

⁹ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от Р. Я. Тайдоновой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

¹⁰ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от С. И. Сартаковой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

¹¹ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от П. О. Танзаевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

¹² Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от О. М. Енчиновой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Удивительно, но с частушечными напевами могут звучать тексты свадебных *кожон*, поющиеся во время традиционного алтайского обряда сватовства:

*Мöштöп ойгон айагым кўннең сўрлү көрүзин.
Ичинде урган арајан мөдтөң татту амзал-зын.*

*Кара беениң сўдинепичиң ийзең, кудагай,
Јаандап келген балаңды кысканбай берзең,
кудагай.*

Чашка, выстроганная из кедра, пусть ярче солнца смотрится.

Арадьян, налитый в чашку, пусть слаще меда будет испробован.

Из молока черной кобылы испей, сватья моя.

Повзрослевшего своего ребенка, не жалея, отдай, сватья моя¹³.

Тексты некоторых частушек могут служить поэтической основой для алтайских *кожон*. Так, например, ранее приведенный текст, начинающийся со слов «*Ойнобосто не келгең?*», звучащий с частушечным напевом и идентифицируемый исполнителями как частушка, бытует и в качестве *кожон* [15, с. 64, 65]. На наш взгляд, алтайские народные тексты в совокупности с частушечной интонационностью демонстрируют особенно яркий пример прочного закрепления заимствованных напевов в фольклорной традиции теленгитов.

Можно заметить, что практически во всех приведенных текстах, как в традиционных алтайских, так и в собственно частушечных, появившихся уже в XX веке как отклик на события современности, присутствует свойственный также и русским частушкам образный и синтаксический параллелизм. Однако образная система теленгитских частушек значительно отличается от таковой в русских текстах. В частушках, звучащих на теленгитском языке, в сравнительных оборотах присутствуют образы, характерные для алтайской народной поэзии: шкура косули, соболя шапка, молоко черной кобылы, стремя жеребенка, чашка,

выстроганная из кедра и т. п. Подобное образно-смысловое наполнение текстов также свидетельствует о принятии этого жанра в фольклорную традицию теленгитов.

Рассмотрим содержательный аспект частушек на чувашском языке¹⁴. Можно сказать, что их содержание несколько менее разнообразное, чем в рассмотренных теленгитских текстах. Как правило, это частушки о милоте, о чувствах и эмоциях молодых людей (от любви в самых разных оттенках ее проявления до неприязни), об отношениях между влюбленной девушкой и ее родителями (чаще всего недовольными, осуждающими):

*Уйăх сүти сүтă пултăр
К(ĕ)венте çăлтăр çаврăнтăр.
Савни тени чипер пултăр
Куçран пăхсан йăл култăр.*

Свет луны пусть будет светлым,
Созвездие Ориона пусть вращается.
Тот, кто мой милый, пусть будет пригожим,
Посмотрев в глаза, пусть радостно улыбнется¹⁵.

*Савни ларать сак çинче
Ик чўрече хушинче.
Пёвё яштак, куçё чакăр –
Çав сунтарать чёрене.
Милый сидит на лавке,
Между двумя окнами.
Строен телом, глаза светлые –
Все это пленяет [мое] сердце¹⁶.*

*Савни терём, мён терём те
Савни, саватна терём?
Савмасассăн кала терём
Чунам сивёнтерём.*

¹⁴ Автор статьи выражает благодарность Е. В. Федотовой за выполнение расшифровок и переводов текстов частушек на чувашском языке.

¹⁵ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Витинск Северного района Новосибирской области от Т. Г. Сергеевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

¹⁶ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Алешинка Северного района Новосибирской области от В. М. Красновой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

¹³ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноткиной в с. Балыктуюль Улаганского района Республики Алтай от С. С. Тадышевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Сказала я милому вот что:
«Милый, любишь ли меня? – спросила [я], –
Если не любишь, скажи мне,
Пусть душа моя охладится [к тебе]»¹⁷.

*Мана анне юратать,
Шурӑ тутӑр ҫыхтарать.
Каччӑсемпе калаҫсассӑн
Кӗвентепе хӑвалать.*
Меня мама любит,
Она мне белый платок подарила.
Когда с женихами хожу –
Мама меня палкой гоняет¹⁸.

*Чӑкеҫ вӗҫет пит ҫӗлтен
Ҫунатти пит ҫӑмӑлтан.
Ҫамрӑк чунӑм хурланать
Савни ҫара кайнӑран.*
У ласточки крылья легкие –
Поэтому высоко летает.
Моя душа горюет от того,
Что милый в армию уходит¹⁹.

Нередко встречаются двуязычные тексты, в которых в чувашских текстах используются отдельные русские слова.

*Лапша, вермишель –
Мӗнле пӗҫермеле-ши?
Качча кайсан хунямая
Мӗнле юрамалла-ши?
Лапша, вермишель –
Как же ее сварить?*

¹⁷ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Алешинка Северного района Новосибирской области от Н. Н. Малышевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

¹⁸ Записано в 2004 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Пихтовка Колыванского района Новосибирской области от В. И. Арсентьевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0213.

¹⁹ Записано в 2009 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, Я. Безоковым, Д. Борзых, А. Скворцовой в с. Рождественском Казачинского района Красноярского края от А. М. Петровой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории.

Когда выйду замуж,
Как же угодить свекрови?

*Кошка брис, кошка брис,
Алӑк умне не ложись.
Мой миленочек идет
Такӑнать те упадет.*
Кошка, брысь, кошка, брысь,
Перед дверью не ложись.
Мой миленочек идет,
Споткнется и упадет²⁰.

При этом во многих частушечных текстах можно обнаружить характерные для чувашской афористической поэзии образный параллелизм, реализуемый в структуре двухзвенной строфы.

В основе мелодики частушек, записанных от представителей обоих обозначенных этносов, находятся частушечные напевы общерусского бытования. В большинстве случаев это варианты широко распространенной по всей России «Подгорной» («Русского») ²¹. Из известных нам вариантов этого напева наиболее близким по отношению к рассматриваемым нами образцам является напев «Подгорной» из репертуара Сибирского народного хора, записанный в Барнауле и обработанный А. П. Новиковым для женского хора [13, с. 282, 283]. Этот напев представляет собой двустрочную четырехфразовую структуру, фразы которой соотносятся между собой как *aa, bc*. В мелодии частушечного напева преобладает нисходящее движение в объеме кварты, а также интонации опевания (нотный пример 1) ²².

²⁰ Этот и предшествующий ему образец записаны в 2008 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, А. В. Журба в д. Мошканка Тарского района Омской области от З. Н. Яруткиной. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории.

²¹ Кроме «Подгорной», в теленгитской фольклорной традиции единично встречаются и другие частушечные напевы общерусского бытования («Милка чӗ, да милка чӗ?» и др., см. об этом в [5, с. 77, 78]). В интонационной культуре сибирских чувашей частушки звучат с напевом «Подгорной» или же с собственно чувашскими мелодиями.

²² Подробный анализ напева «Подгорной» содержится в [5, с. 73].

Пример 1

Ты По - дго - на, ты По - дго - рна, ши - ро - ка - я у - ли - ца,
По - че - му, ска - жи, По - дго - рна, се - рдце так во - лну - е - тся?

Приведенная мелодия – один из множества вариантов частушечного напева. Бытование частушечных напевов в большом количестве мелодических реализаций характерно как для русской [4, с. 111], так и для рассматриваемых нами тюркских интонационных культур. Точное воспроизведение напева «Подгорной» среди записанных нами частушек отсутствует. Рассмотренный нами напев реализуется в интонационных культурах теленгитов и сибирских чувашей в виде широкого спектра вариантов, при этом, как правило, оставаясь узнаваемым на слух. Каждая носительница указанных нами традиций поет частушечные тексты со своим индивидуальным, сложившимся в ее исполнительской практике вариантом «Подгорной».

Проведенный этномузыкаловедческий анализ показал общность процессов трансформации известного частушечного напева, происходящих в обеих музыкально-фольклорных традициях. Поэтому теленгитские и чувашские частушки далее будут рассмотрены вместе, в сравнительном ракурсе.

В образцах, зафиксированных в обеих музыкально-фольклорных традициях, наиболее стабильно выдерживается структура двухстрочной строфы, которая остается практически неизменной. Изменения отчасти затрагивают ритмику (в отдельных образцах встречается пунктирный ритм), однако основная семи-восьмисложенная ритмоформула, как правило, сохраняется (нотные примеры 2, 3).

Пример 2²³

То - шу суу - ды - ке - че - рге ме - нин а - дым та - йкы - лбас.
То - пшур со - гуп о - йно - рго ме - нин ко - лым чы - ла - бас.

²³ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноткиной в с. Балыктуюль Улаганского района Республики Алтай от С. И. Сартаковой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Ун - та - лла пǎ - хсан та сук та, ку - нта - лла пǎ - хсан та сук.

Са - вни па - нǎ кǎ - мǎл сǎ - ре вǎл та пǎ - рне - ре те сук.

Встречающиеся расхождения с общеизвестным частушечным напевом в основном проявляются в сфере мелодики. При этом заключительная опора напева является результатом нисходящего мелодического движения и закрепляется с помощью повторения; вводнотоновость, характерная для русского частушечного напева, в большинстве случаев отсутствует. Появление разнообразных

вариантов, подчас довольно далеко отступающих от русского первоисточника, вероятно, связано с отсутствием тонально-гармонических представлений в сознании исполнителей, с опорой именно на линейность как на основную закономерность музыкального мышления носителей традиционной культуры.

Ка - ра - та - йдын ко - ло - нын ка - тай та - рткан жо - гыс па?

Ка - ра - Ку - дьур ко - лхо - зко Ка - ру о - скон - жо - гыс па?

²⁴ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Алешинка Северного района Новосибирской области от Н. Н. Малышевой, Л. В. Романовой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

²⁵ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиной в д. Кара-Кудюр Улаганского района Республики Алтай от А. М. Сандяевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Пример 5²⁶

А - йта, и - нке, вă - рма - на ху - ра сы - рла пу - ста - рма,

Ху - ра сы - рла пыл пе - кех, ма - нан и - нке чун пе - кех.

Пример 6²⁷

По - езд ки - лет ка - шла - са ву - ник у - ра - па - лля,

Ма - нăн са - вни пу - ла - сси сь - тек сь - па - та - лля.

В частушках, зафиксированных у чувашей, преобладает речитация и даже скандирование в узком диапазоне (особенно в начальных фразах), широкие интонационные ходы появляются лишь в каденциях; часто (хотя и не всегда) частушки, записанные от чувашей, звучат в быстром темпе. Таким образом, заложенное в мелодике частушек речитативно-декламационное начало в большинстве образцов еще более усиливается. На наш взгляд, нисходящее мелодическое движение и в некоторых случаях бесполутоновые интонации в каденционной зоне представленных вариантов можно рассматривать как проникновение в русский частушечный напев закономерностей чувашского традиционного музыкального мышления. В ситуациях коллективного пения, так же как и в русских частушках, фрагментарно возникает терцовая втора (см. пример 3).

Среди теленгитских частушек встречаются образцы с более распетой и индивидуализированной мелодикой и ритмикой (пример 7). Изначально моторно-плясовая природа напева заметно изменяется в результате воздействия сдержанного темпа звучания, внеметрических сокращений и расширений длительностей, восходящих и нисходящих скольжений-глиссандо, трансформируясь в сторону большей песенности.

²⁶ Записано в 2005 году Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Сидоровка Колыванского района Новосибирской области от К. П. Акимовой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0228.

²⁷ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Витинск Северного района Новосибирской области от Г. Т. Сергеевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

У - зе - ни уч ка - - у - - зу - - лбе - зин - ка - ча - - нда. -

У - з(у)ги - жок мен ко - жо - ны мды у - нду - ба - гар ка - ча - нда.

Показательно, что самые значительные отклонения от основного частушечного напева присутствуют в образцах, записанных от песенниц – выдающихся носительниц теленгитской фольклорной традиции (П. О. Танзаевой, М. И. Кобышевой и др.). Очевидно, обладая незаурядным песенным даром, эти исполнительницы способны наиболее активно и изобретательно трансформировать инородные для своей родной культуры фольклорные явления.

В результате сравнения вариантов частушечного напева, бытующих в обеих тюркских интонационных культурах, можно заметить, что в теленгитских образцах напев, как правило, более удаляется от русского первоисточника, чем в чувашских. В большинстве случаев мелодика и ритмика теленгитских частушек более индивидуализирована и развита. При этом в алтайских и чувашских образцах иногда встречаются очень сходные мелодические фрагменты, – вероятно, таким образом проявляются общие закономерности бытования напева в устной среде. Свой отпечаток накладывают также исполнительские особенности. У чувашей в большинстве случаев частушки звучат в процессе пляски, поэтому поются в быстром темпе и речитативной манере, в более редких случаях исполняясь напевно и сдержанно (см. пример 3). У теленгитов частушки (особенно записанные от ярких и авторитетных носительниц традиции) подвергаются большей трансформации, во многом приближаясь к алтайским народным песням *кожон*.

Полевые материалы начала XXI века отражают факт достаточно прочного закрепления

русских частушек в фольклорных традициях улаганских теленгитов и сибирских чувашей. Среди причин укажем: большую популярность этого жанра в русской фольклорной традиции XX века и ее заметное воздействие на культуру неславянских сибирских народов.

Но существуют и иные предпосылки заимствования этого жанра. Они связаны с имманентными свойствами самого напева «Подгорной»: в нем присутствует ряд закономерностей, характерных для традиционных жанров обеих фольклорных традиций: теленгитских песен *кожон* и чувашской частушки. Прежде всего, это ритмоформула семисложника (шесть кратких и одна долгая длительность), на которой строится временная организация частушечного напева. Подобная ритмоформула присутствует и в *кожон* (первый ритмический модус, по терминологии Г. Б. Сыченко [15, с. 72]), и в чувашской частушке [9]. Сходство проявляется также в звукорядах напева «Подгорной» и обозначенных фольклорных жанров. Русский частушечный напев в основном (за исключением единично встречающихся субтонов) укладывается в диапазон чистой кварты. Звукоряд теленгитских *кожон* представляет собой тетрахорд с субтоном, распространенный в Сибири напев чувашской частушки также строится на интонациях кварты с заполнением. При этом носительницы обеих традиций, творчески

²⁸ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойоткиной в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от П. О. Танзаевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

развивая частушечный напев, расширяют его диапазон до сексты, септимы и даже октавы. Наконец, почвой для усвоения неславянскими фольклорными традициями инокультурного для них жанра служит структурная четкость и краткость, поэтико-музыкальная афористичность частушки, свойственная также произведениям алтайского и чувашского фольклора.

Нами уже предпринималась попытка определить место русских частушек в системе интонационной культуры сибирских чувашей. Они относятся к группе жанров, заимствованных из русской традиционной музыки, и составляют собой гомоморфную переинтонируемую страту [7, с. 45]. К пласту заимствованных жанров относятся и теленгитские частушки, однако эту страту следует обозначить как гетероморфную, поскольку

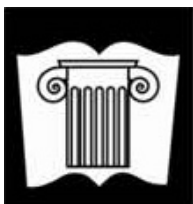
в теленгитской фольклорной традиции бытует не только напев «Подгорной», но и, в меньшем количестве образцов, другие частушечные напевы (см. об этом в [5, с. 77, 78]). Само существование страт заимствованных жанров, на наш взгляд, свидетельствует о способности интонационных культур теленгитов и чувашей к трансформации инокультурных влияний, об их внутреннем потенциале и жизнестойкости в условиях современного общества. Дальнейшее рассмотрение бытования жанров, включенных в фольклорные традиции неславянских народов Сибири из русской музыкальной культуры, и в частности, жанра частушки, будет способствовать формированию более полного и адекватного представления о судьбах традиционного культурного пространства в условиях XX–XXI веков.

Литература

1. Адоньева С. А. Прагматика частушки // Антропологический форум. – 2004. – № 1. – С. 156–178.
2. Андреева О. И., Белоусова Л. Ю., Сыченко Г. Б. Итоги экспедиционной работы в районе хакасско-шорского пограничья // Народная культура Сибири: науч. поиски молодых исследователей / отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 69–72.
3. Бойко Ю. Соотношение текста и напева в русской частушке // Искусство устной традиции: Историческая морфология: сб. ст., посвященный 60-летию И. И. Земцовского. – СПб.: РИИИ, 2000. – С. 216–225.
4. Гиппиус Е. В. Интонационные элементы русской частушки // Советский фольклор: сб. ст. и мат.-лов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – № 4–5. – С. 97–142.
5. Жимулева Е. И. Частушки в интонационной культуре теленгитов Улаганского района Республики Алтай // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. – Новосибирск: Арта, 2009. – С. 70–81.
6. Исмагилова Е. И. К проблеме изучения заимствованных жанров в музыкально-фольклорных традициях коренных народов Сибири // Народная культура Сибири: мат.-лы XXI науч.-практ. семинара Сиб. регион. вузов. центра по фольклору. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. – С. 61–67.
7. Исмагилова Е. И. Песенная традиция чувашей Сибири в свете теории интонационной культуры этноса // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 45/1. – С. 39–49.
8. Квятковский А. П. Частушка // Поэтический словарь. – М.: Совет. энцикл., 1966. – С. 333–338.
9. Кондратьев М. Г. Такмак жанр [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. – URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=4436> (дата обращения: 05.07.2017).
10. Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 286 с.
11. Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и культурная адаптация). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 270 с.
12. Кулагина А. В. Поэтический мир частушки. – М.: Наука, 2000. – 268 с.
13. Русские частушки, страдания, припевки / сост. Н. Котикова. – М.: Гос. муз. изд-во, 1956.
14. Сидорова Е. С. Возникновение и развитие жанра частушек в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984. – С. 119–141.
15. Сыченко Г. Б. Традиционная песенная культура алтайцев: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1998. – 291 с.
16. Фраёнова Е. М. Частушка // Музык. энцикл. слов. / гл. ред. Г. В. Келдыш. – М.: Совет. энцикл., 1990.
17. Частушки (в устах нерусских Башкортостана) / сбор мат.-ла, сост., пер. двуязычных текстов, вступ. ст., коммент., слов., фотомат.-лы и пояснения к ним И. Е. Карпухина; нот. расшифровки И. Н. Васильева. – Уфа: Китап, 2003. – 528 с., ил., нот.

References

1. Adonyeva S.A. Pragmatika chastushki [Pragmatics ditties]. *Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]*, 2004, no. 1, pp. 156-178. (In Russ.).
2. Andreeva O.I., Belousova L.Yu., Sychenko G.B. Itogi ekspeditsionnoy raboty v rayone khakassko-shorskogo pogranich'ya [Results of expeditionary work in the Khakass-Shor border region]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: nauchnye poiski molodykh issledovateley [Folk culture of Siberia: scientific research of young researchers]*. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2001, pp. 69-72. (In Russ.).
3. Boyko Yu. Sootnoshenie teksta i napeva v russkoy chastushke [The correlation of text and chorus in the Russian ditty]. *Iskusstvo ustnoy traditsii: Istoricheskaya morfologiya [The Art of Oral Tradition: Historical Morphology]*. St. Petersburg, RIIH Publ., 2002, pp. 216-225. (In Russ.).
4. Gippius E.V. Intonatsionnye elementy russkoy chastushki [Intonation elements of the Russian ditty]. *Sovetskii fol'klor [Soviet folklore]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1936, no. 4-5, pp. 97-142. (In Russ.).
5. Zhimuleva E.I. Chastushki v intonatsionnoy kul'ture telengitov Ulaganskogo rayona Respubliki Altay [Ditties in the intonation culture of telengits of the Ulagansky district of the Altai Republic]. *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri [Traditions and innovations in modern folklore of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk, ARTA Publ., 2009, pp. 70-81. (In Russ.).
6. Ismagilova E.I. K probleme izucheniya zaimstvovannykh zhanrov v muzykal'no-fol'klornykh traditsiyakh korennykh narodov Sibiri [On the problem of studying borrowed genres in the musical and folklore traditions of the indigenous peoples of Siberia]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy XXI nauchno-prakticheskogo seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'klору [Folk culture of Siberia. Materials of the XXI scientific-practical seminar of the Siberian regional university center on folklore]*. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 61-67. (In Russ.).
7. Ismagilova E.I. Pesennaya traditsiya chuvashy Sibiri v svete teorii intonatsionnoy kul'tury etnosa [Song tradition of the Chuvash of Siberia in the light of the theory of intonational culture of the ethnic group]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2018, no. 55, chast' I, pp. 39-49. (In Russ.).
8. Kvyatkovskiy A.P. Chastushka [Ditty]. *Poeticheskii slovar' [Poetry Dictionary]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966, pp. 333-338. (In Russ.).
9. Kondratyev M.G. Takmak zhanr [Takmak Genre]. *Chuvashskaya entsiklopediya [Chuvash Encyclopedia]*. (In Russ.). Available at: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=4436> (accessed 05.07.2017).
10. Kondratyev M.G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]*. Moscow, PER SE Publ., 2007. 286 p. (In Russ.).
11. Korovushkin D.G., Lotkin I.V., Smirnova T.B. *Neslavyanskije etnodispersnye gruppy v Zapadnoy Sibiri (formirovanie i kul'turnaya adaptatsiya) [Non-Slavic ethnodispersed groups in Western Siberia (formation and cultural adaptation)]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2003. 270 p. (In Russ.).
12. Kulagina A.V. *Poeticheskii mir chastushki [Poetic world of ditties]*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 268 p. (In Russ.).
13. *Russkie chastushki, stradaniya, pripevki [Russian ditties, suffering, refrains]*. Compiled by N. Kotikova. Moscow, State musical Publ., 1956. (In Russ.).
14. Sidorova E.S. Vozniknovenie i razvitiye zhanra chastushek v chuvashskom fol'klоре [The emergence and development of the genre of ditties in the Chuvash folklore]. *Issledovaniya po chuvashskomu fol'klору [Research on Chuvash folklore]*. Cheboksary, Research Institute of Language, Literature, History and Economics Publ., 1984, pp. 119-141. (In Russ.).
15. Sychenko G.B. *Traditsionnaya pesennaya kul'tura altaytsev: dis. kand. iskusstvovedeniya [Traditional song culture of Altai people. Diss. PhD in Art History]*. Novosibirsk, 1998. 291 p. (In Russ.).
16. Fraenova E.M. Chastushka [Ditty]. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar' [Musical Encyclopedic Dictionary]*. Ed. G.V. Keldysh. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. (In Russ.).
17. *Chastushki (v ustakh nerusskikh Bashkortostana) [Ditties (on the lips of non-Russian Bashkortostan)]*. Collection of material, compilation, translation of bilingual texts, introductory article, comments, dictionary, photographs and explanations by I.E. Karpukhin; musical transcripts by I.N. Vasiliev. Ufa, Kitap Publ., 2003. 528 p. (In Russ.).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 304.44+502

ОБЪЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА СОЧИ В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: САД-МУЗЕЙ «ДЕРЕВО ДРУЖБЫ»¹

Рындин Алексей Владимирович, академик РАН, доктор сельскохозяйственных наук, доцент, директор, Всероссийский научно-исследовательский институт цветоводства и субтропических культур (г. Сочи, РФ). E-mail: ryndin@vniisubtrop.ru

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр РАН (г. Сочи, РФ). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр РАН (г. Сочи, РФ). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Карпун Наталья Николаевна, доктор биологических наук, доцент, заместитель директора по науке, Всероссийский научно-исследовательский институт цветоводства и субтропических культур (г. Сочи, РФ). E-mail: karpun@vniisubtrop.ru

Объектом междисциплинарного исследования являются социальные технологии, используемые при комплексном решении проблемы сохранения историко-культурного и природного наследия. Фундаментальный характер исследования определяется анализом социальных коммуникаций, возникающих в процессе создания и функционирования особо охраняемых природных территорий в качестве функциональной системы межкультурных коммуникаций; научно-прикладной характер – выбором в качестве исследовательского полигона Сада-музея «Дерево Дружбы» (г. Сочи, РФ). Данное структурное подразделение Всероссийского научно-исследовательского института цветоводства и субтропических культур представляет уникальный памятник историко-культурного наследия, отражающий более чем 100-летнюю историю интродукции субтропических культур, а также систему перманентных межгосударственных и межэтнических контактов СССР и РФ начиная с 1930-х годов.

Целью реализуемого проекта является выбор и апробация социальных технологий реактуализации этого объекта и укрепления международных связей. Реализация поставленных задач определяет необходимость унификации сложившихся в гуманитарных и естественных науках приемов обработки научных коллекций, приведения ее к международным стандартам, научного описания музейных предметов в контексте политических и социокультурных процессов, сопутствующих формированию коллекций, и адекватных алгоритмов, интеграционных по характеру исследований, корректировки научного глоссария.

Ключевые слова: международные и межэтнические коммуникации, Сад-музей «Дерево Дружбы», объекты историко-культурного и природного наследия, интродукция субтропических видов растений.

¹ Статья подготовлена в соответствии с проектом РФФИ 19-49-230007 «Объекты историко-культурного и природного наследия в системе перманентных межэтнических и межгосударственных коммуникаций (на примере Сада-музея «Дерево Дружбы», г. Сочи)».

OBJECTS OF HISTORIC, CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OF SOCHI IN THE SYSTEM OF ETHNIC COMMUNICATIONS: GARDEN-MUSEUM “TREE OF FRIENDSHIP”²

Ryndin Aleksey Vladimirovich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr of Agriculture Sciences, Associate Professor, Director, Russian Research Institute of Floriculture and Subtropical Crops (Sochi, Russian Federation). E-mail: ryndin@vniisubtrop.ru

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Sr Researcher, Head of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Belozeroва Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Sr Researcher of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Karpun Natalya Nikolaevna, Dr of Biological Science, Associate Professor, Deputy Director of Science, Russian Research Institute of Floriculture and Subtropical Crops (Sochi, Russian Federation). E-mail: karpun@vniisubtrop.ru

The social technologies used in the complex solution of the problem of historic cultural and natural heritage preserving is the object of the interdisciplinary research. The fundamental nature of research is determined by the analysis of social communications that arise in the process of protected natural territories creating and functioning as an intercultural communications functional system. The scientific and applied nature of the research is determined by the museum-garden “Tree of Friendship” (Sochi, Russian Federation) choice as the research object. This structural division of the Research Institute of Floriculture and Subtropical Crops of the Russian Academy of Sciences is a unique monument of historical and cultural heritage. It reflects more than 100 years of subtropical cultures introduction on the one hand. On the other hand, the system of permanent interstate and interethnic contacts of the USSR and the Russian Federation since the 1930s. The selection and testing of social technologies aimed at the museum complex re-actualization and the international relations strengthening are the project goals also. The tasks implementation determines the need for: unification of the methods of processing scientific collections in the humanities and natural sciences, bringing it to international standards, scientific description of museum subjects in the context of political and sociocultural processes associated with the formation of collections, development of adequate algorithms for integration studies, updating the scientific glossary.

Keywords: interethnic and interstate communications, Carden-museum “Tree of Friendship,” objects of historical, cultural and natural heritage, introduction of subtropical plant species.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-106-118

Рассматривая в качестве объекта междисциплинарного исследования социальные технологии, направленные на комплексное решение проблемы сохранения историко-культурного и природного наследия, следует акцентировать внимание на ряде факторов. С одной стороны, исследование собственно объектов историко-культурного и при-

родного наследия органически вписывается в предметную область широкого круга специалистов: историков, этнографов (этнологов), археологов, культурологов (историко-культурное наследие), биологов (ботаников, геоботаников, селекционеров и других специалистов), экологов. С другой стороны, процесс организации охраны

² The article was prepared in accordance with the RFBR project 19-49-230007 “Objects of the historic cultural and natural heritage in the system of permanent interethnic and intergovernmental communications (in case of the “Tree of Friendship,” Sochi)”.

наследия охватывает не менее широкий перечень акторов: представителей органов власти различных уровней, институтов гражданского общества, музейных работников и т. д. В каждом из социальных институтов, включенных в этот социокультурный по содержанию процесс, десятилетиями проходят апробацию технологии обеспечения сохранности и использования объектов наследия. Интерес представляет то, что преимущественно вокруг каждого из объектов наследия формируется устойчивая и иерархически соподчиненная система межкультурных коммуникаций, в той или иной мере оказывающая воздействие на повседневную жизнь социумов [19].

В настоящее время в исследовании проблемы охраны историко-культурного и природного наследия прослеживаются два направления: историческое, обращенное на изучение собственно истории охраны культурного и природного наследия, и теоретико-методологическое, содержание которого составляют теоретические разработки в области терминологии, критериев оценки памятников, характеристика сферы охраны памятников как разновидности междисциплинарного знания [21]. Синтез направлений, например, можно проследить в процессе придания статуса особо охраняемых природных территорий районам, в которых сохранены объекты историко-культурного наследия. Или, что бывает значительно реже, когда в процессе формирования объекта историко-культурного наследия отражены накопленный человечеством опыт преобразования природы, история науки, система межкультурных коммуникаций, возникающих в процессе создания этого объекта. В данном случае складывается ситуация, при которой объект историко-культурного наследия объективно преобразуется в объект природного наследия, специфика которого определяется его четко выраженным антропогенным характером. В качестве примера можно привести придание статуса объекта историко-культурного наследия субальпийской зоне Альп и суббореальной зоне Аляски и т. д. К числу таких уникальных памятников природы, отечественной истории и культуры однозначно относится и ботанический Сад-музей «Дерево Дружбы», расположенный в городе Сочи. Он является структурным подразделением Всероссийского научно-исследовательского института цветоводства и субтропических культур [6; 16;

17] и включает собственно растительный объект «Дерево Дружбы» (особо охраняемые природные территории – ООПТ) регионального значения, ботанический сад и музей, фонды которого, с одной стороны, отражают историю интродукции субтропических видов растительности мира на Черноморском побережье Кавказа, охватывающую более 150 лет, с другой – историю международных контактов общественно-политических и гражданских институтов СССР/РФ с другими странами начиная с 1930-х годов (см. Приложение, рис. 1).

В ботаническом саду представлены итоги интродукции субтропических плодовых, декоративных, цветочных и реликтовых культур более чем из 80 ботанических семейств. Здесь растут фейхоа, гранат, инжир, маслина, араукария, саговник, гинкго, редчайшие виды папоротников, собрана уникальная коллекция пеларгоний и гидрангей. Среди этого растительного многообразия выделяется особый объект – дерево с необычной историей, которая началась с посадки в 1934 году дикого лимона советским учёным-селекционером Ф. М. Зориным, специализировавшимся на выведении новых сортов цитрусовых, адаптированных к климату Причерноморья. Если акцентировать внимание собственно на истории дерева, то придание ему статуса объекта природного наследия во многом определилось тем, что в течение 80 лет в его крону были последовательно привиты десятки сортов японских мандаринов, испанских апельсинов, американских грейпфрутов и других цитрусовых. Эксперимент, начатый Ф. М. Зориным, оказался удачным: дерево в своей кроне собрало коллекцию цитрусовых культур из 45 видов и сортов. Так в одном объекте и его окружении оказались сконцентрированы более чем вековой опыт интродукции субтропических культур, результаты непрерывного труда многих специалистов, история формирования и развития структуры Российской Академии наук, ее взаимоотношений с органами власти на разных этапах политической истории страны (см. Приложение, рис. 2).

Для специалистов в области гуманитарных наук этот объект представляет интерес не только как одна из форм «материализации» истории отечественной науки и ее роли в развитии рекреационного потенциала территории. Историко-культурная специфика объекта во многом опре-

делилась историей города-курорта Сочи как третьей, после Москвы и Санкт-Петербурга, столицы России – места, в котором начиная с дореволюционного периода сосредотачивалась политическая и культурная жизнь страны. Цитрусовое дерево, посаженное Ф. М. Зориным, стало одной из узловых точек концентрации этой жизни. Начало было положено в 1940 году, когда Сочинскую садовую и сельскохозяйственную опытную станцию посетил известный полярник, академик О. Ю. Шмидт. В память о своем посещении он привил почку в крону дерева. Начиная с этого времени примеру О. Ю. Шмидта следовали и другие выдающиеся представители науки, культуры, космонавтики, спорта, политические, государственные, военные и общественные деятели, посетители из разных стран мира, люди различных профессий, национальностей и вероисповеданий. Представителями многочисленных делегаций и гостей города-курорта была заложена традиция прививки к «опытному дереву» черенков цитрусовых культур. Всего к лимонному дереву В. М. Зорина было сделано порядка 630 прививок (см. Приложение, рис. 3). В настоящее время крона дерева выросла из почек, привитых представителями 173 стран; дерево цветет и плодоносит. Причем каждый из его плодов несет информацию не только об опыте интродукции конкретного сорта цитрусовых субтропического пояса мира, но и о человеке, который сделал прививку, его стране и культуре. С 1957 года по предложению группы врачей из Вьетнама дерево стали называть «Деревом Дружбы». Сам ботанический сад также последовательно преобразовывался в центр устойчивых межкультурных контактов. Представители разных стран со временем участвовали не только в прививках, но и в посадках других деревьев. Часть саженцев привезена из США, Канады, Японии и Польши. Вплоть до настоящего времени желающих оставить память не становится меньше. Сейчас в саду насчитывается уже 69 «деревьев Дружбы», сформированы аллеи, развернут Сад Дружбы, ставший культурной и природной достопримечательностью Сочи. На десятках деревьев жителями города и гостями курорта сделано более 3000 прививок. По каждому из этих событий проведена научная фиксация.

Как уже отмечалось, в структуру «Дерева Дружбы» как объекта природного и историко-

культурного наследия с 1981 года, помимо ботанического сада, входит музей (см. Приложение, рис. 4). Создан он был по инициативе Л. М. Дмитриенко, продолжателя дела Ф. М. Зорина. Здание музея было построено в южной части сада по проекту архитекторов Е. И. Боркалова и А. И. Савельева.

История музея началась с одного экспоната – шкатулки с землей, привезенной в 1965 году с места захоронения Льва Николаевича Толстого. Позднее, в течение 1970-х годов, сформировалась традиция: в дар музею оставлялись или присылались памятные сувениры, отражающие специфику и культуру отдельных районов нашей Родины или страны, из которой приехала делегация (см. Приложение, рис. 5). Основу коллекции составляют также фотоматериалы и делопроизводственная документация по истории музея. В настоящее время фонды включают более 20,0 тыс. единиц хранения, из которых атрибутированы и представлены в экспозиции не более 7,0 тыс. музейных предметов. Прослеживается перспектива формирования коллекций и использование современных технологий их научной атрибуции и описания. Следует акцентировать внимание на том, что предметы, подаренные посетителями, отражают культуру, быт и обычаи народов мира. К ним относятся отдельные предметы народной одежды, национальные костюмы и музыкальные инструменты, предметы традиционных промыслов, сувениры из разных стран, письма, монеты, фотографии, брелоки и т. д. В то же время в формируемых музеем коллекциях прослеживается история международных отношений на разных этапах российской государственности (советский и постсоветский периоды).

Начиная с 1990-х годов, в результате политических и экономических реформ, перехода к рыночной экономике, были утрачены многие характерные для советского общества ценности, изменена структура туристического потока, снизилось внимание региональных органов исполнительной власти к саду «Дерево Дружбы» как своеобразному историко-культурному коду «интернационализма» и «мирного существования». Количество правительственных делегаций и экскурсий сократилось. Тем не менее, вне зависимости от политической конъюнктуры, сад «Дерево Дружбы» по-прежнему продолжает

оставаться одним из наиболее ярких объектов, отражающих место города Сочи в политической, социальной и культурной истории страны. Как и в советском прошлом, специалисты Института продолжают заниматься интродукцией субтропических видов, формируя уникальный антропогенный ландшафт Черноморского побережья. Среди горожан и туристов сохраняется традиция отмечать наиболее яркие мероприятия или посещения Сада-музея прививкой к одному из «деревьев Дружбы». Продолжают расширяться и фонды музея. Сохраняющийся в структуре академического института Сад-музей превратился в объект природного и историко-культурного наследия.

Объективно это поставило на повестку дня проблему реактуализации международных связей. Решение было найдено в формировании концепции, ориентированной на поиск устойчивых источников финансирования, создания на этой основе инновационной информационной системы, позволяющей расширить число посетителей за счет восстановления традиционных международных контактов с научными центрами, политическими, общественными и культурными организациями. На базе ботанического сада сотрудниками Сочинского научно-исследовательского центра РАН и Всероссийского научно-исследовательского института цветоводства и субтропических культур был создан временный научный коллектив, объединивший специалистов разных отраслей знания в сфере сохранения природного и историко-культурного наследия. В 2019 году сформированная концепция получила поддержку Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В основу проекта легла идея разработки методического комплекса, направленного на выявление (реконструкцию) и анализ социальных коммуникаций и регуляторов в ходе формирования, развертывания и комплексного использования объектов природного и историко-культурного наследия федерального и международного уровней. В задачи исследования были включены: систематизация апробированных в разных областях знаний методик музеефикации объектов природного и историко-культурного наследия, унификация каталогов и электронных баз данных музейных коллекций, использование накопленных баз данных при реконструкции иерархически соподчиненных систем социаль-

ных, внутрирегиональных, межрегиональных, межэтнических и иных коммуникаций.

Рассматривая актуальность исследования поднятой в проекте проблематики на базе Сада-музея «Дерево Дружбы», акцентируем внимание на ряде немаловажных аспектов. Прежде всего отметим, что данная проблематика, помимо ее общественной значимости, имеет фундаментальный и научно-прикладной характер, а также находится в соответствии с планом фундаментальных исследований Российской академии наук на период до 2025 года (код проблемы 9.1.4. Исследование историко-культурного и государственного развития России и оценка ее места в мировом историческом и культурном процессе; задача: изучение современных культурных трансформаций). Предметная область определялась исследованием процессов формирования и генезиса объектов природного и историко-культурного наследия, технологии интродукции субтропических культур на Черноморском побережье РФ и Абхазии, апробированных приемов презентации концепции социальных коммуникаций, формируемых в ходе развертывания объектов историко-культурного и природного наследия, направленных на его сохранение и, опосредованно, – на нейтрализацию социокультурных угроз современного мира.

Предметная область определила выбор методологических подходов и научного инструментария. В основу исследования были заложены принципы системного подхода, широкий спектр методик анализа экологических и социальных процессов, определяемых спецификой привлекаемых источников: делопроизводственных, историографических, музейных коллекций и т. д. Следует отметить, что методологический подход детерминирует интеграционный характер исследования. В данном контексте объекты наследия Сада-музея «Дерево Дружбы» рассматриваются в качестве своеобразных «фокусных точек», позволяющих выявить содержание социальных процессов, их направленность, социальные установки и решаемые задачи акторов. Значимость формируемых и непрерывно пополняемых с начала 1930-х годов исторических, этнографических и ботанических коллекций музея определяется тем, что в ходе их дальнейшей научной обработки и введения в научный оборот они становятся уникальным и информационно емким историче-

ским источником по широкому спектру социокультурных процессов и межкультурных коммуникаций не только федерального и регионального, но и международного уровня. Для этого утверждения есть и правовое основание. Международная практика по сохранению историко-культурного и природного наследия базируется на ряде нормативных актов, принятых мировым сообществом, обеспокоенном его состоянием, угрозой его разрушения, необходимостью защиты и восстановления. Значительное внимание данной проблеме уделялось еще в 1960–1970-е годы. Одним из основных документов стала «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия», принятая на 17-й сессии Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры (Париж, Франция, 17–21 октября 1972 года). Ее принятие было вызвано не только необходимостью сохранения историко-культурного и природного наследия в связи с угрозой его исчезновения в силу социальных и экономических причин, но и недостаточностью его охраны на национальном уровне в связи с дефицитом финансирования, нехваткой научных и технических ресурсов какой-либо страны [11]. СССР ратифицировал Конвенцию 9 марта 1988 года. В дальнейшем советская и российская национальная нормативно-правовая база формировалась с учетом ее положений.

В целом в РФ накоплен значительный опыт, в частности по сохранению и презентации историко-культурного наследия (музеефикация, формирование музейных комплексов и центров и т. п.). В нашей стране сложилась устойчивая сеть объектов сохранения историко-культурного наследия, включающая более 90 музеев-заповедников, что позволяет поставить на повестку дня придание Саду-музею «Дерево Дружбы» федерального статуса. Однако в этой системе имеются определенные проблемы организационно-административного и финансового порядка. В соответствии с поднятой проблематикой, обозначим наиболее существенные. Так, один спектр проблем обуславливается состоянием современной нормативно-правовой базы, определяемой ФЗ РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [23, ст. 3]. По тексту закона прослеживается двойственность в определении возможного статуса музея. Так, в российское правовое поле

однозначно введено понятие «историко-культурный заповедник» [2, с. 143]. Возникает вопрос: каким образом определить правовой статус такой таксономической единицы, как «музей-заповедник», не умаляя его значимости как объекта историко-культурного наследия? Как недостаток можно расценивать и предлагаемую законодателем типологию музеев-заповедников: в основном они историко-архитектурные или мемориальные [15]. Здесь особо следует акцентировать внимание на том, что, выступая объектом межкультурной коммуникации, эти типы музеев акцентированы в большой степени на сохранение и ретрансляцию (передачу) исторической памяти. Каждый объект становится своеобразным «слепком» прошлого, его архаика привлекает возможностью погружения в ушедшие века или десятилетия и характерную для них культуру повседневности. Тем не менее, как уже отмечалось, Сад-музей «Дерево Дружбы» несет качественно иную информацию, функциональную по своей природе. Это своеобразный памятник не только российской, но мировой науки, постоянно формирующий новый «облик земли», оттачивающий технологии интродукции субтропических культур на юге России и одновременно являющийся средством обеспечения продовольственной безопасности стран. Вместе с тем Сад-музей «Дерево Дружбы» создает «бренд», повышающий привлекательность рекреационных районов. Ботанический сад, непрерывно формируемый с 1930-х годов, стал уникальным антропогенным элементом субтропического ландшафта, достойным, на наш взгляд, придания ему статуса особо охраняемой природной территории федерального уровня. Однако как историко-культурный объект он несет и материализованную память о посетителях, принявших участие в его создании, — выдающихся мировых и отечественных лидерах в сфере политики, науки, культуры, экономики. Память, сохраняемую в структуре одного из наиболее консервативных социальных институтов общества — Российской академии наук. Именно специфика музея делает его «нетипичным» с позиции современного нормотворчества и определяет стратегическую задачу поиска качественно иных административно-правовых форм организации и социальных технологий реактуализации деятельности Сада-музея «Дерево Дружбы».

Прослеживаются и проблемы в отборе апробированных и доказавших свою эффективность социальных технологий на основе современных источников информации. Круг научных работ, отражающих опыт комплексного решения проблем сохранения природного и историко-культурного наследия, структуру социальных коммуникаций, формируемую в сети особо охраняемых природных таксонов (заповедников, национальных парков и др.) крайне узок. Эта тематика хотя и актуальна, но в отечественной историографии фактически не разработана. В то же время по материалам, представленным в сети Интернет, и по редким публикациям прослеживается мировой опыт решения аналогичных задач, который можно использовать в России [18]. В качестве примера приведем включение в охранную зону национальных парков Австрии, развернутых в 1990-е годы, горных летних пастбищ, проективное покрытие и видовой состав растительности которых были результатом многовекового выпаса скота сельскими анклавами. Объектами музеефикации историко-культурного наследия в Альпийском горном экорегионе стали горные хижины, заго-роды для скота, тропы [13; 20]. Каждый из этих объектов «вписан» в антропогенный ландшафт, который рассматривается как объект природного наследия. Особо следует отметить: в границах «музеефицированных» ландшафтов сохраняется традиционное природопользование, хотя и в ограниченных объемах.

В Российской Федерации аналогичные задачи, как уже отмечалось, решаются путем создания музеев-заповедников как профильных, к которым относятся этнографические (Раздорский этнографический музей-заповедник, Ростовская область; историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала», Ленинградская область; историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Красноярский край; Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»; Государственный историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», Волгоградская область; Этнографический музей-заповедник народов Забайкалья), так и непрофильных, правовой статус которых, с одной стороны, распространен на «музеефицированный» ландшафт

как особо охраняемую природную территорию регионального значения, с другой – на объекты историко-культурного наследия, находящиеся на этой территории. К этой «нетипичной» группе природно-музейных комплексов можно отнести историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемеровская область), Иске-Казанский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник (Республика Татарстан).

Интерес представляет функциональная составляющая деятельности музеев-заповедников. В отличие от ООПТ федерального уровня, основной функцией их деятельности выступает не столько охрана биоразнообразия ландшафтной среды, сколько раскрытие рекреационного потенциала территории. По мнению экспертного сообщества [15], только предоставление музеев-заповедникам возможности восстановления и презентации на своей территории элементов традиционного природопользования, производства в ограниченных объемах сельскохозяйственной продукции, развертывание ремесленных центров и промыслов может придать им экономическую устойчивость и решить проблемы их финансирования, обусловленные неопределенным правовым статусом. В этом контексте элементы хозяйственной деятельности Сада «Дерева Дружбы» органически вписываются в концепцию развития отечественных «музеев-заповедников». Отличие заключается в том, что эта деятельность не имеет никакого отношения к идее исторической реконструкции традиционного природопользования. Все представленные в ботаническом саду виды растительности не являются автохтонными.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что успешность интродукции новых растений в несвойственные им климатические условия во многом определяется научным и практическим наследием, аналитическое исследование которого позволяет интродуктору определить перспективу своей работы и пути ее осуществления [8; 10]. Начало истории интродукции субтропических плодовых культур на Черноморском побережье было положено в XVI веке, когда здесь появились апельсин, лимон и цитрон, затем, с 1870-х годов (то есть с первых лет паркостроения в России), – декоративные культуры. Учитывая, что район Сочи – самый северный субтропический регион

в мире, то история и опыт интродукции растений здесь имеет особое значение. Прослеживается перспектива включения Сада «Дерево Дружбы» как структурного подразделения института РАН в мировую сеть музеев, акцентированных не только на презентацию культуры, но и на историю и достижения науки. Как объект научного туризма музей представляет интерес и тем, что может быть органически вписан в сеть действующих и создаваемых экологических и историко-культурных троп и маршрутов. Связано это с непрерывным характером интродукционных исследований [9; 12], являющихся одним из наиболее серьезных факторов изменения ландшафтной среды побережья [14]. Сюжеты, связанные с техническими, социальными и другими проблемами натурализации интродуцированных растений, их ролью в формировании сочинских ландшафтов [22], могут стать одним из элементов формируемой системы информационного обеспечения рекреационных потоков.

То есть одной из ключевых идей концепции развития музея как структурного подразделения РАН выступает стремление отразить воздействие науки как сферы человеческой деятельности на преобразование природной среды. Органически эта идея вписывается и в концепцию истории освоения территории: целенаправленное изменение природной среды Черноморского побережья органически сочеталось как с поиском наиболее эффективных форм хозяйственной деятельности, так и с качественным изменением социальной инфраструктуры, отражающей сложную, динамично меняющуюся систему социальных коммуникаций [1; 3; 4]. Следует особо отметить, что эти процессы характерны не только для Юга России, но и для других стран бассейна Черного моря.

Проблема синхронизации и системного анализа процессов экономического, социокультурного освоения побережья и изменения природной среды уже поднималась на региональном уровне – в изданиях одной из старейших общественных организаций города – Сочинского городского отделения Русского географического общества [7]. Однако, несмотря на то что в рамках отделения объединены специалисты научных центров, решение не было найдено.

Проведенный анализ историографических источников показывает, что при широком спектре

работ по затронутой проблематике в значительной их части не представлены алгоритмы исследования, анализ информационной емкости используемой источниковой базы, сравнения и согласования глоссария гуманитарных, общественных и естественных наук. Комплексного исследования механизма взаимодействия (причинно-следственных связей) социальных и природных процессов, их обусловленности политическим курсом Советского/Российского государства в региональной историографии не проводилось. По опубликованным работам сложно выявить и накопленный опыт интеграционных исследований на стыке гуманитарных, общественных и естественных наук, позволяющий скоординировать деятельность исследовательских и музейных центров стран Черноморского побережья.

Для закрытия выявленных информационных лакун, выработки стратегии комплексного решения социальных и экологических проблем в ходе реализации проекта предлагается скорректировать методологические подходы в формировании информационного поля, на основе которого в настоящее время формируются программы раскрытия рекреационного потенциала Черноморского побережья. С этой целью при выявлении, анализе, реконструкции социальных коммуникаций, определяемых формируемой в этом регионе сетью объектов историко-культурного и природного наследия, предлагается выдержать принцип иерархической соподчиненности. В соответствии с ним на низшем (муниципальном) уровне планируется проанализировать социальный механизм развертывания выборочных объектов природного и историко-культурного наследия, формирования коллекций, интродукции новых субтропических культур; на следующем уровне (внутри- и межрегиональном) – проанализировать процессы интеграции сформированных объектов в систему внутрирегиональных коммуникаций, решаемых на уровне субъектов задач историко-культурного и хозяйственного развития; на следующем иерархическом уровне – процессы включения объектов историко-культурного наследия в систему межгосударственных и межэтнических коммуникаций. Предлагаемый алгоритм позволит, с одной стороны, провести на примере выборочных объектов, таких как Сад-музей «Дерево Дружбы», презентацию выявленных социальных техноло-

гий, используемых при реализации социальной и экологической политики России на Черноморском побережье, с другой – выявить вклад российской науки в преобразование природной среды районов, рекреационный потенциал которых вплоть до середины XX века, в отличие от Южного побережья Крыма, не был раскрыт в полной мере.

В заключение отметим, что при реализации проекта планируется:

- ввести в научный оборот новый корпус источников, отражающий процессы формирования природного и историко-культурного облика российской части побережья Черного моря, историю научных центров и их вклад в социально-экономическое и культурное развитие региона;
- ввести в научный оборот формируемые в ООПТ коллекции, создания антропогенных ландшафтов на основе интродукции новых видов и сопутствующих им как природных, так и историко-культурных процессов;
- систематизировать апробированные в разных областях знаний социальные технологии, приемы и методики музеефикации объектов природного и историко-культурного наследия;
- унифицировать каталоги и электронные базы данных ботанических, этнографических и др. коллекций Сада-музея «Дерево Дружбы»; при обработке этнографических коллекций пред-

полагается использование принятых в музееведении приемов классификации;

- выявить потенциальные социальные проблемы, возникающие при развертывании в структуре ООПТ объектов историко-культурного наследия;
- сформировать методический комплекс (алгоритмы исследования, индикаторы), ориентированный на выявление и анализ социальных коммуникаций и регуляторов в ходе формирования, развертывания и комплексного использования объектов природного и историко-культурного наследия федерального и международного уровней. Разработанный комплекс методик планируется апробировать на основе введения в научный оборот уникальных ботанических и этнографических коллекций Сада-музея «Дерево Дружбы».

Реализация поставленных задач определяет необходимость унификации сложившихся в гуманитарных и естественных науках приемов обработки научных коллекций, приведения ее к международным стандартам, научного описания музейных предметов в контексте политических и социокультурных процессов, сопутствующих формированию коллекций, формирования адекватных алгоритмов, интеграционных по характеру исследований, корректировки научного глоссария.

Литература

1. Белозёрова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II: человек в пространстве коммуникации. – Szczecin, Poland, 2012. – С. 46–52.
2. Белозёрова М. В. Этнокультурные центры как форма презентации историко-культурного наследия // Этнические, экологические и экономические аспекты развития туризма на особо охраняемых природных территориях горных экосистем мира. – М.; Чебоксары: Пегас, 2012. – С. 139–149.
3. Белозёрова М. В. Некоторые аспекты хозяйственной адаптации переселенцев в Черноморском округе (XIX – первая треть XX столетия) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. – Вып. 5, ч. 2. – С. 189–192.
4. Белозёрова М. В. Традиционное природопользование шапсугов: перспективы возрождения // Научный диалог: журн. науч. публикаций. История. Социология. Этнография. – Екатеринбург, 2017. – № 11. – С. 328–339.
5. Белоус О. Г. Ландшафты Сочи в аспекте Олимпийских игр – 2014 // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2014. – № 11–3 (30). – С. 94–96.
6. Гутиева Н. М. Малораспространенные декоративные растения в коллекционном саду «Дерево Дружбы» // Бюллетень Глав. ботан. сада. – 2017. – № 3 (203). – С. 85–87.
7. Доклады Сочинского отделения Русского географического общества (СО РГО): Сочинский краевед. – Сочи, 1971.
8. Карпун Ю. Н. Основы интродукции растений // Hortus Botanicus. – 2004. – Т. 2. – С. 17–32.
9. Карпун Ю. Н. Проблемы интродукции красивоцветущих кустарников на Черноморское побережье России // Субтропическое и декоративное садоводство. – 2008. – Вып. 41. – С. 43–50.

10. Келина А. В. Эколого-биологические особенности листопадных кустовидных магнолий в условиях урбозко-систем субтропиков Черноморского побережья России: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Махачкала, 2013.
11. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]: принята 17-й сессией Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры (г. Париж, 17–21.10.1972). – URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 26.09.2012).
12. Коннов Н. А., Карпун Ю. Н. Итоги и перспективы интродукции представителей рода *Ophiopogon* Ker Gawler на Черноморское побережье России // Труды Кубан. гос. аграр. ун-та. – 2014. – № 48. – С. 57–61.
13. Куринских П. А. Фольклоризм и стратегия сохранения историко-культурного наследия: по выборочным национальным паркам Австрии и Российской Федерации // Экологическое равновесие: природное и историко-культурное наследие, его сохранение и популяризация. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 62–67.
14. Лисовская О. А., Никитина В. Н., Карпун Ю. Н. Растительность верхних отделов береговой зоны Черного моря в районе Большого Сочи // Проблемы охраны флоры и растительности на Кавказе. – Сухум, 2011. – С. 262–265.
15. Материалы круглого стола при Комитете Совета Федерации по образованию и науке, состоявшегося 29.05.2007 [Электронный ресурс]: рекомендации круглого стола на тему «Законодательное обеспечение деятельности музеев-заповедников в современных социально-экономических условиях». – URL: http://council.gov.ru/kom_home/kom_nau/index.html (дата обращения: 26.09.2012).
16. Официальный сайт ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт цветоводства и субтропических культур» (ФГБНУ ВНИИЦиСК) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vniisubtrop.ru/derevo-druzhby.html> (дата обращения: 28.05.2019).
17. Рындин А. В., Гутиева Н. М. Уникальный сад «Дерево Дружбы» // Цветоводство. – 2014. – № 2. – С. 10–13.
18. Садовой А. Н. Этносоциальные проблемы сохранения историко-культурного наследия на особо охраняемых природных территориях // Вестн. Том. гос. ун-та. – Сер. «История». – 2013. – № 4 (24). – С. 92–97.
19. Садовой А. Н. Позиционирование черноморских курортов России: проблемы формирования интегрированных коммуникаций // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. – Ростов н/Д.: ФГБОУ РГУПС, 2017. – Ч. 1. – С. 128–138.
20. Садовой А. Н., Куринских П. А. Историко-культурное наследие: перспективы использования опыта национальных парков Австрии в агломерации г. Сочи // Экологические проблемы и стратегия устойчивого развития агломерации город-курорт Сочи. – Сочи: Sochi23, 2016. – С. 65–71.
21. Сичкарь И. Г. Теоретико-методологические основы сохранения историко-культурного наследия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 12 (303). – Сер. «История». – Вып. 55. – С. 90–94.
22. Солтани Г. А. Роль интродукции растений при формировании города-курорта Сочи // Экологические проблемы и стратегия устойчивого развития агломерации город-курорт Сочи. – Сочи: Sochi23, 2016. – С. 116–119.
23. Федеральный закон РФ от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 26.

References

1. Belozeroва M.V. K probleme mezhetnicheskogo vzaimodeystviya na territorii rossiyskogo Prichernomor'ya (na primere Bol'shogo Sochi) [To the problem of inter-ethnic relations on Russian coast of the Black Sea (on the example of the Big Sochi)]. *Homo communicans II: chelovek v prostranstve kommunikatsii* [Homo communicans II: man in the communication space]. Szczecin, Poland, 2012, pp. 46-52. (In Russ.).
2. Belozeroва M.V. Etnokul'turnye tsentry kak forma prezentatsii istoriko-kul'turnogo naslediya [Ethnocultural centers as a form of presentation of historical and cultural heritage]. *Etnicheskie, ekologicheskie i ekonomicheskie aspekty razvitiya turizma na osobo okhranyaemykh prirodnnykh territoriyakh gornyykh ekosistem mira* [Ethnic, environmental and economic aspects of the development of tourism in specially protected natural areas of the world's mountain ecosystems]. Moscow; Cheboksary, 2012, pp. 139-149. (In Russ.).
3. Belozeroва M.V. Nekotorye aspekty khozyaystvennoy adaptatsii pereselentsev v Chernomorskom okruge (XIX – pervaya tret' XX stoletiya) [Some aspects of the migrants economic adaptation in the Black Sea district (the XIX – the first third of the XX centuries)]. *Ekologiya drevnykh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology ancient and traditional societies]. Tyumen, 2016, iss. 5, part 2, pp. 189-192. (In Russ.).
4. Belozeroва M.V. Tradiitsionnoe prirodopol'zovanie shapsugov: perspektivy vozrozhdeniya [Traditional land use Shapsugs: prospects for revival]. *Nauchnyy dialog: zhurnal nauchnykh publikatsiy. Istoriya. Sotsiologiya. Etnografiya* [Scientific dialogue: Journal of scientific publications. Story. Sociology. Ethnography]. Ekaterinburg, 2017, no. 11, pp. 328-339. (In Russ.).

5. Belous O.G. Landshafty Sochi v aspekte Olimpiyskikh igr – 2014 [Landscapes of Sochi in the aspect of the Olympic Games-2014]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]*, 2014, no. 11-3 (30), pp. 94-96. (In Russ.).
6. Gutieva N.M. Malorasprostrannyye dekorativnye rasteniya v kollektsionnom sadu “Derevo Druzhby” [Few ornamental plants in the collection garden “Tree of Friendship”]. *Byulleten' Glavnogo botanicheskogo sada [Bulletin of the Main Botanical Garden]*, 2017, no. 3 (203), pp. 85-87. (In Russ.).
7. *Doklady Sochinskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva (SO RGO) [Reports of Sochi Department of the Russian Geographical Society (SO RGO). Sochinskiy kraeved: Sochi local historian]*. Sochi, 1971. (In Russ.).
8. Karpun Yu.N. Osnovy introduksii rasteniy [Basics of plant introduction]. *Hortus Botanicus*, 2004, vol. 2, pp. 17-32. (In Russ.).
9. Karpun Yu.N. Problemy introduksii krasivotsvetushchikh kustarnikov na Chernomorskoe poberezh'e Rossii [Problems of introduction of flowering shrubs to the Black Sea coast of Russia]. *Subtropicheskoe i dekorativnoe sadovodstvo [Subtropical and ornamental gardening]*, 2008, iss. 41, pp. 43-50. (In Russ.).
10. Kelina A.V. *Ekologo-biologicheskie osobennosti listopadnykh kustovidnykh magnoliy v usloviyakh urboekosistem subtropikov Chernomorskogo poberezh'ya Rossii: avtoref. dis. kand. biol. nauk [Ecological and biological features of deciduous bushy magnolias in the urban ecosystems of the subtropics of the Black Sea coast of Russia. Author's abstract of diss. PhD in biology]*. Mahachkala, 2013. (In Russ.).
11. *Konventsia ob okhrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya: Prinyata 17-y sessiey General'noy konferentsii OON po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury (g. Parizh, 17-21.10.1972) [Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage: Adopted by the 17th session of the UN General conference on education, science and culture (Paris, 17-21. 10. 1972)]*. (In Russ.). Available at: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (accessed 26.09.2012).
12. Konnov N.A., Karpun Yu.N. Itogi i perspektivy introduksii predstaviteley roda *Ophiopogon* KerGawler na Chernomorskoe poberezh'e Rossii [Results and prospects of introduction of representatives of the genus *Ophiopogon* KerGawler to the Black Sea coast of Russia]. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Works of the Kuban State Agrarian University]*, 2014, no. 48, pp. 57-61. (In Russ.).
13. Kurinskikh P.A. Fol'klorizm i strategiya sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya: po vyborochnym natsional'nym parkam Avstrii i Rossiyskoy Federatsii [Folklorism and the strategy for the preservation of historical and cultural heritage: the selective national parks of Austria and the Russian Federation]. *Ekologicheskoe ravновesie: prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie, ego sokhranenie i populyarizatsiya [Ecological balance: natural, historical and cultural heritage, its preservation and popularization]*. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2015, pp. 62-67. (In Russ.).
14. Lisovskaya O.A., Nikitina V.N., Karpun Yu.N. Rastitel'nost' verkhnikh otdelov beregovoy zony Chernogo morya v rayone Bol'shogo Sochi [The vegetation of the upper parts of the coastal zone of the Black Sea in the region of Greater Sochi]. *Problemy okhrany flory i rastitel'nosti na Kavkaze [Problems of protection of flora and vegetation in the Caucasus]*. Sukhum, 2011, pp. 262-265. (In Russ.).
15. *Materialy kruglogo stola pri Komitete Soveta Federatsii po obrazovaniyu i nauke, sostoyavshegosya 29.05.2007: Rekomendatsii “kruglogo stola” na temu “Zakonodatel'noe obespechenie deyatel'nosti muzeev-zapovednikov v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh” [Materials of the round table at the Committee of the Federation Council on Education and Science, 29.05.2007. Recommendations of the “round table” on the theme “Legislative support of the activities of museums and reserves in the current socio-economic conditions”]*. (In Russ.). Available at: http://council.gov.ru/kom_home/kom_nau/index.html (accessed 26.09.2012).
16. *Ofitsial'nyy sayt FGBNU “Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut tsvetovodstva i subtropicheskikh kul'tur” (FGBNU VNIICISK) [Website of the Russian Research Institute of Flower-growing and Subtropical Crops]*. (In Russ.). Available at: <http://www.vniisubtrop.ru/derevo-druzhby.html> (accessed 28.05.2019).
17. Ryndin A.V., Gutieva N.M. Unikal'nyy sad «Derevo Druzhby» [Unique Garden of the “Tree of Friendship”]. *Tsvetovodstvo [Floriculture]*, 2014, no. 2, pp. 10-13. (In Russ.).
18. Sadovoy A.N. Etnosotsial'nye problemy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya na osobo okhranyaemykh prirodnnykh territoriyakh [Ethnosocial problems of preservation of historical and cultural heritage in specially protected natural territories]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya «Istoriya» [Bulletin of Tomsk State University. Series «History»]*, 2013, no. 4 (24), pp. 92-97. (In Russ.).
19. Sadovoy A.N. Pozitsionirovanie chernomorskikh kurortov Rossii: problemy formirovaniya integrirovannykh kommunikatsiy [Positioning of the Black Sea Resorts of Russia: Problems of Forming Integrated Communications].

- Reklama i svyazi s obshchestvennostyu: traditsii i innovatsii [Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations]*. Rostov-na-Donu, 2017, part. 1, pp. 128-138. (In Russ.).
20. Sadovoy A.N., Kurinskikh P.A. Istoriko-kul'turnoe nasledie: perspektivy ispol'zovaniya opyta natsional'nykh parkov Avstrii v aglomeratsii Sochi [Historical and cultural heritage: prospects for using the experience of national parks of Austria in the agglomeration of Sochi]. *Ekologicheskie problemy i strategiya ustoychivogo razvitiya aglomeratsii gorod-kurort Sochi [Environmental problems and sustainable development strategy of agglomeration resort city of Sochi]*. Sochi, 2016, pp. 65-71. (In Russ.).
 21. Sichkar I.G. Teoretiko-metodologicheskie osnovy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya [Theoretical and methodological foundations for the preservation of historical and cultural heritage]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta «Istoriya» [Bulletin of Chelyabinsk State University "History"]*, 2013, no. 12 (303), vol. 55, pp. 90-94. (In Russ.).
 22. Soltani G.A. Rol' introduktsii rasteniy pri formirovanii goroda-kurorta Sochi [The role of plant introduction during the formation of the resort city of Sochi]. *Ekologicheskie problemy i strategiya ustoychivogo razvitiya aglomeratsii gorod-kurort Sochi [Environmental problems and the sustainable development strategy of agglomeration resort city of Sochi]*. Sochi, 2016, pp. 116-119. (In Russ.).
 23. Federal'nyy zakon RF ot 25 iyunya 2002 goda № 73-FZ «Ob ob'ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of the Russian Federation of Yune 25, 2002 No. 73-FZ "On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]*, 2002, no. 26. (In Russ.).

Приложение

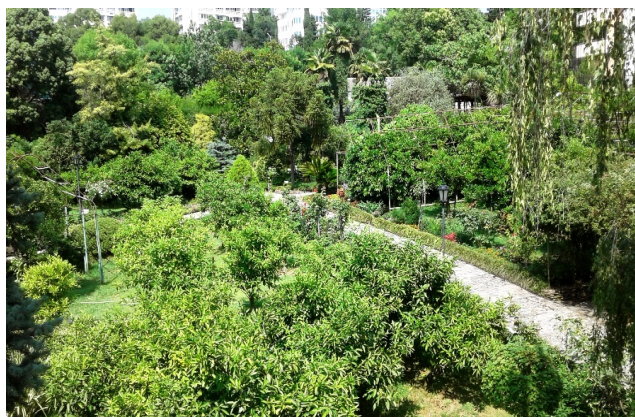

Рисунок 1. Сад-музей «Дерево Дружбы», г. Сочи (фото М. В. Белозёровой)

Рисунок 2. Дерево Дружбы, г. Сочи (фото М. В. Белозёровой)

Рисунок 3. Сад-музей «Дерево Дружбы», г. Сочи. Брелоки, указывающие прививки, сделанные представителями делегаций (фото М. В. Белозёровой)

Рисунок 4. Сад-музей «Дерево Дружбы», г. Сочи. Музей (фото М. В. Белозёровой)

Рисунок 5. Сад-музей «Дерево Дружбы», г. Сочи. Интерьер и экспозиция музея (фото А. Н. Садового)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕДОМСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ¹

Рыгалова Мария Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и туризма, Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, РФ). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru.

Шорина Дарина Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии и туризма, Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, РФ). E-mail: shorinadarina@mail.ru.

В статье рассматриваются вопросы становления и развития ведомственных музеев в Алтайском крае. В связи с возрастанием интереса к проблемам формирования и деятельности данных музеев, расширением их сети, актуализировались научные дискуссии о разграничении терминологии. Так, сегодня часто как синонимы используются понятия «ведомственный музей», «корпоративный музей», «отраслевой музей». Однако более детальное изучение этого вопроса заставляет увидеть отличия, в некоторых случаях границы между понятиями действительно размыты. В российских регионах наблюдается рост количества музеев в организациях, на предприятиях с целью запечатления истории, поднятия имиджа. Состав ведомственной сети музеев Алтайского края разнообразен. Он классифицируется по подчиненности (школьные и вузовские музеи как структурные подразделения учебных заведений подчинены Министерству образования и науки и высшего образования, музей при культурном центре Главного управления Министерства внутренних дел по Алтайскому краю – Министерству внутренних дел РФ и т. д.), по профильности (исторические, комплексные). Фондовые коллекции и собрания, экспозиционно-выставочное пространство музеев различных организаций являются неоднородными по структуре и составу, требуют детального рассмотрения и анализа для формирования целостного представления о современном музейном пространстве Алтайского края.

Ключевые слова: музей, музейная сеть региона, ведомственные музеи, корпоративные музеи, Алтайский край.

THE HISTORY OF FORMATION AND THE CURRENT STATE OF THE DEPARTMENTAL NETWORK OF MUSEUMS IN THE ALTAI TERRITORY

Rygalova Mariya Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of Department of Museology and Tourism, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mariya_rygalova@mail.ru

Shorina Darina Evgenyevna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Museology and Tourism, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation). E-mail: shorinadarina@mail.ru

The article presents the formation and development of departmental museums in the Altai Territory. Currently, there is a growing interest in the emergence and activity of these museums, development of their network, and discussions emerging regarding the terminology. The concepts of “departmental museum,” “corporate museum,” “museum of industry” are used as synonyms. But with a more detailed study of the history of the emergence of this group of museums, one can see significant differences consisting in the goals, objectives of their activities, methods and forms of work. However, in some cases, the boundaries between the concepts remain blurred. An obvious trend is the increase in the number of museums in the organization that seek to preserve and study the history formed through the creation of collections and their presentation with their style. The composition of the departmental network of museums in the Altai Territory is diverse.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00112.

The network consists museums of educational institutions, according to their departmental subordination, related to the Ministries of Education, Science, and Higher Education, a museum at the cultural center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs for the Altai Territory, which is a departmental subordinate to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. According to their profile, historical, complex museums are distinguished. In accordance with modern terminology, other museums are corporate (for example, "Museum of the History of the Development of Savings Business in Altai"). The exposition and exhibition space and forms of activity of such museums are diverse in directions and scales. In order to fully objectively present modern museum space, it is necessary to study specific museums belonging to the departmental group. The popularization of their collections, work in the field of cultural and educational activities is a significant and necessary contribution to the representation of the objective development of the territory.

Keywords: museum, museum network of the region, departmental museums, corporate museums, Altai Territory.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-119-128

В музейном пространстве ведомственные музеи все более приобретают самостоятельное значение. Современные подходы к музейной терминологии трактуют ведомственные музеи как группу музеев, находящихся в ведении различных министерств и ведомств в качестве структурных подразделений [25]. Они отвечают задачам представления и развития какого-либо отраслевого ведомства: образования, путей сообщения, здравоохранения и т. д., силовых министерств (обороны, внутренних дел и т. д.), а также научных и общественных организаций (профсоюзов, партий, обществ), образовательных учреждений [6, с. 12].

Ведомственные музеи являются одной из представительных групп российских музеев и могут иметь различную профильную принадлежность в зависимости от репрезентации истории развития определенной отрасли: транспорта, здравоохранения, силовых ведомств (обороны, внутренних дел). Вопрос о природе и составе данных музеев отечественной музеологией решается неоднозначно. Это связано с нечеткой законодательной регламентацией статуса ведомственных музеев, выделением новых форм собственности после распада СССР, дальнейшим развитием музеологического знания. Поэтому актуальным является вопрос о современном статусе, положении и развитии ведомственных музеев в современном обществе.

В Федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», который является основополагающим в музейной сфере, ведомственные музеи даже не

упомянуты, а вопрос о том, кто является их собственником – государство или непосредственно организации, структурными подразделениями которых музеи являются, – не урегулирован [16]. О. С. Сапанжа, рассматривая классификацию музеев по признаку принадлежности тем или иным категориям собственников, выделяет государственные музеи, ведомственные, муниципальные, частные, общественные, одновременно отмечает сложность определения принадлежности к группе ведомственных музеев [22, с. 5].

Термин «ведомственный музей» появился в связи с созданием и распространением музеев, подчиненных различным ведомствам (не Министерству культуры). Для предшествующих периодов справедливо было определение ведомственных музеев как подгруппы в группе государственных музеев. В 1960-е годы в СССР, в связи с усилением интереса к наследию, истории и краеведению, растет количество музеев (этот период характеризуется как «музейный бум»), в том числе общественных музеев. Музеи начинают организовываться по инициативе общественности, к юбилейным датам предприятий [26, с. 3–4]. Так появляются музеи при заводах, фабриках, крупных учреждениях. Большинство из них прекратили свое существование в связи с реорганизацией предприятий, изменением форм собственности. Их собственником являлось государство в лице организации-учредителя (ведомства, государственной организации или учреждения), в структуру которого они входили на правах особого подразделения. Государство давало раз-

решение на учреждение таких музеев по ходатайству организации-учредителя, финансировало их деятельность путем выделения отдельной строки в бюджете организации-учредителя. В данную подгруппу могут быть отнесены музеи министерств и ведомств, научно-исследовательских и иных организаций и учреждений, учебных заведений, предприятий.

Ведомственные музеи имеют ряд особых черт и свойств, вытекающих из наличия тесной взаимосвязи с организацией-учредителем. Именно она, а не музей, осуществляет оперативное управление музейными предметами и коллекциями; определяет, какими предметами и какими путями будет пополняться собрание, как оно будет использоваться, какие средства будут выделены на эти цели. Для ведомственных музеев характерна непосредственная связь с социальными группами, формирующимися по профессиональному признаку, и опосредованность связи с другими социальными группами населения и обществом в целом, а также особое значение функции представительства (презентации) достижений учредителя перед определенными профессиональными сообществами, властными структурами, обществом в целом.

В настоящее время социокультурная ситуация усложнилась: ведомственные музеи могут быть как государственными, так и негосударственными. Часть музеев в связи с приватизацией предприятий утратили свою государственную принадлежность, а в ряде случаев судьба подобных музеев и их коллекций по сей день остается предметом трудноразрешимых правовых споров. Другие музеи принадлежат негосударственным организациям и предприятиям, преимущественно коммерческим. В профессиональной литературе утвердилось их название – корпоративные музеи. Их организация началась в последнее десятилетие XX века, преимущественно для решения корпоративных задач [21, с. 45–46]. Среди группы ведомственных музеев выделяются «отраслевые», ориентированные на характеристику музеев конкретных негосударственных организаций [9, с. 52].

Следует отметить, что сегодня обобщенную группу ведомственных музеев составляют различные по тематике и направленности музеи. Традиционно это самая закрытая и «самодоста-

точная» группа музеев, информация о них часто является труднодоступной для социума. В этой связи, несомненно, исследовательский интерес представляет выявление историко-культурного и отраслевого, коммуникативно-информационного потенциала учреждений. Однако многие музеи из этой группы перерастают ведомственные рамки, открываясь обществу, и проблемы музейной коммуникации, разнообразных форм взаимодействия с аудиторией, образности экспозиции начинают играть и для них важную роль. Вместе с тем научно-исследовательские и культурно-просветительские возможности ведомственных музеев используются их учредителями и сотрудниками не в полной мере.

Зависимость ведомственных музеев от учредителей, ориентированность на решение задач, которые ставит руководство этих учреждений, приводит к тому, что общекультурная значимость музеев часто отодвигается на второй план, их воздействие на культурную жизнь общества оказывается меньше потенциальных возможностей, а их коллекции на практике далеко не всегда рассматриваются как составная часть историко-культурного наследия.

Исследователи едины во мнении о том, что ведомственные музеи формируют определенную идеологию в современной профессиональной, научной, культурной сферах. Данные музеи наравне с другими ответственны за хранение, изучение и популяризацию памятников истории, культуры, науки [23]. Тем не менее процесс формирования и трансформации ведомственных музеев России, происходивший во второй половине XX века – первом десятилетии XXI века, остается малоизученным. В этом аспекте история и современная деятельность ведомственных музеев Алтайского края не является исключением.

Состав ведомственных музеев Алтайского края отличается разнообразием. Непосредственно к ведомственному музею, с точки зрения подчинения, можно отнести музей при культурном центре Главного управления Министерства внутренних дел по Алтайскому краю. Созданию музея предшествовала организационная и собирательская работа. Приказом начальника УВД исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся от 14 января 1972 года № 32 определялось решить вопрос о выделении поме-

щения для музея, активизировать работу по сбору, изготовлению и копированию материалов для экспозиции.

30 сентября 1974 года был издан приказ № 213 начальника Управления внутренних дел исполнительного комитета Алтайского краевого совета депутатов трудящихся «Об открытии музея истории милиции Алтая и использовании его материалов в воспитании личного состава». До сведения всего личного состава доводилось, что музей начинает свою работу с 1 октября 1974 года. Экспозиция музея, построенная на подлинных документах, освещала деятельность алтайской милиции, ее героический путь с момента образования органов охраны общественного порядка. Музею определялось важное место в воспитании личного состава на боевых и трудовых традициях советской милиции. Особое внимание обращалось на работу с молодыми сотрудниками органов внутренних дел.

В целях совершенствования профессионально-воспитательной и культурно-просветительной работы 2 ноября 1981 года была открыта новая расширенная экспозиция музея. При этом музей работал совет ветеранов, осуществляющий работу по патриотическому воспитанию молодых сотрудников. В музее проводилась популяризация деятельности милиции среди учащихся, молодежи Алтайского края: экскурсии, встречи с сотрудниками и ветеранами алтайской милиции, лекции, уроки мужества, вручение первых паспортов, выставки рисунков на милицейскую тему, вечера в музее, посвященные праздничным датам (День Победы, День Советской армии и Военно-морского флота). Однако в конце 1989 – начале 1990-х годов экономическая нестабильность в стране, общественно-политические изменения негативно сказались на деятельности органов внутренних дел. Потеря авторитета милиции отразилась на деятельности музеев структуры Министерства внутренних дел (МВД). Некоторое время в музее истории алтайской милиции не было штатного сотрудника, а комплектованием и сохранением фондов занимался Совет ветеранов.

В 2000 году, накануне 200-летия создания Министерства внутренних дел, деятельность музеев системы МВД активизировалась. Сотрудниками Центрального музея МВД России были разработаны основные направления перспективного

развития музеев МВД на 1998–2010 годы. Основными задачами являлись воспитание личного состава органов внутренних дел и гражданского населения, формирование общественного сознания и патриотическое воспитание сотрудников органов внутренних дел, гражданского населения [19]. 29 июня 2000 года Приказом УВД Алтайского края был утвержден план мероприятий по реконструкции музея истории милиции Алтая. Фонды музея стали пополняться предметами и документами, отражающими историю основных подразделений алтайской милиции. Современная музейная экспозиция включает в себя следующие разделы: «История полиции России и Алтая до 1917 года», «Милиция Алтая в 1917–1941 годах», «Милиция Алтая в годы Великой Отечественной войны», «Милиция Алтая в 1945–1991 годах», «Они погибли при выполнении служебных обязанностей». В экспозиционных разделах представлены документы, фотографии, награды, личные вещи сотрудников, отличившихся во время службы в МВД. Одно из центральных мест в деятельности музея занимает выставочная работа (передвижные выставки), культурно-образовательная деятельность (традиционные формы мероприятий, приуроченные к памятным датам и событиям). Большая часть посетителей музея представлена школьниками, студентами, сотрудниками органов внутренних дел. За активную работу в области патриотизма музей культурного центра ГУ МВД по Алтайскому краю получил грамоту Министерства культуры РФ [8].

Истории и современному состоянию противопожарных служб в Алтайском крае посвящена экспозиция музея центра противопожарной пропаганды и общественных связей ФГКУ «1-й отряд ФПС по Алтайскому краю». История его берет начало с середины 1950-х годов, когда на территории Алтайской краевой выставки достижений народного хозяйства была создана пожарно-техническая выставка. С 1968 года выставка становится постоянно действующей, под нее выделяется специальное здание. В 1999 году на основе собрания пожарно-технической выставки был создан центр противопожарной пропаганды и общественных связей в составе ФГКУ «1-й отряд ФПС по Алтайскому краю». Сегодня данный музей, фондовое собрание которого насчитывает около 500 экспонатов, располагает вы-

ставочной площадью 260 кв. м. В музее представлены экспозиции об истории пожарной службы в России, предметы, непосредственно связанные с пожаротушением, используемые как в прошлом, так и в настоящее время.

Примером музейного учреждения, имеющего отраслевой характер, может являться музей истории Алтайского региона дороги. Первоначально он был открыт в здании локомотивного депо как научно-технический и исторический в 1975 году. Результатом работы энтузиастов-железнодорожников стало фондовое собрание, посвященное развитию железной дороги в годы Великой Отечественной войны. В 2000 году организован музей боевой и трудовой славы на Алтайском отделении дороги. В 2013 году в результате объединения двух вышеупомянутых музеев образован Музей истории Алтайского региона дороги. В его структуру включены мемориальные стелы, памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны, пушка-гаубица – участница штурма Берлина в 1945 году, два локомотива-памятника – паровоз 9П и Л-186, расположенные на территории локомотивного депо Барнаула. Экспозиции музея богаты как графическим, картографическим, иллюстративным материалом, так и непосредственно предметами, отражающими различные эпохи истории строительства и развития железной дороги в Сибири и на Алтае [7]. В одном из залов музея представлены макеты: кабины паровоза Л-1703 и железной дороги [5].

Музей истории дорог Алтая краевого государственного казенного учреждения «Управление автомобильных дорог Алтайского края» (КГКУ «Алтайавтодор») создан в 2003 году в целях сохранения истории строительства и развития автомобильных дорог в Алтайском крае. Первоначально он был основан как методический кабинет в декабре 2000 года в г. Барнауле, фактически выполняющий функцию регионального отраслевого музея. Заведующей методическим кабинетом стала С. Ю. Матушина, документовед отдела кадров данного предприятия [2]. Комплектование фондов для кабинета проходило из различных источников, например, экспонаты привозили из дорожных хозяйств края, в том числе из уникального Музея Чуйского тракта, располагавшегося в Бийском дорожно-строительном управлении. Информация, представленная в отчетных данных

музея, позволяет сделать вывод о том, что за период 2001–2003 годов половина экспозиционных комплексов была заменена новыми. В результате в музее была сформирована экспозиция, имеющая два раздела: «Дорогами предков» и «Дороги XXI века». Большую часть экспозиций музея составляют фотоснимки, чертежи, карты дорог в исторической перспективе.

В состав коллекции музея истории дорог Алтая входит несколько автомобилей и дорожных механизмов 1920–1940-х годов, работавших на Чуйском тракте в разные годы, а именно: грузовой автомобиль ЗИС-5 (выпуска 1944 года), грузовой автомобиль Урал-ЗИС-355 (выпуска 1957 года), корчеватель прицепной ДЗ-33, бульдозер с канатным управлением Д-271, «завоеватель» целинных земель Алтая «Захар» – «ЗИС-5». Вышеперечисленные марки автомобилей в большинстве своём сняты с эксплуатации, и техника, выпускавшаяся серийным производством, сегодня сохраняется только в музейном пространстве. Музей полностью освещает историю дорожного строительства с момента освоения территории Алтая русским населением до современного состояния дорожной сети региона [2; 3; 4].

На современном этапе определенной тенденцией расширения количественного и качественного состава музейной сети, как было отмечено выше, является создание корпоративных музеев. Вместе с тем такие музеи остаются наименее изученными, поскольку зачастую закрыты для посетителей и исследователей. Корпоративный музей является центром сохранения и популяризации истории конкретного предприятия, организации, хранителем этических и профессиональных ориентиров работников. Приоритетные задачи таких музеев – взаимодействие с сотрудниками организаций, членами их семей, поэтому доступ в них для других категорий посетителей может быть затруднен. Корпоративные музеи характеризуются минимальным количеством информации о них, находящейся в свободном доступе (отсутствуют музейные сайты, музейные страницы в социальных сетях). Сведения о музее, его собрании и экспозиции возможно получить при непосредственном посещении музея, доступ в который также не является свободным. Тем не менее можно отметить, что корпоративные музеи интегрируются в музейное пространство

края, а их популяризация рассматривается руководством как направление работы предприятия по формированию имиджа [24].

С 2010 года в Барнауле работает музей истории развития сберегательного дела на Алтае. Здесь представлена история становления банковского дела в регионе, создания отделения государственного банка в Барнауле. В одном из залов музея воссоздан кабинет основателя и первого руководителя Барнаульского отделения банка России Всеволода Моравского. В фонде музея хранится более 4000 ед. хр. Наиболее ценными из них являются серебряный рубль 1756 года, полный набор сибирской монеты и счетная машинка начала XX века. Примечательно, что экскурсии по музею проводят сами сотрудники банка.

Одним из примеров создания и развития крупного корпоративного музея, впоследствии преобразовавшегося в отраслевой, является музей леса, созданный в 2004 году в селе Северка (Ключевской район) на базе ООО «Лес Сервис», одного из крупнейших деревоперерабатывающих предприятий в Алтайском крае. Первоначально музей не планировался крупным структурным подразделением, поэтому он разместился в специально построенном, но небольшом помещении. Но за несколько лет работы директор музея В. В. Пашкова собрала материалы в Государственном архиве Алтайского края, провела научно-исследовательскую работу среди жителей района. В результате менее чем за десять лет музей отдельного предприятия превратился в отраслевой, документирующий историю лесной промышленности в масштабах региона и страны. В музейной экспозиции представлено лесное законодательство с XVIII века, копии документов о государственной охране, материалы по истории создания лесничеств. Одновременно в музее демонстрируется материал о местных жителях, связавших свою жизнь с лесной отраслью.

К корпоративным музеям «закрытого типа» можно отнести музеи предприятий ООО «Алтай-Кокс» (г. Заринска), ООО «Огнеупоркотломаш» (г. Бийск), ООО «Алтайвагон» (г. Новоалтайск), ОАО «Кучуксульфат» (Благовещенский район). Экспозиции данных музеев отражают историю создания и развития предприятий, посвящены первым руководителям и работникам, современному состоянию, производству и сбыту продук-

ции. Доступ индивидуальных посетителей в эти музеи, как правило, ограничен и предоставляется только для организованных групп. Целевой аудиторией музеев предприятий являются студенты, обучающиеся по профильным специальностям, посещающие их в рамках учебной и производственной практик.

К ведомственным музеям исследователи относят также музеи образовательных учреждений высшего образования, исходя из их подчиненности Министерству образования (Министерству высшего образования и науки РФ) и выделения как отдельной структуры в рамках учебных заведений [6, с. 12]. Эта группа музеев в структуре ведомственных является наиболее изученной в историческом и функциональном аспектах. Открытию вузовских музеев г. Барнаула предшествовала совместная работа ученых, преподавателей и студентов по сбору, комплектованию материалов. Например, открытию музея в Алтайском государственном педагогическом университете (АлтГПУ) предшествовали археологические и этнографические экспедиции, проводившиеся с середины 1950-х годов [18]. Историко-краеведческий музей АлтГПУ является крупнейшим университетским музеем Барнаула. Он создавался как учебная и исследовательская площадка для студентов исторического факультета. В результате экспедиций фонды музея заметно пополнились материалами по истории Алтайского края, отдельных районов. В экспозицию включены также коллекции по истории создания самого вуза и деятельности его преподавателей [1].

В основу организации музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета (АлтГУ) также были положены находки, обнаруженные в результате регулярных экспедиций археологов университета с середины 1970-х годов [18]. Сегодня при АлтГУ функционируют четыре музея: музей археологии и этнографии Алтая [13], музей истории АлтГУ [15], лаборатория минералогии «Минералогический музей» [11], лаборатория «Музей природы» [10]. Экспозиции музеев ориентированы на учебный процесс.

При Алтайском государственном техническом университете им. И. И. Ползунова (АлтГТУ им. И. И. Ползунова) работает музей, функционирующий на протяжении 1966–1991 годов, затем вновь воссозданный в 2011 году. В нем пред-

ставлена история учебного заведения, научно-технические достижения сотрудников АлтГТУ им. И. И. Ползунова, история технических средств [12]. Музей истории вуза и медицины Алтая при Алтайском государственном медицинском университете (АГМУ) отражает не только вехи развития университета, но и всего медицинского дела на Алтае начиная с периода формирования Колывано-Воскресенского горного округа (середина XVIII века) [14]. Целевая аудитория этих музеев – не только обучающиеся, но и все желающие. Кроме того, университетские музеи принимают активное участие в общегородских мероприятиях, например в Международной акции «Музейная ночь».

Крупная отраслевая группа представлена музеями образовательных учреждений (школьными музеями). История их формирования и развития весьма обширна, обоснована общим контекстом социально-экономического и политического развития. Феномен школьного музея заключается в неоднозначном подходе к определению его классификационных признаков. С одной стороны, данные музеи можно отнести к общественным, так как они традиционно создавались по инициативе учителей и учащихся, работали на общественных началах [25, с. 58]. С другой стороны, современные школьные музеи, как и другие ведомственные музеи, создаются как структурные единицы и отвечают воспитательным и учебным задачам образовательных учреждений [25, с. 49; 20].

Сегодня создание и функционирование школьных музеев регламентируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», в котором прописано право образовательного учреждения на открытие музея [17], Письмом Министерства образования РФ «О деятельности музеев образовательных учреждений», к которому прилагается примерное положение школьного музея [20]. Школьные музеи выделяются по профилям, среди которых наибольшее число исторических, военно-исторических и краеведческих. Музеи образовательных учреждений испытывают серьезные трудности организационно-методического и материального обеспечения. Основу их работы во многом традиционно составляет энтузиазм отдельных педагогов. Вместе с тем школьные музеи являются, безусловно, ресурсом для воспитания духовно-нравственных,

патриотических качеств, служат базой научно-исследовательской работы учащихся.

На территории Алтайского края насчитывается свыше 250 школьных музеев, из них более 70 в Барнауле. Установить точное их число всегда затруднительно в силу того, что не все из них являются паспортизированными и отчетываются перед уполномоченными вышестоящими органами. Кроме того, в Алтайском крае, как и в других регионах, нет органа власти, курирующего школьные музеи. В Алтайском крае сегодня существуют созданные еще в 1960-е годы музеи (Народный музей истории органов ФСБ при МБОУ СОШ № 52 (1962), историко-краеведческий музей «Наше Отечество» (1962); школьный историко-краеведческий музей при МБОУ СОШ № 78 (1965)).

Стоит отметить, что значительный скачок увеличения числа школьных музеев пришелся на начало 2000-х годов. Около 50 % школьных музеев Алтайского края созданы в этот период. Фонды некоторых школьных музеев хранят не только предметы, связанные с историей школы. Например, экспозиции трех школьных музеев Барнаула отражают историю районов города, в которых они располагаются. Школьные музеи Тюменцевского и Тогульского районов заложили основу создания на их базе районных музеев.

Таким образом, сеть ведомственных музеев Алтайского края представлена непосредственно ведомственными музеями, отраслевыми, корпоративными и музеями образовательных учреждений. Эти группы отличаются широким тематическим диапазоном, богатством фондов и экспозиций, что позволяет сделать вывод об их значительном вкладе в сохранение и популяризацию историко-культурного наследия региона. Вместе с тем фонды и коллекции этих музеев остаются малоизученными в силу их определенной «замкнутости» и малодоступности, в том числе для исследователей. Большинство сотрудников музеев данной группы являются, как правило, специалистами в конкретных областях знания и, за редким исключением, не имеют музееведческой подготовки. Весьма актуальными для ведомственных музеев остаются проблемы управления и нормативного регулирования, профессиональной музейной подготовки кадров, обеспечения сохранности коллекций.

Литература

1. Алтайский государственный педагогический университет. Историко-краеведческий музей [Электронный ресурс]. – URL: https://www.altspu.ru/history/museum/ikm_history/3057-ikm-altgpa.html (дата обращения: 28.02.2019).
2. Архив музея истории дорог Алтая. Отчёт о деятельности музея за 2001 год. – Барнаул, 2002. – 10 с.
3. Архив музея истории дорог Алтая. Отчёт о деятельности музея за 2002 год. – Барнаул, 2003. – 14 с.
4. Архив музея истории дорог Алтая. Отчёт о деятельности музея за 2003 год. – Барнаул, 2004. – 11 с.
5. Благотворительный фонд «Почет». Музей истории Алтайского региона [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pochet.ru/history-railways/museums-railways/muzei-istorii-altaiskogo-regiona> (дата обращения: 02.06.2019).
6. Боголепова Л. З. Музеи истории вузов: концепция комплектования коллекций на современном этапе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 12–17.
7. Бутина А. В., Гребенникова Т. Г. Музей Алтайского региона железной дороги // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016. – С. 303–307.
8. Главное управление МВД России по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. – URL: <https://22.мвд.рф/folder/7513993> (дата обращения: 02.06.2019).
9. Дыбаль М. А. Потенциал корпоративных музеев в развитии регионального делового туризма (на примере Санкт-Петербурга) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2016. – № 2, т. 10. – С. 51–63.
10. Лаборатория «Музей природы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bio.asu.ru/department/zoo> (дата обращения: 07.05.2019).
11. Лаборатория минералогии географического факультета [Электронный ресурс]. – URL: http://www.asu.ru/structure/org_sci/institutes/geo_museum (дата обращения: 07.05.2019).
12. Музей Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова [Электронный ресурс]. – URL: <http://museum.altstu.ru> (дата обращения: 07.05.2019).
13. Музей археологии и этнографии Алтая [Электронный ресурс]. – URL: <https://altarcheomuseum.wixsite.com/altai-archeology> (дата обращения: 28.02.2019).
14. Музей истории АГМУ и медицины Алтая [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agmu.ru/about/podrazdeleniia/voospitatelnaia-rabota/muzei-istorii-agmu> (дата обращения: 07.05.2019).
15. Музей истории университета им. В. И. Неверова [Электронный ресурс]. – URL: http://www.asu.ru/structure/faculties/history/history_uni_mus (дата обращения: 07.05.2019).
16. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон № 54-ФЗ от 26.05.1996. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/123168/paragraph/77:0> (дата обращения: 12.06.2019).
17. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.06.2019).
18. Олейник Т. Е. История музеев высших учебных заведений Барнаула: историографический аспект // Вестн. БГПУ. – 2007. – № 7–2. – С. 115–120.
19. Основы работы по созданию музея и комнаты истории органов внутренних дел. Методические рекомендации. Центральный музей МВД России. – М., 2001. – 54 с.
20. О деятельности музеев образовательных учреждений [Электронный ресурс]: письмо Министерства образования РФ № 28-51-181/16 от 12 марта 2003 года. – URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrazovaniia-rf-ot-12032003-n-28-51-18116> (дата обращения: 17.06.2019).
21. Рощина Е. В. Негосударственные музеи: проблемы классификации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6, Политология, международные отношения. – 2012. – Вып. 3. – С. 42–46.
22. Сапанжа О. С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопр. музеологии. – 2012. – № 1 (5). – С. 3–12.
23. Сарыгин Д. С. Актуальные проблемы ведомственных музеев на примере разработанной концепции музеев на территории курорта «Танай» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2015. – № 2. – С. 29–32.
24. Сербина Н. В. Российские корпоративные музеи: перспективы развития и продвижения [Электронный ресурс] // APRIORI. Сер. «Гуманитарные науки»: электрон. журн. – 2014. – № 6. – URL: <http://www.apriori-journal.ru/serial/6-2014/Serbina.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).
25. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. – С. 49–58.
26. Томские музеи: общественные, ведомственные и музеи предприятий и организаций. – Томск, 2012. – 106 с.

References

1. *Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. Istoriko-kraevedcheskiy muzey [Altai State Pedagogical University. Local History Museum]*. (In Russ.). Available at: https://www.altspu.ru/history/museum/ikm_history/3057-ikm-altgpa.html (accessed 28.02.2019).
2. *Arkhiv Muzeia istorii dorog Altaya. Otchet o deyatel'nosti muzeya za 2001 god [Archive of the Museum of the history of Altai roads. Report on the activities of the museum in 2001]*. Barnaul, 2002. 10 p. (In Russ.).
3. *Arkhiv Muzeia istorii dorog Altaya. Otchet o deyatel'nosti muzeya za 2001 god [Archive of the Museum of the history of Altai roads. Report on the activities of the museum in 2001]*. Barnaul, 2003. 14 p. (In Russ.).
4. *Arkhiv Muzeia istorii dorog Altaya. Otchet o deyatel'nosti muzeya za 2001 god [Archive of the Museum of the history of Altai roads. Report on the activities of the museum in 2001]*. Barnaul, 2004. 11 p. (In Russ.).
5. *Blagotvoritel'nyy fond "Pochet". Muzey istorii Altayskogo regiona [Charity Foundation Honor. Museum of History of the Altai Region]*. (In Russ.). Available at: <http://www.pochet.ru/history-railways/museums-railways/muzei-istorii-altayskogo-regiona> (accessed 02.06.2019).
6. Bogolepova L.Z. Muzei istorii vuzov: kontseptsiya komplektovaniya kollektsey na sovremennom etape [History museums of high schools: the concept of collection acquisition at the present stage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]*, 2011, no. 4, pp. 12-17. (In Russ.).
7. Butina A.V., Grebennikova T.G. Muzey Altayskogo regiona zheleznoy dorogi [Museum of the Altai region of the railway]. *Sokhranenie i izuchenie kul'urnogo naslediya Altayskogo kraia [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]*. Barnaul, 2016, pp. 303-307. (In Russ.).
8. *Glavnoe upravlenie MVD Rossii po Altayskomu krayu [The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory]*. (In Russ.). Available at: <https://22.мвд.рф/folder/7513993> (accessed 02.06.2019).
9. Dybal M.A. Potentsial korporativnykh muzeev v razvitii regional'nogo delovogo turizma (na primere Sankt-Peterburga) [The potential of corporate museums in the development of regional business tourism (on the example of St. Petersburg)]. *Sovremennye problemy servisa i turizma [Modern problems of service and tourism]*, 2016, no. 2, vol. 10, pp. 51-63. (In Russ.).
10. *Laboratoriya «Muzei prirody» [Laboratory «Museum of Nature»]*. (In Russ.). Available at: <http://www.bio.asu.ru/departament/zoo> (accessed 07.05.2019).
11. *Laboratoriya mineralogii geograficheskogo fakul'teta [Laboratory of Mineralogy, Faculty of Geography]*. (In Russ.). Available at: http://www.asu.ru/structure/org_sci/institutes/geo_museum (accessed 07.05.2019).
12. *Muзей Altayskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. I.I. Polzunova [Museum of Altai State Technical University. I.I. Polzunova]*. (In Russ.). Available at: <http://museum.altstu.ru> (accessed 07.05.2019).
13. *Muзей arkheologii i etnografii Altaya [Museum of Archeology and Ethnography of Altai]*. (In Russ.). Available at: <https://altarcheomuseum.wixsite.com/altai-archeology> (accessed 28.02.2019).
14. *Muзей istorii AGMU i meditsiny Altaya [Museum of the history of ASMU and medicine of Altai]*. (In Russ.). Available at: <http://www.agmu.ru/about/podrazdeleniia/voospitatel'naya-rabota/muzei-istorii-agmu> (accessed 07.05.2019).
15. *Muзей istorii universiteta im. V.I. Neverova [Museum of the History of the University of V.I. Neverova]*. (In Russ.). Available at: http://www.asu.ru/structure/faculties/history/history_uni_mus (accessed 07.05.2019).
16. *O Muzeynom fonde Rossiyskoy Federatsii i muzeyakh v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon № 54-FZ ot 26.05.1996 [On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation: Federal Law no. 54-FZ of 05.26.1996]*. (In Russ.). Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/123168/paragraph/77:0> (accessed 12.06.2019).
17. *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon № 273-FZ ot 29.12.2012 [On Education in the Russian Federation: Federal Law no. 273-FZ of December 29.12.2012]*. (In Russ.). Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 12.06.2019).
18. Oleynik T.E. Istoriya muzeev vysshikh uchebnykh zavedeniy Barnaula: istoriograficheskiy aspekt [The history of the museums of higher educational institutions of Barnaul: the historiographic aspect]. *Vestnik BGPU [Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University]*, 2007, no. 7-2, pp. 115-120. (In Russ.).
19. *Osnovy raboty po sozdaniyu muzeya i komnaty istorii organov vnutrennikh del. Metodicheskie rekomendatsii. Tsentral'nyy muzey MVD Rossii [Basics of work on the creation of the museum and the history room of the Interior. Methodical recommendations. Central Museum of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. Moscow, 2001. 54 p. (In Russ.).
20. *O deyatel'nosti muzeev obrazovatel'nykh uchrezhdeniy: pis'mo Ministerstva obrazovaniya RF № 28-51-181/16 ot 12 marta 2003 goda [The activities of museums educational institutions: Ministry of Education letter*

- № 28-51-181 / 16 dated March 12, 2003]. (In Russ.). Available at: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrazovaniya-rf-ot-12032003-n-28-51-18116> (accessed 17.06.2019).
21. Roshchina E.V. Negosudarstvennye muzei: problemy klassifikatsii [Non-State Museums: Problems of Classification]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6, Politologiya, mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships], 2012, iss. 3, pp. 42-46. (In Russ.).
22. Sapanzha O.S. Klassifikatsiya muzeev i morfologiya muzeynosti: struktura i dinamika [lassification of museums and the morphology of museum: structure and dynamics]. *Voprosy muzeologii* [Questions of museology], 2012, no.1, pp. 3-12. (In Russ.).
23. Sarygin D.S. Aktual'nye problemy vedomstvennykh muzeev na primere razrabotannoy kontseptsii muzeev na territorii kurorta «Tanay» [Actual problems of departmental museums on the example of the developed concept of museums on the territory of the resort «Tanai»]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa»* [Scientific notes of Museum-reserve «Tomsk Pisanitsa»], 2015, no. 2, pp. 29-32. (In Russ.).
24. Serbina N.V. Rossiyskie korporativnye muzei: perspektivy razvitiya i prodvizheniya [Russian corporate museums: prospects for development and promotion]. «APRIORI». *Seriya «Gumanitarnyye nauki»: elektronnyy zhurnal* [Electronic magazine «APRIORI». Series «Humanitarian Sciences»], 2014, no. 6. (In Russ.). Available at: <http://www.apriori-journal.ru/serial/6-2014/Serbina.pdf> (accessed 12.06.2019).
25. Slovar' aktual'nykh muzeynykh terminov [Glossary of terms relevant muzeynykh]. *Muзей* [Museums], 2009, no. 5, pp. 49-58. (In Russ.).
26. *Tomskie muzei: obshchestvennye, vedomstvennye i muzei predpriyatiy i organizatsiy* [Tomsk museums: public, departmental and museums of enterprises and organizations]. Tomsk, 2012. 106 p. (In Russ.).

УДК 008.2.13.15.55

ОТ ПОСЕТИТЕЛЯ К СОТВОРЦУ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ: КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Библиева Оксана Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: oxanabi@mail.ru

Ащеулова Алиса Алексеевна, магистрант 2-го курса кафедры культурологии, Московский педагогический государственный университет (г. Москва, РФ). E-mail: aaashcheulova@gmail.com

В данной статье анализируется взаимосвязь между культурно-просветительскими проектами музея и целевой аудиторией, которая их посещает. Цель данной статьи – определить векторы развития и тематику формирования культурно-просветительского проекта, проводимого в различных музеях, ориентируясь на целевую аудиторию, посещающую конкретный музей / музейную экспозицию. Статья представляет различные характеристики целевой аудитории, из которых выделяется ключевая характеристика, позволяющая понять основополагающий принцип формирования и организации социокультурных проектов, проводимых в музеях. Приведенное в статье исследование представляет возможным систематизировать группы посетителей в соответствии с различными характеристиками, присущими этим группам, и с подробным описанием одной из групп. В качестве методов, используемых авторами при написании данной статьи, выступили анкетирование целевой аудитории и анализ полученных результатов. Таким образом, музей рассматривается не только как источник получения исторических, культурных, литературных и других знаний и место для проведения досуга, но и как площадка по обмену и передаче опыта от зрелых специалистов – специалистам «молодым», а также как открытое пространство для общения и установки профессиональных контактов. Авторами приведены примеры препятствий, возникающих при реализации культурно-просветительских проектов, и даны рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: социокультурная сфера, целевая аудитория музея, культурно-просветительский проект, группы посетителей музея, пространство музея, препятствия при реализации проекта, стратегия проектной деятельности.

FROM A VISITOR TO CO-CREATOR OF A MUSEUM EXPOSITION: AVENUES OF A RESEARCH PROJECT

Biblieva Oksana Vladimirovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oxanabi@mail.ru

Ashcheulova Alisa Alekseevna, 2st-year Graduate Student of Department of Culturology, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). Email: aaashcheulova@gmail.com

The article deals with connection between cultural and educational projects of a museum and target audience that visits them. The purpose of this article is to help future young professionals to choose the right topic for a cultural and educational project, carried out in various museums, focusing on the target audience in a particular museum/museum exposition. The article represents different characteristics of a target audience, whose notable key feature allows you to understand the basic principle of formation and organization of sociocultural projects carried out in museums. A study conducted by the Tretyakov Gallery, in which different groups of visitors are organized, is considered. The carried out analysis is based on a research on which the authors' systematization of a target audience is offered with the detailed description of one of them. Based on the study, the cultural and educational project held in the museum should be formulated. The authors of the article propose to use the museum not only for leisure and obtaining some knowledge, but to use this institute as a platform for the transfer and exchange of experience in the target audience of the Tretyakov Gallery; the authors propose to identify three groups of museum audiences interconnected for the purpose of visiting the museum. The target audience of the museum project presupposes the existence of various characteristics, depending on the theme and purpose of the professional museum community. The authors give examples of intimidations that arise in the organization of cultural and educational projects, and provide recommendations for their elimination.

Keywords: sociocultural sphere, target audience of a museum, cultural and educational project, groups of museum visitors, museum space, obstacles to the project, strategy of project activities.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-128-134

Деятельность музеев с точки зрения их актуального назначения можно представить в двух основных ипостасях:

- *селективная*, при которой происходит аккумуляция культурных ценностей (как художественного порядка, так и артефактов, свидетельствующих об образе жизни в прошедшие эпохи);

- *культурогенеза*, при которой деятельность музея становится основой для формирования не только культурной, но и социальной идентичности для каждого нового поколения.

Если первая обозначенная сторона музейного функционирования представлена в развернутой сети на территории нашей страны, в которой содержатся уникальные фонды, поддерживаемые в достойном состоянии специалистами, то вторая – складывается ситуативно, исходя из особых культурных факторов, в тот или иной период формирующихся в особую, присущую только определенной общности иерархию.

Одним из ярких, ставших уже традиционными, событий в музейной жизни является «Ночь в музее», которая синхронно проводится по всей стране. Другое новаторство – виртуализация экспозиций, в этом случае человек изучает выставку, находясь не только за пределами помещения музея, но, может быть, и на другом континенте. Однако новые формы в современной культурной ситуации быстро становятся неинтересными и неактуальными для посетителей. Связано это с различными обстоятельствами. Разовое или удаленное посещение музея не формирует в результате постоянного посетителя.

В данной статье мы попытаемся представить варианты вовлечения молодежной аудитории в активную музейную деятельность. Для начала рассмотрим характеристики, ей присущие, а затем представим вариант разработки проектов, позволяющих решить обозначенную проблему. Сегодня культурно-просветительская деятельность являет-

ся одним из основных направлений для развития взаимодействия музея с его целевой аудиторией. Целевая аудитория и удовлетворение ее интересов и запросов являются ключевыми звеньями в организации культурно-просветительских проектов.

В сложившейся практике культурно-просветительская деятельность для учреждений культуры, как правило, оформляется в рамках проектной деятельности.

Культурно-просветительские проекты – это тип социальных проектов с определенной направленностью: художественные, символические, экзотические и др. Их общая черта как социальных проектов состоит в том, что они оказываются вплетенными в ткань социальной жизни. Иначе говоря, мы обращаем внимание не только на эстетические и культурные стороны проекта, но и на его социальную функцию [5]. В рамках статьи *проект* предлагается рассматривать как комплекс последовательно, планомерно и поэтапно осуществляемых мероприятий для разрешения конкретной проблемной ситуации, в данном случае – в сфере культуры и образования.

Проведенный анализ целевой аудитории позволяет рассматривать ее в качестве рыночной категории, таким образом, целевая аудитория музейного проекта – аудитория, на которую, в первую очередь, направлена маркетинговая коммуникация данного объекта сферы культуры. Это та часть аудитории, объединенная общими характеристиками и культурными вкусами, на которую рассчитывают создатели товаров и услуг. На наш взгляд, необходимо понимать, что, несмотря на авторское решение, посетитель сам для себя формирует маршрут по музейной экспозиции, видение и осмысление информации в процессе ознакомления с экспонатами. Правильное построение экспозиции всегда дает посетителю право выбора: у какого объекта остановиться подольше, на какой объект потратить меньше времени, но и не потерять при этом логической взаимосвязи. Перед музеем стоит задача – активизировать посетителя при помощи различных интерактивных экспонатов, включенного в процесс вида деятельности. В связи с этим музей должен постоянно адаптироваться под потребности посетителя и ориентироваться на его вкусы, чтобы привлечь посетителя в очередной раз к посещению музея. Музеи постоянно ищут новые «магические» формулы,

чтобы открыть свое учреждение для более широкой аудитории. В свою очередь, «посетители XXI века предъявляют к музею высокие требования, приходят подготовленными, ждут новых впечатлений и интерактивности. Исходя из психокогнитивных особенностей современного человека, перенасыщенности информационного фона, фрагментарности восприятия, музей делает все возможное», чтобы посетитель был «не пассивным наблюдателем, а активным участником процесса, критиком» [10, с. 126–127].

Перейдем к более подробному описанию целевой аудитории, для которого необходимо знать ряд характеристик, представленных следующими группами: 1) демографические; 2) географические; 3) социальные; 4) психографические.

Ключевая характеристика целевой аудитории – психографическая, так как именно она является основополагающей при организации проектной деятельности.

Цель сбора информации, последующего анализа и оценки данных состоит в том, чтобы лучше адаптировать предложения к потребностям посетителей. Если мы обратимся к одному из последних исследований (посетителей опрашивали в здании галереи на Лаврушинском переулке, в Новой Третьяковке на Крымском Валу, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и в Еврейском музее и центре толерантности), то окажется, что посетителей музеев можно разделить по двум большим категориям (признакам). Первая категория – это социально-демографические признаки, вторая – социально-культурные характеристики. **Первая категория** включает в себя: 1) пол; 2) возраст; 3) образование; 4) род занятий; 5) место проживания. **Вторая категория** состоит из следующих характеристик: 1) наличие семейной традиции посещения художественных музеев; 2) возраст приобщения к изобразительному искусству; 3) опыт посещения данного музея; 4) основные причины посещения музея; 5) интерес к изобразительному искусству; 6) уровень художественной культуры; 7) художественные интересы и предпочтения; 8) интерес к неосновным мероприятиям музея.

В общих чертах подавляющая часть посетителей музея – это люди до 35 лет, предпочитающие самостоятельно рассматривать экспозиции,

проводящие в музее около трёх часов. Велика доля иностранных посетителей, а также у музея есть постоянная публика, посещающая каждую выставку.

Каждой группе людей дали условное название и представили процентное соотношение посетителей:

- Туристы (иностранцы) – 28 %;
- Познающие (местные) – 16 %;
- Хранители традиций (старше 55 лет) – 12 %;
- Семейные – 10 %;
- Модники – 10 %;
- Социализаторы – 8 %;
- Беглецы от реальности – 8 %;
- Специалисты – 4 % (см. [7]).

Как видно, в данной классификации каждая группа представлена с точки зрения реализации потенциалов, отвечающих политике музея, то есть социологический срез дает наличную картину, но не фиксирует потребности посетителя. Исследователи несколько умозрительно разделили всех посетителей, но получившиеся подгруппы можно было выделить, как мы думаем, и в советское время, например, в 1960-х годах. Представленное ранжирование не выявляет истинного положения вещей, не фиксирует специфику современной социокультурной ситуации «потребления» музейной продукции. Если попытаться выразить эту мысль иначе, то получится, что те, кто отвечал на анкету, и так пришли в музей, то есть у них потребность к приобщению к прошлому, представленному в экспозиции, была уже сформирована ранее. Фактически исключенными оказались те, кто или не знает о мероприятиях музея, или бывал, но уже при первом посещении, если говорить современным языком, поставил такому времяпрепровождению «дизлайк».

Безусловно, констатация факта, что молодежная (целевая) аудитория находится в стороне, явно не решает проблему, но дает возможность создать проект, который даст иной результат. Такой проект мы разработали и предлагаем его нашей целевой аудитории, а его успешная реализация позволит вернуть музею его имманентную способность материализовывать время. Проект под названием «Метод Васнецова»: лайфхак для «понаехавших» реализуется при поддержке Комитета общественных связей и молодежной политики города Москва АНО «Проектная инициатива» совместно с Библиотекой Ф. М. Достоевского

и Музеем-квартирой Ап. М. Васнецова, Государственной Третьяковской галереей. В рамках данного проекта был составлен аудиогид (одним из разработчиков которого явился автор данной статьи) «Москва Апполинария Васнецова. Прогулка сквозь века», который представляет собой «взгляд художника сквозь века, позволяющий в деталях восстановить утраченные образы и памятники древнего города» [6]. Тур охватывает 17 локаций, начиная от Мемориального музея-квартиры Апполинария Васнецова до панорамы Московского Кремля. Аудиогид сопровождается фото-презентацией, в которой слушатель может увидеть репродукции картин Васнецова, фотографии современных сооружений и отметить разницу Москвы эпохи Васнецова и современной Москвы, не выходя из дома. Но можно использовать и другой, более интересный вариант, слушая аудиогид, прогуливаться по Москве по тем локациям, которые описываются в аудиогиде и наслаждаться «живыми» видами этих исторических мест.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что, во-первых, посетителю необходим *ребрендинг локации*. В сознании современной молодежи архитектурное сооружение любого культурного учреждения (возведенного в советский период и созданного на века) отпугивает своей, в первую очередь, основательностью. Один из вариантов – сотрудничество с городскими райтерами (создателями граффити). К примеру, идею той или иной выставки можно продублировать тем, как ее выразят через собственное искусство райтеры, которые, будучи свободными художниками, вступают в контакт со «взрослым» миром. Вероятно, переход от граффити к идее музейной экспозиции позволит превратить случайного прохожего в сознательного посетителя музея. Конечно, если фасад здания будет закрыт щитами, на которых неделю будут работать райтеры, воплощая тему экспозиции, то это к тому же может стать дополнительной рекламой деятельности музея.

Ребрендинг локации возможен различными способами, главный шаг – превращение здания музея из привычно-обыденного («каждый день мимо прохожу») до привлекательного своей необычностью, которую хочется познать. Как вариант – создать ажиотаж вокруг учреждения, делая его недоступным (или малодоступным) для всех.

Во-вторых, необходимо *скорректировать жанр экскурсии*. Как правило, экскурсоводы, вы-

ступая как знатоки экспозиции, занимают позицию «над» посетителем, превращая путешествие по выставке в познавательное, но скучное дело (что ассоциируется со школой, вернее, несвободой, которая, по мнению недавних школьников, характерна для процесса обучения).

А что, если посещение музея – это не нудная экскурсия, а квест, позволяющий молодому человеку не только пройти некоторые испытания, но при этом обрести культурный опыт, познать опыт человека из прошлого? Безусловно, разработка квеста должна осуществляться с учетом безоговорочной сохранности экспонатов.

Ну и самый главный момент, который предполагает разработку на базе музея тех или иных вариантов контакта молодежи с прошлым, – *это мониторинг увлечений и интересов современной молодёжи*. Данное направление предполагает привлечение креативных специалистов – социологов, культурологов, управленцев. Умение читать «культурный текст» и содержащееся в нем некоторое субкультурное «ожидание» требует погружения в «среду обитания» современных молодых людей. Необходимы работы, не только обобщающие опубликованные локальные исследования, но и изучающие ценностные параметры молодежи. Новой «средой обитания» молодежи стал Интернет, в частности, большую часть времени молодежь проводит в социальных сетях.

Выявленные аспекты, как нам кажется, являются потенциально грантовыми, именно в случае их реализации возможно *создание нового пространства посетителя*.

Если музей выберет правильное направление движения своего развития, то все вышеперечисленные факторы могут сложиться, и музей из неисчерпывающего определения «Учреждение культуры» сможет стать «Брендом Любви» (подробнее о концепции личности бренда Lovemarks см. [9]).

Музеи все чаще становятся важными местами внеклассного обучения, образования взрослых или встреч для обучения между поколениями. Как место обучения на протяжении всей жизни, музей имеет социальную и образовательную миссию. Анализ текущего состояния различных предложений на потребительском рынке дает возможность понять, являются ли целевые музейные образовательные предложения достаточными или необходимо разработать новые или дополнитель-

ные предложения. В России мало пространств, свободных от четкой функциональной привязки. Где бы ни находился человек, он должен знать, кто он: будь то школа, университет либо музей, где человек определяет себя, как посетитель или гость. И нет такой среды, в которой человек не до конца решил, кто он, и среды, которая поможет ему с этим вопросом.

По нашему мнению, музей может стать такой средой, а культурно-просветительские проекты, организуемые в нем, могут оказаться в роли базы такой среды. Проекты помогут преодолеть пропасть, которая существует между музеями и начинающими специалистами. В таком пространстве возможно общение между действующими специалистами музеев и начинающими специалистами. При обмене опытом и знаниями стираются границы между тем, кто кого обучает. Знание, построенное на знании с равным (от англ. peer to peer, P2P – равный к равному), – это ключевой аспект современного образования.

Еще одним из наиболее важных моментов является интеграция институций друг в друга, например, когда вуз и музей открыты для общения, проведения совместных проектов. Таким образом, музей может представлять собой площадку не только для прохождения практики, но и для реализации идей и замыслов молодых специалистов, как уже говорилось выше, для организации и проведения культурно-просветительских проектов.

Возвращаясь к более широкой целевой аудитории музея, повторимся, что у каждой из выявленных групп существуют и разные потребности. В связи с этими потребностями возникает *ряд препятствий* со стороны внешней среды: 1) демографические; 2) технологические; 3) экономические; 4) политические (законодательные); 5) социальные; 6) культурные. Те из них, которые мы можем избежать, – основные: экономические, технологические, социокультурные.

Экономические препятствия связаны с доходом населения, а следовательно, напрямую отражаются на тратах на культурные услуги. *Технологические препятствия* – появление различных гаджетов, интерактивных форм досуга и других развлечений, связанных с современными технологиями. Происходит развитие модели «“виртуальный музей” в социальных сетях, которые активно используются молодежью для общения.

Неудивительно, что музей вообще должен предлагать новые услуги своей аудитории, одних экспонатов недостаточно. Поколение айфонов и смартфонов переживает быструю смену изображений. Важно, чтобы это уловили музеи, но, тем не менее, не следует забывать “аналог”. Оба аспекта должны быть представлены в равной мере. Одними из первых российских музеев создали и стали использовать свои странички в социальных сетях для работы с посетителями Третьяковская галерея, Русский музей, Эрмитаж» [2, с. 157]. К *социокультурным* препятствиям также относится появление других форм досуга и огромная конкуренция на рынке услуг.

Все вышеописанные препятствия необходимо учитывать при организации культурно-просветительских проектов и использовать в качестве вариантов преодоления данных препятствий уже разработанные предложения на рынке. Например, в сфере экономики музея – вариативность оплаты, а именно разница в цене в будние и выходные, праздничные дни, разница в цене, ориентированная на различные социальные группы: школьников, студентов, пенсионеров; проведение дней открытых дверей, бесплатных культурных мероприятий. В сфере технологий – освоение интерактива, различных форм подачи материала и проведение виртуальных экскурсий. В социокультурной сфере – стремление к предоставлению

более яркого досуга: организация и проведение квестов, викторин на базе музея; уже вошедшее в традицию ежегодное майское мероприятие «Ночь в музее».

В социокультурной сфере очень много факторов, на которые стоит обратить внимание, а именно, необходимо сделать акцент на более ярких экспозициях выставок – это касается дизайна экспозиций, зонирования и т. п. Как пример, сочетание в одной экспозиции различных видов искусства (картины, скульптуры) и различных форм восприятия (картины плюс интерактив, письма художников, личные вещи, инсталляции и киносюжеты). И самое главное – это проведение различных культурно-просветительских проектов.

Подводя итог, можно сказать о том, что при планировании любого культурно-просветительского проекта следует учитывать все описанные в данной статье факторы: целевую аудиторию, препятствия внешней среды, использование различных концепций ребрендинга. Необходимо организовывать такие проекты, которые повышают открытость музеев и развивают культуру соучастия. В данной статье была предпринята попытка обосновать, что именно нынешнее поколение является потенциальной аудиторией для музеев и сейчас, и в будущем, а значит, изучение их предпочтений – залог успешной дальнейшей работы музеев.

Литература

1. Дебур М. Инновации в современном музее: от теории к практике [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал. – 2018. – № 13 [346]. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=magazine> (дата обращения: 25.05.2019).
2. Иванова О. В. Модели взаимодействия образовательных организаций и музеев // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2018. – Т. 2, № 3 (51). – С. 148–160.
3. Коленько С. Г. Актуальные подходы к формированию музейной аудитории в контексте развития культурно-познавательного туризма // Вестн. СПбГУ. – Сер. 17. – 2016. – Вып. 3. – С. 90–97.
4. Лермонтова Е. Н. Феноменологический анализ музейной среды по материалам отечественных и зарубежных музеологов // Вестн. БГУ. – 2015. – № 14. – С. 122–126.
5. Луков В. А. Социальное проектирование. – М.: Флинт, 2006. – 240 с.
6. Москва Апполинария Васнецова. Прогулка сквозь века [Электронный ресурс]. – URL: https://izi.travel/ru/73f8-moskva-appolinariya-vasnecova-progulka-skvoz-veka/ru#tour_details_first (дата обращения: 10.06.2019).
7. Программа социологического исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://sias.ru/upload/iblock/770/programma-issledovaniya.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
8. Прокудина Д. А. Современные подходы к работе музея с детьми и подростками: интерактивность, соавторство, сотворчество // Вестн. РМАТ. – 2017. – № 3. – С. 112–117.
9. Робертс К. Lovemarks. Бренды будущего [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.e-xecutive.ru/management/marketing/1982521-lovemmark-3-shaga-do-sozdaniya-brenda-lubvi-v-biznese> (дата обращения: 19.03.2019).
10. Сгибова А. Ю. «Посетитель музея» и проблемы формирования музейной деятельности // Ценности и смыслы. – 2014. – № 3 (21). – С. 120–132.

References

1. Debur M. Innovatsii v sovremennom muzee: ot teorii k praktike [Innovations in the modern museum: from theory to practice]. *Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal [Scientific and Cultural Journal]*, 2018, no. 13 [346]. (In Russ.). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=magazine> (accessed 25.05.2019).
2. Ivanova O.V. Modeli vzaimodeystviya obrazovatel'nykh organizatsiy i muzeev [Models of interaction of educational organizations and museums]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Domestic and foreign pedagogy]*, 2018, vol. 2, no. 3 (51), pp. 148-160. (In Russ.).
3. Kolenko S.G. Aktual'nye podkhody k formirovaniyu muzeynoy auditorii v kontekste razvitiya kul'turno-pознаватel'nogo turizma [Actual approaches to the formation of a museum audience in the context of the development of cultural and educational tourism]. *Vestnik SPbGU [Herald of SPbSU]*, 2016, vol. 3, pp. 90-97. (In Russ.).
4. Lermontova E.N. Fenomenologicheskii analiz muzeynoy sredy po materialam otechestvennykh i zarubezhnykh muzeologov [Phenomenological analysis of the museum environment on the materials of domestic and foreign museologists]. *Vestnik BGU [Herald of BSU]*, 2015, no. 14, pp. 122-126. (In Russ.).
5. Lukov V.A. *Sotsial'noe proektirovanie [Social engineering]*. Moscow, Flint Publ., 2006. 240 p. (In Russ.).
6. *Moskva Appolinariya Vasnetsova. Progulka skvoz' veka [Moscow of Appolinarii Vasnetsov. Walk through the ages]*. (In Russ.). Available at: https://izi.travel/ru/73f8-moskva-appolinariya-vasnetsova-progulka-skvoz-veka/ru#tour_details_first (accessed 10.06.2019).
7. Programma sotsiologicheskogo issledovaniya [Sociological research program]. (In Russ.). Available at: <http://sias.ru/upload/iblock/770/programma-issledovaniya.pdf> (accessed 19.03.2019).
8. Prokudina D.A. Sovremennye podkhody k rabote muzeya s det'mi i podrostkami: interaktivnost', soavtorstvo, sotvorchestvo [Modern approaches to the work of the museum with children and adolescents: interactivity, co-authorship, co-creation]. *Vestnik RMAT [Herald of RMAT]*, 2017, no. 3, pp. 112-117. (In Russ.).
9. Roberts K. *Lovemarks. Brendy budushchego [Brands of the future]*. (In Russ.). Available at: <https://www.executive.ru/management/marketing/1982521-lovemark-3-shaga-do-sozdaniya-brenda-lubvi-v-biznese> (accessed 19.03.2019).
10. Sgibova A.Y. "Posetitel' muzeya" i problemy formirovaniya muzeynoy deyatel'nosti ["Museum visitor" and problems of forming museum activities]. *Tsennosti i smysly [Values and Meanings]*, 2014, no. 3, pp. 120-132. (In Russ.).

УДК 008

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПИТАНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН НА БАЗЕ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ

Реховская Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

В статье отмечается, что школьные музеи являются как составной частью музейного пространства страны, так и частью образовательной системы. Эта двойственность влияет на комплектование фондов и организацию музейного пространства.

Автор обозначил тенденцию, сложившуюся в последние годы, – пристальное внимание исследователей-музееведов к деятельности школьных музеев. При этом школьный музей имеет особый статус в границах образовательного учреждения.

Целью данной статьи является анализ деятельности школьных музеев по актуализации традиций питания русских крестьян. В работе приводится результат анализа организации деятельности школьных музеев, включающий в себя рассмотрение существующих экспозиций и выставок, а также уделяется внимание особенностям работы школьных музеев.

Автор считает возможным расширение тематики экспозиций школьных музеев за счёт этнографического материала, который можно использовать при проведении музейных праздников. В статье отмечается, что, исходя из особенностей детской аудитории, предпочтительней проводить музейные праздники, чем организовывать экспозиции и выставки.

В работе приводятся образцы возможных музейных мероприятий по актуализации традиций питания русских крестьян. Первое мероприятие, рассматриваемое в статье, – «Праздник урожая». Второе мероприятие, анализируемое автором, было более разнообразным по количеству методических приёмов, используемых в рамках музейной педагогики, и называлось «Отражение традиций питания крестьян в русских народных сказках».

В работе проанализированы проводимые мероприятия, выделены методические приёмы, используемые при проведении экскурсий, рассмотрены особенности отбора и подачи материала.

Ключевые слова: школьный музей, актуализация, реконструкция, крестьяне, питание.

ACTUALIZATION OF RUSSIAN PEASANT FOOD TRADITIONS ON THE BASIS OF SCHOOL MUSEUMS

Rekhovskaya Tatyana Aleksandrovna, PhD in History, Associate Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail rehowkaia@yandex.ru

The article notes that school museums are both, an integral part of the Museum space of the country and part of the educational system. This duality affects the acquisition of funds and organization of museum space.

The author notes the trend that has developed in recent years: close attention of museum researchers to activities of school museums. At the same time, a school museum, as noted in the article, has a special status within boundaries of an educational institution.

The purpose of this article is to analyze the activities of school museums on actualization of the traditions of Russian peasants' food. The paper presents the results of the analysis of school museums' organization, which includes consideration of existing displays and exhibitions, as well as attention to the peculiarities of school museums.

The author considers it possible to expand the theme of school museum exhibitions through the use of ethnographic material that can be used during museum holidays. The article notes that based on characteristics of children's audience, it is preferable to hold museum holidays than to organize demonstrations and exhibitions.

The article presents samples of possible museum events on updating the dietary habits of Russian peasants. The first event analyzed in the article is "Harvest Festival". The second event, analyzed by the author, was more diverse in the number of methodological techniques used in museum pedagogy, and was called "Reflection of traditions of peasants' nutrition in Russian folk tales."

The article analyzes the carried out activities, highlights the methodological techniques used in conducting the excursions, considers the features of selection and supply of material.

Keywords: school museum, actualization, reconstruction, peasants, food.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-134-142

Актуальность изучаемой темы определяется ростом популярности школьных музеев в последние годы. По мнению ряда учёных, российское музейное дело, уходящее корнями в глубь веков, до сих пор изучено явно недостаточно [1].

Развитие школьных музеев можно проследить с середины XIX века. Они создавались в ряде европейских государств: Германии, России (Санкт-Петербург, 1864) и др., а также в Северной

и Южной Америке и Японии. К 1906 году в мире насчитывалось 79 школьных музеев.

Со второй половины XIX века Германия вполне могла считаться страной школьных музеев, к 1904 году их количество составило 33. За годы Второй мировой войны их число резко сократилось. Сегодня старейшим музеем Германии является школьный музей Цетель-Боленбергерфельда во Фрисландии, созданный в 1978 году. К началу

XXI века в Германии существовало более 100 различных школьных музеев и экспозиций, посвященных истории образования. Кроме того, следует отметить, что Германия сохраняет лидерство и в области изучения истории образования, которое проводится здесь преимущественно университетами, отдельными научными обществами и институтами, зачастую действующими совместными усилиями [7].

Школьные музеи в России также имеют свою длительную историю, которую можно представить следующим образом. Первый этап – 1-я половина XVIII – 2-я половина XIX века (зарождение школьных музеев); второй этап – начало XX века – 1917 год (подъем школьного музейного дела); третий этап – 1918 – конец 20-х годов XX века («большевизация» школьных музеев); четвертый этап – начало 30-х – 40-е годы XX века (расцвет краеведения в школьных музеях); пятый этап – 50–70-е годы XX века (формирование сети школьных музеев); шестой этап – 70–80-е годы XX века (развитие и массовое создание школьных музеев); седьмой этап – 1990-е годы (кризис школьного музейного дела); восьмой этап – 2-я половина 1990-х – начало XXI века (возрождение школьных музеев) [2].

Школьные музеи являются составной частью музейного пространства нашей страны, но вместе с тем они являются частью образовательной системы. Эта двойственность их положения обусловливает особенности комплектования фондов, их презентации, а также организации музейного пространства.

В последние годы деятельность школьных музеев привлекает более пристальное внимание исследователей-музееведов. Вопросами становления, развития и деятельности школьных музеев занимались учёные М. В. Новорусский, Н. А. Воскресенская, В. Кордес, А. И. Гусев, Д. Любченко, А. У. Зеленко, Е. С. Радченко, Я. Борин, А. Манин, Н. А. Хитков, М. Шварц и ряд других исследователей. Практически все они сходятся во мнении, что школьный музей – это особое учреждение, что пространство школьного музея – это то место, где не просто хранятся экспонаты, но и проводится работа по знакомству с ними подрастающего поколения. Школьный музей должен быть адресован и интересен детям и подросткам, которые,

в свою очередь, принимают непосредственное участие в его создании [5].

Музей должен выполнять работу и по патристическому воспитанию учащихся, что стало особенно важным в последние годы. На сегодняшний день проблема гражданско-патристического воспитания подрастающего поколения является весьма актуальной. Поскольку события последних десятилетий явно снизили влияние российской культуры, искусства и образования как факторов формирования гражданственности и патриотизма, в сознании многих граждан нашей страны укрепились такие понятия, как равнодушие, безучастность, эгоизм, выгода, индивидуализм [3].

Школьные музеи в России прошли долгий путь развития, как было отмечено выше, претерпевая различные изменения на своём пути. В начальный период существования советского государства происходило становление школьных музеев; тогда музей, созданный усилиями и творчеством учащихся и педагогов, воспитывал «полезные и необходимые для жизни навыки, возбуждал любознательность и выстраивал правильные представления и понятия об окружающей жизни». Такой школьный музей – это учреждение, развивающее детское творчество и детский труд, выполняющее образовательную задачу на основе предметного метода. Таким музеем оставался до начала 1930-х годов, когда он превратился в место показа экспонатов, без развития каких-либо творческих начал учащихся и педагогов [4]. В послевоенные годы увеличивается идейная направленность образования и, в соответствии с ней, развиваются школьные музеи. В конце XX века школьные музеи опять претерпевают изменения, которые были связаны с попытками организовывать музеи в соответствии с новыми задачами и изменениями, произошедшими в системе образования.

В настоящее время в России существует большое количество школьных музеев, деятельность которых регулируется Письмом Министерства образования РФ № 28-51-181/16 от 12 марта 2003 года «О деятельности музеев образовательных учреждений» и приложением к нему «Примерное положение о музее образовательного учреждения (школьном музее)». В разделе «Общие положения» данного приложения говорится о том, что школьный музей является структурным

подразделением образовательного учреждения и его деятельность регулируется двумя документами. Это Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и Музеях Российской Федерации». Также в письме указывается, что музеи создаются с целью воспитания, обучения, развития и социализации обучающихся. Данное положение соответствует и требованиям, предъявляемым для учреждений дополнительного образования, каким и является школьный музей, согласно закону об образовании и требованиям об учёте и обеспечении сохранности фондов музеев, содержащихся в пятом разделе положения, прилагающегося к письму.

Сложность работы школьного музея состоит ещё и в том, что данные музеи, как правило, имеют очень бедные собственные фонды. В регламентирующих документах не определены вопросы о способах комплектования школьных музеев. Данные музеи лишены специальных финансовых ресурсов для пополнения своих фондов, не предусмотрены и специальные экспедиции, результатом которых могло бы стать пополнение коллекции и создание архива экспедиций. Доступными источниками пополнения музейных фондов будут являться предметы, подаренные частными лицами, и поисковая деятельность самих учащихся. Исходя из данной специфики работы, в школьных музеях собирается краеведческий материал, связанный с деятельностью школы, её учителей и выпускников за разные временные периоды. В некоторых музеях есть этнографические коллекции, собрания произведений искусств. В то же время собранных музейных экспонатов недостаточно для организации широкомасштабной музейной работы.

Школьный музей имеет особый статус в границах образовательного учреждения, при этом было бы большим успехом в работе с учащимися, если бы работа музея коррелировалась с учебной программой. В настоящее время на школьные музеи в основном возложено проведение воспитательной работы с обучающимися. В связи с решением этой задачи формируются экспозиции и выставки данных музеев, проводятся экскурсии.

Практически во всех школьных музеях имеются экспозиции, связанные с историей школы. В них отражаются этапы становления и разви-

тия образовательного учреждения, отмечаются успехи и победы учащихся и учителей, достижения выпускников. Имеются экспозиции, связанные с темой Великой Отечественной войны, войн в Афганистане и Чечне, уделяется внимание и боевому прошлому России в целом.

Данная тематика, представленная в музеях, является очень важной. Трудно переоценить значимость данной работы в плане воспитания школьников. Экспозиции и выставки, посвященные данной тематике, воспитывают у учащихся чувство уважения к прошлому, гордость за свою школу, малую Родину и Россию в целом.

Но, несмотря на это, на наш взгляд, школьные музеи должны расширять свои экспозиции, вводить новую тематику. Одним из возможных направлений данной работы может быть формирование этнографических коллекций. Во многих школьных музеях (особенно в сельской местности) в составе фонда имеются отдельные предметы, относящиеся к традиционной народной культуре. Это могут быть чугушки, самовары, маслосбойки, национальная одежда, обувь, утварь, отдельные элементы домашнего интерьера.

Все эти имеющиеся предметы можно использовать в работе музея, актуализируя тем самым традиционную культуру. Цель данной статьи – показать особенности работы с этнографическим фондом в школьных музеях на примере актуализации традиций питания русских крестьян.

Актуализация историко-культурного наследия подразумевает включение в культурное пространство явлений и традиций, характеризующих прошлое страны и народа. Можно выделить много способов и направлений актуализации. Например, клубы, дома культуры и прочие учреждения аналогичного профиля занимаются актуализацией историко-культурного наследия, фольклорные коллективы также участвуют в этом процессе. Тем не менее особая роль здесь принадлежит музею. Музей – это то место, где хранятся следы прошлой жизни. Как известно, чтобы познакомиться с прошлым, нужно сходить в музей.

Музей отличает научный подход к осуществляемой им деятельности. Работа музея, как известно, начинается с собирания вещественных памятников прошлого и проводится в соответствии с целями и задачами учреждения. Эта деятель-

ность не сводится к чисто механическому накоплению старинных вещей, каждая вещь отбирается в соответствии с её научной ценностью. Научная ценность определяется тем, насколько тот или иной предмет, та или иная вещь отражают дух эпохи. При этом вещь выводится из общественно-го употребления и переводится на хранение в музей с дальнейшим её использованием. В данном случае производится процесс музеефикации.

Многие государственные и муниципальные музеи в настоящее время имеют крестьянские коллекции, куда входят предметы, связанные с занятиями и бытом крестьян. Это могут быть деревянные сохи, серпы, корыта, вилы, косы, рыболовные сети и неводы, остроги, багры, капканы, чугунки, ухваты, самовары и т. д.

На втором этапе музеефикации происходит процесс тезаврирования, то есть ведётся работа с музейными предметами и коллекциями или научно-фондовая работа. На этом этапе исследуются музейные предметы, а также проводятся их учёт и охрана, так как музейные экспонаты представляют научную и художественную ценность. В ходе учёта создаётся научно-справочный аппарат музейных фондов или фондовая документация. Как правило, музейные фонды делятся на основные и вспомогательные. Основные фонды составляют сущность деятельности любого музея, они представляются посетителям в форме экспозиций. Также они могут служить научной базой для моделирования или реконструкции музеефицированного явления.

Завершающим этапом музейной актуализации является процесс презентации полученного результата посетителям. В ходе презентации результатов деятельности сотрудников музея возникает информационное взаимодействие между посетителями и музейной средой. Под музейной средой можно понимать всю совокупность музейных предметов, объединённых своеобразным образом для знакомства с ними посетителей. Важную роль в таком информационном пространстве играют и сами сотрудники музея.

Процесс взаимодействия между посетителями и музейной средой называют коммуникацией. Теория коммуникации представляет собой область научного знания, предметом изучения которой являются коммуникация, её роль и место

в обществе, а также коммуникационные методы, системы, процессы и закономерности их функционирования и развития. Под термином «коммуникация» понимают как систему, в рамках которой осуществляется обмен информацией, так и процесс обмена информацией и способы взаимодействия, с помощью которых создается, передается и принимается информация.

Ведущей формой организации музейного пространства и представления музейных предметов является музейная экспозиция. Музейная экспозиция как бы представляет лицо музея, раскрывает его специфику и индивидуальность. Большинство музеев строят свою экспозиционную работу, опираясь на традиционную теорию коммуникации. Это касается и презентации традиционной крестьянской культуры. По задачам своей организации экспозиции делятся, как известно, на тематические (раскрывают какой-то сюжет); фондовые (представляют предметы, обычно хранящиеся в запасниках (фондах) и редко демонстрируемые публике); отчетные (рассказывают об итогах какого-то направления работы музея (комплектования, реставрации и т. д.).

Экспозиции состоят из отдельных экспозиционных комплексов – тематически связанных, пространственно и художественно организованных групп музейных предметов, научно-вспомогательного материала, текстов и экспозиционного музейного оборудования. Выделяют несколько типов экспозиционных комплексов: тематические, жизненные (естественные) – биогруппы, панорамы и диорамы, типовые – мемориальные, коллекционные. Первым по времени появления методом построения экспозиций можно считать систематический метод. В результате его применения появляются систематические экспозиции, то есть экспозиции, построенные в соответствии с классификацией, принятой в определенной профильной дисциплине, отрасли культуры или отрасли общественного производства. Основная структура систематической экспозиции – типологический (систематический) ряд музейных предметов, отражающий эволюцию тех или иных процессов природы, человеческого общества. Ландшафтный метод, в результате которого появляется ландшафтная экспозиция, чаще применяется в естественно-научных музеях. Задача такой экспозиции – воспроизвести сочетаемость,

взаимосвязь и взаимозависимость каких-то компонентов явления или процесса. Ландшафтные экспозиции более ориентированы на неподготовленную публику, чем систематические. Данный метод часто применяется в музеях естественно-научного профиля.

Характерная черта ландшафтной экспозиции – использование диорам или панорам, содержание которых раскрывается и дополняется музейными предметами, ландшафтными картами, профилями и т. п. Ансамблевый метод сохраняет или реконструирует на документальной основе реальную обстановку жизни конкретного человека, типичную для определенного социального слоя конкретной исторической эпохи среды.

Специфика положения школьных музеев, о которой было сказано выше, определяет и особенности осуществляемой ими актуализации крестьянского наследия. Школьный музей не может в полной мере соответствовать государственному музею. Во-первых, не каждый школьный музей может иметь в своих фондах достаточное количество экспонатов, чтобы организовать полноценную экспозицию. Следовательно, нельзя будет и организовать большую экскурсию для того, чтобы в полной мере ознакомиться с традиционной культурой народов нашей страны.

Во-вторых, особенности аудитории, а это, прежде всего, школьники, влияют на подачу материала и определяют специальные формы работы. В современном отечественном музееведении быстрыми темпами развивается новое направление работы – музейная педагогика, в основном ориентированная на работу именно с детской и подростковой аудиторией. Элементы музейной педагогики можно широко использовать при работе в школьном музее.

В-третьих, в школьных музеях тяжело внедрять информационные новшества, применяемые в государственных музеях. Например, нельзя создавать QR-коды для экспонатов или применять аудиогиды.

В-четвёртых, далеко не во всех школьных музеях работают специалисты данного профиля, то есть дипломированные музейеды. Это влияет на все направления работы школьных музеев, начиная с момента комплектования музейного фонда и заканчивая его презентацией. Часто в музеях неправильно определяется историческая или

культурологическая составляющая экспонатов, не соблюдаются принципы формирования экспозиций и выставок. Следовательно, возможны ошибки и при проведении экскурсий.

Учитывая все приведённые выше данные, можно говорить о существовании особенностей в осуществлении актуализации крестьянского наследия на базе школьных музеев. По мнению автора, при актуализации традиций питания русских крестьян в школьных музеях основной упор надо делать не на демонстрацию экспонатов и организацию экспозиций и выставок, а на разного рода технологии, используемые русскими крестьянами в своём быту. Причём эти технологии надо подавать в игровой форме. Например, можно познакомить учащихся с традиционными кулинарными технологиями. В государственном музее для актуализации данной традиции можно предложить посетителям поучаствовать в приготовлении каши. На первый взгляд, здесь нет ничего сложного, но надо рассказать людям, что каша готовится в русской печи. Следовательно, надо научить посетителей пользоваться русской печью и варить кашу в чугуне. Затем должна проходить дегустация продукта, можно для большего эффекта сравнить продукт, приготовленный по традиционному русскому рецепту, а также современным способом.

В школьном музее полностью восстановить традицию не удастся, так как нет русской печи, но вполне можно устроить дегустацию. При этом для знакомства с самой технологией можно использовать видеоматериалы. В русской кухне имелись и ещё более простые по технологии приготовления мучные блюда, в настоящее время абсолютно забытые, которые могут приготовить учащиеся. Таким блюдом является саламата. Готовилась она из поджаренной муки, которая затем заваривалась кипятком. Блюдом, также не требующим варки, была заваруха. Ее готовили в раскалённом до красна глиняном горшке, куда наливали кипяток и разводили в нём муку.

В музеях имеющимися средствами можно реконструировать традиционные технологии приготовления молочных и кисломолочных продуктов. Очень просто готовилась сметана: молоко ставили скисаться на несколько дней, сверху образовывался слой сметаны, который собирали

ложкой. Хозяйка говорила «сметать», а не собирать, отсюда название «сметана». Сливки – это молочный продукт, получавшийся после отстаивания свежего молока. Если сметану «сметали», то сливки «сливали».

Русские крестьяне делали очень качественное сливочное масло, охотно покупавшееся на мировых рынках. Технологии производства того сибирского масла нельзя повторить в домашних условиях, так как для этого требуется специальная тара. В музее же эту технологию реконструировать можно, хотя много масла произвести будет сложно. Во многих музеях, имеющих крестьянские коллекции, есть маслобойки, в которых когда-то русские крестьянки сбивали масло. Можно сделать копию такой маслобойки, и все желающие посетители могут участвовать в выделке масла. Можно вместе с детьми в школьном музее посолить капусту.

Приготовление определённого вида пищи очень часто было связано с проведением каких-то праздников. Всем известная Масленица сопровождается выпечкой блинов. Следовательно, в музее можно организовать проведение традиционных праздников, что тоже будет являться актуализацией крестьянского наследия.

Автором статьи был проведён ряд мероприятий на базе школьного музея, в ходе которых школьники знакомились с традициями питания русских крестьян. Эти мероприятия были адаптированы в соответствии с условиями школьного музея и возрастом детей (2-й класс общеобразовательной школы). Во-первых, знакомство с традициями питания осуществлялось в игровой форме и с помощью сказочных героев. Во-вторых, используемые музейные предметы были взяты в соответствии с выбранной тематикой и формой проведения мероприятия.

Первое мероприятие было приурочено к традиционным осенним праздникам, которые проходят во многих школах. Это мероприятие было названо «Праздник урожая». Вначале ученики отгадывали загадки о различных овощах, употреблявшихся в пищу русскими крестьянами. Затем ведущая демонстрировала овощ детям и с помощью вопросов и ответов информировала их об использовании данных продуктов в пищу, о технологиях их приготовления, показывала музейные предметы, которые когда-то использовались в ка-

честве посуды (чугунки, миски, ложки). В конце праздника дети лепили из солёного теста изучаемые овощи по заранее заготовленному трафарету.

В результате проведённого мероприятия дети приобрели новые знания об известных им ранее растениях и о способах их использования русскими крестьянами, кроме этого, получили много положительных эмоций.

Второе мероприятие было более разнообразным по количеству методических приёмов, используемых в рамках музейной педагогики, и называлось «Отражение традиций питания крестьян в русских народных сказках». Первой изучаемой сказкой была «Колобок». С использованием презентации ведущая познакомила детей с основными традиционными строениями и сельскохозяйственными приспособлениями, упоминающимися в сказке, но совершенно не знакомыми современным детям («амбар», «сусеки»), и с традиционной русской печью, объяснив, что без неё нельзя было ни испечь колобок, ни вообще приготовить пищу. Для поддержания интереса детей к теме в мероприятии принимали участие персонажи из сказки: «дед» и «бабка», которые разыграли начало сказки, а затем вместе с детьми «бабка» лепила колобков.

В дальнейшем ведущая провела экскурсию, познакомив детей с музейными предметами, особый упор был сделан на те из них, которые учащиеся знали по русской народной сказке «Лиса и журавль» – «кувшин» и «миска». В ходе беседы школьники вспомнили содержание данной сказки и ответили на соответствующие вопросы. На экскурсии ученики познакомились с традиционными сельскохозяйственными культурами, выращиваемыми в России, выделены были те, которые фигурировали в сказке «Вершки и корешки».

Большой интерес у ребят вызвал традиционный русский овощ репа. В русских народных сказках он встречается, как известно, очень часто. В русской традиционной кухне это был очень распространённый продукт. В древности на протяжении веков репа была столь же популярна, как сейчас картофель, который со временем ее почти вытеснил. В современной кулинарной практике репа встречается крайне редко, чем и объясняется отсутствие данной информации у детей. Экскурсия закончилась просмотром мультипликационных фильмов по обозначенным выше сказкам.

Последней стала сказка «Гуси-лебеди». Выбрана она была не случайно: в ней содержится много информации, связанной с традициями питания русских крестьян. Например, детям рассказали, каким был кисель в старые времена. Как известно, он был настолько густым, что его можно было есть ложкой, поэтому в сказке есть молочная река с кисельными берегами. Вспоминали эту сказку дети вместе с главной героиней «сестрицей», которая пришла к ним с просьбой помочь отыскать братца. Закончилось мероприятие дегустацией яблок и пирогов, которые передали яблоня и печка детям. Данные формы работы пользуются большим интересом у детей младшего школьного возраста.

Оба рассмотренных мероприятия адаптированы к условиям работы школьного музея. При их проведении, во-первых, ограниченными музейными средствами можно добиться большого результата по актуализации традиций питания, а во-вторых – объединить работу школьного музея с общеобразовательным процессом, что позволит учащимся не только лучше усвоить материал, но и проявить свою творческую активность.

Кроме тематических реконструкций, в школьных музеях можно использовать такую форму работы, как «живой урок», который предполагает знакомство с музейными предметами, подобранными в соответствии с темой урока. В ходе урока происходит погружение в материал, детальное знакомство с исторической эпохой или

изучаемым бытовым явлением. Всё это способствует актуализации материала [6].

Работа школьных музеев была бы более эффективной, если бы было налажено их сотрудничество с государственными музеями. Направления сотрудничества могли бы быть тоже весьма разнообразными. Перспективным явилось бы, на наш взгляд, сотрудничество на постоянной основе, а не эпизодическое, как часто происходит. Первым шагом должна стать корреляция планов работы музеев по различным направлениям: духовно-нравственному, эстетическому воспитанию. Второй шаг – это собственно практическая деятельность. Она может сводиться к проведению музейных мероприятий разного характера. Первый вариант: школьники посещают музей, на базе которого могут быть проведены выставки, экскурсии, экскурсии-уроки или организованы музейные праздники. Эффективность этих мероприятий будет выше, если они проводятся систематически и согласуются с планом работы школьного музея. Второй вариант: сотрудники музея приходят в школьный музей для проведения своих мероприятий, при этом надо настраиваться на долгосрочное сотрудничество.

Работа школьного музея, безусловно, может быть очень эффективной при условии, что будут учитываться особенности комплектования фондов и их функциональные возможности, а также особенности аудитории, в соответствии с которыми необходимо адаптировать материал.

Литература

1. Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Николай Михайлович Карамзин: у истоков изучения музейного дела в России // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 398. – С. 55–63.
2. Леонов Е. Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 17/2. – С. 39–49.
3. Леонов Е. Е. Эволюция роли школьных музеев России: с момента создания до современного состояния // Актуальные вопросы современной науки. – 2010. – № 14. – С. 44–52.
4. Новикова М. А., Колпакова Ю. В. Школьные музеи в гражданском воспитании // Актуальные проблемы теории и методики преподавания истории и обществознания: сб. мат-лов IV Междунар. науч.-практ. конф. – 2017. – С. 139–145.
5. Пирожкова И. Г., Пирожков Г. П. Школьные краеведческие музеи (культурно-педагогический и правовой аспекты) // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (100). – С. 104.
6. Потягов А. В. Школьный музей в XXI веке: стратегии и практики первого десятилетия // Ярослав. пед. вестн. – 2011. – № 3, т. I (Гуманитарные науки). – С. 306.
7. Родионова Д. Д., Глушкова П. В., Андреев В. В. «Живой урок» как инновационная образовательная технология и форма актуализации этнокультурного наследия (на примере практико-ориентированного обучения студентов-музеологов // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2017. – № 2 (26). – С. 151.
8. Шуштар Бранко. Школьные музеи Европы: многообразие подходов // Вопр. музеологии. – 2012. – № 2 (6). – С. 81.

References

1. Dmitrienko N.M., Chernyak E.I. Nikolay Mikhaylovich Karamzin: u istokov izucheniya muzeynogo dela v Rossii [Nikolai Mikhailovich Karamzin: at the origins of the study of museum business in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 398, pp. 55-63. (In Russ.).
2. Leonov E.E. Istoricheskiy aspekt poyavleniya i razvitiya shkol'nykh muzeev v Rossii: periodizatsiya, problemy, osobennosti raboty [Historical aspect of appearance and development of school museums in Russia: periodization, problems, peculiarities of work]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo state University of culture and arts], 2011, 17-2, pp. 39-49. (In Russ.).
3. Leonov E.E. Evolyutsiya roli shkol'nykh muzeev Rossii: s momenta sozdaniya do sovremennogo sostoyaniya [Evolution of the role of school museums in Russia: from the creation to the present state]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* [Topical issues of modern science], 2010, 14, pp. 44-52. (In Russ.).
4. Novikova M.A., Kolpakova Yu.V. Shkol'nye muzei v grazhdanskom vospitanii [School museums in civil education]. *Aktual'nye problemy teorii i metodiki prepodavaniya istorii i obshchestvoznaniya: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of theory and methods of teaching history and social science. Proceedings of the IV International Scientific-practical Conference], 2017, pp. 139-145. (In Russ.).
5. Pirozhkova I.G., Pirozhkov G.P. Shkol'nye kraevedcheskie muzei (kul'turno-pedagogicheskiy i pravovoy aspekty) [School museums of local lore (cultural, pedagogical and legal aspects)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. Tambov, Diploma Publ., 2015, no. 10 (100), p. 104. (In Russ.).
6. Potyagov A.V. Shkol'nyy muzey v XXI veke: strategii i praktiki pervogo desyatiletiya [The School Museum in the XXI century: strategies and practices of the first decade]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [The Yaroslavl pedagogical Vestnik], 2011, no. 3, vol. I (Humanities), p. 306. (In Russ.).
7. Rodionova D.D., Glushkova P.V., Andreev V.V. "Zhivoy urok" kak innovatsionnaya obrazovatel'naya tekhnologiya i forma aktualizatsii etnokul'turnogo naslediya (na primere praktiko-orientirovannogo obucheniya studentov-muzeologov) ["Live lesson" as an innovative educational technology and a form of actualization of ethno-cultural heritage (on the example of practice-oriented training of students-museumologists)]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional education in Russia and abroad], 2017, no. 2 (26), p. 151. (In Russ.).
8. Shushtar Branko. Shkol'nye muzei Evropy: mnogoobrazie podkhodov [School museums in Europe: diversity of approaches]. *Voprosy muzeologii* [Questions of museology], 2012, no. 2 (6), p. 81. (In Russ.).

УДК 008

ИНСЦЕНИРОВКИ ПАМЯТИ: О СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ ПРАЗДНИКА

Попова Виктория Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры продюсерства, теории и практики исполнительских искусств, Екатеринбургский государственный театральный институт (г. Екатеринбург, РФ). E-mail: vick-nick@yandex.ru

Статья посвящена проблематике культурной памяти и анализу меняющихся практик сохранения памяти о прошлом, инструментов, позволяющих фиксировать фрагменты прошлого в актуальной культуре. В частности, речь идет о празднике как одной из форм культурной памяти и праздновании как коммеморативной практике, воплощенной в театрализованном представлении.

Работа построена на следующей гипотезе: в календарь включены праздники, призванные зафиксировать важнейшие вехи истории, культуры и через регулярное обращение к прошлому обеспечивать связь поколений, сохранение ядра культуры и выстраивание культурной политики. В этом ключе анализируются современный праздничный календарь и коммеморативные практики, сопровождающие празднование.

Современные практики работы с прошлым включают в себя как традиционные формы (передачу воспоминаний посредством коммуникации непосредственного очевидца событий с другими членами

общества; документальную фиксацию), так и новейшие инструменты, позволяющие воссоздать эффект присутствия в прошлом (информационные технологии, психологические приемы, интерактивные мероприятия, междисциплинарный подход к работе со зрителем). Анализ тех или иных технологий работы с прошлым позволяет оценивать эффективность культурной политики, опирающейся в том числе и на образы коллективной памяти, а также более полно исследовать историческую ретроспективу и перспективу актуального праздничного календаря.

Ключевые слова: культурная память, коммеморация, праздничная культура, праздник, театральность, театр.

SCENES OF MEMORY: ABOUT MODERN FORMS OF THEATRICALIZATION OF THE HOLIDAY

Popova Viktoriya Nikolaevna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Production, Theory and Practice of Performing Arts, Ekaterinburg State Theatrical Institute (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: vick-nick@yandex.ru

The article is devoted to the problems of cultural memory and aims to analyze the changing practices of preserving the memory of the past, tools to fix fragments of the past in actual culture. In particular, it is a celebration as one of the forms of cultural memory and celebration as a commemorative practice embodied in a theatrical performance.

The study is based on the hypothesis: the regular holiday calendar includes holidays designed to capture the most important milestones of history, culture and, through regular reference to the past, ensure the connection of generations, preservation of the core of culture and the development of cultural policy. In this vein, the modern holiday calendar and commemorative practices accompanying the celebration are analyzed.

Modern practices of working with the past include both traditional forms (such as the transmission of memories through direct witness communication of events with other members of society; documenting), and the latest tools to recreate the effect of being in the past (information technology, psychological techniques, interactive events, interdisciplinary approach to working with the audience). The analysis of various technologies of working with the past allows us to evaluate the effectiveness of cultural policy, which also relies on images of collective memory, as well as to more fully explore the historical retrospective and perspective of the current holiday calendar.

Keywords: cultural memory, commemoration, holiday culture, holiday, theatricality, theatre.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-142-149

Исследование коллективной памяти в качестве одного из перспективных направлений гуманитаристики закрепилось в научной традиции начиная с 20-х годов XX столетия, когда Морис Хальбвакс выпустил ставшую классической работу «Социальные рамки памяти» [8]. С тех пор один за другим появлялись научные труды, посвященные формированию, трансформации и механизмам различных форм коллективной памяти, – работы Яна Ассмана [2], Пьера Нора [4], Поля Рикера [7] и др. Значительная часть зарубежных научных исследований посвящена изуче-

нию трагической истории XX века – наследию Второй мировой войны и «посттравматической эпохи», в которую живут уже несколько поколений. В этом ключе написаны, например, работы Алейды Ассман, которая выделяет четыре основных вида памяти – «четыре формации, которые различаются по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы, а также по ее неустойчивости или стабильности: память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и, наконец, память культуры» [1, с. 13].

При употреблении словосочетания «коллективная память» следует иметь в виду, что в научном сообществе до сих пор нет единого мнения относительно корректности данной формулировки. Так, например, ряд исследователей (в числе которых историк Райнхарт Козеллек, философ Сьюзен Зонтаг) настаивают на том, что никакой коллективной памяти не существует. А то, что называют коллективной памятью, на самом деле является не чем иным, как мифологией или идеологией. Так, например, С. Зонтаг пишет: «Strictly speaking, there is no such thing as collective memory – part of the same family of spurious notions as collective guilt»¹ [9, p. 67].

Поскольку данный вопрос не является темой настоящей статьи, мы не будем вступать в полемику. В связи с этим лишь оговоримся, что понятие «культурная память» используется нами как один из устоявшихся в последние десятилетия научных оборотов, и под ним мы будем понимать представления о прошлом, разделяемые социальными группами, составляющие ядро культуры и определяющие развитие актуальной культуры.

Хранение коллективных воспоминаний и их репрезентация возможны как через базовые феномены культуры, так и через социальные институты. И праздник выступает одним из таких феноменов [6]. В данной статье мы будем исследовать современный праздник с точки зрения его включенности в процесс поддержания и трансформации коллективного памятования. В том числе в фокусе нашего внимания будут театрализованные формы коммеморативных практик, символические реконструкции прошлого, то, что мы условно назвали «инсценировками памяти».

Коллективное участие в процессе «припоминания истории» приводит к тому, что граница между индивидуальными и коллективными воспоминаниями оказывается стерта. Человеческая память избирательна и недолговечна, и одно и то же событие может сохраниться в воспоминаниях разных людей по-разному. Встреча нескольких индивидуальных воспоминаний, переплетаясь, неизбежно означает частичное «присвоение» чужой памяти и обогащение своих воспоминаний. Разность встречающихся индивидуальных воспоминаний, переплетаясь, составляет «вос-

поминание» коллективное. «Память культуры» – это воспоминания поколений, переплетенные друг с другом и составляющие единое полотно культуры. Масштабы культурной памяти настолько велики, что актуализация всего памятования о прошлом в рамках одного или даже нескольких поколений представляется невозможной. Это обуславливает избирательность подхода к перечню того, что именно надлежит помнить и периодически воспроизводить в формах культуры с целью закрепления.

Анализируя современный российский праздничный календарь, можно вычлени ряд традиционных практик конструирования и поддержания памяти о прошлом посредством праздника. Среди них обозначим следующие: коммеморация (политика памяти), мифологизация истории, практики «вытеснения» и практики «закрепления», среди которых, например, создание «мест памяти», театрализованные «реконструкции» событий, ставших основой праздника. В целом механизм формирования коллективной памяти нам представляется в виде схемы (см. Приложение, рис. 1).

Поясним основные составляющие предложенной схемы. Любое историческое событие, даже будучи зафиксированным как можно более объективным образом, тем не менее подвергается интерпретации, способной, в конце концов, в значительной степени трансформировать его. Нередко это происходит при помощи мифологизации исходного события, придания ему иного смысла, дополнения несуществующими деталями и т. д. Закрепление события и, что важнее, отношения к нему происходит посредством выбора той или иной формы репрезентации. Следующая необходимая составляющая – регулярное повторение, периодическая актуализация содержания праздника, его истории и значения для современного общества. В процессе обращения к памяти о прошлом обеспечивается не только связь поколений, но также и проверка на значимость для общества тех или иных составляющих культуры.

Описанный нами процесс цикличен, воспоминания об исходном событии через несколько поколений могут значительно отличаться от предыдущих и дополняться новыми смыслами, тем самым преобразуя его. А за счет приобщения к коллективному началу, вплетенности индивидуальных воспоминаний в коллективную память обеспечивается и культурная идентичность.

¹ «Строго говоря, нет такой вещи, как коллективная память – это часть той же семьи ложных понятий, что и коллективная вина» [9, с. 67]. – Перевод автора.

Коллективная память всегда требует обращения к символам и обрядам, раскрывающим ее содержание. При этом индивидуальные воспоминания служат опорой и подтверждением достоверности прошлого. Не случайно на протяжении нескольких десятилетий в дни празднования особо чествуются те, кто своими глазами видел происходящее и может засвидетельствовать правдивость истории. Индивидуальная память в процессе коммуникации вплетается в память социальную, память поколений, а та, в свою очередь, становится составляющей культурной памяти.

Театрализация нередко используется в качестве коммеморативной практики, что особенно четко прослеживается на примере праздников. Если проанализировать материалы недалекого прошлого, то мы увидим, что начиная с послевоенного периода в России обращение к театральным формам становится весьма популярным. В первые годы после революции количество театрализованных зрелищ все увеличивалось, поскольку отвечало задачам нового правительства: доступность, доходчивость, идеологическая выдержанность, закрепление «правильного» взгляда на историю. Одним из самых значительных событий того времени стала инсценировка «Взятие Зимнего дворца», поставленная в Октябрьскую годовщину (1920). Главным режиссером постановки стал Н. Н. Евреинов, художником – Ю. П. Анненков, режиссерами – А. Р. Кугель и Н. В. Петров. Размах был поистине велик – «в постановке участвовало не менее 8 тысяч красноармейцев, матросов и театральной молодежи» [3]. По мысли режиссера, в постановке «участвовало» и городское пространство, и архитектурные элементы, что отвечало в целом его стремлению к театрализации жизни в целом. Такие «декорации» вкпе с огромным числом участников, безусловно, добавляли масштабности зрелищу.

Основная задача театральной постановки «Взятие Зимнего дворца» заключалась в том, чтобы правильно подать историческое событие, закрепить его должным образом в сознании населения. Поскольку все происходило в городском пространстве, расчет был также на то, что зрители окажутся непосредственными свидетелями событий. Следует иметь в виду, что штурм Зимнего был еще в памяти живых свидетелей, но это не смутило организаторов праздника. Содержание действия было подано как «реконструкция», то есть воссоздание действительно происходившего.

Театрализация сопровождалась использованием спецэффектов: по задумке Евреинова, для усиления впечатления в определенный момент должна была выпалить пушка на крейсере «Аврора». В целом все используемые приемы были гиперболизированы – для наглядности и доходчивости. Отзывы о «Взятии Зимнего дворца» были самые восторженные. Таким образом, цель была достигнута – на протяжении долгого времени штурм Зимнего дворца подавался как одно из ключевых событий революционных дней, хотя в действительности масштаб его был несколько скромнее.

По размаху празднования и отношению к празднику, День Победы в современной России сопоставим, пожалуй, с годовщиной Октябрьской революции 1917 года в СССР. Оба праздника посвящены переломному моменту в истории, началу новой эры. Именно это обыгрывалось каждый раз в период празднования очередной годовщины. И 7 Ноября в период существования Советского Союза, и 9 Мая в России не только предваряются тщательной подготовкой, но также ознаменованы наиболее массовыми формами празднования. Оба этих праздника имеют в основе исторические события, значимость которых не подвергается сомнению и требует регулярного обращения к прошлому как основе настоящего и залогоу гарантированного будущего.

Когда речь идет о поворотных событиях, коммеморативные практики начинают формироваться практически сразу. Так, например, уже через пару лет после октябрьских событий 1917 года появились музеи революции, готовились театрализованные постановки, о которых мы упоминали выше. Более того, праздничный календарь сам является актом коммеморации. Именно календарь закрепляет регулярное обращение к той или иной дате, а также базовые смыслы, требующие воспроектирования.

Современный праздничный календарь не исключение и также является примером коммеморации. В рамках данной статьи подробнее будет рассмотрено празднование Дня Победы.

9 мая 2018 года в центре Екатеринбурга, на территории городской плотины, была реализована одна из самых интересных театральных постановок последних лет – «Театр Великой войны» (режиссер – А. А. Блинов, заказчик – «Центр Событий», «Русская медная компания»). Уникальность ее заключалась, в первую очередь, в тех-

нической сложности – впервые в истории города, то есть почти за 300 лет существования, был изменен облик городского пруда. Плотина была перекрыта сложной конструкцией, снаружи представлявшей собой куб (см. Приложение, рис. 2), а внутри – три павильона с закрытой сценой, а также стеклянный семиметровый мост (см. Приложение, рис. 3). Еще до того, как посетители попадали на площадку, они проходили подготовительный этап – на мультимедийных экранах демонстрировались документальные кадры военных лет, с самого начала перенося зрителей на десятилетия назад. Затем люди шли по мосту над бурным течением воды, сбрасываемой плотиной и освещенной красными прожекторами, являющейся символом реки крови, пролитой во время войны (см. Приложение, рис. 4).

Основная идея данного проекта, приуроченного к празднованию годовщины Победы, не развлекательная, представление должно было привлечь внимание к потерям и ужасам военного времени. Театрализация в данном случае использовалась как способ вовлечения зрителя в события военных лет. Технические возможности современной культуры позволили создать «эффект присутствия» за счет мультимедийных экранов, света, звука, декораций и актерской игры. Моменты прошлого «оживают» благодаря театральным приемам. Зритель видит живого человека (актера), и это в несколько раз усиливает эффект. Ни один документальный фильм не производит такого эмоционального впечатления, как живое наблюдение за происходящим. Пространство сцены, находящейся прямо перед зрителями, обеспечивало полную сопричастность происходящему (см. Приложение, рис. 5–6).

Использованные технические и психологические приемы позволили авторам проекта воссоздать фрагменты прошлого и словно сократить дистанцию между несколькими поколениями: между поколением военных лет и поколениями, живущими в новом тысячелетии. Глядя на документальные кадры, зрители в буквальном смысле оказались лицом к лицу с теми, кто пережил войну, настоящее оказалось рядом с прошлым. Этот эмоциональный эффект – один из важнейших результатов использования практик работы с прошлым. В данном случае схема работает и в обратную сторону – через инсценировки памяти театральные практики способны воздействовать на индивидуальные «воспоминания»; будучи

включенным в происходящее, зритель «присваивает» содержание культурной памяти, становясь «очевидцем прошлого» и «проживая» его на эмоциональном уровне. За один день работы площадки спектакли посетили 3 500 зрителей. И даже те из них, кто изначально шел за развлечением, выходили немного другими людьми.

Подобные социальные проекты, с нашей точки зрения, способны стать новыми «местами памяти», о которых говорил П. Нора. Этот процесс увековечивания памяти не происходит сам по себе, память сохраняется только благодаря коммеморативным практикам: «Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [5, с. 26].

За появление новых мест памяти и трансляцию содержания культурной памяти, как правило, отвечают те, кто находится у власти. В первую очередь, это связано с тем, что именно власть заинтересована в сохранении или предании забвению тех или иных фрагментов прошлого. Нередко в праздничный календарь и связанные с ним коммеморативные практики закладываются основные идеологические установки, требующие периодического воспроизведения и утверждения в обществе. Праздник для этих целей подходит как нельзя лучше: базовые ценности актуализируются за счет регулярности. В случае, когда прошлое используется в политических целях, можно говорить о конструировании коллективной памяти.

С праздником также может быть связана и проработка негативного, травматического прошлого, осмысление того или иного исторического события. Акценты в данном случае расставляются в зависимости от того, какую сторону события власть хочет использовать в качестве основной. Проработка негативного прошлого всегда сопряжена с болезненными воспоминаниями и признанием вины. Формы могут разными – замалчивание, полное забвение, траурные мероприятия и т. д. [1].

Обратимся еще раз к социальному проекту «Театр Великой Войны» – он показывает иную сторону празднования Дня Победы. Несмотря на то что ежегодно в России вспоминают огромное количество жертв, унесенных войной, акцент все же в большей степени был смещен в сторону ра-

дости от победы, радости победителей. «Театр Великой Войны» предложил иной вариант празднования, где победа – это результат пережитых смертей, ужаса, борьбы на пределе человеческих сил.

В мае 2019 года проект «Театр Великой Войны» вновь был реализован. И, судя по тому, что интерес к нему только возрастает, можно говорить о том, что пришло время переосмысления, время новых инсценировок памяти.

Приложение

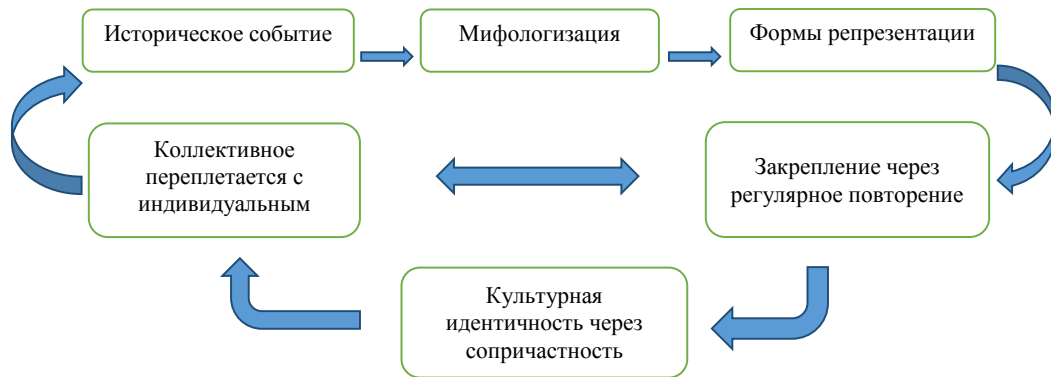
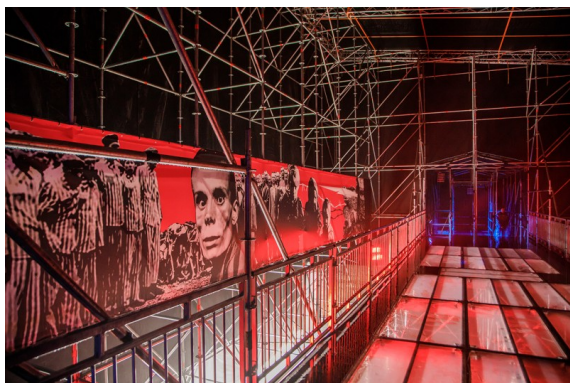

Рисунок 1. Механизм формирования коллективной памяти

Рисунок 2. Театр Великой Войны. Внешний вид. Екатеринбург, 2018

*Рисунок 3. Театр Великой Войны.
Внутреннее пространство проекта.
Стеклянный мост. Екатеринбург, 2018*

*Рисунок 4. Театр Великой Войны.
Плотина, освещенная прожекторами.
Екатеринбург, 2018*

*Рисунок 5. Театр Великой Войны.
Зрители перед пространством сцены.
Екатеринбург, 2018*

*Рисунок 6. Театр Великой Войны.
Фрагмент спектакля. Екатеринбург, 2018*

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое лит. обозрение, 2014. – 323 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).
3. Гвоздев А. А., Пиотровский А. Петроградские театры и празднества в эпоху военного коммунизма [Электронный ресурс] // История советского театра: очерки развития / гл. ред. В. Е. Рафалович, ред. Е. М. Кузнецов. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1933. – Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма: 1917–1921. – 403 с. – URL: http://krispen.ru/knigi/istoriya_sov_teatra_01 (дата обращения: 13.10.2019).
4. Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 20.09.2019).
5. Нора П., Озуф М., Пюимез Ж., Винок М. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] // Франция – память. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50. – URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 20.09.2019).
6. Попова В. Н. Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX – начала XXI в.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Екатеринбург, 2011. – 24 с.
7. Рикер П. Память, история, забвение: пер. с фр. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Zenкина. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.
9. Sontag S. Regarding the pain of others. Picador Farrar, Straus and Giroux. – New York, 2003. – 103 p.

References

1. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from the German by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 323 p. (In Russ.).
2. Assman I. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Translated from the German by M.M. Sokol'skaya. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 368 p. (In Russ.).
3. Gvozdev A.A., Piotrovskiy A. *Petrogradskie teatry i prazdnestva v epokhu voennogo kommunizma* [Petrograd theaters and festivals in the era of military communism]. *Istoriya sovetskogo teatra: Ocherki razvitiya. Tom 1. Petrogradskie teatry na poroge Oktyabrya i v epokhu voennogo kommunizma: 1917–1921* [History of Soviet Theater: Essays on the Development. Vol. 1. Petrograd theaters on the threshold of October and in the era of war communism: 1917–1921]. Chief Editor V.E. Rafalovich, Ed. E.M. Kuznetsov. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1933. 403 p. (In Russ.). Available at: http://krispen.ru/knigi/istoriya_sov_teatra_01 (accessed 13.10.2019).
4. Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World Celebration of Remembrance]. *Neprikosnovennyi zapas* [The untouchable reserve], 2005, no. 2-3 (40-41). (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (accessed 20.09.2019).
5. Nora P. Ozuf M., Pyuimezh Zh., Vinok M. *Problematika mest pamyati* [The issue of places of memory]. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1999, pp. 17-50. (In Russ.). Available at: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (accessed 20.09.2019).
6. Popova V.N. *Prazdnik kak forma kul'turnoy pamyati: gosudarstvennye prazdniki Rossii XX – nachala XXI veka. Diss. kand. kul'turologii: 24.00.01* [Holiday as a form of cultural memory: state holidays of Russia of the XX – beginning of XXI centuries. Diss. PhD in Culturology]. Ekaterinburg, 2011. 24 p. (In Russ.).
7. Riker P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury Publ., 2004. 728 p. (In Russ.).
8. Halbwaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social memory framework]. Translated from the French by S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russ.).
9. Sontag S. *Regarding the pain of others*. Picador Farrar, Straus and Giroux. New York, 2003. 103 p. (In Eng.).

УДК 316.711

РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ИХ ВЛИЯНИЕ НА БРАК И СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ В ДВОРЯНСКОЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Жилинина Наталья Александровна, проректор по учебной работе, Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской епархии Русской православной церкви, Московский патриархат (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: zhilianina@yandex.ru

Актуальность настоящей статьи определяется сложными процессами в семейно-брачных отношениях современной России. С этой позиции знание их предыстории необходимо при оценке состояния и перспектив брака и семьи в нашей стране. В любой период развития государства отношения в этой интимной области человеческого бытия оказывают скрытое, но существенное влияние на все другие (политические, экономические и т. д.) сферы жизнедеятельности человека и общества. Особенно значимыми семейно-брачные отношения становятся в период экономических и политических реформ и тем более потрясений. Здоровая, устойчивая семья выступает в такие периоды стабилизатором экономических, политических и трудовых отношений. И наоборот: нарастание конфликтности в сфере семейно-брачных отношений выступает дополнительным «возмущающим» фактором, накладывающим свое отрицательное воздействие на структуры повседневности. Именно такая ситуация была характерна для предреволюционной России первых двух десятилетий XX века. С этой точки зрения, чрезвычайно интересен вопрос о том, какое воздействие оказали радикальные преобразования, великие реформы императора Петра I на структуры повседневности, в том числе на семейно-брачные отношения в разных сословиях России в период становления империи. Предвосхищая изложение, можно отметить, что сравнение – не в пользу XX столетия.

Ключевые слова: брак, семья, империя, дворянство, крестьянство, традиции повседневности, культурный переворот.

PETER I REFORMS AND THEIR INFLUENCE ON MARRIAGE AND FAMILY LIFE IN THE NOBLE AND PEASANT ENVIRONMENT (EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS)

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Zhilyanina Natalya Aleksandrovna, Vice-rector for Academic Affairs, Kuzbass Orthodox Theological Seminary of Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: zhilianina@yandex.ru

The relevance of this article is determined by complex processes in family and marriage relations of modern Russia. From this position, knowledge of their background is necessary when assessing the state and prospects of the development of marriage and family in our country. In any period of the development of the state, relations in this intimate area of human existence have a hidden but significant influence on all others – political, economic, etc. spheres of human life and society. Family-marital relations become especially significant during the period of economic, political, etc. reforms and even more shocks. A healthy, stable family

acts in such periods as a stabilizer of economic, political, etc. relations. And vice versa: the growth of conflict in the sphere of family-marital relations is an additional “disturbing factor”, imposing its negative impact on the structure of everyday life. Such a situation was typical for pre-revolutionary Russia of the first two decades of the twentieth century. From this point of view, the question of what impact the radical transformations, the great reforms of Emperor Peter I had on the structures of everyday life, including family and marriage relations in different classes of Russia during the formation of the empire, is extremely interesting. Anticipating the presentation, it can be noted that the comparison is not in favor of the twentieth century.

Keywords: marriage, family, empire, nobility, peasantry, traditions of everyday life, cultural upheaval.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-150-156

Более трехсот лет прошло с тех пор, как при императоре Петре I образ «святой Руси» сменился в сознании людей образом «великой России». Проведенные Петром реформы практически разделили историю страны на «до» и «после». В эпоху Петра, если говорить о высшем сословии, существенно изменились даже традиции повседневности. Преобразования, произошедшие во всех сферах общественной, политической и культурной жизни страны, имели далеко идущие последствия, но до сих пор не имеют единой объективной трактовки ни в свидетельствах современников, ни со стороны ученых-историков. Не касаясь всех реформ Петра I, остановимся лишь на тех, которые имели непосредственное влияние на семейные отношения. Поэтому в задачу настоящей работы входит выявление взаимосвязи между характером проводимых Петром I реформ в области семейной и культурной политики и различиями в жизненном укладе семей в дворянской и крестьянской средах российского общества.

Проводя новую социальную политику, российский государь сделал упор на юридическое оформление сословных прав и обязанностей различных категорий населения. Это привело к тому, что в России сформировалась новая структура общества, имевшая жестко закрепленный сословный характер. Права и обязанности дворянства были расширены, а также усилен крепостнический гнет крестьянства.

Важно учитывать также, что не все реформы касались в равной степени представителей всех сословий. В частности, преобразования в культурной жизни, такие как мода на европейский покрой одежды, бритье бород, участие в различных

новых видах развлечений коснулись только привилегированных слоев общества. Специальным указом царя в 1718 году были введены ассамблеи, на которых дворяне танцевали и свободно общались, в отличие от чинного и замкнутого поведения во время прежних застолий и пиров. В крестьянской среде традиционный уклад жизни сохранялся намного дольше, только после отмены крепостного права можно отметить значимые изменения в жизни и быте крестьянства.

В проведении преобразований император ориентировался на последние достижения науки, культуры и инженерной мысли разных европейских стран. Считается, что культурное влияние Франции было особенно сильным в эпоху Екатерины Великой, однако уже во времена Петра I именно из Франции было заимствовано подавляющее большинство новых элементов культурной жизни общества. Эти элементы впоследствии явились самыми спорными в оценке положительного или отрицательного влияния на изменения в общественном укладе. Петр I, «обращаясь к французской культуре, французской государственности, ставил перед собой следующие задачи: 1) политические – укрепление политико-правовой базы абсолютизма; 2) образовательные – обучение различным наукам, ремеслам, видам искусств, выращивание отечественных специалистов; 3) воспитательные – обучение манерам, поведению в обществе, умению одеваться, вести светские беседы, то есть привитие культуры общения» [1, с. 46].

Многие преобразования имели непосредственное отношение к семье и браку. В частности, были разрешены межконфессиональные браки. Ряд указов (1700, 1702, 1724 годов) запрещал на-

сильственную выдачу замуж и женитьбу. Появилось предписание, чтобы срок между обручением и венчанием составлял не менее шести недель, и если за это время кто-либо из потенциальных супругов не захочет вступать в брак, то родители не должны настаивать на свадьбе. Невеста получила формальное право расторгнуть обручение и расстроить сговоренный брак, и ни одна из сторон не имела права требовать возмещения каких-либо издержек или жаловаться властям. Также были изменены правила в отношении отцов незаконнорожденных детей. Если раньше их насильственно венчали, то теперь требовалась только материальная ответственность в отношении матери и ребенка [4, с. 67].

Эти реформы не имели повсеместного практического значения. Браки совершались не только по взаимному согласию сторон, но и вопреки ему. Это происходило по причине психологической и материальной зависимости детей от родителей. Формально, протестовать было можно, но родственники практически всегда имели скрытые рычаги давления на упрямую невесту или жениха и вполне способны были заставить ее или его идти к алтарю против желания.

Требование царя участвовать в различного рода увеселительных мероприятиях относилось в равной степени к дворянам, их женам и дочерям. Европейская мода, ворвавшаяся во времена Петра I в российскую жизнь, в XVIII веке приобрела в России полную и неограниченную власть. Это влияние распространялось не только на одежду, украшения, предметы быта, но и язык, обычаи и традиции некогда единого народа. «Стремление изменить одежду, внешний вид не было простым маскарадом для Петра I. Оно имело более глубокий смысл. Это было зримым, символическим воплощением перемен, своеобразной мимикрией, способом вхождения в другую культуру, пока еще без глубинного осмысления культурных процессов, затронувших Запад в Новое время. Постоянное копирование, подражание вело к своеобразному “вживанию в образ”, постепенному интересу к иной культуре» [2, с. 96].

Именно с петровских преобразований берет начало культурно-бытовая оторванность дворянства от низших сословий, которая в дальнейшем послужила одной из существенных причин ожесточенности революции.

Можно отметить, что петровские преобразования мало повлияли на саму процедуру заключения брака. Однако этого нельзя сказать о бракоразводном процессе. В первые века после принятия христианства Церковь активно боролась против стихийно совершавшихся разводов и невенчанных браков. К XVII веку данная проблема была частично решена, но при этом возникла необходимость в некоторых ситуациях решением церковного или светского суда объявлять совершившийся брак недействительным. А поскольку церковная власть была почти упразднена отменой патриаршества и учреждением Святейшего синода, то церковный консисторский суд разбирал бракоразводные дела низших сословий и принимал по ним решения согласно с действующим законодательством, которое регламентировало далеко не все возможные ситуации семейных отношений. По делам дворянства решения принимал самодержец, а Святейший синод лишь формально утверждал принятое решение.

Обратимся к общим правилам разбора подобных дел и некоторым конкретным случаям принятия решений в пользу развода между супругами. Единственным неоспоримым условием расторжения брака являлась смерть одного из супругов. И хотя в церковном законодательстве указан целый ряд причин для возможного расторжения брака, в России вплоть до XX века развод был одним из самых хлопотных и сложных дел. Хотя разводы все-таки имели место в русской действительности, решения по ним принимались долго, и намерение развестись чаще всего не находило поддержки ни у Церкви, ни у власти, ни у общества.

Как уже было сказано, дела высших сословий разбирал непосредственно самодержец, и он, в зависимости от ситуации, мог решить вопрос как в пользу развода, так и в пользу сохранения брака. Решение Петра I сыграло важную роль в судьбе генерал-прокурора П. И. Ягужинского, супруга которого в силу своего характера и наклонностей сильно отравляла ему жизнь. Император рассудил, что «Бог установил брак для облегчения человека в горестях и превратностях здешней жизни; что никакой союз в свете так не свят, как доброе супружество; что же касается до дурного, то оно прямо противно воле Божией,

а потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасения души» [3, с. 74]. Ягужинский согласился с этими доводами и получил от государя разрешение на развод.

Петр Первый был не единственным самодержцем, активно участвовавшим в матримониальных делах своих подданных. Екатерина II приняла участие в судьбе Ю. В. Долгорукова, когда по ее решению Синодом был утвержден его брак с Е. А. Бутурлиной в 1785 году, а их дочь Варвара была признана законной и именована Долгоруковой. По церковным канонам брак этот был недопустимым из-за формального родства между женихом и невестой.

Что касается других категорий подданных, то «бракоразводный процесс незнатных категорий населения осуществлялся судами духовных консисторий и носил смешанный состязательно-розыскной характер. Решение выносилось на основании формальной оценки доказательств: судьи решающее значение придавали не убедительности представленных доказательств, а их наличию в определенном законом объеме или их отсутствию» [6, с. 28].

Кроме смерти одного из супругов, самым бесспорным поводом к разводу был уход в монастырь, который означал также гражданскую смерть, то есть муж получал все имущественные права жены, включая право на ее приданое в случае ухода супруги в монастырь. Мужья часто использовали эту возможность избавиться от надоевшей супруги [4, с. 68]. Именно так произошло с бывшей женой П. И. Ягужинского, которая была заключена в одном из московских монастырей и этим освободила своего мужа для второго брака с А. Г. Головкиной.

Прелюбодеяние в России всегда являлось одной из главных причин развода между супругами. Это вполне разумно и справедливо, учитывая, что в церковном браке прелюбодеяние является даже не столько чем-то недопустимым, сколько невозможным. Если есть духовная сторона супружества, там нет места прелюбодеянию; если совершается прелюбодеяние, то брак сам по себе уже не является единением мужа и жены «в плоть едину», то есть брака по сути уже нет.

Петровскими реформами было отменено жестокое наказание женщин, виновных в прелюбодеянии, развод с неверной женой стал необязательным и оставался полностью в воле обманутого мужа. Стало возможным возобновление по собственному желанию брака после уже совершенного развода. Поводом к разводу стало признано также прелюбодеяние обоих супругов.

Несмотря на все эти меры, неравное отношение к мужчине и женщине, виновным в расторжении брака, сохранялось достаточно долго. Для неверной жены были предусмотрены следующие духовные и светские наказания: епитимья сроком от семи до пятнадцати лет, содержание в монастыре, вплоть до пожизненного срока, не связанное с пострижением в монашество; направление на работу на прядильный двор (часто заменяемое ссылкой в Сибирь), ссылка в приданные деревни с обязательством «быть там до самой кончины без выхода», ссылка в «вечную работу», которая иногда заменялась ссылкой в приданные деревни; наказание плетью, предшествовавшее пожизненному содержанию в монастыре. Также жене, виновной в разводе по прелюбодеянию, запрещалось носить фамилию мужа. Мужья, виновные в разводе по прелюбодеянию, поручались «смотрению отцов их духовных» [6, с. 28].

Доказать вину в прелюбодеянии можно было с помощью показаний двух-трех свидетелей. Конечно, на практике не обходилось без подкупа и злоупотреблений. «Суд был вправе подвергнуть виновного тюремному заключению на срок от трех до восьми месяцев, а его партнера на два-четыре месяца, если он был холост, и на срок четыре-восемь месяцев, если он состоял в браке. Одновременное возбуждение уголовного дела и дела о разводе не допускалось: развод считался наказанием, а за одно и то же преступление лицо не могло подвергаться наказанию дважды. У невиновного супруга оставалось право выбора между уголовным преследованием прелюбодея и сохранением брака в одном случае и разводом – в другом. Виновному в прелюбодеянии супругу после развода разрешалось вступить в новый брак только после церковного покаяния» [6, с. 28].

Сохранялись также определенные ранее поводы к разводу супругов, такие как потеря рассудка одним из супругов, неспособность к брач-

ному сожителству, бесплодие жены. Новым и нетипичным для православной России стал развод по обоюдному согласию супругов. «Подобное явление, существовавшее в конце XVII – начале XVIII века, зафиксированное в многочисленных исторических источниках, напрямую может свидетельствовать об утрате церковью своих полномочий в сфере семейно-правовых отношений» [3, с. 73].

В каждом случае задачей Церкви было не только документально подтвердить действительность или недействительность брака, но создать условия, при которых брак, объявленный законным, продолжал существование не фиктивно, а реально. Это было трудно, поскольку к тому времени каждый из супругов уже мог иметь рядом другого человека, более любимого, чем оставленный.

В XVIII веке встает вопрос о том, может ли человек вступить в новый брак, имея семью за рубежом. Многие военнопленные, оставаясь в России, имели желание вступить здесь в брак. Также широкое распространение имело двоемужие в среде простых крестьянок, чьи мужья уходили воевать. Не получая долгое время известий от своих мужей и считая их погибшими, женщины вновь выходили замуж. Синод постановил незаконным вступать в брак, пока не получено подлинное свидетельство о смерти пропавшего без вести супруга. Этот вопрос рассматривался наряду с бигамией – заключением второго брака без формального развода первого, которое было достаточно широко распространено в то время. В каждом отдельном случае решение зависело от многих факторов: иногда признавался законным первый брак, если поводы к разводу все же были, то второй [6, с. 30].

Серьезным поводом к разводу могла стать потеря невестой невинности до брака. В народной среде издавна было очень серьезное отношение к сохранению невестой целомудрия. Девушка, сохранившая девство до брака, приносила почет и уважение не только родителям, но и всему роду, и, наоборот, уличенная в блуде невеста покрывала позором свою семью. При этом на целомудрие жениха обращать внимание было не принято.

Однако подобная практика существовала не везде. Например, «у поморов женщина с добра-

ным ребенком имела больше шансов выйти замуж, так как она доказала свою способность рожать здоровых детей» [5, с. 154].

Церковь с позиций христианской морали рассматривала потерю девственности как позор для невесты и ее родителей. Церковь призывала к сохранению целомудрия и мужчин, и женщин, но с точки зрения церковного закона потеря невинности не имеет каких-либо юридических последствий.

В Российской империи не было единого для всех сословий законодательства о браке. Регистрация браков и развенчание находилось в юрисдикции Церкви, эти вопросы рассматривались с позиций церковных канонов, согласно которым развод не является чем-то допустимым и возможным. Поэтому каждый случай церковного развода представляет собой своего рода исключительное явление. Трудности возникали также, когда заключались межконфессиональные браки. В таких случаях каждый из супругов попадал под действие законов своего вероисповедания.

Следует также отметить, что и высшие, и низшие сословия рассматривали брак больше с утилитарно-практической точки зрения, но мотивы у них были при этом совершенно разные. Представители высших сословий заключали обычно династические браки. При таком подходе не имели большого значения возраст, внешность и даже здоровье жениха или невесты. Важно было объединить состояния, породниться с древним родом, приобрести движимое или недвижимое имущество. При этом часто нарушались законы Церкви, например, недопустимой считалась разница в возрасте супругов более чем в семь лет. Однако из истории и литературы мы видим, что в дворянской среде жених мог быть старше невесты на двадцать лет и более. Такой брак далеко не всегда заключался по обоюдному согласию сторон. И, как следствие этого, случаи супружеской неверности среди русского дворянства не были редкостью. Вся русская классическая литература начиная с XIX века так или иначе повествует о семье и семейных проблемах того времени.

В среде русского крестьянства брак имел решающее значение для элементарного выживания человека. Женщине практически невозможно и неприлично было проживать в одиночестве, если

она не вдова. Поэтому ей был необходим муж — здоровый, сильный, не пьяница, способный стать во главе семьи. Именно на эти качества обращали внимание родители, выдавая замуж своих дочерей. При женитьбе сына будущую невестку подбирали здоровую, из крепкой работающей семьи, скромную, послушную и, главное, трудолюбивую, «ведь после замужества ей приходилось брать на себя все домашнее хозяйство, воспитывать детей, ухаживать за скотиной, работать в огороде, поле. У “непряхи” и “неткахи” было намного меньше шансов выйти замуж, чем у искусной рукодельницы» [7]. Эти качества жениха и невесты определяли успешность их дальнейших семейных отношений. В среде крестьянства, за исключением отдельно взятых регионов, о которых упоминалось выше, при заключении браков более последовательно соблюдались церковные правила. Возраст жениха и невесты обычно отличался незначительно. Однако были широко распространены случаи предварительного сговора, когда могли обручить даже детей 10–11 лет. Народная свадьба, которая практиковалась наряду с венчанием, изобиловала полужыческими обрядами, иногда унижительными для молодых. Желания жениха или невесты вступить в брак обычно не спрашивали.

В русских народных песнях поэтически отражены чувства, которые испытывали люди в различные периоды жизни: перед сватовством («Матушка, матушка, что во поле пыльно?»), на свадьбе («Куковала кукуша в садочку»), при потере супруга или супруги. Многие из этих песен исполнены печали. Народная жизнь была трудной, счастье и достаток крестьянской семьи зависели и от помещика, и от погоды, и от здоровья детей. Но в конечном итоге русский человек понимал, что жизнь его целиком и полностью зависит от Бога. Поэтому семейные отношения в крестьянской среде в целом были относительно здоровыми, в их основе лежали христианские ценности, такие как терпение, смирение, доверие, любовь.

Подведем итоги. Культурная революция, которую принесли Петровские реформы, расколола российское общество. В XVIII–XIX веках этот процесс расслоения ускорился. Слово «французский» в дворянской среде постепенно становится

синонимичным слову «культурный». Именно тогда создавалась почва для разделения общества на два оппозиционных круга, которое окончательно произошло в XIX веке.

Моральные нормы становились все более размытыми, христианские ценности переосмыслились или ослабевали в своей действенности. На уровне семейных отношений это выражалось во все большей разобщенности между родными людьми, желании во что бы то ни стало сохранить лишь внешнюю благопристойность, проникновении в семью различных пороков.

Если обратиться к классической русской литературе, то можно подробно проследить постепенный отход традиционных христианских ценностей во всех сферах. Нагляднее всего это падение нравов было заметно в семейной жизни привилегированных сословий. Произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и других русских классиков рисуют нам реальную картину жизни русского общества.

Однако в большей мере это относится к верхним и средним слоям российского общества. В низовой, народной среде ситуация была несколько иной. Заключение брака по благословению родителей оставалось традиционной формой жизни. Жених и невеста зачастую видели друг друга первый раз лишь при сватовстве или на венчании, но, в отличие от дворянства, не было традиции выдавать юных девушек за богатых и знатных старцев. К выбору жениха для своей дочери или невесты для сына родители подходили с другой стороны. Предпочтительными качествами являлись христианские добродетели, трезвый образ жизни, физическая и моральная устойчивость. Показателем этих качеств являлась семья предполагаемого жениха или невесты. Деревенская девушка видела свой путь, свое предназначение в браке с хорошим человеком, в рождении детей, в трудах и молитвах. Христианские основы брака сохранялись практически неизменными в среде простого народа, хотя, как и прежде, бытовали и некоторые языческие традиции и обычаи.

В вышесказанном, на наш взгляд, нет никакой идеализации крестьянства. Французский аристократ Астольф де Кюстин посетил Россию в 1839 году и тогда же издал свои впечатления в знаменитой книге «Россия в 1839 году». Им-

перскую столичную аристократию он представил весьма негативно, за что и обрел у нее славу «руссофоба». Зато многие восторженные страницы де Кюстин посвятил русскому крестьянству, его практической умелости, музыкальной одаренности (многоголосное пение) и другим позитивным качествам. А наблюдал он Русский Север, который, как известно, не являлся крепостным. Хотя проецировать его наблюдения можно и на Зауралье, где русский крестьянин также не знал крепостного права.

Негативная трансформация семейной и брачной народной нравственности наблюдалась в среде крестьянских переселенцев в промышленные города – в связи со сменой экономической деятельности в последней трети XIX – начале XX века. Крупный город, заводы и фабрики, спиртное не лучшим образом воздействовали на нравственность, бытовое поведение рабочих – недавних крестьян, обитателей сел и деревень. Но эта тема чрезвычайно обширна и требует отдельного рассмотрения.

Литература

1. Иванская И. В. Причины появления и распространения французской культуры в России в эпоху Петра I // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 5, № 23. – С. 42–47.
2. Иванская И. В. Французский этикет и русское общество эпохи Петра Первого // История и культура. – 2009. – № 7. – С. 94–98.
3. Козлова О. А. Расторжение брака в России во времена Петра Великого. Юридический аспект изучения вопроса в сфере гендерных исследований // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 1–6. – С. 66–77.
4. Македонская В. А., Швец Т. Д. Семейные ценности и брак: история и современные реалии // Образование личности. – 2015. – № 1. – С. 63–72.
5. Михалева А. Целомудрие как духовно-нравственная категория в традиции русской культуры // Аналитика культурологии. – 2011. – № 2. – С. 154–157.
6. Нижник Н. С. «Женитьба есть, а разженитьбы нет»: о проблеме расторжения брака в Российской империи // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2012. – Т. 53, № 1. – С. 27–33.
7. Рябцев Ю. С. История русской культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/rya/bts/ev/5.htm> (дата обращения: 09.08.2019).

References

1. Ivanskaya I.V. Prichiny poyavleniya i rasprostraneniya frantsuzskoy kul'tury v Rossii v epokhu Petra I [Causes of the emergence and spread of French culture in Russia in the era of Peter I]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia]*, 2006, vol. 5, no. 23, pp. 42-47. (In Russ.).
2. Ivanskaya I.V. Frantsuzskiy etiket i russkoe obshchestvo epokhi Petra Pervogo [French etiquette and Russian society of the era of Peter the Great]. *Istoriya i kul'tura [History and Culture]*, 2009, no. 7, pp. 94-98. (In Russ.).
3. Kozlova O.A. Rastorzhenie braka v Rossii vo vremena Petra Velikogo. Yuridicheskiy aspekt izucheniya voprosa v sfere gendernykh issledovaniy [Divorce in Russia during the time of Peter the Great. The legal aspect of studying the issue in the field of gender studies]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii [Modern trends in the development of science and technology]*, 2016, no. 1-6, pp. 66-77. (In Russ.).
4. Makedonskaya V.A., Shvets T.D. Semeynye tsennosti i brak: istoriya i sovremennye realii [Family values and marriage: history and modern realities]. *Obrazovanie lichnosti [Personality education]*, 2015, no. 1, pp. 63-72. (In Russ.).
5. Mikhaleva A. Tselomudrie kak dukhovno-nravstvennaya kategoriya v traditsii russkoy kul'tury [Chastity as a spiritual and moral category in the tradition of Russian culture]. *Analitika kul'turologii [Analytics of Cultural Studies]*, 2011, no. 2, pp. 154-157. (In Russ.).
6. Nizhnik N.S. "Zhenit'ba est', a razzhenit'by net": o probleme rastorzheniya braka v Rossiyskoy imperii ["There is marriage, but there is no marriage": on the problem of divorce in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the MIA of Russia]*, 2012, vol. 53, no. 1, pp. 27-33. (In Russ.).
7. Ryabtsev Y.S. *Istoriya russkoy kul'tury [History of Russian culture]*. (In Russ.). Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/rya/bts/ev/5.htm> (accessed 09.08.2019).

КРЕСТЬЯНСТВО КАК СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ФОРМА ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЯН

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Латышев Андрей Адрианович, исследователь (г. Кемерово, РФ). E-mail: latyshev-andrey@mail.ru

Изменение цивилизационной модели России во втором десятилетии XX века направило вектор её существования в сторону разложения многовековой этногосударственной системы. Причины этого процесса лежат в ликвидации устоявшихся этнокультурных форм производственного и поселенческого уклада, адекватных природно-климатическим условиям обитания и габитусу индивидуальности русского человека. Русская семья утратила свойства фрактала, а индивид – исторически обусловленную эвристичность мышления и поведенческие навыки самоорганизации в освоении территорий жизнеобеспечения. Остановить процесс разложения российской нации невозможно в условиях господствующего уклада коллективистской, массовидной индустриальной культуры производственной и поселенческой жизнедеятельности. Однако социальные практики советского прошлого и первых десятилетий постсоветского времени показали, что крестьянство как аутентичная форма мелкого сельского хозяйствования не утратило цивилизационной актуальности. Потребительско-товарное сельское хозяйство сегодня является одним из возможных способов восстановления этногенетических свойств личности и её семьи – посредством самоорганизации производственно-поселенческой среды обитания. Таким образом, данный тип хозяйствования можно рассматривать как значимый инструмент освоения новых пространств и способов жизнеобеспечения.

Авторы полагают, что придание потребительско-товарному аграрному хозяйствованию и личному подсобному хозяйству (ЛПХ) как его современной культурной форме статуса значимого укладового сегмента позволит российскому обществу преодолеть состояние неопределенности, восстановить атрибуты динамично развивающегося общества: детородную активность семьи, эффективность экономики, эвристический характер национальной хозяйственной культуры. В статье содержатся обоснование и конкретные предложения реализации предлагаемой идеи. Особое внимание уделяется культурной специфике хозяйствования россиян.

Ключевые слова: жизнеобеспечение, конкурентоспособность, крестьянство, кризис, крестьянская семья, культурная форма семьи, национальная безопасность, фрактал.

THE PEASANTRY AS A MODERN CULTURAL FORM OF THE PRODUCTION AND VILLAGE ORGANIZATION OF THE RUSSIANS

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Theology and Religious Studies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Latyshev Andrey Adrianovich, Researcher (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: latyshev-andrey@mail.ru

The change in the civilizational model of Russia in the second decade of the 20th century directed the vector of its existence towards the decomposition of a centuries-old ethno-state system. The reasons for this process lie in the elimination of established ethnocultural forms of production and settlement, adequate to the

natural and climatic living conditions and habitus of individuality of a Russian person. The Russian family lost the properties of the fractal, and the individual lost the historically determined heuristic thinking and behavioral skills of self-organization in the development of life support territories. It is impossible to stop the process of decomposition of the Russian nation in the conditions of the prevailing order of the collectivist, massive industrial culture of production and settlement activities. However, social practices of the Soviet past and the first decades of the post-Soviet era showed that peasantry, as an authentic form of small-scale farming, did not lose its civilizational relevance. Consumer-commodity agriculture today is one of the possible ways to restore the ethnogenetic properties of the individual and his family through self-organization of the production and settlement environment. Thus, this type of management can be considered as a significant tool for the development of new spaces and ways of life support.

The authors believe that giving the consumer-commodity agricultural management and private household plots, as its modern cultural form the status of a significant laying segment, will allow Russian society to overcome the state of uncertainty and restore the attributes of a dynamically developing society: reproductive activity of the family, economic efficiency, heuristic nature of the national economic culture. The article contains the rationale and specific proposals for the implementation of the proposed idea. Particular attention is paid to the cultural specifics of the Russian household.

Keywords: livelihoods, competitiveness, peasantry, crisis, peasant family, cultural form of the family, national security, fractal.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-157-167

«Коллапсаром» современного российского общества, ведущим его государственность если не к новым потрясениям, то, определенно, к большему неустройству, на взгляд авторов, является ментальная и поведенческая специфика значительной части населения страны. Во всех сегментах социальной жизни на индивидуальном уровне отчётливо просматривается набирающая силу «война всех против всех». Высокая частота проявления немотивированной личностной агрессии в социальных средах свидетельствует о том, что смысловой инструментарий управления повседневной деятельностью личности утрачивает свою значимость и на смену ему приходит инстинкт как регулятор её поведения. Генерация социальной агрессии обусловлена, в частности, феноменом «выученной беспомощности», сложившимся в поведении индивида за годы советского социально-политического и хозяйственного уклада. Роли социальных групп, конечно, разные. Одни безудержны в криминальном или легальном ограблении соотечественников, другие – в восхвалении сталинизма, который полагается символом побед и благоденствия, как некий инструмент мести за их злоключения, аналог меча, карающего виновников их личностных неустойств.

Политическое же руководство страны пытается в социологических парадигмах индустриальной эпохи найти способы благоустройства Отечества.

Внимательный наблюдатель и живой свидетель советской реальности в фактографии наших дней вполне отчетливо обнаружит феномен «петли времени» в виде повторяющихся социальных практик прошлого столетия и воспроизводство их архитипических носителей. Сложившаяся ситуация опасна, ибо цивилизационной альтернативы монополистическому капитализму и казарменному социализму, уродливо переплетающихся смысловыми конструкциями в медийном пространстве массовых коммуникаций, пока не просматривается. Это положение выглядит особенно тревожно в условиях беспрецедентно нарастающей внешней военной угрозы на российских государственных границах. Русский солдат умеет воевать, он ловок и талантлив в военном деле, но «стальная щетина» ружейных штыков – это сегодня необходимый, но далеко недостаточный инструмент в обеспечении безопасности и сохранении суверенитета страны. Стратегическую конкурентоспособность национально-государственной системы, на наш взгляд, обеспечивает также качественное состояние человеческого индивида в этнокуль-

турном формате его семьи. Семья – социально-биологический продуцент личности, культуры, государства и одновременно – социально-средовый институт, реализующий социализацию личности, задающий жизненные интенции и поведенческие тактики, носитель этнокультурной традиции. Главное же состоит в том, что семья является индикатором общего состояния нации, показателем её разложения или, наоборот, динамичного продуктивного развития.

Потенций сохранения этнических сообществ обладают не все семейные ячейки в равной степени. Простые эмпирические наблюдения позволяют сделать заключение, что современные типы семей не обладают свойством воспроизводства самоподобия по структурным, деятельностным, этническим основаниям, способам организации производственной и поселенческой среды. В проектах организации жизни молодых людей нет места их родителям, таким образом, происходит физический и смысловой прерыв истории, начала и продолжения жизни человеческой индивидуальности. Разрушение межпоколенных связей не могут заменить ни профессиональные, ни жилищные, досуговые связи, как и бизнес-интересы, ибо все они в жизни индивида носят ситуативно-временный характер.

Блокирование генерации кризиса российского общества возможно, на наш взгляд, через смену культурной формы семьи на уровне ее субъектных носителей. Решение этой задачи состоит, в частности, в поиске семейной парадигмы, обладающей свойством универсальности природных объектов и, следовательно, подчиняющейся всеобщим законам природы. Рабочим концептом в этом смысле нам представляется феномен фрактала – множества, обладающего свойством воспроизводства самоподобия и размерности его структурных элементов. Этнические сообщества как совокупности семей обладают свойствами фрактала, размерность которого задаёт человеческая индивидуальность, формирующая под себя производственно-поселенческую среду своей семьи. Из всех возникающих совокупностей человеческих индивидов крестьянская семья в наибольшей мере обладает свойством фрактальной единицы, что обусловлено физическими, трудовыми возможностями человеческого тела. Нормы

естественного права восточных славян в определении размеров участка землевладения семьи фиксировала этот факт в смысловой конструкции «куда соха, коса и топор ходили» [7, с. 299].

Крестьянская семья обладала системообразующим свойством, отличающим её от других существующих совокупностей человеческих индивидов. Это не биологическое инстинктивное выживание особи, не стремление к саморазвитию личности в тех или иных формах деятельности высоких антропоцентричных культур (например, древние греки), или в наше время – успешная банковская карьера индивида. Это, прежде всего, осмысленное продуцирование и сохранение человеческой жизни посредством производства средств жизнеобеспечения. Пограничные феномены с неопределённостью доминирующего основания возникновения и сохранения семьи, конечно, существуют, но не о них речь. Признаком, отличающим крестьянскую семью от семьи фермера, шахтёра, врача, учителя, офисного клерка, организатора и владельца бизнеса в любой отрасли деятельности является деятельностно-смысловой алгоритм – небольшая цепочка:

- создание смысловой модели потребления, что предполагает разработку материальной модели технологии и средств производства необходимых объектов;

- трудовое воздействие на природу в технико-технологическом отношении без социальных посредников, венчающее решение задачи опредмечивания своих замыслов по производству средств существования.

Особенность этого, в общем-то, незамысловатого алгоритма состоит в достаточном охвате биосоциального цикла воспроизводства человеческой жизни. Объяснительная модель в форме фрактальной парадигмы, проецируемая на историческую фактографию общества, даёт возможность обнаружить характер взаимосвязей его структурных элементов и степень единства их генезиса. Национально-государственная система сохраняет свою идентичность лишь при условии, если семья как предельно малая единица этноса адекватна пространственно-климатической специфике территории его обитания, а этнокультурные формы производственно-поселенческой организации семьи генерируют гомогенные аттракторы

«глубинной человеческой индивидуальности» государствообразующего этноса. В противном случае система начинает деградировать и, в конечном итоге, распадаться. Генерацию кризиса российского общества сегодня продуцируют монополия крупного индустриального производства, урбанистические поселенческие среды и гомогенные им социальные практики, разрушающие родовую размерность среды обитания человека, активируя, таким образом, угасание уникальной в истории приполярной российской цивилизации.

Национальная безопасность современной России, при наличии уникального природного ресурса и психоинтеллектуального потенциала генотипа «глубинного» русского индивида, весьма уязвима по отношению к деструктивному влиянию двух фантомов цивилизационного устройства (либерализм и марксизм), дискредитировавших себя в истории XX века и пытающихся актуализировать необходимость своего существования за счёт российской нации. Фактографические парадоксы недвусмысленно указывают на генерацию причинности и носителя злослучений современного российского бытоустройства. Приведем объективные данные (табл. 1) [8, с. 6].

Таблица 1

**Соотношение числа миллиардеров
и величины внутреннего валового продукта**

Страна	ВВП (млрд долл.)	Число миллиардеров
Япония	4949	35
Великобритания	2651	53
Франция	2465	40
Россия	1283	102

Отсутствие бизнес-историй семейных кланов российских нуворишей конца XX – начала XXI века говорит о том, что формирование их состояний происходило не в напряжённом процессе поиска организационных форм бизнеса и производственных технико-технологических инноваций, а в результате дележа уже созданных производственных фондов, бизнес-активов и готовой инфраструктуры. Соотношение россий-

ского числа миллиардеров и величина внутреннего валового продукта в сравнении с другими странами говорит, во-первых, о высокой степени финансово-имущественной поляризации населения, во-вторых, об опасной социальной безответственности преуспевающей его части и низкой самоорганизации деловой активности остальной. И первый, и второй феномены есть результат гипертрофированной роли государства в управлении жизнью индивида и господства индустриальных коллективистских форм производственно-поселенческой культуры в годы советского правления, но, пожалуй, главное – это уничтожение этнокультурной традиции хозяйственного уклада крестьянской семьи.

Эмпирические наблюдения социально-средового состояния российского общества позволяют сделать вывод, что из двух проблемных ситуаций российской социальной среды – 1) отсутствия национальных смыслов в проектном мышлении индустриального бизнес-сообщества и 2) индивидуалистических интенций созидания новых форм хозяйственной жизни остальной части русского населения – в генерации кризиса преобладает вторая. Основная, наиболее многочисленная часть населения страны, не продуцируя запросы на самоорганизацию индивидуальной производственной и поселенческой жизни, демонстрирует нарастание недовольства и агрессии, не задумываясь над тем, что с точки зрения цивилизационной эффективности устройства личной (семейной) жизни современный россиянин является, можно сказать, аутсайдером по отношению к своему соплеменнику XVIII–XIX веков. Показателем этого факта является информационный объем, перерабатываемый современным русским и крестьянином царской России в режиме эвристического мышления по оценке и принятию решений во взаимодействии с природной и социальной средой – без социальных и технологических посредников в производстве своего жизнеобеспечения. Эффективность трудовой жизнедеятельности современного работника в смысловом, физическом и цивилизационном измерении заметно ниже жизнедеятельности его пращура. Причина этого – свобода семейно-индивидуального хозяйствования того времени. «Каждый хозяйничает так, как ему нравится; всякий молодец на свой

образец» – говорит о крестьянах Шадринского уезда Пермской губернии исследователь середины XIX века А. Третьяков (цит. по [13, с. 84]).

Институциональным «осколком» деятельности личности дооктябрьской России в современном производственном сегменте является семейное аграрное производство в технико-технологическом формате домохозяйства и юридических рамках личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Феномен ЛПХ в наибольшей степени сохранил ментальную и деятельностную аутентичность русского аграрного работника – то, что сегодня модно называть «глубинным человеком» и что тождественно понятию «габитус личности» [4, с. 16–31], то есть исторически сложившейся, психобиологической её предрасположенности к той или иной форме деятельности. Анализ производственной деятельности личных подсобных хозяйств, динамика их продуктивности в сравнении с другими формами аграрного производства на протяжении XX века и в начале нынешнего, позволяет, как минимум, задать вопрос: исчерпан ли цивилизационный ресурс этого хозяйственного производственного и поселенческого уклада? И насколько актуальна эта форма современного крестьянствования в контексте мобилизационной готовности России в противостоянии внешним и внутренним разрушительным влияниям? Интересные сведения на этот счёт даёт статистика последних 12 лет сталинского правления.

Таблица 2

**Денежный доход семьи колхозника
(в %) [6, с. 23]**

Статья дохода	Годы					
	1940	1946	1948	1950	1952	1953
Весь денежный доход	100	100	100	100	100	100
За работу в колхозе	11,21	2,09	5,02	6,0	13,3	16,6
От ЛПХ	53,53	65,13	49,2	43,5	41,24	39,08

К этому следует добавить: «Коротко о причинах стабильно низкого качества жизни на селе можно сказать так: мало производили, а произ-

веденное отдавали по исключительно низким ценам. Положение усугублялось тем, что, практически ничего не зарабатывая в колхозе, крестьянин значительную часть произведённого в личном подсобном хозяйстве вёз на рынок, чтобы иметь хоть какие-то деньги для уплаты налогов и приобретения товаров, без которых невозможно было обойтись (спички, соль, керосин и др.)» [6, с. 22]. ЛПХ могло быть значительно эффективней, но ему мешал ряд обстоятельств, на которые указывают авторы монографии «Личные подсобные хозяйства в прошлом и настоящем» [6, с. 22–25]. Значительная часть произведённого в ЛПХ отдавалась государству в виде налога, ограничения в площади огорода и числе голов скота не позволяли расширить хозяйство. В больших семьях за счёт использования труда детей и стариков можно было бы иметь подворье больше, но это не решалось.

ЛПХ спасло страну, производя в 1940 году 72 % мяса, 77 % молока, 94 % яиц, 65 % картофеля, 48 % овощей, 12 % зерна [6, с. 24]. Ситуация мало изменилась в последующие годы советского правления. В самое благоприятное время своей истории колхозно-совхозная система уступала в эффективности индивидуальному (семейному) аграрному хозяйствованию. Об этом свидетельствуют неоспоримые факты. В 1974 году, занимая всего 3,1 % посевной площади, личные подсобные хозяйства сосредоточили производство 33 % овощей, 64 % картофеля, 32 % молока, 32 % мяса [17, с. 132–134]. В Кемеровской области в первой половине 1980-х годов доля ЛПХ составляла 31 % от всей валовой сельхозпродукции Кузбасса. В 1985 году ЛПХ Кемеровской области произвели: 33,6 % мяса, 28 % молока, 17 % яиц, 66,8 % картофеля, 28,8 % овощей [9, с. 39–49]. Эти результаты были достигнуты хозяевами ЛПХ вне основного рабочего времени. При этом колхозно-совхозные аграрные предприятия пользовались бесплатным трудом горожан, полной оснащённостью сельскохозяйственной техникой, обеспеченностью горюче-смазочными материалами (ГСМ) и другими экономическими и политическими возможностями монополиста.

В экстремальных условиях 1990-х – начале 2000-х годов ЛПХ вновь проявили высокий иммунитет к деструктивным влияниям цивилизационного разлома [6, с. 56].

Таблица 3

Сравнение двух форм хозяйствования

Форма хозяйствования	Площадь с/х угодий, млн га	Производство валовой с/х продукции, млрд руб. (факт. цены)	Доля форм хозяйствования в с/х угодиях в %	Валовая сельхозпродукция, %	Выход валовой продукции с 1 га с/х угодий
Крупные сельхозпредприятия	161,6	244,4	81,9	40,3	1,5
Личные подсобные хозяйства	5,6	346,7	2,8	57,2	61,9

Личные подсобные хозяйства, имевшие 2,8 % земли, давали 57,2 % продовольствия, а крупные аграрные предприятия на 81,9 % земли произвели 40,3 % сельхозпродукции. Эффективность использования гектара земли ЛПХ выше в 41 раз [6, с. 56].

Сегодня история повторяется, хотя появились новые детали в развитии производственного технико-технологического диапазона ЛПХ и тревожные сигналы в динамике их продуктивности, о чём говорит, например, статистика Кемеровской области за 2015–2018 годы.

Таблица 4

Урожайность сельскохозяйственных культур с убранной площади по категориям хозяйств в 2018 году (центнеров с 1 га) [18]

С/х культуры	Хозяйства всех категорий	Сельскохозяйственные организации	КФХ и ИП	Хозяйства населения
Зерновые и зернобобовые культуры	18,7	18,5	18,8	19,5
Картофель	177,3	246,3	165,7	158,2
Овощи открытого грунта	240,4	307,0	179,7	224,3

Сравнивая урожайность зерновых современных хозяйств, уместно вспомнить производственные практики сибирских крестьян середины XIX века. Наши соседи – крестьяне Минусинского округа Енисейской губернии – добивались просто фантастических результатов. Н. А. Миненко в монографии «Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века» приводит свидетельства Г. Пейзына, автора работы «Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении», вышедшей в свет в 1858 году: «Более зажиточные крестьяне в последнее время стали получать Земледельческую газету и по наставлениям её выписывают семена из России; выписанные семена озимовой ржи и некоторых яровых хлебов дали в здешней почве урожай сам 54 и более. Но таких хозяев так мало, что примером своим они пока не могут иметь никакого влияния на массу сельского населения» [13, с. 85]. Чтобы была понятна причина удивления авторов настоящей статьи приведённому факту, сделаем пояснение. Норма высева злаковых культур составляет от 1,5 до 2,7 центнера на 1 га посевной площади [15]. Единица измерения урожайности «сам» вычисляется отношением нормы высева к урожаю, полученному с одного гектара, или отношением посеянного зерна к количеству собранного. Таким образом, урожайность современных хозяйств составляет примерно сам-10, а сбор зерна сибирскими зажиточными крестьянами в середине XIX века составлял от 101 до 145 центнеров с одного гектара. Сведения о высоких урожаях зерновых на подсеке (сам-25 – 40, даже сам-60 и сам-80 в Северо-Западной России в XVIII веке) приводят авторы коллективной монографии «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века» [1, с. 261]. Оценка приведённых фактов ведет к однозначному выводу: системный ресурс крестьянского хозяйственного уклада дооктябрьской России имел огромный цивилизационный потенциал.

Вернемся к рассмотрению производственных активов хозяйств населения нашего времени, в частности, Кемеровской области.

**Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств
Кемеровской области [16]**

Категории хозяйств	В фактически действовавших ценах, млн руб.				Индексы производства продукции с/х (в сопоставимых ценах: в % к предыдущему году)			
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018
Хозяйства всех категорий	48395	48525	48028	45844	102,4	98,2	101,5	98,1
Сельскохозяйственные организации	24470	24349	24439	23948	107,6	1000,0	105,0	100,1
Хозяйства населения	18424	18036	17336	16085	95,9	95,1	91,2	94,0
КФХ и ИП	5501	6140	6253	5811	107,1	100,8	118,5	101,8

Данные за 2018 год предварительные.

Статистические данные свидетельствуют, что личные подсобные хозяйства уверенно занимают второе место по объёмам производства, оставаясь в наихудших условиях по технической оснащённости и инвестированию в своем технико-технологическом развитии. С 2015 года хозяйствами ЛПХ Кемеровской области освоено производство зерна и зернобобовых культур.

Приведенная фактография противоречит весьма распространенной идее умирания мелкого сельского хозяина с его аутентичной природой потребительско-товарного целеполагания семейного производства. Эта идея уходит корнями в марксистскую парадигматику. В небольшой работе 1872 года «Национализация земли» К. Маркс пишет: «Все современные методы, такие как орошение, дренаж, паровой плуг, химические продукты и т. п., должны широко применяться в сельском хозяйстве. Но научные познания, которыми мы обладаем, и технические средства ведения сельского хозяйства, которыми мы располагаем, такие как машины и т. п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе» [11, с. 77–78]. Реальная история мирового аграрного производства оказалась разнообразнее представлений классика, чьи суждения были чрезмерно категоричны. Всё бы

ничего, мало ли, что писали в XIX веке. Однако логика марксистских парадигм, вопреки фактологии жизни, к сожалению, жива в современных концептуальных построениях.

В статье 2013 года М. Н. Мухановой «Производственная деятельность и типы сельских домохозяйств (на примере личных подсобных хозяйств)» читаем: «...ограниченность финансовых, материально-технических, профессиональных знаний и навыков у селян затрудняет доступ к ключевым ресурсам на селе и лимитирует масштабы хозяйственной деятельности сельских домохозяйств... В своем нынешнем виде ЛПХ не могут быть опорой рыночной экономики на селе и тем более выступать производителем инновационного агропродукта, поскольку по мере роста диверсификации источников дохода сельских домохозяйств происходит снижение экономической роли ЛПХ как основного источника дохода в большинстве сельских домохозяйств» [14, с. 103].

В наших предыдущих публикациях 2015 и 2017 годов мы отвечали на оценки, аналогичные суждениям М. Н. Мухановой. Коротко напомним:

- крестьянствующий индивид имеет возможность во всей деятельности полноте производства средств жизнеобеспечения семьи реализовывать свои родовидовые свойства – продуцирование замыслов и их воплощение в пространственно-

предметной среде, локализованной физическими возможностями семьи, чем объективно обуславливается институт личной собственности, так как персональная природа замысла индивидуализирует пространственно-предметную среду, в которую он воплощён [10, с. 151];

- в организации аграрного производства технологически и экономически в наибольшей мере оправдана индивидуально-семейная форма, поскольку биологические свойства объекта аграрного труда делают коллективное аграрное производство экономически бессмысленным или экологически опасным [10, с. 154–157];

- габитус русского человека – его предрасположенность к индивидуальному, пространственно-локализованному производственному труду и способу поселенческого обитания в силу своей биологической природы имеют весьма низкую временную динамику эволюционных изменений, что для истории человеческого этноса означает характер константности [10, с. 152–154];

- наконец, традиционный социально-средовый характер русской крестьянской общины продуцирует человеческую индивидуальность, способную в современной и последующей истории обеспечить динамичное развитие и конкурентоспособность русского этноса, сохранение им своего государства. Русское «большое пространство» – это пока наш основной ресурс для сохранения страны [12, с. 13–22].

И здесь возникают вопросы, требующие аргументированного ответа. В чём состоит цивилизационная несостоятельность потребительского характера аграрного производства индивида, его семьи? Чем в социально-цивилизационном смысле плоха низкая товарность семейного сельскохозяйственного производства? Высокая товарность агрохолдингов и крупных фермерских хозяйств вовсе не повышает покупательную способность семей наших соотечественников, тогда как ЛПХ делает основные продукты питания вполне доступными для многих. И чем плох реципрокный обмен (обмен натуральными продуктами или услугами, минуя денежные отношения)? Авторы полагают, что как раз современные массовидные, коллективистские культурные формы организации производственной и поселенческой среды

своей неадекватностью биоинтеллектуальной размерности человеческого индивида разрушают природу его семьи, генерируют многофакторную причинность глобальной цивилизационной катастрофы. Следует обратить внимание и на родовую черту марксистской методологии, о которой ещё в 1906 году в статье «Карл Маркс как религиозный тип» писал С. Н. Булгаков [3, с. 314–315]. Наши оппоненты дают оценку традиционной производственной, поселенческой форме, выносят приговор конкретной социальной группе живых людей – ее носителей, не говоря ни одного слова об их родовидовой природе, их традиционной этнической культуре.

Ради чего они должны умереть? А умереть они, конечно, могут и вот почему. По данным Счетной палаты, на поддержку села выделяется более 200 млрд рублей, от 80 % до 92 % этих средств направляется агрохолдингам, которые контролируют 22 семьи агроолигархов [2, с. 9]. Система крупного аграрного индустриального производства в технологическом отношении ненадежна, экологически опасна, стимулирует генерацию социальной порочности [5, с. 6], экономически дорогая, с гарантированной нерентабельностью, о чем свидетельствует ее банкротство 2014 года [2, с. 9]. Крупное индустриальное аграрное производство занимает свою нишу в агропромышленных комплексах развитых стран, и его судьбу решит время. В России же сегодня необходимо стремиться к формированию сбалансированного соотношения всех форм сельского хозяйствования, ибо у каждой ее культурной формы свои социальные функции, непересекающиеся друг с другом. В силу этого обстоятельства, в разных приоритетных статусах, в разной степени определяют родовую специфику культурно-исторического типа русского этноса и его историческую судьбу.

Можно долго говорить о технологической перспективности агрохолдингов, манипулируя массивами чисел и примерами мировой аграрной практики, но при этом, ответим ли мы на вопрос о причинности обвального опустения российских деревень, а ведь основаны они были русскими крестьянами по своей инициативе, на свой страх и риск. Правобережная тайга реки Томь

была усеяна заимками и деревеньками сибирских крестьян. Где они сейчас, чем они были плохи? Возможно ли сегодня повторить опыт сибирских старожилов, их производственную самоорганизацию, поселенческую адаптивность, семейную многодетность – столь жизненно необходимые в обеспечении государственной безопасности сегодняшней России? Совершенно очевидно, что современное российское общество в годы советских социально-практических конфузий утратило этнокультурный инструментарий самоорганизации индивидуального освоения новых территорий, новых жизненных пространств в виде производственно-поселенческой культурной формы статусно свободной, единоличной крестьянской семьи. Поэтому мелкое сельское хозяйство потребление потребительно-товарного типа в нынешней ситуации необходимо рассматривать в ином методологическом ракурсе, нежели прежде. Крестьянство в юридическом формате ЛПХ – это, прежде всего, институт, продуцирующий нового русского человека. Усадебное же домохозяйство есть аутентичная производственно-культурная основа его существования. Домохозяйство мелких сельских хозяйств, крестьянство следует рассматривать, в первую очередь, как социально-средовый кластер – объект конвергентного научного исследования, а не только как архаичного производителя сельхозпродукции.

Недооценка глубины и существа проблемы разрушения российских деревень вызывает опасение за судьбу новой госпрограммы развития села до 2025 года, предусматривающей 1,38 трлн рублей финансовых вложений (см. [5, с. 6]). Строительство школ, больниц, клубов, безусловно, – совершенно необходимая мера, но учиться, поправлять здоровье, проводить досуг должен человек, живущий и работающий в деревне. Опустошение, обезлюдение российских деревень и сёл началось не сегодня и не вчера, а с периода коллективизации. Иначе говоря, социальные учреждения не являются системообразующими общественными институтами производственно-поселенческой среды. Российское сельское население в значимом масштабе может вернуться скорее в деревню-одноворку, заимку, хутор. Ибо только своя земля, свой дом, семейное усадебное

производство на этой земле, суверенность владения и управление их строительством и развитием тысячелетиями являлись мощными аттракторами человеческой индивидуальности. Культура производства мелких сельских хозяйств требует особой технической комплектации, которую современный рынок малогабаритной автотракторной техники и адекватных ей сельхозмашин предлагает в полной мере, то же можно сказать об индивидуальном домостроении. Может, проще государству возродить практику царского правительства по стимулированию крестьянского производства [12, с. 18–20], чем взирая на якобы исторически обусловленное умирание и опустение русских деревень?

Мелкое сельское хозяйство, при условии придания ему статуса значимого института приоритетного развития, позволит российскому обществу решить ряд актуальных проблем, угрожающих его стабильности и понижающих национальный иммунитет к внутренним и внешним деструктивным влияниям.

ЛПХ фокусирует интенции индивида на производственной деятельности в своём домохозяйстве, эффективность которого, с совершенной очевидностью, зависит от его интеллектуальных и физических усилий. В силу этого обстоятельства, эвристическое внимание хозяина будет занято поиском совершенства в устройстве пространства, локализованного рамками его усадебного производства и жилищно-поселенческой среды, а не поиском персонифицированных источников его жизненного неустройства.

Усадебное домохозяйствование – это оплачиваемая трудовая занятость, которая явится нравственным и экономическим амортизатором ощущения ущербности, нанесённой населению последней пенсионной реформой. Значительная часть россиян, не занятых сегодня в производстве, получит возможность производить дополнительные средства жизнеобеспечения.

Поведем итоги. Крестьянство и в современных условиях может выступать как производственно-поселенческая культурная форма, которая содержит в себе социально-статусный лифт на основе самоорганизации жизнедеятель-

ности индивида, являясь, таким образом, мягким адаптером её перехода от массовидных коллективистских форм деятельности к свободному поиску её оптимизации в контексте этнокультурной традиции. Таким образом, мелкое сельское потребительско-товарное хозяйствование может явиться эффективным инструментом настроек внутреннего социально-экономического баланса нации.

Первыми практическими шагами возрождения мелкого сельского хозяйствования в формате традиционного русского крестьянствования, по убеждению авторов, должно быть формирование экспериментальных точек реанимации крестьянской укладовости. А именно – строительство пилотных заимок и деревень-однородок с одновременным исследовательским поиском их производственной технико-технологической и

поселенческой оптимальности и последующего внедрения в социальные практики наших соотечественников. Носителями нового типа крестьянствования, по мнению авторов, может явиться значительная часть городского населения, которая уже сегодня заполняет сельские предместья российских городов индивидуальными (семейными) домохозяйствами, реанимируя их традиционные формы на новой технико-технологической основе. В настоящее время требуется концептуально осмысленная реальная государственная поддержка этого движения, организация хотя бы некоторого количества экспериментальных кластеров (как инструментов повышения инновационности и конкурентоспособности хозяйствующих структур), нацеленных на реанимирование традиционного российского земледельческого хозяйствования.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века. – Л.: Наука, 1971. – 402 с.
2. Боженко Р., Сычёва Л. Село в руках агроолигархов. Фермер о том, почему растут цены на продукты // Аргументы и факты. – 2018. – № 44. – С. 9.
3. Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип // Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – С. 310–342.
4. Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.
5. Гурдин К. Спасательный круг для села // Аргументы недели. – 2019. – № 18 (662). – С. 6.
6. Казарезов А. И., Рассказов А. Н. Личные подсобные хозяйства в прошлом и настоящем. – М.: Росинформ-агротех, 2002. – 172 с.
7. Ключевский В. О. Соч.: в 8 т. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1957. – Т. 2. – 468 с.
8. Костиков В. Кто там шагает правой?левой!левой! // Аргументы и факты. – 2018. – № 19. – С. 6.
9. Кузбасс на марше XI пятилетки. К XX обл. парт. конференции. – Кемерово: Кн. изд-во, 1986. – 103 с.
10. Латышев А. А. Аграрный тупик: есть ли выход? Семейное (индивидуальное) трудовое домохозяйствование: основные подходы к исследованию // Идеи и идеалы. – 2015. – № 3 (25). – С. 150–161.
11. Маркс К. Национализация земли // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2-е. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. – Т. 18. – С. 55.
12. Миненко Г. Н., Латышев А. А. Реставрация культуры крестьянского хозяйствования как значимый вектор возрождения России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 38. – С. 13–22.
13. Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989. – 161 с.
14. Муханова М. Н. Производственная деятельность и типы сельских домохозяйств (на примере личных подсобных хозяйств) // Мир России. – 2013. – № 1. – С. 78–105.
15. Нормы высева полевых культур [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agrocounsel.ru/normy-vyseva-polevyh-kultur> (дата обращения: 30.05.2019).
16. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств в 2018 году [Электронный ресурс]. – URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (дата обращения: 30.05.2019).
17. Социальная структура развитого социалистического общества в СССР / М. Н. Руткевич и др. – М.: Наука, 1976. – 224 с.

18. Урожайность сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств с убранной площади в 2018 году [Электронный ресурс]. – URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (дата обращения: 30.05.2019).

References

1. *Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii. Vtoraya polovina XV – nachalo XVI veka [The agricultural history of the North-West of Russia]*. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 402 p. (In Russ.).
2. Bozhenko R., Sycheva L. Selo v rukakh agrooligarkhov. Fermer o tom, pochemu rastut tseny na produkty [Village in hands of the agrooligarchs. The farmer about the growth of grocery prices]. *Argumenty i fakty [Arguments and Facts]*, 2018, no. 44, p. 9. (In Russ.).
3. Bulgakov S.N. Karl Marks kak religioznyy tip [Karl Marx as a religious type]. *Filosofiya khozyaystva [Philosophy of Economics]*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 310-342. (In Russ.).
4. Burdye P. Struktury, habitus, praktiki [Structure, habitus, practices]. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burdye, Giddens, Khabermas [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]*. Novosibirsk, Novosibirsk university Publ., 1995. 120 p. (In Russ.).
5. Gurdin K. Spasatel'nyy krug dlya sela [Lifebuoy for the village]. *Argumenty nedeli [Arguments of the week]*, 2019, no. 8 (662), p. 6 (In Russ.).
6. Kazareзов A.I., Rasskazov A.N. *Lichnye podsobnyye khozyaystva v proshlom i nastoyashchem [Personal households in the past and present]*. Moscow, Rosinformagrotekh Publ., 2002. 172 p. (In Russ.).
7. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 8 t. [Works: 8 volumes]*. Moscow, Gos. izd. polit. lit. Publ., 1957, vol. 2. 468 p. (In Russ.).
8. Kostikov V. Kto tam shagayet pravoy? Levoy! Levoy! [Who's stepping from the right? Left! Left!]. *Argumenty i fakty [Arguments and Facts]*, 2018, no. 19, p. 6. (In Russ.).
9. *Kuzbass na marshe 9 pyatiletki. K XX obl. part. konferentsii [Kuzbass on the march of the XI five-year plan. To the twentieth region. desks conferences]*. Kemerovo, Kn. Izd-vo Publ., 1986. 103 p. (In Russ.).
10. Latyshev A.A. Agrarnyy tupik: est' li vykhod? Semeynoe (individual'noe) trudovoe domokhozyaystvovanie: osnovnye podkhody k issledovaniyu [Agrarian stalemate: is there way out? Family (individual) working household: main approaches to research]. *Idei i idealy [Ideas and ideals]*, 2015, no. 3 (25), pp. 150-161. (In Russ.).
11. Marks K. Natsionalizatsiya zemli [Nationalization of the land]. *Marks K., Engels F. Soch. [Collected Works]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1976, vol. 18, pp. 55-57. (In Russ.).
12. Minenko G.N., Latyshev A.A. Restavratsiya kul'tury krest'yanskogo khozyaystvovaniya kak znachimyy vektor vozrozhdeniya Rossii [Peasant household culture restoration as a meaningful vector of Russia's revival]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2017, no. 38, pp. 13-22. (In Russ.).
13. Minenko N.A. *Budni i prazdniki sibirskoy derevni v XVIII – pervoy polovine XIX veka [Days and holidays of the Siberian village in the 18th – first half of the 19th centuries]*. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. otd-nie Publ., 1989. 161p. (In Russ.).
14. Mukhanova M.N. Proizvodstvennaya deyatel'nost' i tipy sel'skikh domokhozyaystv (na primere lichnykh podsobnykh khozyaystv)[Work and types of the agrarian households (in case of private households)]. *Mir Rossii [World of Russia]*, 2013, no. 1, pp. 78-105.
15. *Normy vyseva polevykh kul'tur [Seeding rates of field crops]*. (In Russ.). Available at: <http://www.agrocounsel.ru/normy-vyseva-polevykh-kultur> (accessed 30.05.2019).
16. *Produktsiya sel'skogo khozyaystva po kategoriym khozyaystv v 2018 godu [Agricultural products by farm categories in 2018]*. (In Russ.). Available at: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (accessed 30.05.2019).
17. *Sotsial'naya struktura razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva v SSSR [Social structure of the developed socialist society in the USSR]*. Ed. M.N. Rutkevich, etc. Moscow, Nauka Publ., 1976. 224 p. (In Russ.).
18. *Urozhaynost' sel'skokhozyaystvennykh kul'tur po kategoriym khozyaystv s ubrannoy ploschad'yu v 2018 godu [Crop yield by categories of farms with harvested area in 2018]*. (In Russ.). Available at: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/enterprises/agriculture/ (accessed 30.05.2019).

АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ

Митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх (Смирнов Вадим Анатольевич), кандидат богословия, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: teologi@kemguki.ru

Астахов Олег Юрьевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, доцент, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Шунков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, ректор, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы развития теологического образования в условиях вуза культуры. Определяется важность этого направления подготовки студентов в общей системе высшего образования. Отмечается особая роль вуза культуры в осуществлении теологического образования с целью формирования духовного мира личности, укрепления патриотических и гуманных чувств, способствующих развитию культурного самосознания и сохранению его нравственных основ. В этом ключе теологическое образование представляется в качестве важного условия нейтрализации причин и факторов возникновения религиозного экстремизма, социальных межэтнических и межрелигиозных конфликтов, а также терроризма на религиозной почве.

Анализируется опыт подготовки теологов в контексте сотрудничества Кемеровского государственного института культуры и Кузбасской митрополии. Рассматриваются практические вопросы изучения теологии как специализированного отраслевого знания и особенности учебно-методического сопровождения учебного процесса. Определяются перспективы развития теологического образования в условиях вуза культуры.

Кроме этого, внимание акцентируется на том, что в условиях современности высшая школа реализует миссию, связанную с ценностным самоопределением и развитием личности, что соответствует новой гуманистической парадигме образования. Таким образом, в деятельности вуза формируется смысловое поле, определяемое моралью, нравственностью, духовностью, обеспечивающее связь человека с культурой как духовной скрепой нации.

Ключевые слова: культурное самосознание, духовные ценности, православная культура, теология, теологическое образование, духовно-нравственное воспитание.

IMPLEMENTING OF CULTURAL IDENTITY AS A BASIS FOR DEVELOPING THEOLOGICAL EDUCATION AT INSTITUTES OF CULTURE

The Metropolitan of Kemerovo and Prokopievsk Aristarch (Smirnov Vadim Anatolyevich), PhD in theology, Department Chair of theology and religious studies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: teologi@kemguki.ru

Astakhov Oleg Yurievitch, Dr of Culturology, Professor, Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Shunkov Aleksandr Viktorovitch, Dr of Philological Sciences, Associate Professor, Rector, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

The article studies the issues for implementing theological education at Kemerovo State University of Culture. The authors emphasize the importance of this training direction in a general system of higher education. Moreover, the article notes a special role of University of Culture in implementing theological education for forming a spiritual world of the person, strengthening patriotic and humane feelings providing development of cultural consciousness and preservation of its moral foundations. In this regard, theological education is considered as an important condition for neutralizing the causes and factors of religious extremism, social interethnic and interreligious conflicts, as well as terrorism on religious foundation.

In addition, the authors analyze the experience of training theologian students within the cooperation between the Kemerovo State University of Culture and the Kuzbass Metropolis. Furthermore, the article considers practical issues of studying theology as a specialized branch of knowledge and features of educational and methodological support of the educational process. Besides, the authors determine the prospects for further development of theological education at Kemerovo State University of Culture.

In addition, the authors focus on the fact that nowadays higher education institutions implement the mission for the value self-determination and personal development, which corresponds to a new humanistic paradigm of education. Thus, a semantic field is formed at Kemerovo State University of Culture, determined by morality, ethics, spirituality, ensuring the connection between a person and culture as a spiritual bond of the nation.

Keywords: cultural identity, spiritual values, Orthodox culture, theology, theological education, spiritual and moral education.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-168-175

В определении социальных приоритетов, необходимых в связи с установлением принципов целеполагания в развитии общества, значимым фактором являются особенности культурного самосознания, базирующиеся на духовных и нравственных ценностях личности. Поэтому ценностное содержание личностной самоидентификации активно включается в сферу конкуренции и выступает в качестве объекта открытого информационного противоборства как хорошо режиссированного условия пропагандистских атак, с помощью которых реализуются попытки влияния на мировоззрение целых народов, а особенно молодежи, стремления подчинить их частной воле, – это реальность, требующая осознания с целью противостояния угрозе нивелирования духовных смыслов развития человека.

В последнее время в СМИ, отражающих современные социальные настроения, активно обсуждаются вопросы взаимодействия светской и религиозной властей в формировании приоритетов развития общества, места и роли Русской православной церкви в сохранении культурного наследия. И одним из таких обсуждаемых вопро-

сов является определение значимости подготовки теологов в условиях современного вуза не только в практическом аспекте, но и теоретическом. Обучение студентов по уровням направления подготовки «Теология» сопровождается решением не только частных профессиональных задач, но и постановкой важных вопросов: как понимать духовность и как ее развивать?

Возможны разные варианты понимания духовности и путей ее развития. Духовность – это главная составляющая религиозного сознания. Если духовную составляющую человека изучает, прежде всего, теология, то понятно, что эта форма познания должна быть также признана и на государственном уровне, обеспечивающем вхождение теологии в дискурс научного знания, что является условием ее развития в системе высшего образования. Значимым событием в этом отношении явилось то, что, по решению Министерства образования РФ, теология была включена в Перечень направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования (приказ № 686 от 2 марта 2000 года). Во исполнение приказа было создано УМО по теологии и раз-

работаны стандарты. 28 февраля 2008 года был принят Федеральный закон № 14-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)», согласно которому духовные образовательные учреждения получили право на государственную аккредитацию.

О необходимости признания содержательных оснований теологии в вузах было заявлено Святейшим Патриархом Кириллом 28 ноября 2012 года на пленарном заседании совещания «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества»: «Теология в вузах – это культурный императив для общества, которое долгое время было практически отчуждено от религии как особой сферы человеческого бытия. Теология в высшей школе, то есть на высоком академическом уровне, соответствующем научному уровню гуманитарных и общественных дисциплин, – это и противостояние от распространения в обществе религиозного радикализма, который обычно развивается спонтанно, бесконтрольно и способен охватывать массы людей» [4]. Предстоятель Русской православной церкви, выступив с критикой «агрессивного секуляризма», отметил, что теология в вузе совершенно не противоречит академическим принципам, наоборот, ее творческое взаимодействие с дисциплинами естественно-научного и гуманитарного циклов способствует повышению научного и общекультурного уровней в развитии всей системы образования.

В связи с этим теологию в вузе можно рассматривать как один из ответов на вызовы современной цивилизации перед лицом социальных, экологических и других катастроф, возникающих в результате социальной разобщенности, порождаемой секулярностью в ее агрессивных формах. Способом преодоления этих противоречий является утверждение интегративного знания, которое в России традиционно связывалось с изучением культуры, открывающим пути «взаимовлияния и взаимопроникновения относительно самостоятельных областей системы научного знания при ориентированности на построение фундаментального знания в традициях отечественной гума-

нитаристики» [1, с. 107]. Фундаментальное знание открывает недостаточность внутри научных регулятивов (объективность, обоснованность, достоверность, системность и т. д.) и включает в себя весь комплекс социокультурных, аксиологических и гуманистических оснований, что обеспечивается соотносительностью с исследованием ценностных структур человеческой жизни. В качестве важнейшего принципа осуществления такой фундаментальной интегративности выступают нормативные ценности, действие которых традиционно рассматривается как условие преодоления кризисных изменений в культуре: «Источником многих бед современного человека является забвение вечных норм нравственности и торжество бездуховности. Невозможно построить счастье человека без нравственного начала, поэтому важно, в какой системе ценностей будет развиваться его личная, семейная и общественная жизнь» [5, с. 159].

В теологии такая нормативность определяется теоцентричностью, способствующей выявлению центрообразующей понятийной структуры, обеспечивающей целостность теологического знания, по аналогии с другими системами, в которых в качестве центрообразующего начала может выступать человек, природа, общество и др. Разрушение такого центра приводит к распаду теологии как целостной научной системы. Понятно, что теологический дискурс не бесконфликтен, как и дискурс любой другой науки, находящейся в развитии. Поэтому развитие теологии как науки – это методологическая рефлексия, связанная с решением таких конфликтов. И в этом ключе значимым является обращение к культуре, выступающей одним из способов организации и собирания теологического знания как целостной системы взглядов, обеспечивающей ее духовную составляющую. Связь теологии и культуры гарантирует целостное рассмотрение нравственной и культурной традиции народа, именно этим фактором объясняется значимость профиля «Культура православия» направления подготовки «Теология».

В настоящее время в России православие изучается специалистами таких направлений, как «Богословие» в рамках религиозного профес-

сионального образования, осуществляемого в духовных семинариях и академиях, и в светских вузах в рамках направления подготовки «Теология». Теология в функциональном отношении – это светское осмысление духовности. Реализация этого направления в сфере культуры является вполне логичным в связи с решением вопросов духовности как базовой основы жизни человека и общества. Духовность – это внутренний мир человека, проявляющийся в широте миропонимания и осознании справедливости мироустройства. Духовность проявляется в культуре. Стремление к духовным ценностям помогает любому человеку преодолевать жизненные преграды, жить в гармонии с миром. Поэтому процесс подготовки теологов в КемГИК ориентирован на изучение ценностного содержания духовной и культурной идентичности. Теология выступает как пространство сохранения и развития культурной памяти, как мировоззренческий ресурс, обеспечивающий реализацию духовных смыслов.

В настоящее время направление подготовки «Теология» реализуется в Зауралье лишь в четырех вузах: в Дальневосточном федеральном университете (профиль «Культура православия»), Иркутском государственном университете (профиль «Систематическая теология»), Омском государственном университете (профиль «Государственно-конфессиональные отношения») и Кемеровском государственном институте культуры (профиль «Культура православия»). Открытие кафедры теологии и религиоведения в Кемеровском государственном институте культуры было инициировано в 2012 году именно главой Кузбасской митрополии, митрополитом Кемеровским и Прокопьевским, высокопреосвященнейшим Аристархом. В 2014 году было открыто направление подготовки бакалавров 48.03.01 «Теология» (профиль «Культура православия»), руководителем которого выступил Владыка Аристарх. К обеспечению учебного процесса привлечен высококвалифицированный кадровый состав, включающий докторов и кандидатов наук, что является одним из главных показателей при оценке направления подготовки студентов, прошедшего государственную аккредитацию в 2019 году.

Первый набор студентов по направлению подготовки «Теология» включал обучающихся

на внебюджетной основе заочной формы обучения (11 человек). В 2015 году уже было выделено 3 бюджетных места на очную форму обучения, 11 человек поступили на внебюджетную заочную форму обучения. В 2016 году на внебюджетную заочную форму обучения поступили 16 человек, бюджетные места не были выделены. В 2017, 2018 годах было выделено по 10 бюджетных мест. В 2019 году контрольные цифры приема на бюджет не были выделены, но 7 человек поступили на внебюджетную форму заочного обучения. Сегодня на кафедре обучается 45 студентов. Данная статистика отражает востребованность направления подготовки «Теология» в КемГИК. В 2018/19 учебном году состоялся первый выпуск бакалавров по направлению подготовки «Теология». Выпускники в настоящее время работают в управленческих структурах Епархии РПЦ (руководители отделов); воскресных школах (преподаватели); православных храмах (регенты, священнослужители).

Основной контингент поступающих на направление подготовки «Теология» составляют церковные служащие, зачастую уже имеющие богословское образование. Но для работы в конкретной сфере деятельности, для качественной самореализации в выбранной профессии требуются специальные знания, связанные с обращением к профилю «Православная культура». В некоторой степени это иллюстрирует общую ситуацию в стране и мире, когда квалификация специалиста определяется его способностью хорошо ориентироваться в смежных отраслях.

В КемГИК обучение студентов-теологов ведется в соответствии с образовательным стандартом третьего поколения, принятым 23.04.2014, № 32069. В процессе подготовки обучающиеся ориентированы на такие сферы профессиональной деятельности, как традиционные духовные ценности общества и человека, наука и просвещение, практические аспекты жизни конфессий. Объектами профессиональной деятельности выпускников являются основополагающие духовные ценности и опыт, теоретически оформленные в соответствующей религии и осмысляемые в систематическом единстве, исторической реализации и современной практике, а также

в межрелигиозном, культурном, общественном, государственном и научном контекстах. А виды профессиональной деятельности бакалавра включают в себя учебно-воспитательную, социально-практическую, организационно-управленческую и просветительскую деятельность. Программа бакалавриата разработана в соответствии со стандартом, что дает возможность выпускнику, освоившему ее, решать профессиональные задачи, связанные с духовно-нравственным и патриотическим воспитанием, научно-исследовательской и экспертно-консультативной деятельностью, а также принимать участие в обеспечении учебно-воспитательной и просветительской деятельности конфессий. Кроме того, в условиях создания Кузбасского культурно-образовательного кластера и необходимости привлечения населения к участию в культурной жизни Кемеровской области наши выпускники-теологи готовы решать задачи духовной интеграции общества [8].

Более того, знания теологов востребованы в образовательной и культурно-просветительской деятельности региональных учреждений. А введение обязательной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» в российских школах ставит перед кафедрой теологии и религиоведения новые задачи, решение которых обеспечивается профессиональной переподготовкой с присвоением квалификации преподаватель-теолог. Профессиональный стандарт утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 08.09.2015 № 608 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования». В условиях гуманитарного кризиса в современном российском обществе очень важно, чтобы преподавателем основ религиозной культуры оказался специалист, обладающий глубокими знаниями по дисциплине, владеющий методическими аспектами деятельности преподавателя и знающий особенности психолого-педагогической работы со школьниками. И в этом отношении КемГИК обладает соответствующей ресурсной базой: в структуру вуза входит центр дополнительного профессионального образования, на базе которого слушатели из числа теологов могут освоить необходимые профессиональные

компетенции и получить диплом о профессиональной переподготовке, дающий право заниматься профессиональной педагогической деятельностью.

На сегодняшний день одной из главных задач кафедры является разработка актуальных вопросов теологии как специального отраслевого знания и науки, что реализуется в направлениях научно-исследовательской работы преподавателей и студентов. Практические исследования кафедры, в первую очередь, направлены на изучение молодежной студенческой среды, причем не только института культуры, но и других вузов города Кемерово. В связи с этим кафедра активно принимает участие в работе Кузбасского межвузовского совета по духовно-нравственному образованию и воспитанию студенческой молодежи, который содействует решению ряда важных задач:

- всестороннее развитие молодежи на основе отечественных духовно-нравственных ценностей через освоение ею национальных традиций государственного, общественного и семейного уклада жизни;
- формирование индивидуальных свойств личности учащихся на базе культурно-исторической самоидентификации;
- противоборство деструктивной деятельности СМИ и иных информационных источников посредством развития форм высоконравственного, содержательного досуга;
- подготовка подрастающего поколения к адаптации в общей социальной среде и вхождению в институты гражданского общества;
- организация деятельности общеобразовательных учреждений, являющихся экспериментальными площадками по изучению и освоению культурно-исторического наследия России, по апробации программ духовно-нравственного воспитания детей и молодежи;
- создание системы общественно-государственной поддержки культурно-просветительной, историко-краеведческой и духовно-нравственной работы в организованных контингентах молодежи;
- научное изучение процессов духовно-нравственного воспитания детей, подростков и молодежи;

- разработка современных методов работы с молодежью в духовно-нравственной области;
- организация и проведение научно-практических конференций, семинаров, способствующих выработке стратегии духовно-нравственного воспитания, обмену практическим опытом по этому направлению;
- формирование при учреждениях дополнительного образования центров духовно-нравственной культуры молодежи.

Решение поставленных задач является ответом на социальные вызовы, которые необходимо оценивать сквозь призму реализации общегосударственных принципов, нацеленных на преодоление атомистических отношений. В «Основах государственной культурной политики», утвержденных Президентом РФ в декабре 2014 года, как наиболее опасные проявления гуманитарного кризиса в современном российском обществе отмечаются следующие особенности социальных изменений:

- снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;
- деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России;
- атомизация общества: разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежение правами других.

Поэтому высшие учебные заведения не ограничиваются достижением лишь только учебных целей. В условиях современности высшая школа реализует миссию, связанную с ценностным самоопределением и развитием личности [3]. Важным является то, что об этом применительно к отечественным вузам было заявлено в Постановлении XI съезда Российского Союза ректоров «Университеты в эпоху больших вызовов» и представлено в Московском международном рейтинге «Три миссии университета: образование, наука, общество» [6].

Ведущие тенденции развития общества в контексте обозначенных вызовов обусловили обращение высшей школы к новой гуманистической парадигме образования, базирующейся на гармоничном сочетании идеалов образования и культуры. Это образование, в котором отражаются традиционные для России нормы жизни общества, идеи патриотизма и служения Отечеству, воспитания человека нравственного, ответственного, знающего, уважающего свою культуру и культуру других народов. Образование и наука в вузе должны находиться в одном смысловом поле с моралью, нравственностью, духовностью, что обеспечивает противостояние вульгарности, пошлости, банальности и посредственности. Через культуру человек приобщается к исторически сложившейся системе духовных ценностей, транслирует и передает эту систему ценностей уже новому поколению. В итоге только культура и может быть названа духовной скрепой нации. В первом разделе «Основ государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808, отмечается, что «на протяжении всей отечественной истории именно культура... обеспечивала единство многонационального народа России...» [7].

Связь образования, науки и культуры обеспечивает консолидацию вузовского сообщества в построении новой гуманистической парадигмы образования. И большую роль в этих процессах играет РПЦ, актуализирующая значимость духовных ценностей в осуществлении такой интеграции. Сегодня в научных кругах наблюдается значительный интерес к вопросам связи теологии и высшей школы. Примером тому являются регулярно проходящие научные конференции, посвященные рассмотрению особенностей теологического образования в условиях современности. В КемГИК это получило отражение в серии научных и просветительских мероприятий, проведенных совместно с Кемеровской епархией РПЦ и Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом: Межрегиональная научно-практическая конференция «Духовная и светская культура как фактор социального развития региона» с участием председателя от-

дела образования и просвещения Новосибирской митрополии протоиерея Бориса Пивоварова (24–25 мая 1996 года), Межрегиональная научно-практическая конференция «Социальная доктрина РПЦ и современное российское общество» с участием его высокопреосвященства Софрония, архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого (22 ноября 2001 года), Всероссийская научная конференция «Религиозность в современной России и православие» с участием его высокопреосвященства архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония, Дворкина Александра Леонидовича, заведующего кафедрой сектоведения Московского Свято-Тихоновского богословского института, иерея Георгия Ореханова, заместителя декана богословского факультета Московского Свято-Тихоновского богословского института (24–25 ноября 2003 года), Международная научно-практическая конференция «Православная культура в современном мире» с участием его высокопреосвященства Аристарха, епископа Кемеровского и Новокузнецкого (22–23 мая 2008 года). Ряд конференций при сотрудничестве с Кемеровской епархией РПЦ был организован при поддержке фонда «Русский мир», созданного по Указу Президента РФ с целью популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры: Российская конференция с международным участием «Русское слово в культурно-историческом контексте» (2010), Международный научно-практический форум «Славянский мир. Диалог культур» (2011), Международный научно-практический форум «Христианство и славянское культурное наследие» (2013) и др., в которых были задействованы представители научной общественности не только России, но и других стран.

В настоящее время высшая школа ориентирована на решение задач, обеспечивающих развитие теологического образования, которые во многом определяются положениями Научно-образовательной теологической ассоциации:

- обеспечение диалога по вопросам теологии в пространствах светского образования и духовных школ;

- участие в формировании направлений вузовской теологической науки и их разработки с учетом специфики сферы культуры и искусств;

- поддержка научных исследований, обеспечивающих связь теологии и культуры, содействие организации научных конференций и других форм публичного обсуждения теологической проблематики и вопросов культуры в научно-образовательном пространстве вуза, с акцентом на активное участие в них студентов и аспирантов;

- развитие взаимодействия между кафедрой теологии и религиоведения и кафедрами смежных гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, педагогики и др.);

- подготовка и развитие методического обеспечения учебного процесса по направлению подготовки «Теология».

Представленный перечень задач, связанных с актуализацией теологического образования в высшей школе, требует рассмотрения сквозь призму вопросов изучения культуры, что отражает не только специфику вузов культуры, но и тенденции связи культуры и образования в целом, обеспечивающей будущее государственных систем. Как отмечал Д. Б. Дондурей, кандидат философских наук, главный редактор журнала «Искусство кино», член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте России: «Будущее соревнование государственных систем... связано... с качеством человеческого капитала. Причем человеческий капитал, так же как и культура, не должен пониматься узко, по социально-демографическим показателям: какое образование, сколько зарабатываешь, сколько купил машин – нет. Это, в первую очередь, мировоззренческое наполнение, культурные модели. ...Заниматься человеческим капиталом – это значит помнить о культуре в широком смысле, анализировать, монтировать, строить новые культурные системы» [2]. Соответственно, большую роль в таком мировоззренческом наполнении личности играет теологическое образование, обеспечивающее обращение к духовным ценностям, выступающим основанием интегративных процессов, связанных с формированием культурной модели, базирующейся на развитии человеческого капитала.

Литература

1. Астахов О. Ю. Проблемы развития гуманитарного и социально-научного направления культурологического знания // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22-2. – С. 105–108.
2. Дондурей Д. Б. Культура – сфера номер двадцать семь, где люди отдыхают от жизни [Электронный ресурс] // COLTA. – URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/14748-kultura-sfera-nomer-dvadsat-sem-gde-lyudi-otdyhayut-ot-zhizni>.
3. Железкина И. И. Миссия современной высшей школы в контексте личноно ориентированного подхода // Вестн. Брян. гос. ун-та. – 2012. – № 1 (2). – С. 65–68.
4. Патриарх Кирилл. Теология в вузах – это культурный императив для общества [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-teologiya-v-vuzakh-eto-kulturnyj-imperativ-dlya-obshchestva/>.
5. Пономарёв В. Д., Белозёрова М. В., Шунков А. В., Коваленко Е. А. Ответственное созидание отечества (итоги Первого открытого Международного пасхального фестиваля православной культуры) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 10. – С. 159–165.
6. Садовничий В. А. Выступление на пленарном заседании съезда Российского союза ректоров [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57367>.
7. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – URL: <http://base.garant.ru/70828330/#ixzz67mQAxMZY>.
8. Шунков А. В., Пономарёв В. Д. Кемеровский государственный институт культуры в Сибирском кластере искусств: интеграция науки, образования и творчества для развития человеческого потенциала в регионе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 45-2. – С. 13–19.

References

1. Astakhov O.Yu. Problemy razvitiya gumanitarnogo i sotsial'no-nauchnogo napravleniya kul'turologicheskogo znaniya [Problems of the development of the humanitarian and socio-scientific areas of cultural knowledge]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no. 22/2, pp. 105-108. (In Russ.).
2. Dondurey D.B. *Kul'tura – sfera nomer dvadsat' sem', gde lyudi otdykhayut ot zhizni* [Culture is the sphere number twenty seven where people have a rest from life]. (In Russ.). Available at: <https://www.colta.ru/articles/specials/14748-kultura-sfera-nomer-dvadsat-sem-gde-lyudi-otdyhayut-ot-zhizni>.
3. Zhelezkina I.I. Missiya sovremennoy vysshey shkoly v kontekste lichnostno orientirovannogo podkhoda [The mission of modern higher education in the context of a personality-oriented approach]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State University], 2012, no. 1 (2), pp. 65-68. (In Russ.).
4. Patriarkh Kirill. *Teologiya v vuzakh – eto kul'turnyy imperativ dlya obshchestva* [Theology in universities is a cultural imperative for society]. (In Russ.). Available at: <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-teologiya-v-vuzakh-eto-kulturnyj-imperativ-dlya-obshchestva/>.
5. Ponomarev V.D., Belozerova M.V., Shunkov A.V., Kovalenko E.A. *Otvetstvennoe sozidanie otechestva (itogi Perвого otkrytogo Mezhdunarodnogo paskhal'nogo festivalya pravoslavnoy kul'tury)* [Responsible building of the fatherland (Results of the First Open International Easter Festival of Orthodox Culture)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2010, no. 10, pp. 159-165. (In Russ.).
6. Sadovnichiy V.A. *Vystuplenie na plenarnom zasedanii s"ezda Rossiyskogo soyuza rektorov* [Speech at the Plenary meeting of the Congress of the Russian Union of Rectors]. (In Russ.). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57367>.
7. Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 goda № 808 “Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki” [Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, no. 808 “On approval of the Fundamentals of the state cultural policy”]. *Sistema GARANT* [System GARANT]. (In Russ.). Available at: <http://base.garant.ru/70828330/#ixzz67mQAxMZY>.
8. Shunkov A.V., Ponomarev V.D. *Kemerovskiy gosudarstvennyy institut kul'tury v Sibirskom klasterе iskusstv: integratsiya nauki, obrazovaniya i tvorchestva dlya razvitiya chelovecheskogo potentsiala v regione* [Kemerovo State University of Culture in the Siberian Cluster of Arts: Integration of Science, Education and Creativity for the Development of Human Potential in the Region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2018, no. 45/2, pp. 13-19. (In Russ.).

УДК 130.122; 167.7

ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Гаврилов Олег Федорович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: gof57@yandex.ru

Гаврилова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: npgavrilova@yandex.ru

Исследование посвящено перспективам развития религиозного традиционализма. Показан его многомерный характер, проявляющийся в разной степени исторической обусловленности, глубине осознания его смыслов, множественности прочтения одних и тех же значений. Определено, что в некоторых трактовках специалистов и на уровне обыденного восприятия религиозный традиционализм противопоставляется современному историческому контексту. Эта позиция носит во многом упрощенный, утрированный характер, но отражает одну из основных проблем существования традиционной религиозности в современном обществе. Сегодня религиозный традиционализм столкнулся с необходимостью поиска баланса между необходимостью сохранения исторической преемственности и встраивания в систему современных социальных связей. Обосновано, что из-за несовпадения данных задач перед субъектами религиозной активности оказывается выбор, реализующий себя в трех вариантах. Первый предполагает при сохранении традиции культурную изоляцию и потерю субъектом своего социального значения. Второй связан с постепенным размыванием и, в конечном счете, утратой традиции вследствие полного подчинения особенностям социальной динамики. Сделан вывод, что культурообразующие религии в лице мировых и некоторых национальных религий выбирают третий вариант, предполагающий совмещение требования сохранения исторической преемственности с необходимостью некоторой модернизации. Но последнее опасно стиранием грани между церковью и обществом, вовлеченностью в политическую активность, в том числе и в ее радикальных формах.

Ключевые слова: традиционная религиозность, историческая преемственность, модернизация, аутентичность.

TRADITIONAL RELIGIOUSNESS IN THE ERA OF SOCIETY MODERNIZATION

Gavrilov Oleg Fedorovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: gof57@yandex.ru

Gavrilova Natalya Petrovna, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Department of History, Philosophy and Social Sciences, Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: npgavrilova@yandex.ru

The research is devoted to the prospects of development of religious traditionalism. Its multidimensional character which is shown in a different degree of historical conditionality, depth of awareness of its meanings, plurality of reading of the same values is shown. It is defined that in some interpretations of experts and at the level of ordinary perception a religious traditionalism is opposed to a modern historical context. This position has the simplified, exaggerated character in many respects, but reflects one of the main problems of existence of

traditional religiousness in modern society. Today's religious traditionalism faces the balance search between the need of maintaining historical continuity and embedding the system of modern social communications. It is proved that because of a discrepancy of these tasks before subjects of religious activity there is a choice realizing itself in three options. The first assumes cultural isolation and loss by the subject of the social value when maintaining tradition. The second is connected with gradual washing out and, eventually, loss of tradition owing to full submission to features of social dynamics. The conclusion is drawn that the religions which are the cornerstone of traditional culture in the form of world and some national religions choose the third option assuming the combination of requirement of maintaining the historical continuity with need of some modernization. But the last is dangerous by deleting the side between church and society and involvement into political activity including its radical forms.

Keywords: traditional religiousness, historical continuity, modernization, authenticity.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-176-182

Мы живем в динамично развивающемся обществе. Масштабность, глубина и быстрота его трансформаций обусловлены процессом реализации глобального проекта модернизации, который начиная с XVII века сумел проникнуть во все сферы общества, трансформируя их содержание, корректируя их ценностное наполнение. Тенденции социального развития, положенные им, актуализировали проблему противостояния традиции и новации, в том числе и в области взаимоотношений религии и общества. Религиозное сознание призвано рождать ощущение вневременности. Христианская литургия не воспоминание о событиях прошедших времен, а их живое воспроизведение здесь и сейчас. Реальность же диктует человеку понимание недолговечности, бренности всего сущего. Это противоречие было всегда, сегодня оно обострено особенно. Поэтому религиозная традиция в лице своих носителей ищет ресурсы, которые позволят найти адекватные ответы вызовам времени. Насколько потенциал традиционных религий соответствует этой задаче, мы и попытаемся рассмотреть в нашем исследовании.

Традиция – механизм сохранения и передачи некоторого качественного своеобразия социального бытия. Ее компоненты разнообразны и представляют собой смыслы, аккумулированные в знаниях, текстах, символах и ритуалах. Какая-то часть этих смыслов открыта носителям традиции, какая-то имплицитно содержится в глубинах сознания, оставаясь полностью доступной только специалистам. Тем не менее в процессе своего воспроизводства традиция, пусть и не осозна-

ваемая в полной мере, продолжает оказывать на своих носителей суггестивное воздействие, способствуя солидаризации и сохранению чувства самоидентичности. По мнению П. Бурдьё, это происходит «прежде всего на телесном уровне, не доходя до уровня сознания. Прошлое приводится в движение и заново живет в теле, а действующие не знают и не понимают, что они делают, но при этом то, что они делают, обладает каким-то неизвестным им смыслом» [2, с. 134].

Это в полной мере относится и к религиозному традиционализму. Его роль в современном мире обусловлена направленностью «на реконструкцию смысла, на создание мира, жизнь в котором осуществляется с учетом, а точнее, на основе религиозных ценностей» [7, с. 195]. Современный религиозный традиционализм не представляет собой целостного образования, но имеет как минимум два ярко выраженных варианта: основные мировые и национальные религии, имеющие непрерывную историю, и псевдотрадиционалистские учения, претендующие на реставрацию, а по сути, моделирование архаичной религиозной традиции. Примерами первого варианта являются мировые религии (христианство, ислам, буддизм) и иудаизм, национальные языческие религии коренных народов Сибири и Дальнего Востока, синтоизм Японии, сантерия на Кубе, вуду в африканских странах, друидические традиции в Великобритании и т. д. [3]. Примеры второго варианта представляют версии свободного религиозного творчества, неоязыческих практик, например, викка, реализующих себя в виде

программ экологического образа жизни, новой национальной идеологии [5]. Используя старые культы и мифы, «религиозные виртуозы» формируют из старого материала нечто эклектичное, но претендующее на возрождение «исконной» религиозной традиции.

Современность и религиозная традиция часто не совпадают. Современность требует перемен, религиозная традиция им сопротивляется. Антиклерикальные высказывания как раз часто обусловлены опасением, что религия представляет собой препятствие на пути социальных изменений. Следствием такой установки стало достаточно широко распространенное убеждение, что чем больше современности, тем меньше религии и, напротив, чем больше религии, тем меньше современности. Как отмечает Э. Гидденс, созданные современностью формы жизни «оторвали нас от всех традиционных типов социального порядка», кардинально изменили все характеристики повседневного существования, включая наиболее интимные и глубоко личные, сделали их несовместимыми с религией. С того времени, когда происходило формирование религиозной традиции, состояние общества и самосознание людей радикально изменились. Общество стало фрагментированным и индивидуализированным, а его члены сегодня ищут не вечного спасения, а счастья и благополучия, сосредоточены на личных интересах, требуют экономического роста и социальных гарантий [8, с. 15]. В этом контексте быть современным означает ориентацию на рациональность, критичность, доверие к здравому смыслу, прагматизм и требования комфорта. Религия приоритет этих ценностей отвергает, отдавая преобладающее значение вере, стремлению к сакральному, самоограничению.

Это противоречие ставит человека в ситуацию выбора, причем выбора весьма непростого. Каковы же варианты этого выбора? Один из них продиктован духом современной эпохи, выраженной философией постмодернизма. Он предполагает отказ от приоритетных ранее бинаризма, иерархичности, метаповествований, а взамен предлагает ироничность, условность и онтологическую плюралистичность, что формирует такую ценностную шкалу, следование которой во главу угла ставит собственную мотивацию, но не

обычай. Естественно, что при такой интерпретации современности «современный» человек оказывается безрелигиозным, полностью освобожденным от влияния религии и придерживающимся точки зрения религиозного агностицизма или по-настоящему «воинственного» атеизма. Для него Бог – не более чем иллюзия (Р. Доккинз), поскольку он убежден, что, как говорит Ж. Делёз, «в обществе постмодерна нет более нужды верить в Бога... теология теперь – наука о несуществующих сущностях, а божественное и антибожественное, Христос и Антихрист, лишь оживляют язык» [9, с. 367].

Другой выбор обусловлен способностью религии к сопротивлению антиклерикальной атаке и, более того, переходу в наступление. Как следствие уже звучат голоса о «реванше Бога» (Ж. Капель), обоснованные констатации «деприватизации религии» (Х. Казанова). Религиозная традиция, отказывая титаническим устремлениям пионеров эпохи постмодерна, их установкам на релятивность знаний, норм и поступков, дает человеку возможность иного выбора, открывающего путь к осознанию своей причастности сакральному, приобщённости к духовным началам мира. Традиция, в том числе и религиозная, обеспечивает ощущение основательности бытия, некоторой стабильности в неустойчивом мире повседневности, возможность восприятия себя во временной ретроспективе и перспективе. Она – зеркало, в котором человек видит себя, она – способ самоидентификации.

Но в рамках этого выбора есть свои варианты. Один из них – наиболее радикальный – предполагает отказ от большинства достижений модерна, локализацию своей жизни вне исторической динамики, в промежутке премодерна (А. Дугин). Здесь сохранение традиционных ценностей видится на пути культурной изоляции. Его предлагает, в частности, Р. Дреер в нашумевшей книге «Выбор Бенедикта», написанной по мотивам биографии святого Бенедикта Нурсийского (VI в. н. э.), который призывал мирян стремиться к монастырскому идеалу жизни. Автор приходит к выводу, что консервативные христианские конфессии больше не определяют нормы в американском обществе, поэтому те, кто желает сберечь подлинную традицию, должны селиться и жить в

отдельных закрытых общинах и сохранять в них христианскую культуру, противостоящую западному мейнстриму. Это и называется им «выбором Бенедикта» (см. [15, с. 242–243]).

Но есть и другой вариант отношения к современности и религиозной традиции. Многие люди, желая быть современными, вместе с тем рвать связи с религиозными смыслами не стремятся. Но чтобы синтезировать эти зачастую не совпадающие ориентиры, им необходимо совершить определенные интеллектуальные и волевые усилия, в результате которых они находят меру соответствия современности и вовлеченности в традицию; вместо «либо-либо» – «и то, и другое». Последний вариант, содержащий свои плюсы и минусы, является неким компромиссом, исключаящим полное «погружение» как в «современность», так и в традицию.

Требование подобного компромисса является необходимым условием и для церкви. Решая задачу по сохранению исторической преемственности, она вместе с тем должна быть в определенном отношении современной. Это вытекает из необходимости адаптации к процессам социальных трансформаций с тем, чтобы сохранить своё место в обществе, привлечь новых сторонников, особенно из числа молодежи. Но попытки модернизации церкви с целью приспособления к новым условиям предполагает отказ в той или иной мере от буквального воспроизведения всего комплекса элементов традиции, модернизацию параметров социокультурной преемственности, что, безусловно, чревато потерей аутентичности и другими угрозами.

В частности, это особенно заметно на примере освоения религиями интернет-пространства, которое стало для них новым перспективным направлением развития. Сеть существенно снижает (если не отменяет совсем) значимость пространственно-временных ограничений религиозной активности, скорость информационных потоков придает невиданный динамизм и массовость религиозным процессам. Но наряду с этим религии теряют прежние иерархичность и структурность, приобретают вид индивидуализированных сетевых сообществ. Создав условия для развития религиозного плюрализма, Интернет обуславливает и возникновение большого числа конфликтных ситуаций, многие из которых вы-

ходят за пределы сети. Происходит значительная коммерциализация религий, формируется утилитарное отношение к объекту веры. Интенсивность информационного потока подвергает значительному риску религиозную идентичность верующих, приводит к замещению реальной религиозной активности виртуальной [6, с. 346].

Хотя не надо думать, что традиция – нечто застывшее, раз и навсегда данное. Она живёт и естественным образом преобразуется. Её компоненты – тексты, знаки и символы – сохраняются благодаря постоянному прочтению, в ходе которого они и отношения между ними меняются. Преобразуются их смыслы, посредством актуализации или, напротив, забвения обновляется место в общем культурном контексте. Начальное значение, сформированное при рождении традиции, с течением времени получает иную интерпретацию, корректируется, искажается, в результате дробится, теряя свою цельность. Эта тенденция обнаруживает себя с самого рождения, с момента формирования канона, что, например, подтверждается появлением многочисленных ересей уже в первые века христианской истории. Причём каждая из интерпретаций традиции в полемике с другими претендует на то, что именно ей удастся обеспечить её аутентичность в процессе воспроизводства. Постоянство, ну, или, по крайней мере, консервативность ритуализированных действий совсем не означает, что исходное идейное наполнение в них сохраняется без изменений. В разных исторических условиях оно может существенно трансформироваться. Да и в одной пространственно-временной локализации религиозная традиция дисперсна. По-своему ее читает, например, инок, прихожанин и «захожанин». Все они – носители одной традиции, но насколько своеобразно она «прочитана» каждым из них.

И речь идет не только о множественности ликов единой традиции, ее обратной стороной оказывается множественность современности. О последней говорит Ш. Эйзенштадт. Согласно его позиции, никакой современности в единственном числе не существует: современность может принимать множественные формы, и каждый конкретный случай современного (модерного) общества накладывается на конкретные цивилизационные контексты, сформированные специфическими культурными, религиозными,

историческими и прочими особенностями конкретного общества (см. [16, с. 15]). Можно сказать, что в рамках одного социального пространства конкурируют различные, в чем-то близкие, а в чем-то отличающиеся друг от друга, программы его организации. В этом пространстве есть место и Агафье Лыковой, *ведущей* свой отшельнический образ жизни в сибирской тайге, и иерею из Луганска Кириллу Ротову, который *ведет* свой канал «Дневник священника» на YouTube [10].

Предложения по модернизации религиозной традиции исходят как от представителей нецерковных кругов, так и – клира. Один из примеров видится в творчестве В. С. Соловьева, который приобрел славу «пророка и мученика экуменизма». Он является автором концепции «свободной теократии», согласно которой христианская церковь должна быть необходимым фактором формирования единого общечеловеческого организма – политического, культурного, религиозного. Будучи «свободной», она не должна претендовать на подавление человеческой личности и менее всего походить на замкнутую корпорацию, основанную на жёстко-иерархическом принципе. В ней должна быть значима каждая личность, и любой индивид получает право на собственный путь к Богу и встречное внимание с Его стороны (см. [4, с. 107–108]). Если внимательно присмотреться к скрытому контексту этих идей, становится ясно – в предложенном варианте моделируется то, что традицию не просто корректирует, но отрицает.

Религиозная жизнь не ограничивается выдвижением абстрактных идей, рисующих контуры новых явлений в этой сфере. Накоплен немалый опыт практической модернизации религии, хотя потенциал для достижения этой цели у той или иной конфессии совершенно разный. Некоторые из них, менее скованные религиозной догматикой, чутко реагируют на социально-культурные изменения, относительно быстро отвечая корректировкой вероучения, методов воздействия на массовую аудиторию, стандартов поведения и пр. Это выражается в религиозных новациях революционного масштаба, например, в положении женщин в священнический сан в англиканской и некоторых других протестантских конфессий, в проектах воплощения новой синте-

тической мировой религии. Частным случаем последнего является бахаизм как попытка создания новой мировой религии на основе идеи монотеизма и трансцендентности Бога в результате слияния мировых и некоторых национальных религий.

Но для культуuroобразующих религий путь эксперимента опасен, поскольку неизбежно ведет к постепенному размыванию религиозной традиции. Подобные практики угрожают дроблением крупных религиозных объединений, возникновением протосектанских сообществ внутри традиционных конфессий [14]. Поэтому, даже осознавая необходимость адаптации к современным реалиям, православие, католицизм, традиционные направления ислама и иудаизма, жестко скованные ортодоксальной догматикой, не торопятся приспособливаться к социальным изменениям. Все-таки приоритетной для них задачей остаётся сохранение религиозного наследия, религиозной самобытности, консервация базовых смыслов от более поздних наслоений.

Но без встраивания в систему современных связей церковь как носитель религиозной традиции будет обречена на маргинальное положение в обществе. Поэтому она активно взаимодействует с «миром». Это касается церковных институтов и в нашей стране, они из области частной жизни снова вышли в публичную сферу, что обернулось взаимопроникновением религиозной и светской тематик и даже в некоторой степени «обмирщением» религии. Как отмечает А. Шишков, «на смену “дистилляции” религиозного сознания приходит проникновение секулярной проблематики в церковную жизнь. В результате обмирщения “духовная” повестка, безусловно, остается, но постепенное смещение фокуса в сторону “мирских” вопросов воспринимается наиболее консервативными представителями этого сознания как негативный и разрушительный процесс» [17, с. 172–173]. Опасения связаны с тем, что в случае прямого и открытого обращения к «миру» церковь может утратить сокровенное, очень важное для ее сущности, и раствориться в суетности профанного мира. Православный публицист Н. Каверин по этому поводу пишет: «Сегодня, ради достижения некоего загадочного “миссионерского прорыва” и “массовой миссии”, предлагается и некий облегченный вариант православной веры: “гламурное, комфортное право-

славие», православие-light, без самоограничений, без борьбы с грехом, без молитвенного подвига. В основе этого лежит специфическая вера, не требующая от человека никаких собственных усилий для возгревания ее. Такая вера может на первых порах привлечь своим нарочитым антиаскетизмом, максимальной приспособленностью к современному секулярному образу жизни» [11].

Другим следствием социальной открытости церкви является, в частности, политическая активность, попытки трансформировать общественные институты путем проникновения в государственные структуры, сферу образования и СМИ. Представители религиозного истеблишмента различных конфессий предпринимают шаги, направленные на увеличение своего влияния на государственные и даже мировые процессы. Традиционным религиям удается оставаться важной детерминантой социальной динамики, играя роль то фактора стабильности, то общественных возмущений. Можно назвать некоторые институциональные и идейные феномены религиозного традиционализма в самых разнообразных формах своего проявления, которые явно претендуют на роль фактора политических процессов. Это – проект теократического государства в Иране, воплощения «шариатского государства», «Арабского халифата» в других мусульманских странах [13], проект «галахического государства» в Израиле [1, с. 8–20], в Индии – идеология хиндутвы, наконец, у нас – теократический проект

воссоздания «Святой Руси» [12, с. 31]. Подобная религиозная активность представляется потенциально опасной как в региональном масштабе, так и в глобальном. Она имплицитно направлена на экстремизм, агрессивное навязывание отдельным людям и обществу в целом «правильного» образа жизни, а в некоторых случаях потенциально заряжена даже угрозой терроризма.

Таким образом, перед субъектами религиозной активности, претендующими на статус носителей традиции и принимающими вызовы современной эпохи, стоит проблема, как совместить традицию и современность. Их выбор предполагает три варианта: как можно более полная изоляция от «мира»; вольное обращение с традицией с целью своей адаптации к историческим реалиям; попытки сохранить традицию в форме адекватной её началу, учитывая вместе с тем требования времени и приспособляясь к ним. Первый вариант, хотя и обещает наиболее полное сохранение традиции, чреват утратой для её носителя своего места в обществе и, как следствие, – маргинализацией. Второй – обеспечивает наименее болезненное встраивание в реалии современности, но угрожает потерей аутентичности и трансформацией в квазирелигиозные явления. Третий вариант при сохранении в целом традиции и социального значения церкви несет угрозу частичного растворения в текущей повестке дня, перерождения в инструмент активной и даже радикальной политической деятельности.

Литература

1. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 8–20.
2. Бурдые П. Практический смысл: пер. с франц. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. В Иркутской области будут изучать шаманизм [Электронный ресурс] // Религия и общество. – URL: <http://www.newsru.com/religy/28jan2011/shamanism.html> (дата обращения: 31.10.2018).
4. Васечко В. Ю. Три проекта: конфессиональная самоидентификация как фактор личного религиозно-нравственного поиска в русской философии // Религиоведение. – 2018. – № 3. – С. 105–110.
5. Викка [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. – URL: http://yakov.works/spravki/1_history_temy/03_v/wicca.htm (дата обращения: 21.11.2018).
6. Гаврилов Е. О., Гаврилов О. Ф. Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3 (46). – С. 344–346.
7. Гаврилов Е. О. Религиозный традиционализм как форма социальной новации в современном мире // Вестн. КемГУ. – 2015. – № 1 (61), т. 4. – С. 193–197.
8. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
9. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Раритет. – 1998. – 480 с.
10. Дневник священника [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/channel/UCfRumDY5LdWyAazfM5o1Rbw> (дата обращения: 06.06.2019).

11. Каверин Н. Путь в европравославие [Электронный ресурс] // Благодатный огонь. – URL: <http://www.blagogon.ru/digest/275/print> (дата обращения: 31.10.2018).
12. Карташов А. В. Воссоздание Святой Руси. – М.: Столица. – 1991. – 256 с.
13. Красиков В. И. Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. – М.: Водолей Publishers. – 2006. – 496 с.
14. Кураев А. Вызов экуменизма. – М.: Грифон. – 2008. – 480 с.
15. Ситников А. Религиозная традиция в современном обществе: опыт теоретического анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 233–254.
16. Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 1 (30). – С. 8–32.
17. Шишков А. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 165–177.

References

1. Berger P. Fal'sifitsirovannaya sekulyarizatsiya [Secularization falsified]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i zarubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 2012, no. 2 (30), pp. 8-20. (In Russ.).
2. Burdye P. *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 562 p. (In Russ.).
3. V Irkutskoy oblasti budut izuchat' shamanism [Irkutsk region will study shamanism]. *Religiya i obshchestvo* [Religion and society]. (In Russ.). Available at: <http://www.newsru.com/religy/28jan2011/shamanism.html> (accessed 31.10.2018).
4. Vasechko V.Yu. Tri proekta: konfessional'naya samoidentifikatsiya kak faktor lichnogo religiozno-nravstvennogo poiska v russkoy filosofii [Three projects: confessional self-identification as a factor of personal religious and moral search in Russian philosophy]. *Religiovedenie* [Religious Studies], 2018, no. 3, pp. 105-110. (In Russ.).
5. Vikka. *Biblioteka Yakova Krotova* [Yakov Krotov's Library]. (In Russ.). Available at: http://yakov.works/spravki/1_history_temy/03_v/wicca.htm (accessed 21.11.2018).
6. Gavrilov E.O., Gavrilov O.F. Internet kak faktor razvitiya sfery religioznykh otnosheniy [Internet as a factor in the development of religious relations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2014, no. 3 (46), pp. 344-346. (In Russ.).
7. Gavrilov E.O. Religioznyy traditsionalizm kak forma sotsial'noy novatsii v sovremennom mire [Religious tradition as a form of social innovation in the modern world]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no. 1(61), vol. 4, pp. 193-197. (In Russ.).
8. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of modernity]. Moscow, Praxis Publ., 2011. 352 p. (In Russ.).
9. Delez Zh. *Logika smysla* [Logic of meaning]. Moscow, Raritet Publ., 1998. 480 p. (In Russ.).
10. *Dnevnik svyashchennika* [Priest's diary]. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCfRum-DY5LdWyAazfM5o1Rbw> (accessed 06.06.2019).
11. Kaverin N. Put' v evropravoslavie [The way to Euro-Orthodoxy]. *Blagodatnyy ogon'* [Holy fire]. (In Russ.). Available at: <http://www.blagogon.ru/digest/275/print> (accessed 31.10.2018).
12. Kartashov A.V. *Vossozdanie Svyatoy Rusi* [Reconstruction of Holy Russia]. Moscow, Stolitsa Publ., 1991. 256 p. (In Russ.).
13. Krasikov V.I. *Ekstrim: Mezhdisciplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov ekstremistskogo soznaniya* [Extreme: Interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of extremist consciousness]. Moscow, Vodokey Publ., 2006. 496 p. (In Russ.).
14. Kuraev A. *Vyzov ekumenizma* [The challenge of ecumenism]. Moscow, Grifon Publ., 2008. 480 p. (In Russ.).
15. Sitnikov A. Religioznaya traditsiya v sovremenном obshchestve: opyt teoreticheskogo analiza [Religious tradition in modern society: the experience of theoretical analysis]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad], 2017, no. 4, pp. 233-254. (In Russ.).
16. Uzlaner D. Ot sekulyarnoy sovremennosti k "mnogozhestvennym": sotsial'naya teoriya o sootnoshenii religii i sovremennosti [From secular modernity to "plural": social theory of the relationship between religion and modernity]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad], 2012, no. 1 (30), pp. 8-32. (In Russ.).
17. Shishkov A. Nekotorye aspekty dесекуляризatsii v postsovetskoy Rossii [Some aspects of desecularization in post-Soviet Russia]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad], 2012, no. 2 (30), pp. 165-177. (In Russ.).

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О КУЛЬТУРЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ БАКТРИИ

Попов Артем Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и петербурговедения, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: artempopovspb@gmail.com

Актуальность исследования связана с изучением современного Афганистана, среднеазиатских республик бывшего СССР, Ирана, Пакистана и Индии, а также процессов глобализации. Цель статьи – проследить эволюцию научных представлений об эллинистической Бактрии. Автор опирается на материалы, которые являются важнейшими работами по данной теме со времени Просвещения до наших дней. Методика исследования базируется на классических трудах Ф. Р. Анкерсмита. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению первого этапа накопления источников и обобщения материала. Это связано с именем первого российского академика-гуманитария Г. З. Байера. Второй этап развития науки об эллинистической культуре Бактрии и Индии связан со временем расцвета колониальных империй XIX – начала XX века. Третий период относится ко времени Первой и Второй мировых войн, периоду постепенного крушения колониальной системы. Подлинным прорывом в изучении культурного наследия Центрально-Азиатского региона стал период второй половины XX – начала XXI века. В это время произошли сенсационные археологические открытия, расширившие круг памятников материальной культуры. Результатом работы стало не только определение основных ступеней в развитии научных знаний о Бактрии периода эллинизма, но и факторов, влиявших на эти этапы: геополитической обстановки, например, Большой игры, и состоянии гуманитарной отрасли науки в целом, например, идей Просвещения и культурной антропологии XIX–XX веков.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, Греко-Бактрия, индо-греческие царства, Большая игра, Г. З. Байер, нумизматика.

THE EVOLUTION OF THE SCIENCE KNOWLEDGE ABOUT THE CULTURE OF HELLENISTIC BACTRIA

Popov Artem Anatolyevich, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Department of History and Study of St. Petersburg, St. Petersburg State University of Culture (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: artempopovspb@gmail.com

The actuality of this research is connected with studying modern Afghanistan, Central Asian republics of the former USSR, Iran, Pakistan and processes of globalization as well. The aim of this article is to trace the evolution of the science knowledge about Hellenistic Bactria. The author relies on the materials, which are the most important works on this theme since the Age of Enlightenment to our time. The method of this research is based on the classical F.R. Ankersmit's works. The examination of the first stage of the sources summarizing and material accumulation places the particular role in the article. It is connected with the name of first Russian academician T.S. Bayer. The second stage of the science evolution about the Hellenistic culture of Bactria and India is connected with the time of the colonial Empires prosperity in the 19th – beginning of the 20th century. The third period dates back to the First and Second World Wars, the period of the gradual downfall of the colonial system. The period of the second half of the 20th – beginning of the 21st century becomes the true breakthrough in the studying of the cultural heritage of the Central Asian region. It was the time of the sensational archaeological openings, which broadened the amount of the monuments of the material culture. The result of this work is not only the definition of the main stages in the development of the science

knowledge about Hellenistic Bactria, but the factors, which influenced on these steps: geopolitical situation, for example, the Great Game, and the Humanities' condition on the whole, for example, the ideas of the Age of Enlightenment and the cultural anthropology of the 19th – 20th centuries.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Greco-Bactria, Indo-Greek kingdoms, Great Game, T.S. Bayer, numismatics.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-183-192

Эллинизм – эпоха, рождавшая процессы слияния многочисленных культур античного и восточного мира в единое целое, начинавшаяся с воцарения в Македонии Александра Великого и продолжившаяся до рубежа эр. При этом оценки этого взаимопроникновения весьма различны. Схожая картина наблюдается и сегодня при рассмотрении развития глобализации.

Бактрийский эллинизм связан с яркими персоналиями различных правителей, начиная с Александра Великого, заканчивая кушанскими монархами, которые сохранили эллинистические культурные завоевания и усовершенствовали их. Тема роли личности в мировой культуре всегда притягивала ученых.

В регионе, который объединял в себе современный Афганистан, южные земли Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, существуют многочисленные проблемы, связанные с культурными особенностями, сформированными с глубокой древности.

Выдающийся ученый XX века А. Дж. Тойнби в работе «Постижение истории» писал о том, что для каждого периода развития человечества и в любом обществе «изучение и познание истории, как и вся иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени и места» [16, с. 14]. В этой связи работа ставит цель показать, как ученые Нового и Новейшего времени рассматривали культуру эллинистической Бактрии в зависимости от той эпохи, в которую они сами были погружены, и социально-политической обстановки, которая их окружала. Изучение эволюции их взглядов позволяет более адекватно оценить реалии прошлого и прогнозировать развитие будущих достижений в науке с учетом зачастую тенденциозных взглядов предшественников.

При этом следует учитывать «современный интеллектуальный алкоголизм», как назвал его

Ф. Р. Анкерсмит, при перепроизводстве исторической литературы, которая распространяется, «подобно раковой опухоли» [2, с. 317–318]. Данное мнение применимо в целом к современным гуманитарным исследованиям, так как существует в широком смысле история культуры, литературы, философии и других областей научного знания. При этом нам необходимо осознать, что «никакого пути назад нет», а сегодняшнее количество практикующих историков больше, чем их общее число от Геродота до 1960 года [2, с. 318]. Стоит вопрос: что делать с таким объемом информации?

Подобная картина наблюдается и в научных исследованиях, касающихся эллинистической Бактрии. Так, в результате работы, включая перевод, над монографией Н. К. Дибвойза, посвященной Парфянскому царству, петербургский ученый В. П. Никоноров создал впечатляющее библиографическое приложение. В него он поместил труды ученых, которые работали над изучением истории и культуры этого государства и сопредельных территорий в течение семидесяти лет после выхода труда Н. К. Дибвойза (1938–2008) [7, с. 249]. В третьем разделе приложения В. П. Никоноров разместил библиографический список, касающийся эллинистической Бактрии и соседних стран, входивших в состав царств греко-бактрийских и индо-греческих правителей. Он занимает две-три страницы текста, что претендует на объем диссертационного исследования [7, с. 489–688]. Этот перечень состоит из сотен отечественных и зарубежных наименований. Сегодня этот список может быть дополнен новыми пунктами.

По мнению Ф. Р. Анкерсмита, историческое знание является, скорее, упорядочением знания [3, с. 339]. Предлагается выход из создавшегося положения в виде систематизации этого объема данных, начиная с самого начала изучения культуры Бактрии эллинистического времени.

Попытка некоторого теоретизирования позволит осуществить прогнозирование развития научных знаний и определить приоритетные направления исследований по данной теме. При этом изучение эллинистической Бактрии должно быть представлено как прикладное направление в науке, сопряженное с политикой, причем не только актуальной сегодня, но и в истории международных отношений прошедших столетий. Недаром Ф. Р. Анкерсмит отметил связь истории и культуры прошлого, которые показаны нам в сочинениях ученых и литераторов, с политическими реалиями настоящего. Данная связь, на первый взгляд кажущаяся умозрительной, превращает в современной жизни теорию в практику [4, с. 285–287].

Сделаем следующий методологический вывод. Так как мы будем иметь дело с научными текстами (нарративами), опираясь на мнение Ф. Р. Анкерсмита, в нарративных высказываниях ученых мы найдем две функции: одну, описывающую историческую реальность, и вторую, индивидуализирующую «точку зрения» [3, с. 334].

Первый период развития научной мысли о культуре эллинистической Бактрии связан с эпохой европейского Просвещения.

Возрожденческий интерес к античному наследию породил мощнейшую волну научных изысканий. В конце XVII – начале XVIII века страстный коллекционер нумизматики Ж. Фуа-Вайян публикует ряд работ, основанных на результатах исследований и путешествий по Средиземноморью, Ближнему и Центральному Востоку. Будучи протеже самого Ж.-Б. Кольбера и находясь под покровительством Людовика XIV, он не смог завершить все начатое. Настолько масштабно он подходил к своей работе. Примерно через два десятилетия после его кончины Ш. Де Валуа де ля Марс заканчивает и публикует его масштабное исследование, посвященное парфянским царям.

В этой работе важное место занимает описание внешнеполитических реалий в истории Парфии. В этой связи затрагиваются сюжеты, посвященные Греко-Бактрийскому царству, воевавшему и заключавшему мирные договоры с Аршакидами. Правление греко-бактрийских царей описывается в «Анналах Аршакидов», в первой части этого труда [21, р. 1–5], и в последующей

части, которая имеет свою нумерацию страниц и в которой идет повествование об отдельных правителях данной династии [21, р. 2–3, 13, 27–28, 34, 37, 39–41, 43–44]. Некоторые имена этих монархов были забыты с античных времен. Средневековые их утратило. Благодаря нумизматике, с привлечением письменных источников эти имена вновь ожили в этом исследовании [22, р. 10].

В 1725 году, в год публикации этой французской работы об Аршакидах, происходит важный прорыв в научной жизни России – открытие Академии наук в Санкт-Петербурге. В этом году Г. З. Байер, выпускник Кенигсбергского университета, специализировавшийся на классических древностях и востоковедении [24, р. 13], получил приглашение поступить на русскую службу [18, р. 64]. Петровское время рождало коренные изменения в культурной политике. Например, для создания музейных коллекций организовывались первые экспедиции для обнаружения памятников культурного наследия и исторических древностей [11, с. 57]. Даже знаменитые серебряные фалары с изображением эллинистического боевого слона оказываются благодаря этому в Кунсткамере, а сегодня хранятся в Эрмитаже.

Первый российский академик-гуманитарий стал автором первого специального исследования, посвященного эллинистическим царствам в Бактрии и Индии. Данный труд до сих пор остается «хорошей сводкой материала» по этим странам [18, р. 67]. В его работе, как и в трудах Ж. Фуа-Вайяна, важное место занимают нумизматические источники. Некоторые из них он публикует в своем исследовании [19, р. 99–100, fig. 1]. При этом уже в начале «Истории Бактрийского царства греков» Г. З. Байер ссылается на своего предшественника [19, р. 45].

Новаторство монографии великого академика заключалось не только в научной значимости, но и в актуальности, не потерявшей значения до сих пор. Завершена эта работа была в конце 1737 года. Посвящение Анне Иоанновне в начале трактата датировано Рождеством Христовым, 25 декабря 1737 года. В 1738 году это исследование увидело свет и стало его последней работой. В феврале он скончался в Санкт-Петербурге. Эти годы были временем русско-турецкой войны (1735–1739), в ходе которой русские войска впер-

вые вошли на Крымский полуостров. В этом году русским войскам под командованием П. П. Ласси пришлось оставить попытки закрепиться в Крыму, где предлагал основать базу черноморского флота Г. З. Байер на месте древнего Херсонеса. Он высказал это мнение на шестой странице рассмотренного выше труда в посвящении российской императрице.

В этой связи исследование Г. З. Байера носило характер научной аналитики, которая должна повлиять на ход современной политики. Действительно, сложно предположить столь деятельного ученого, не пытающегося превратить свои работы в прагматические труды, теорию реализовать на практике. Ведь российская дипломатия того времени тесно взаимодействовала с основным потенциальным восточным союзником в борьбе с Османской империей – Персией. В 1735 году подписывается Гянджинский договор, по которому Россия уступала персидской державе Дербент и Баку. Проводил переговоры Надир Кули-хан, впоследствии ставший персидским правителем Надир-шахом (1736–1747). Именно ему удалось создать обширную империю в центральной части Евразии, покорив афганцев, многие народы Кавказа, совершив походы против османов и в Индию.

По-видимому, в представлении Г. З. Байера Анна Иоанновна, окончательно закрепившая выход к Черному морю за Россией, ассоциировалась с восстановлением «пути из варяг в греки» и цивилизационных геополитических основ российской державности, установившихся со времени первых русских князей. Вероятно, он мог проводить параллель между Рюриком и Олегом, с одной стороны, Петром I и Анной Иоанновной, с другой стороны. Первые создали крупную европейскую империю в Средневековье, а вторые – евразийско-американскую империю Нового времени.

Одной из целей такой геополитики Г. З. Байер мог видеть восстановление другой важной цивилизационной артерии для русской государственности («пути из варяг в арабы»), идущей в Прикаспий. Каспийский регион, тесно связанный со странами Центральной Азии, открывал пути на просторы Индийского субконтинента и новые перспективы контактов с Китаем. Поэтому столь важно было описание государств, которые когда-

то впервые создали европейцы на центральноазиатских и индийских территориях. Это произошло в эллинистический период, начиная с походов Александра Великого. Политический опыт, культурное наследие древности могло представлять для представителей эпохи Просвещения важнейшую модель, так как никто из европейских монархов и ни одно из западных государств не покоряло народы этого региона до времени жизни Г. З. Байера. Задача работы академика о Бактрии и Индии – показать достижения и просчеты управления этими землями со стороны эллинов, рассмотреть физическую географию и культурные особенности для их учета во время контактов и освоения этих обширных и богатых пространств.

Таким образом, работа Г. З. Байера – типичный плод эпохи Просвещения, когда ученые творили на основе рационализма. «Строгость научной критики, точность научного доказательства», по мнению отечественного исследователя Н. Л. Рубинштейна, отличали творчество выдающегося академика аннинского времени [14, с. 96]. Научное осмысление античного прошлого здесь сменило ренессансное эстетическое восприятие наследия греков и римлян.

С правления Петра I начинается важный период в истории международных отношений, который впоследствии получил свое название в отечественной и зарубежной литературе «Большая игра», благодаря британскому офицеру и разведчику А. Конолли, обезглавленному по распоряжению эмира Бухары в 1842 году [15, с. 6; 13, с. 51]. Этот термин употребил Р. Киплинг в романе «Ким» [9, с. 24, 160, 205, 223, 263]. Он приобрел со временем популярность и означал геополитическое соперничество между Российской и Британской империями. Недаром этот британский литератор, родившийся на Востоке, стал автором строк: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись...» [17, с. 222]. В 1704 году в Казани учреждается адмиралтейство для строительства флота, действующего на Каспийском море.

В 1715–1716 годах А. Бекович-Черкасский описывает восточное побережье Каспия, а в 1717 году предпринимает неудачный поход на Хивинское ханство. Результатом этого предприятия стала гибель экспедиционного корпуса и

самого командующего [1, с. 6–14]. В 1722–1723 годах Петр I осуществляет знаменитый Персидский поход, который завершился присоединением к Российской империи дагестанских и азербайджанских земель, включая Дербент и Баку [12, с. 234–235].

В 1716 году в Россию пребывает бухарский посол Хан-Кули-бек [13, с. 10]. Вместе с ним отправляется посланник из России, служивший секретарем в Ориентальной экспедиции в Коллегии иностранных дел, итальянец по происхождению Ф. Беневени [13, с. 16]. В течение 1721–1725 годов он находился в Бухаре, откуда бежал в Хиву. Хивинский хан пригласил его для нормализации отношений с российским императором после гибели отряда А. Бековича-Черкасского [13, с. 26]. После чего российский дипломат с дарами от хана вернулся к русскому двору, не застав в живых Петра I.

Однако следует учесть, что политика Петра Великого не могла быть без оглядки на доминирующие европейские державы. Начиная с образования Вестфальской системы международных отношений в 1648 году, Франция эпохи Людовика XIV стала не только претендовать на лидерство в европейской политике, но и наращивать присутствие в мировом океане, что и привело к активизации колониальной политики. Параллельно этому процессу происходит образование Великобритании в 1707 году, что способствует выведению внешней политики англичан на новый уровень.

Большая игра началась в XVIII веке, и в ней принимали участие не только Россия и Англия, но и другие заинтересованные игроки, включая Францию. Неслучайным является факт публикации первой крупной работы о Парфянском царстве, касающейся Персидского государства XVIII века и современного Ирана именно во Франции в 1725 году (об этом говорилось выше).

Сами по себе работы Ж. Фуа-Вайяна и Г. З. Байера являются частью начала Большой игры, теми культурными инструментами времени Просвещения, которые формировали взгляды политической элиты. Они открывают тандем двух научных тем: первый сюжет – Парфия (западная часть Центральной Азии) и второй сюжет – Бактрия, Согдиана (восточная часть Центральной Азии), Индия. Сложно себе представить

решение проблем Афганистана в ходе Новейшей истории в отрыве от Ирана, Пакистана, Индии и среднеазиатских республик бывшего СССР.

Большая игра продолжалась и в XX веке. Показателен факт публикации в один и тот же год, спустя два века после выхода в свет работы Г. З. Байера, двух монументальных монографий: Н. К. Дибвойза «Политическая история Парфии» и У. В. Тарна «Греки в Бактрии и Индии». Следует учитывать, что это произошло в канун начала самой грандиозной войны в истории человечества, а Н. К. Дибвойз с началом Второй мировой войны стал служить в разведке и сделал карьеру дипломата [7, с. 10].

Таким образом, зависимость изучения эллинистической Бактрии и геополитики ведущих мировых держав налицо.

При этом важно учитывать не только актуальные веяния и новые достижения в науке, но и, используя накопленный материал, создавать новые обобщающие исследования, сублимируя огромный объем информации.

Наполеон Бонапарт поколебал основы Вестфальской системы международных отношений.

В 1801 году Павел I направляет на Бухару и Хиву казачий корпус, что стало бы прологом совместного с Наполеоном нашествия на Индию. Убийство российского самодержца, по-видимому, не без участия британской дипломатии, остановило этот поход, кажущийся утопическим и нереальным. Александр I вернул это подразделение обратно.

Октябрь 1812 года стал для Российской империи временем, когда инициатива перешла в ее руки не только на французском фронте, но и на персидском направлении. Вслед за победой над французами под Тарутино русский отряд под командованием П. С. Котляревского уничтожил основные силы персидской армии в битве при Асландузе. Примечательно, что англичане не только выступили на стороне персов в качестве советников, но и участвовали в этом сражении, в котором некоторые погибли или были взяты в плен. 1812 год стал началом прямого столкновения русских и англичан в ходе российского «броска на юг», политики присоединения кавказских и среднеазиатских земель. В 1813 году по Гюлистанскому договору с Персией к России отошли значительные территории Кавказского региона.

В XIX веке сложилась новая Венская система международных отношений после разгрома Наполеона в 1815 году. В ходе борьбы с ним формируется новый, наиболее острый этап Большой игры. В 1830-е и 1840-е годы Британия наращивает свое присутствие в Афганистане, а Россия – в Средней Азии. В 1853–1854 годах В. А. Перовский совершил победоносный Кокандский поход, в ходе которого основали форпост Верный (будущий город Алматы). Однако продвижение России в регионе прервала Крымская (Восточная) война, которая поставила точку на Венской системе.

Вторая половина XIX века ознаменовалась покорением Россией Средней Азии. В 1885 году происходит столкновение на Кушке между афганскими и российскими войсками, которое провоцирует конфликт с Великобританией. Александр III, не желая вовлекать Россию в широкомасштабную войну с англичанами в Афганистане, предпочел перейти к переговорам и определить границы. В 1890 году была основана крепость Кушка на границе с Афганистаном, которая стала самым южным форпостом России до конца советского времени. В 1891–1982 годах заключаются соглашения между Россией и Францией, что усиливает их влияние на границах. Накануне Первой мировой войны противоречия между Великобританией и Россией в Центрально-Азиатском регионе прекратились, как и локальные конфликты в колониях между Францией и Великобританией. Это послужило важной вехой в формировании Антанты.

Таким образом, второй период развития знаний об эллинистической Бактрии занимает время от Наполеоновских войн до Первой мировой войны. В эту эпоху гуманитарная наука получила мощный импульс, благодаря новым веяниям: эволюционизму, диффузионизму, расово-антропологической теории. В 1830-е годы И. Г. Дройзен создает свои монументальные труды по истории эллинизма.

В 1838 году, спустя ровно столетие после выхода труда Г. З. Байера, в Германии выходит в свет работа норвежского и германского ученого К. Лассена, который в начале своего исследования говорит о своем предшественнике [23, s. 6] и, в частности, делает ссылки на результаты его изысканий. Например, касаясь правления греко-бактрийских династий, он рассуждает о двух

Евкратидах «отце и сыне» с опорой на монографию Г. З. Байера [23, s. 179].

Безусловно, в распоряжении К. Лассена находились более многочисленные нумизматические источники, которые он более скрупулезно исследует и даже осуществляет перевод индийских легенд на монетах греко-бактрийских и индо-греческих правителей. Его труд имеет более критические оценки и более широкую историографическую базу. Недаром мы встречаем уже на первых страницах его исследования имена многих выдающихся классиков науки того времени. Здесь достаточно вспомнить Д. Рауля-Рошетта, крупного французского исследователя античной культуры [23, s. 9], или известного петербургского ученого, работника Эрмитажа, создателя грандиозного труда по античной нумизматике Е. Е. Келера [23, s. 8].

В 1841 году в продолжение работы К. Лассена выходит значительное исследование Г. Г. Вильсона, выдающегося британского исследователя Индии. В первой части своего сочинения он рассказывает о новых открытиях, сделанных британцами на Востоке [30, p. 1–50]. Например, здесь мы узнаем о деятельности английских офицеров, собирателей древних артефактов, преимущественно нумизматических коллекций Дж. Тода [30, p. 4–6] и К. Маккензи [30, p. 7]. Особое внимание уделено исследованиям блестящего гуманитария Дж. Принсепса [30, p. 8–36]. Отдельная сага посвящена знаменитому первооткрывателю Хараппы и колоссальных статуй Будды в Бамиане [30, p. 10–50], оставившему шуточную надпись рядом с одной из них:

*If any fool this high samootch explore,
Know Charles Masson has been before
(Пусть знает тот дурак, залезший высоко,
Что Чарльз Массон здесь был когда-то
до него) [20, p. 207].*

Чарльз Массон (настоящее имя Джеймс Льюис), находившийся на службе Британской Ост-Индской компании, описал многие памятники Афганистана и Индии. Его археологические изыскания были многообразны, но прежде всего коснулись буддийских комплексов (см. [10, с. 19]). Увлеченный походами Александра, искатель при-

ключений, участник Большой игры, обвиненный в шпионаже в пользу России [26, р. 123], он покинул Восток и закончил жизнь в Англии, работая над археологическими отчетами и нумизматикой. Вторая часть монографии Г. Г. Вильсона отдельно повествует о результатах работы Ч. Массона [30, р. 55–118]. До сих пор наследие последнего, хранящееся в Британском музее, является предметом пристального и отдельного изучения.

Четвертая часть исследования Г. Г. Вильсона – повествование, касающееся Бактрии со времени Александра до вторжения мусульман с привлечением огромного количества нумизматических источников [30, р. 215–441].

Отечественная наука XIX века также работала над обобщением и критическим осмыслением накопленных данных. Так, В. В. Григорьев в работе о Греко-Бактрийском царстве подверг критике различные гипотетические конструкции ученых, опиравшихся исключительно на нумизматический материал для реконструкции событий и последовательности правления представителей греко-бактрийских и индо-греческих династий [6, с. 343].

Первая половина XX века по-новому настроила векторы международных отношений. «Пробуждение Азии», создание и крушение Версальской системы, Первая и Вторая мировые войны меняли картину Большой игры. Эта эпоха времени мировых войн может по праву считаться третьим периодом в развитии научных исследований о Греко-Бактрии и Индо-греческих царствах.

Набор источников при изучении этих государств принципиально не менялся. У. В. Тарн вообще считал, что греко-бактрийских царей, поглощенных войнами, не интересовало искусство [28, р. 293]. В год Мюнхенского сговора (1938), в последний предвоенный год, он в своей монографии написал: «...ни один из македонян Александра не смог бы выгравировать монету или вырезать статую, чтобы спасти свою жизнь» [29, р. 128].

Прошла Великая война, продолжила разрушаться колониальная система, созданная европейцами в начале Нового времени. В 1947 году становится свободной Индия. Начало холодной войны подогревало интерес к региону и его культуре.

На десятилетие независимости Индии британский профессор индийского происхождения

А. К. Нарайн публикует эпохальную работу «Индо-греки», в которой полемизирует с У. В. Тарном. При этом часто он доходит до самых крайних суждений относительно культурных основ эллинистических государств в Бактрии и Индии. А. К. Нарайн утверждал, что «устройство Греко-Бактрии и индо-греческих царств отличается от эллинистических государств Ближнего Востока». Бактрия не была «пятой эллинистической державой». Он пишет о центральноазиатских и индийских эллинах, что «их история – часть истории Индии, а не эллинистических государств», и перефразирует крылатую фразу, брошенную Цезарем: «...они пришли, они увидели, но Индия победила» [25, р. 11].

Столь полярные оценки в научной литературе середины XX века напоминали диспут начала эллинистического времени. Дdiamетрально противоположные точки зрения на тему взаимоотношений эллинов и варваров мы наблюдаем у Аристотеля и его ученика Александра Великого. Произошло столкновение между двумя полюсами: политической теорией и исторической практикой.

Новые теоретические доктрины повлияли на результаты полевых исследований. Время расцвета творческой карьеры французского теоретика и историка культуры М. Фуко совпало с грандиозными находками в Афганистане, сделанными французскими археологами. Интерес к частностям, казалось бы, мелочам, любому проявлению культуры, феноменология, неопозитивизм с критикой постмодернизма – все это становилось основанием для новых научных открытий. Именно теоретический прогноз, сделанный в 1961 году Д. Шлюмберже и основанный на результатах исследования постэллинистического храмового комплекса в Сурх-Котале, позволил говорить о наличии глубоких греческих культурных корней в искусстве Бактрии после падения власти эллинов над этими территориями [29, р. 77–95]. В 1964 году Французская археологическая миссия начала исследования Ай-Ханум, эллинистического полиса на Востоке. Скепсис ученых середины XX столетия и теория так называемого «бактрийского миража», существовавшего в научной литературе, были развеяны практикой полевых исследований.

За этими сенсационными открытиями последовали и другие крупные проекты по изучению археологических памятников времени эллинизма в этом регионе. Во второй половине XX – начале XXI века, на четвертом, последнем этапе развития знаний об эллинистической Бактрии, перед нами возникли из недр земли многие города и крепости времени Александра, найдены грандиозные клады, состоящие из сотен тысяч монет и десятков тысяч ювелирных изделий, античные статуи школ Лисиппа и Скопаса. Благодаря находкам надписей в ходе полевых исследований, сегодня совершен значительный прорыв в понимании культурного значения греческого языка, используемого в Центральной Азии и Индии после падения эллинских династий. Некоторые надписи могут быть датированы I веком н. э. [5, с. 93], что говорит о сохранении высокой престижности языка древних греков [5, с. 94].

В последнее время новые игроки стали активно проявлять себя на ниве изучения рассматриваемого региона и эпохи. Большой интерес проявился не только со стороны «традиционных» научных школ, изучающих данный предмет.

На конец XX – начало XXI века приходится значительное число публикаций выдающегося американского ученого, профессора Хьюстонского университета Ф. Холта. Характерны темы одной из его последних монографий: история изучения эллинистической Бактрии, современного Афганистана и история исследования бактрийской и индийской нумизматики эллинистического периода.

На рассматриваемом научном направлении скоро ярко себя проявят коллеги с Дальнего Востока, так как присутствует явная геополитическая заинтересованность в Центрально-Азиатском и Индийском регионах со стороны государств, расположенных на самом восточном краю Евразии.

К концу XX века исчезли Британская, Французская и Российская империи. При этом неоколонизализм – реальность современных международных отношений. Он вооружен новыми методами и инструментами. Политика «мягкой силы», использующая ресурсы культуры, является одной из них. За столом переговоров появляются свежие игроки и обсуждается все больший спектр предметов. Становясь более сложной и совершенной, Большая игра продолжается...

Литература

1. Адилов Ж. Х. Изучение экспедиции Александра Бековича-Черкасского в Хиву в контексте историко-географических исследований // Проблемы истории, археологии и этнографии Центральной Азии / отв. ред. А. С. Сагдуллаев. – Ташкент: Нац. ун-т Узбекистана им. М. Улугбека, 2018. – С. 6–14.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под ред. Л. Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
4. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / пер. А. Глухова. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 288 с.
5. Балахванцев А. С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // Рос. археология. – 2014. – № 4. – С. 89–96.
6. Григорьев В. В. Греко-Бактрийское царство // Журн. М-ва народ. просвещения. – 1867. – Ч. CXXXVI. – С. 321–359.
7. Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии / пер. с англ., науч. ред. и библиограф. прилож. В. П. Никонова. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. – 816 с.
8. Ергин Д. В поисках энергии: Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / пер. с англ. И. Евстигнеевой, О. Мацак. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 720 с.
9. Киплинг Р. Ким: Роман / пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой; предисл., коммент. Ю. И. Кагарлицкого. – М.: Высш. шк., 1990. – 287 с.
10. Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаиров В. А. Археология Афганистана в дни мира и войны. – М.: Ин-т археологии РАН, 2014. – 164 с.
11. Кулемзин А. М. Либерализм, радикализм и патриотизм в отношении к сохранению исторического и культурного наследия // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 47. – С. 56–65.
12. Лысов В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1951. – 248 с.

13. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Г. Воловникова; отв. ред. В. Г. Халфин. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. – 160 с.
14. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. – М.: Госполитиздат, 1941. – 642 с.
15. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. – 454 с.
16. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сб. / пер. с англ.; сост. А. П. Огурцов. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
17. Третьякова Е. Ю., Спачиль О. В. Русскоязычные переводы и переложения «Баллады о Востоке и Западе» Р. Кипплинга // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимодействия / отв. ред. А. Н. Еремеева; редкол. И. И. Горлова и др. – Краснодар: Экоинвест, 2015. – С. 219–227.
18. Фролов Э. Д. Русская наука об Античности: историограф. очерки. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 544 с.
19. Bayer Th. S. Historia regni Graecorum Bactriani. – Petropoli: Typographia Academiae Scientiarum, 1738. – 270 p.
20. Errington E. Rediscovering the collections of Charles Masson // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / ed. by M. Alram and D. E. Klimburg-Salter. – Vienna: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. – P. 207–237.
21. Foy-Vaillant J. Arsacidarum Imperium, sive Regum Parthorum Historia: Ad fidem Numismatum accommodata. – Parisiis: Carolus Moette, 1725. – T. 1. – 521 p.
22. Holt F. L. Lost World of the Golden King: In Search of Ancient Afghanistan. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2012. – 368 p.
23. Lassen C. Zur Geschichte der Griechischen und Indoscythischen Könige in Baktrien, Kabul und Indien durch Entzifferung der altkabulischen Legenden auf ihren Münzen. – Bonn: König, 1838. – xii, 285 s.
24. Lundbaek K. T. S. Bayer (1694–1738). Pioneer sinologist. – London; Malmö: Curzon Press. 1986. – xiv, 241 p.
25. Narain A. K. The Indo-Greeks. – Oxford: Clarendon Press, 1957. – 217 p.
26. Possehl G. L. An Archaeological Adventurer in Afghanistan: Charles Masson // South Asian Studies. – 1990. – Vol. 6. – P. 111–124.
27. Schlumberger D. The Excavations of Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India // Proceedings of the British Academy. – 1961. – Vol. XLVII. – P. 77–95.
28. Tarn W. W. Notes of Hellenism in Bactria and India // Journal of Hellenic Studies. – 1902. – Vol. XXII. – P. 268–293.
29. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. – Cambridge: Cambridge University Press, 1938. – xxiii, 539 p.
30. Wilson H. H. Ariana Antiqua: A descriptive account of the antiquities and coins of Afghanistan: With a Memoir on the buildings called topes by C. Masson. – London: East India Company, 1841. – xvi, 452 (4) p. xxii pls.

References

1. Adilov Zh.Kh. Izuchenie ekspeditsii Aleksandra Bekovicha-Cherkasskogo v Khivu v kontekste istoriko-geograficheskikh issledovaniy [The Research of Alexander Bekovich-Cherkassky expedition to Khiva in the context of the historical-geographic studies]. *Problemy istorii, arkhologii i etnografii Tsentral'noy Azii [The Problems of History, Archeology and Ethnography of Central Asia]*. Ed. A.S. Sadullaev. Tashkent, National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek Publ., 2018, pp. 6–14. (In Russ.).
2. Ankersmit F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory [History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor]*. Transl. from English M. Kukartseva, E. Kolomoets, V. Kashaeva. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496 p. (In Russ.).
3. Ankersmit F.R. *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov [Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language]*. Transl. from English O. Gavrishina, A. Oleynikov. Ed. L.B. Makeeva. Moscow, Igrya-Press Publ., 2003. 360 p. (In Russ.).
4. Ankersmit F.R. *Politicheskaya reprezentatsiya [Political Representation]*. Transl. from English A. Glukhova. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2012. 288 p. (In Russ.).
5. Balakhvantsev A.S. Novaya nadpis' iz Takhti-Sangina i nekotorye problemy vostochnogo ellenizma [The new Inscription from Takht-i Sangin and several Problems of the Eastern Hellenism]. *Rossiiskaya arkhologiya [Russian Archeology]*, 2014, no. 4, pp. 89–96. (In Russ.).
6. Grigoryev V.V. Greko-Baktriyskoe tsarstvo [Greco-Bactrian Kingdom]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo obrazovaniya [The Journal of the Ministry of National education]*, 1867, 136, pp. 321–359. (In Russ.).
7. Dibvoyz N.C. *Politicheskaya istoriya Parfii [A Political History of Parthia]*. Transl. from English, scient. ed. and bibliograph. suppl. V.P. Nikonorova. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Publ., 2008. 816 p. (In Russ.).

8. Ergin D. *V poiskakh energii: Resursnye voyny, novye tekhnologii i budushchee energetiki* [The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World]. Transl. from English I. Evstigneeva, O. Matsak. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 720 p. (In Russ.).
9. Kipling R. Kim: *Roman* [Kim: Novel]. Transl. from English M. Klyagina-Kondratyeva, Article, comment. Yu.I. Kagarlitskiy. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990. 287 p. (In Russ.).
10. Koshelenko G.A., Munchaev R.M., Gaibov V.A. *Archeologiya Afganistana v dni mira i voyny* [Archeology of Afghanistan during the Peace and Wars]. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 164 p. (In Russ.).
11. Kulemzin A.M. Liberalizm, radikalizm i patriotizm v otnoshenii k sokhraneniyu istoricheskogo i kul'turnogo naslediya [Liberalism, Radicalism and Patriotism in a relationship to the preservation of historical and cultural heritage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 47, pp. 56-65. (In Russ.).
12. Lystsov V.P. *Persidskiy pokhod Petra I: 1722–1723* [The Persian campaign of Peter I: 1722–1723]. Moscow, Moscow University Publ., 1951. 248 p. (In Russ.).
13. *Poslannik Petra I na Vostoke. Posol'stvo Florio Beneveni v Persiyu i Bucharu v 1718–1725 godakh* [The Ambassador of Peter I in the East. Embassy of Florio Beneveni to Persia and Bukhara in 1718–1725]. Ed., article and comment. V.G. Volovnikov; ed. V.G. Khalfin. Moscow, Nauka Publ., East. literature Publ., 1986. 160 p. (In Russ.).
14. Rubinshteyn N.L. *Russkaya istoriografiya* [The Russian Historiography]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1941. 642 p. (In Russ.).
15. Sergeev E.Yu. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy* [The Great Game, 1856–1907: myths and realities of the Russian-British relationships]. Moscow, Partnership of the Scientific Issues KMK Publ., 2012. 454 p. (In Russ.).
16. Toynbee A.J. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Transl. from English. Ed. A.P. Ogurtsov. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p. (In Russ.).
17. Tretyakova E.Yu., Spachil O.V. Russkoyazychnye perevody i pereloženiya “Ballady o Vostoke i Zapade” R. Kiplinga [The Russian translations and versifications of R. Kipling’s “Ballad of East and West”]. *Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vsaimodeystviya* [Britishers and Peoples of Russia’s South: the Problems of Interaction]. Ed. A.N. Ereemeeva, I.I. Gorlova and others. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2015, pp. 219-227. (In Russ.).
18. Frolov E.D. *Russkaya nauka ob Antichnosti: istoriograficheskie ocherki* [Russian Science of Antiquity: Historiographical Essays]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1999. 544 p. (In Russ.).
19. Bayer Th.S. *Historia regni Graecorum Bactriani*. Petropoli, Typographia Academiae Scientiarum, 1738. 270 p. (In Latin).
20. Errington E. Rediscovering the collections of Charles Masson. *Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. Ed. M. Alram and D.E. Klimburg-Salter. Vienna, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999, pp. 207-237. (In Engl.).
21. Foy-Vaillant J. *Arsacidarum Imperium, sive Regum Parthorum Historia: Ad fidem Numismatum accommodata*. Parisiis, Carolus Moette, 1725, vol. 1. 521 p. (In Latin).
22. Holt F.L. *Lost World of the Golden King: In Search of Ancient Afghanistan*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2012. 368 p. (In Engl.).
23. Lassen C. *Zur Geschichte der Griechischen und Indoscythischen Könige in Baktrien, Kabul und Indien durch Entzifferung der altkabulischen Legenden auf ihren Münzen*. Bonn, König Publ., 1838. xii, 285 s. (In Germ.).
24. Lundbaek K.T.S. *Bayer (1694–1738). Pioneer sinologist*. London and Malmö, Curzon Press, 1986. xiv, 241 p. (In Engl.).
25. Narain A.K. *The Indo-Greeks*. Oxford, Clarendon Press, 1957. 217 p. (In Engl.).
26. Possehl G.L. An Archaeological Adventurer in Afghanistan: Charles Masson. *South Asian Studies*, 1990, vol. 6, pp. 111-124. (In Engl.).
27. Schlumberger D. The Excavations of Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. *Proceedings of the British Academy*, 1961, vol. 47, pp. 77-95. (In Engl.).
28. Tarn W.W. Notes of Hellenism in Bactria and India. *The Journal of Hellenic Studies*, 1902, vol. 22, pp. 268-293. (In Engl.).
29. Tarn W.W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, Cambridge University Press, 1938. xxiii, 539 p. (In Engl.).
30. Wilson H.H. *Ariana Antiqua: A descriptive account of the antiquities and coins of Afghanistan: With a Memoir on the buildings called topes by C. Masson*. London, East India Company Publ., 1841. xvi, 452 (4) p. (In Engl.).

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Попович Элина Владимировна, аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма (г. Симферополь, РФ). E-mail: elinapopowi4@mail.ru

В статье рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию феномена «национально-культурная идентичность». Анализируются различные концепции российских и зарубежных исследователей, посвященные выявлению взаимосвязи таких феноменов, как «этнос» и «нация», «национальная» и «этническая идентичность», «этнокультурная идентичность». Раскрывается содержание термина «идентичность», выявляются черты его сходства и различия с этимологически близким понятием «идентификация». Делается упор на концепцию множества идентичностей, в связи с которой каждый человек имеет возможность быть включенным одновременно в несколько объединений, а также способен осуществлять переход от одной идентичности к другой. Подчеркивается, что при этом сами объединения людей являются носителями множества идентичностей, значимость которых меняется с течением времени.

Важной составляющей является исследование понятий «этнос» и «нация» как взаимосвязанных феноменов, которые функционируют как формы групповой идентичности, часто конкурирующие по причине различных оснований объединения данных общностей: первую группу организует культурная и историческая составляющая, вторую же – государственная, или политическая.

Анализируется понимание феномена национальной идентичности в зависимости от уровней понимания феномена «нация». Национальная идентичность рассматривается как составляющая этнокультурной идентичности, в структуру которой входят родовая и этническая идентичности.

Делается вывод, что культура является важнейшим компонентом каждой нации, так как наиболее существенные проблемы наций зачастую координируются не в сфере экономики, текущей политики и проблем обороны, а в сфере духовных, неосознанных символов. Подчеркивается важность формирования национально-культурной идентичности как ключевого фактора консолидации людей в едином государственном пространстве.

Ключевые слова: идентичность, нация, этнос, национальная идентичность, этническая идентичность, национально-культурная идентичность.

NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY AS A THEORETICAL PROBLEM

Popovich Elina Vladimirovna, Postgraduate of Philosophy, Culturology and Humanities Department, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol, Russian Federation). E-mail: elinapopowi4@mail.ru

The article deals with the main theoretical approaches to the phenomenon of “national and cultural identity.” Various concepts of the Russian and foreign researchers devoted to revealing the interrelation of the phenomena “ethnos,” “nation,” “national,” “ethnic identity,” and “ethno-cultural identity” are analyzed. The content of the term “identity,” its similarities and differences with the etymologically close concept of “identification” is revealed. The emphasis is placed on the concept of multiple identities, in connection with which an individual can be a member of several associations and be able to “switch identities.” It is emphasized that associations of people have many identities, the importance of which changes over time.

An important component is the study of the concepts of “ethnos” and “nation” as interrelated phenomena that coexist as two, often-competing forms of group identity; the cultural and historical community is a decisive factor for the first form, the political (state) community determines the second one.

The interpretation of national identity is analyzed depending on the levels of understanding the phenomenon of “nation.” National identity is considered as a component of ethno-cultural identity, the structure of which includes generic and ethnic identity.

It is concluded that culture is the most important component of each nation, as the most substantial problems of Nations are often associated not with the economy, current policy and defense problems, but with some immaterial, intangible symbols. The importance of the formation of national and cultural identity as a key factor in the consolidation of people in the common state space is emphasized.

Keywords: identity, nation, ethnos, national identity, ethnic identity, national and cultural identity.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-193-200

Введение. В связи с изменениями в социокультурной жизни современного российского общества актуализируются исследования, связанные с изучением различных видов идентичности. В условиях интеграции Крыма в российское социокультурное и политическое пространство наиболее актуальной для культурологических исследований становится проблема формирования общероссийской гражданской идентичности. Рассмотрение ее через призму феномена национально-культурной идентичности дает возможность более полно осмыслить процесс интеграции и выявить его разносторонние аспекты.

Понятием «идентичность» оперирует целый ряд социально-гуманитарных наук, таких как социальная философия, психология, социальная психология, культурная антропология, где данная категория представляет субъекты и общности в качестве относительно устойчивых, самоидентифицируемых единств. Междисциплинарный подход дает возможность осуществления разностороннего изучения этой категории [5].

Разнообразные аспекты идентичности рассмотрены в работах таких российских авторов, как О. Н. Астафьева, Ю. В. Арутюнян, В. А. Ачкасов, Н. П. Бердякова, Т. Г. Богатырева, М. Н. Губогло, В. Н. Дахин, Л. М. Дробижева, В. К. Егоров, М. С. Каган, В. В. Кочетков, Э. А. Куруленко, И. В. Мазуренко, В. С. Малахов, И. В. Малыгина, В. М. Межуев, У. Н. Москвичев, Д. Н. Нефедова, О. И. Пименова, Т. А. Сенюшкина, О. Б. Скородумова, И. Н. Тимофеев, В. А. Тишков, В. П. Торукало, А. В. Швецова.

В числе наиболее известных зарубежных исследователей следует отметить таких авторов, как У. Альтерматт, Б. Андерсон, З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Э. Геллнер, Й. Г. Гердер, Э. Гидденс, М. Кастельс, Д. Локк, П. Монро, С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Смит, Дж. Тернер, Г. Тэд-жфел, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Э. Хобсбаум, Э. Эрикссон и др.

Цель данной статьи – осуществить концептуальный анализ теоретических исследований феномена национально-культурной идентичности в российской и зарубежной литературе.

Термин «идентичность» вошел в научный оборот сравнительно недавно, примерно в середине XX века. Изначально он появился в психологии и рассматривался такими мыслителями, как З. Фрейд, Э. Эрикссон, А. Адлер, Э. Фромм. Далее последовало изучение идентичности в философии, социологии, этнологии. Вследствие этого на сегодняшний день сложился достаточно широкий спектр ее толкований и вариантов классификаций. Так, выделились культурная, гражданская, этническая, национальная, политическая, региональная, религиозная идентичности, а также их переходные формы – этнокультурная, национально-культурная.

В основе слова «идентичность» лежит латинское «*idem*», что переводится как «тот же самый». В буквальном переводе «*identity*» означает несколько различные процессы: узнавание и отождествление. В русском лексиконе до 60-х годов XIX века не существовало слова «идентичность». Для обозначения соответствующего явления ис-

пользовали слово «тождество», что означает соответствие, совпадение с кем- или чем-либо.

История термина «идентичность» начинается с философских трактатов ученых Нового времени Д. Локка и Д. Юма, теории которых в эпоху модерна используют в контексте явления индивидуализации. Широкую известность термин «идентичность» приобретает в США в 50-х годах XX века в связи с выходом в свет труда «Идентичность: юность и кризис» психолога Э. Эриксона, который определил ее как «чувство личного тождества и исторической непрерывности личности» [20, с. 148].

Проблема идентичности анализировалась последователем символического интеракционизма С. Московичи в рамках теории психологии толпы; немецким социологом Ю. Хабермасом; в концепции баланса идентичности и коммуникативного действия авторами теорий социальной идентичности и самокатегоризации Г. Тэджфелом и Дж. Тернером (см. [10]). По мнению последних, социальная идентичность строится на категоризации, которая устанавливает деление на «своих» и «чужих» (см. [3, с. 162]).

Американский социолог и политолог С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» понимает идентичность как самосознание индивида или группы. По его мнению, глобальная политика сегодня строится в зависимости от вектора развития культуры. Народам и странам с различными культурами он сулит деление на составляющие, народам и странам со схожими культурами – объединение [18] (как это случилось в отношении России и Крыма).

Как отмечает Т. А. Сенюшкина, «идентичность – это форма самообнаружения многогранной сущности человека, способ выстраивания внутреннего мира в соответствии с определенными типами общности – религиозной, культурной, этнической, политической, гражданской и др. Идентичность помогает человеку ориентироваться в сложном мире этнических и культурных символов, имеющих свое преломление в пространстве политических смыслов и идей» [12, с. 89].

Исследователь И. В. Малыгина отмечает: «Культура локальных сообществ содержит в себе мощный идентификационный ресурс, сущность которого заключается: в обеспечении индивида базовыми, фундаментальными культурными

ориентирами, заложенными в социальном опыте местных сообществ и основанными на местной традиции... в реализации важнейшей потребности человека в “укорененности и принадлежности” через сознание и сакральное переживание единства с некой значимой для него общностью... в обеспечении индивидов самобытными образами идентичности, этнически окрашенными способами манифестации уникальности и самобытности культуры, от имени которой он выступает» [7, с. 116–117].

Необходимо обратить внимание на различия между синтаксически близкими терминами «идентичность» и «идентификация». Термин «идентификация» впервые употребил в своих научных исследованиях З. Фрейд. При помощи этого понятия он описал процесс и результат эмоционального самоотождествления индивида с другим человеком или группой, в соответствии с его представлениями о некоем идеальном образце.

Таким образом, идентификация понимается как отождествление индивида с общностью или его подражание поступкам ее членов. Идентичность же рассматривается через призму ценностных ориентаций, проблем приспособляемости индивида, которые разделяются или дополняются другими. Из вышесказанного следует, что идентификация и идентичность в совокупности представляют базис взаимодействия социума и человека [17].

В монографии «Идентификация идентичности: этносоциологические очерки» этнолог М. Н. Губогло [2] предложил концепцию множества идентичностей. Согласно ей, каждый человек имеет возможность быть включенным одновременно в несколько объединений, а также способен осуществлять переход от одной идентичности к другой. При этом сами объединения людей являются носителями множества идентичностей, значимость которых меняется с течением времени. Лишь в процессе серьезных потрясений на первом плане оказывается и вытесняет все остальные некая конкретная идентичность. Например, из-за болезни родственников первостепенной оказывается семейная идентичность. Сегодня, в связи с воссоединением Крыма с Россией и вытекающими последствиями в виде санкций, в затруднительном положении оказалась Россия, вследствие чего ведущую позицию заняла национально-культурная идентичность [3].

Понятие «нация» занимает промежуточное положение между этносом и цивилизацией. Нацию можно определить как исторически образовавшуюся совокупность людей, представляющих различные этносы, объединенную по принципу общности территории, экономического устройства, государственной власти, а также языка, менталитета и уклада жизни [4]. Однако нация, концентрируясь на культурных традициях входящих в ее состав этносов или основываясь на культурных традициях своего этнического большинства, всегда будет отличаться от этноса.

По мнению О. Б. Скородумовой, Россия объединяет множество этносов, в основе каждого из которых – своя культурная традиция. Однако в границах структуры этносов определяется лидирующий, исходя из терминологии Л. Н. Гумилева, отличающийся большей пассионарностью и консолидирующий остальные на принципах религии или идеологии, коим является русский этнос [13].

Несмотря на взаимосвязь, понятия «этнос» и «нация» являются феноменами, основанными на разных базисах. Этнос объединяет людей по культурным, психологическим, религиозным, языковым признакам, нация же – по территориальным, экономическим, политическим. В. А. Ачкасов отмечает, что «этническая и национальная идентичности <...> сосуществуют как две, зачастую конкурирующие формы групповой идентичности, для одной решающим фактором является культурная и историческая общность, для другой – политическая (государственная)» [1, с. 88].

В. М. Межуев разграничил понятия «этнос» и «нация». По его мнению, «нация, в отличие от этноса... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [8].

Тем не менее мировой истории знакомы случаи изменения и даже самостоятельного выбора этнической принадлежности. Так, в советское время дети, родители которых принадлежали к разным этническим группам, были вынуждены «выбирать этнос», чему обязывала графа «национальность» в советском паспорте.

Российский этнолог, историк и социальный антрополог В. А. Тишков, один из первых ис-

следовавший феномен национально-культурной идентичности, отметил, что нация и этнос базируются на различных основах: государство (нация) – на территориальной, этнос – на культурной. При этом они не совпадают [16]. Таким образом, этническая идентичность базируется на происхождении, а национальная сопряжена с гражданством.

В отечественных научных исследованиях понятия этнической и национальной идентичностей часто используют как синонимы. А. В. Швецова исследует понимание национальной идентичности в трех плоскостях, отталкиваясь от уровней понимания феномена «нация». Первый уровень синонимичен понятию «этнос», второй уровень обозначает народ, имеющий собственное государство, высший, третий уровень – гражданский, означающий политическую общность, объединившую различные этносы вокруг единой национальной идеи и развивающуюся в сфере собственного демократического государства [19].

При понимании национальной и этнической идентичности как тождественных, во-первых, нивелируется смысл первой, во-вторых, появляется опасность межэтнических конфликтов на почве претензий конкретной этнической группы на утверждение себя как общенациональной.

Если нацию понимать только как народ, имеющий свое государство, то национальная идентичность станет слишком формальным, условным признаком, указывающим лишь на юридическую принадлежность человека к государству, а не на сознательное соотнесение личности с признанными в данном обществе идеалами, ценностями, стремлениями, нормами жизни, реальное участие в жизнедеятельности общества.

О. Н. Астафьева отмечает в связи с этим: «Что объединяет живущих на одной и той же территории людей с различными взглядами, статусами, различных возрастов? Прежде всего, язык и культура. Они составляют основу национальной идентичности и выступают в качестве мощного интегрального символического объединяющего ресурса» [21, с. 26]. Таким образом, в социуме на первый план выходит культурная составляющая национальной идентичности. «Очевидно, что представить себе “русскость” напрочь лишенной “русскости” невозможно, так же как “британскость” лишенной “английскости” или республиканскую “французскость” лишенной

“французскости” культурной. И чем слабее, недо-развитее гражданская составляющая, – отмечает А. И. Миллер, – тем важнее культурный компонент в конструкции нации» [9, с. 13].

Зачастую именно культурное единство народов, сплотившихся на одной земле, в одном государстве для построения общего будущего, является основой появления и развития нации как культурного и гражданского объединения.

При понимании нации как определенного гражданско-политического единства, основанного на принципах демократии, гражданского общества, справедливости, законности, равенства, роль культуры и культурной идентичности также является основополагающей.

На основании сказанного выше можно утверждать, что национальная идентичность предполагает две взаимосвязанные составляющие – социально-культурную и гражданско-политическую. На эту взаимосвязь указывает и И. В. Малыгина: «Что же касается национальной идентичности, то ее следует рассматривать, прежде всего, как результат политических процессов, основная цель которых состояла в культурной унификации полиэтнического населения, проживающего в границах национальных государств. Казалось бы, эта новая историческая форма должна была нивелировать традиционные типы идентичности, и в первую очередь – этническую. Однако в процессе формирования национальных государств складывались не столько иные, сколько дополнительные, расширенные основания социальной консолидации: единое политическое гражданство, общее экономическое и правовое пространство и др.» [6, с. 135].

Таким образом, И. В. Малыгина рассматривает национальную идентичность как составляющую этнокультурной идентичности, в структуру которой входят, кроме национальной идентичности, родовая и этническая. На ее взгляд, это связано с появлением феномена идентичности как средства бессознательного желания человека преодолеть некий разрыв единства с окружающим миром, упорядочением представлений об окружающем мире и месте в нем человека. Этнокультурную идентичность можно изобразить в форме перевернутой пирамиды, основа которой – родовая идентичность, середина – этническая, а самый широкий верхний уровень – национальная идентичность [6].

Также определившиеся уровни можно исследовать в контексте исторической модификации этнокультурной идентичности. При этом данные уровни исторически не отрицали, а дополняли друг друга.

В практике существуют случаи противоборства, противопоставления этнической и национальной идентичности. В случае сознательной попытки этнических групп подчеркнуть свое отличие от национальной идентичности, происходит конфликт между национальной культурой и стремлениями этнической общности. В большинстве случаев этот конфликт обостряют идеологи, которые преследуют определенные политические цели. Российский и американский культуролог и социолог П. А. Сорокин еще в 1940-е годы отмечал, что правовое неравенство членов одного государства приводит к появлению национальных вопросов [14].

«Цементом общественных отношений» становится культура, так как именно ей принадлежит почетная миссия генерирования чувства причастности человека к определенному социуму, чувства идентичности. Невозможно вообразить абстрактного человека, человека без признаков какой бы то ни было культурной принадлежности, ровно так же, как и невозможно существование всеобщей, а значит, ничьей культуры, существующей вне народов.

Культура является важнейшим компонентом каждой нации, так как формирует единое пространство для функционирования весьма различных этнических и конфессиональных общностей на бытовом, духовном, ритуальном и других уровнях. В связи с этим можно сделать вывод о большей устойчивости национально-культурной идентичности по сравнению с национальной идентичностью.

И. В. Мазуренко проанализировала национальную и культурную составляющие национально-культурной идентичности. Так, культурная идентичность понимается ею как отождествление индивида посредством воспитания и обучения с моделями поведения, моральными принципами, языком и другими культурными параметрами, принятыми в настоящей общности. Основание культурной идентичности – духовное единение индивида с социокультурной общностью, своим народом, его ценностями и традициями, формирование собственной жизни на базе этих принци-

пов. Национальная же идентичность понимается в качестве отождествления индивида с конкретным государством, его территорией, историей, нацией посредством перенимания ее культуры, языка, религии. Из сказанного следует, что национально-культурная идентичность понимается как чувство отличия себя от других вследствие субъективного восприятия традиций и ценностей своей национально-культурной группы [5, с. 11–12].

В. А. Тишков формулирует понятие национальной идентичности «как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним» [15, с. 28]. При этом он подчеркивает, что национальная идентичность в иерархии потребностей государства стоит на ступени не ниже, чем охраняемые границы, армия, конституция и другие институты.

Идейная же суть функционирования феномена национально-культурной идентичности в сфере политики выражается в отстаивании национальных интересов государства и его народа [1]. При этом следует отметить, что наиболее существенные проблемы наций зачастую координируются не в сфере экономики, текущей политики и проблем обороны, а в сфере духовных, неосознанных символов, то есть в культуре.

Поэтому необходимо подчеркнуть важность формирования национально-культурной идентичности как ключевого фактора консолидации людей в едином государственном пространстве.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. Идентичность и идентификация в совокупности представляют базис взаимодействия социу-

ма, однако при этом существуют различия между этими терминами. Идентификация понимается как отождествление индивида с общностью или подражание поступкам ее членов. Идентичность же рассматривается через призму ценностных ориентаций, проблем приспособляемости индивида, которые разделяются или дополняются другими.

2. Понятие «нация» занимает промежуточное положение между этносом и цивилизацией. Нацию можно определить как исторически образовавшуюся совокупность людей различных этносов, объединенную по принципу общности территории, экономического устройства, государственной власти, а также языка, менталитета и уклада жизни.

3. Этнос объединяет людей по культурным, психологическим, религиозным, языковым признакам, нация же – по территориальным, экономическим, политическим. Таким образом, этническая идентичность базируется на происхождении, а национальная сопряжена с гражданством.

4. Национально-культурную идентичность следует рассматривать как чувство принадлежности граждан к своему государству, его народу и культуре. При этом идейная суть функционирования феномена национально-культурной идентичности в сфере политики выражается в отстаивании национальных интересов государства и его народа.

5. В качестве перспективных направлений для дальнейших исследований заявленной темы можно рассматривать разнообразные региональные особенности национально-культурной идентичности.

Литература

1. Ачкасов В. А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестн. СПбГУ. Сер. 6, Политология, международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 85–91.
2. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – 764 с.
3. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.
4. Куруленко Э. А., Нефедова Д. Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующей реальности // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. – 2015. – Т. 17, вып. 1–1. – С. 231–234.
5. Мазуренко И. В. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2011. – 24 с.
6. Малыгина И. В. Динамика этнокультурной идентичности: мировые тренды и российская специфика // Мир культуры и культурология. – 2016. – Вып. 5. – С. 133–140.
7. Малыгина И. В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 42. – С. 110–118.

8. Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе [Электронный ресурс] // Полис. – 1992. – № 5. – URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf> (дата обращения: 04.10.2018).
9. Миллер А. И. Нация как рамка политической жизни // Pro et contra. – 2007. – Т. 11(37), № 3. – С. 6–20.
10. Пименова О. И. Концептуализация представлений о социальной идентичности в социальных науках // Вестн. Вят. гос. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 65–69.
11. Салихов Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. – 2011. – № 1. – С. 122–129.
12. Сенюшкина Т. А. Евразийская идентичность как фактор политического диалога // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – Т. 1(22), № 2–2. – С. 89–93.
13. Скородумова О. Б. Национально-культурная идентичность в России в условиях становления информационного общества [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Серия: Культурология. – 2010. – № 4. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova/#> (дата обращения: 02.02.2019).
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
15. Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. – 2007. – Т. 11 (37), № 3. – С. 21–41.
16. Тишков В. А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
17. Фокс В. Введение в криминологию [Электронный ресурс]. – URL: <https://lawbook.online/vvedenie-kriminologii-yu-pravo/identifikatsiya-identichnost-32378.html> (дата обращения: 10.11.2018).
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
19. Швецова А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 6. – С. 653–661.
20. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
21. Astafyeva O. Instability of cultural identity in the modern world and its projections in creative industries // The 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. Book 2. Ancience science. – Sofia, Bulgaria, 2017. – Vol. 2. – С. 25–31.

References

1. Achkasov V.A. Etnicheskaya i natsional'naya identichnosti v sovremennom mire [Ethnic and national identity in the modern world]. *Vestnik SPbGU. Seriya 6, Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6, Political science. International relations], 2012, no. 1, pp. 85-91. (In Russ.).
2. Guboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnosociologicheskie ocherki* [Identification of identity: ethno-sociological essays]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 764 p. (In Russ.).
3. Kochetkov V.V. Natsional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire [National and ethnic identity in the modern world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sociologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and political science], 2012, no. 2, pp. 144-162. (In Russ.).
4. Kurulenko E.A., Nefedova D.N. Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globaliziruyushcheysya real'nosti [National and cultural identity in the conditions of globalizing reality]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii* [Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy], 2015, vol. 17, iss. 1-1, pp. 231-234. (In Russ.).
5. Mazurenko I.V. *Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz: avtoreferat dis. kand. filos. nauk* [National and cultural identity in the context of globalization: social and philosophical analysis. The author's abstract PhD in philosophy]. Moscow, 2011, 24 p. (In Russ.).
6. Malygina I.V. Dinamika etnokul'turnoy identichnosti: mirovye trendy i rossiyskaya spetsifika [The dynamics of ethnic and cultural identity: global trends and Russian specifics]. *Mir kul'tury i kul'turologiya* [The World of culture and cultural studies], 2016, iss. 5, pp. 133-140. (In Russ.).
7. Malygina I.V. Regional'noe izmerenie rossiyskoy identichnosti: mezhdru kul'turoy i ekonomikoy [Regional dimension of the russian identity: between culture and economics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2018, no. 42, pp. 110-118. (In Russ.).
8. Mezhuев V.M. Ideya natsional'nogo gosudarstva v istoricheskoy perspektive [The idea of a nation-state in historical perspective]. *Polis* [Polisy], 1992, no. 5. (In Russ.). Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf> (accessed 04.10.2018).
9. Miller A.I. Natsiya kak ramka politicheskoy zhizni [Nation as a frame of political life]. *Pro et contra*, 2007, vol. 11(37), no. 3, pp. 6-20. (In Russ.).

10. Pimenova O.I. Kontseptualizatsiya predstavleniy o sotsial'noy identichnosti v sotsial'nykh naukakh [Conceptualization of ideas about social identity in social Sciences]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vyatka state University]*, 2011, no. 4, pp. 65-69. (In Russ.).
11. Salikhov G.G. Problema identichnosti v usloviyakh globalizatsii [The problem of identity in the context of globalization]. *Vek globalizatsii [Age of globalization]*, 2011, no. 1, pp. 122-129. (In Russ.).
12. Senyushkina T.A. Evraziyskaya identichnost' kak faktor politicheskogo dialoga [Eurasian identity as a factor of political dialogue]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie [National security and strategic planning]*, 2018, vol. 1(22), no. 2-2, pp. 89-93. (In Russ.).
13. Skorodumova O.B. Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v Rossii v usloviyakh stanovleniya informatsionnogo obshchestva [National and cultural identity in Russia in the conditions of formation of information society]. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». Seriya: Kul'turologiya [Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill". Series: Cultural Studies]*, 2010, no. 4. (In Russ.). Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Skorodumova/#> (accessed 02.02.2019).
14. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]*. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p. (In Russ.).
15. Tishkov V.A. Chto est' Rossiya i rossiyskiy narod [What is Russia and the Russian people]. *Pro et contra*, 2007, vol. 11(37), no. 3, pp. 21-41. (In Russ.).
16. Tishkov V.A. *Etnologiya i politika [Ethnology and politics]*. Moscow, Nauka Publ., 2001. 240 p. (In Russ.).
17. Foks V. *Vvedenie v kriminologiyu [Introduction to criminology]*. (In Russ.). Available at: <https://lawbook.online/vvedenie-kriminologiyu-pravo/identifikatsiya-identichnost-32378.html> (accessed 10.11.2018).
18. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy [Clash of civilizations]*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russ.).
19. Shvetsova A.V. Natsional'naya identichnost' kak sotsiokul'turnyy fenomen [National identity as a socio-cultural phenomenon]. *Observatoriya kul'tury [Observatory of culture]*, 2017, vol. 14, no. 6, pp. 653-661. (In Russ.).
20. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]*. Moscow, Flinta Publ., 2006. 342 p. (In Russ.).
21. Astafyeva O. Instability of cultural identity in the modern world and its projections in creative industries. *The 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. Book 2. Ancience science*. Sofia, Bulgaria, 2017, vol. 2, pp. 25-31. (In Engl.).

УДК 130.2

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИНДИИ (НА ПРИМЕРЕ КЛАССИЧЕСКОГО ИНДИЙСКОГО ТАНЦА)

Конопьянова Кристина Денисовна, студент, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: stina_9@mail.ru

Волкова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

В статье актуальная проблема сохранения традиционной культурной идентичности в условиях глобализации рассматривается через исследование знаково-символического характера традиционной культуры Индии, в котором точкой отсчета выступает классическая индийская хореография. Опираясь на выводы о синкретичном характере классического индийского танца, авторы проанализировали в сравнительном плане знаково-символические основания ортодоксальной индийской философии, особенности традиционного музыкального искусства Индии и одного из древнейших языков – санскрита. Результаты исследования представлены в авторских рисунках и таблице, которые наглядно демонстрируют положения об общности символической природы универсальных культурных графических символов, асан йоги, поз классического индийского танца, а также общее сакральное значение

букв санскрита и стилей классического индийского танца. В статье выделены также общие семиотические основания философии, музыкального искусства Индии и классического танца. В выводах подчеркивается слитность религиозно-философских, социокультурных аспектов, синкретизм традиционной культуры Индии, в силу чего философия, музыка, язык и танцевальное искусство могут выступать в качестве квинтэссенции, концентрированного выражения всей полноты и глубины традиционной индийской культуры.

Ключевые слова: традиционная культура, синкретизм, классический индийский танец, ортодоксальная философия, музыкальное искусство, санскрит.

SIGN AND SYMBOLIC SYNCRETISM OF TRADITIONAL CULTURE OF INDIA (IN CASE OF A CLASSIC INDIAN DANCE)

Konopyanova Kristina Denisovna, Student, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: stina_9@mail.ru

Volkova Tatyana Aleksandrovna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department Chair of Philosophy, Law and Socio-political Disciplines, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

Observing two opposite trends in the development of modern culture, integration and diversification, the authors turn to the actualization of the study of the problems of traditional culture. In this regard, the sign-symbolic character of the traditional culture of India is analyzed in the article, which is interpreted from the standpoint of classical Indian choreography. The study conducted a comparative analysis of the symbolic foundations of orthodox Indian philosophy, traditional musical art of India, and the oldest Sanskrit language. The authors were able to visually organize the results of the study in figures and a table that allow us to draw conclusions about the common sign-symbolic nature of universal cultural graphic symbols, yoga asanas, classical Indian dance poses, general meaning of Sanskrit letters and styles of classical Indian dance. The following general semiotic foundations of philosophy, musical art of India and classical dance are highlighted separately; the idea of universal harmony of the universe is achieved by the dialectical interaction of the two sources (male and female), associative connection of the seven levels of music (notes) with the articular parts of the body and hands that organize dance movements.

Thus, the considered symbolic features of the components of the traditional culture of India (philosophy, music, language, dance) make it possible to visually trace one of its main features, the complex character, cohesion of religious, philosophical, sociocultural, esthetic aspects and syncretism. None of the phenomena of Indian culture (like any other traditional culture) can be understood without a wide sociocultural context, communication with other elements and their semantics. By the virtue of this circumstance, philosophy, music, language and dance can independently act as a quintessence, concentrated expression of the fullness and depth of traditional Indian culture.

Keywords: traditional culture, syncretism, classical Indian dance, orthodox philosophy, musical art, Sanskrit.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-200-207

В развитии современной культуры выделяют две диалектически взаимодополняющих тенденции: интеграция, ведущая к формированию глобальной массовой культуры, которая объединяет людей независимо от пола, возраста, вероиспо-

ведания, этнической, языковой принадлежности; диверсификация, которая увеличивает многообразие культурных сообществ. Первая ведет к вымыванию духовной самобытности, утрате национально-культурной идентичности, разруше-

нию культурной индивидуальности. Вторая тенденция противостоит всемирной глобализации через сохранение современными сообществами разнообразия своих культурных традиций. Национальные культуры утверждают свою историческую самобытность и этническую идентичность. В связи с этим актуализируются вопросы изучения, сохранения и трансляции традиционных культур.

Одним из древнейших очагов человеческой цивилизации является Индия – родина самобытнейшей традиционной культуры. Зародились в глубокой древности, индийская культура была неразрывно связана с магической, религиозной ритуальной практикой, в которой особое значение придавалось танцевальному искусству. Согласно мифологическим представлениям, именно танцу, Бог Шива сотворил мир. Танец в Индии – это не просто согласованные и ритмичные движения под музыку, это некий рассказ, имеющий сюжет, тематика которого чаще всего основана на мифах, легендах и произведениях классической индийской литературы.

Благодаря классическому индийскому танцу человек погружается в культурную атмосферу страны. Танец не только оказывается своеобразным проводником в специфический мир мифологических образов и своеобразной пластики, но и формирует целостное представление о культуре уникальной индийской цивилизации. Не останавливаясь на социокультурных детерминантах этой синкретичности классического индийского танца (которые были ранее отражены в публикации [2]), обратимся к его общим знаково-символическим аспектам с другими традиционными проявлениями культуры Индии. Для этого необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- проанализировать общие основания ортодоксальной индийской философии и классического индийского танца;
- выявить знаково-символические связи музыки и танцевального искусства Индии;
- проанализировать классический индийский танец и языковую составляющую культуры Индии на предмет символической общности.

Мировоззренческие основания классического индийского танца естественным образом связаны с философией ортодоксальных школ Древней Индии, в частности с йогой. С помощью искус-

ства танца индусы пытаются приобщиться к вечности, раскрыть важные секреты бытия. Любая практика для индусов – это попытка выйти из колеса сансары, а классический индийский танец, как своего рода духовная практика, является динамической формой медитации с целью достижения гармонии тела и эмоций. Эффект усиливается ритмом звуковых вибраций, которые совпадают с ритмом движений.

Хатха-йога составляет часть философской системы йогов, которая тесно связана с телесной, физической стороной человека [10]. Фокусом ее устремлений является забота о физическом теле и здоровье. В этих целях особое значение в хатха-йоге уделяется асанам. С древнейших времен осваиваемые специфические положения тела были обязательными для достижения состояния отрешенности, очищения и постижения гармонии. Проведенный сравнительный авторский анализ рисунка, графики, поз классического индийского танца [2, с. 53], основных асан йоги и универсальных культурных графических символов, широко известных во всех мировых культурах, привел к выводу об общности их символической природы [4; 5; 14].

Результаты проведенного исследования представлены ниже в рисунках (рис. 1–6), где первый элемент (слева направо) – универсальный культурный графический символ, второй – асана йоги, третий – поза/рисунок классического индийского танца.

В выполняемых действиях (асанах, танце) красота и привлекательность не важны, главное – тот смысл, который и танцовщику, и зрителю, и практикующему йогу естественным образом доступен. Основа этих движений зарождается внутри, формируется от сакрального центра и отражает субъективное состояние, в которое погружается исполнитель. И здесь хореография вплотную соприкасается с психическими практиками йоги. Это взаимопроникновение проявляется во многих аспектах: «Психическое помогает понять язык тела. Речь идет о важнейших внутренних сигналах, которые отправляет нам тело, будь то боль, дискомфорт или, напротив, желание охватить мир. Наше тело гораздо мудрее, и если мы научимся слышать его, то это поможет выразить физически глубинные переживания, быть может, помочь с ними справиться в будущем» [2, с. 54].

Символ баланса и гармонии

Рисунок 1. Треугольник

Символ вечной жизни

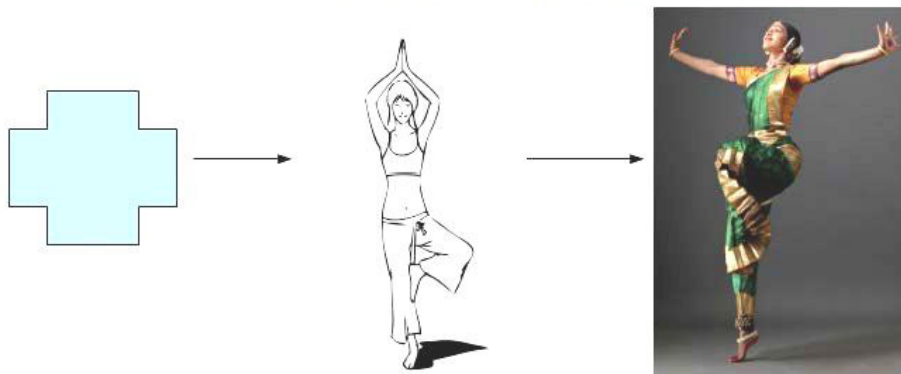

Рисунок 2. Крест

Символ красоты и силы

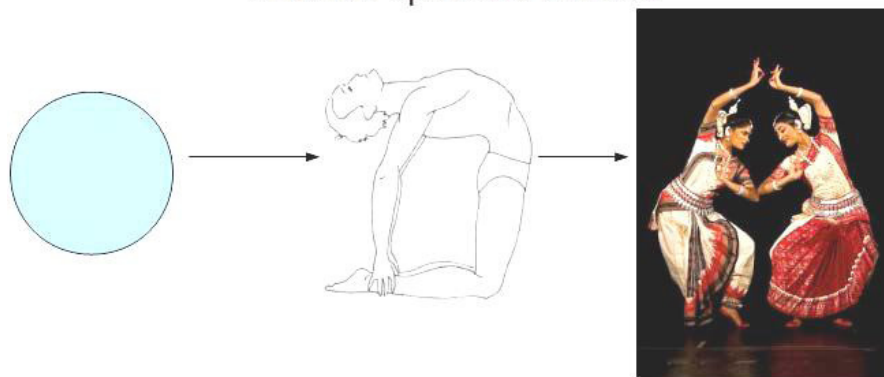

Рисунок 3. Круг

Символ вечности

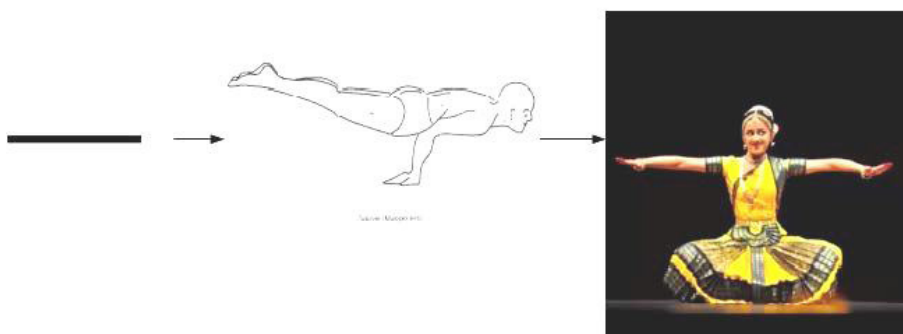

Рисунок 4. Горизонталь

Символ бесконечности

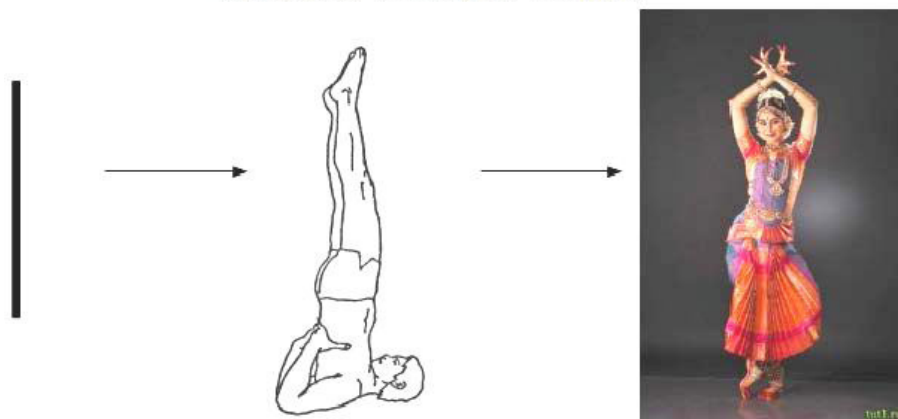

Рисунок 5. Вертикаль

Символ стабильности и постоянства

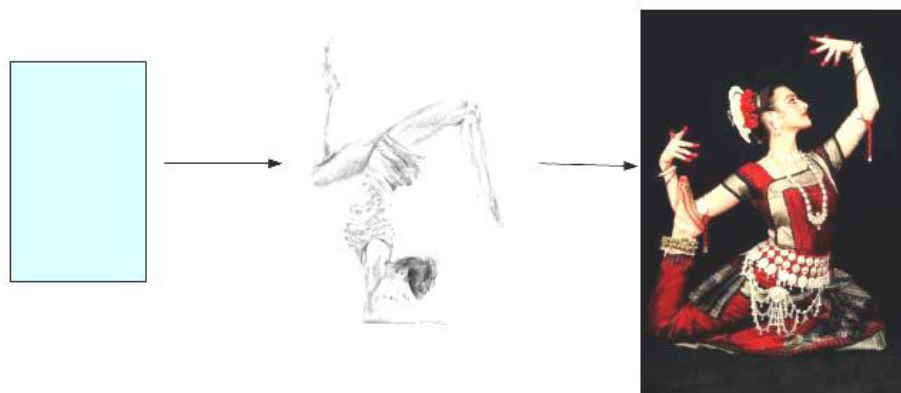

Рисунок 5. Прямоугольник

Изначально индийская культура – это культура звука, что отражает понятие «факти» – способность души воспринимать и очаровываться совокупностями различных звуков в природе. Это одно из важнейших умений и талантов человека в Индии [11].

В индийской традиции музыка воспринимается в качестве одного из проявлений вселенской силы. Она является результатом гармоничного слияния движущихся небесных сфер и тел. Музыка выступает уравнивающим началом для всех элементов мироздания, гармонизирует все их вибрации. Владеющий законами вибрации способен постичь тайну жизни. Индийский классический танец воспринимается как зримая музыка, поэтому танец в Индии важно не только наблюдать, но и внимательно, напряженно «слушать» [11; 12].

Издревле законы вокала и инструментальной музыки организовывали танцевальное искусство. Заметим, что за вокалом в традиционной индийской культуре признается доминирующая роль. Логика здесь такая: танец следует законам инструментальной музыки, а она, в свою очередь, является подражанием пению. Однако существует определенный нюанс: в человеческом голосе звук рождается спонтанно, естественно, не нуждаясь во внешнем посреднике, в инструментальной музыке он возникает при внешнем воздействии.

Голос – это дыхание, направленное вовне (sura – «звук», «голос» и «дыхание»), а дыхание (прана) является носителем божественной субстанции в человеке. В пении заключено еще одно священнодействие – произношение слов, именование. Творящая сила слова, описанная в большинстве культур мира, в Индии предстает как традиция мантра-йоги. Вместе с мыслью и телесным движением (танцем) слово составляет известную триаду изложения знания: «Мысль, слово, дело» [11].

На основе сравнительного анализа специфики традиционного танца и музыкального искусства Индии [1; 3; 11] представляется возможным выделить следующие общие семиотические основания танцевального и музыкального искусства изучаемой цивилизации:

1. В индийской традиции танец и музыка возникают из союза двух начал, подобных женскому и мужскому. Так, например, в танце разли-

чают движения двух характерных типов – ласья (женственные, грациозные) и тандава (мужественные, яростные). И в индийской музыкальной традиции голоса разделяют по схожему критерию: голос-джелал символизирует силу; голос-джемал – красоту. Их сочетание рождает третий голос – немал («мудрость»), что сродни представлениям о мировой гармонии и балансе стихий. Указанный принцип является фундаментальным и в ортодоксальной философии Индии.

2. Музыкальное и танцевальное искусство воплощают идею всеобщей гармонии мироздания.

3. Основные семь ступеней, на которых базируется музыка, ассоциативно связаны через названия с суставными частями тела и рук, организующими танцевальные движения. Эту взаимосвязь движения и звука в индийской музыкально-танцевальной культуре наметила в своих работах кандидат искусствоведения, специалист в области традиционной музыкальной культуры Индии и сопредельных стран, автор ряда монографий и статей по данной проблематике Т. Е. Морозова [7–9]. Музыка в Индии базируется на семи основных ступенях: са, ре, га, ма, па, дха, ни. Фундаментом индийского классического танца считаются семь суставных частей тела и рук, имеющих те же наименования. Кончик пальца называется «са», следующие далее три пальцевых сустава – это, соответственно, «ре», «га» и «ма», кисть – «па», локоть – «дха», плечо – «ни». Шея имеет обозначение «са», и далее: плечи – «ре», талия – «га», бедро – «ма», колено – «па», пятка – «дха». Звуки музыки, воплощаясь в причудливых изгибах рук и тела, визуализируются. Этот порядок синхронного следования танцора за «звуковым дизайном», как его «отклик» на музыку, образно называется «алапана» (то есть беседа, разговор) [8].

Возвращаясь к указанной выше триаде «мысль, слово, дело», представляется необходимым дополнить ее знаково-символической составляющей «слова» – языком. По своему символическому ядру классический индийский танец сопоставим с древнейшим языком священных книг – санскритом, традиционно выступающим исключительно верным языком для правильного обозначения всех вещей. Это божественный язык,

на котором говорят жители райских миров, а потому тот, кто изучает санскрит, приближается к богам [6]. Санскрит представляет собой уникальный лингвистический код, где, как и в индийском танце стиль, каждая буква имеет универсальное, космическое значение.

Выбрав в качестве критерия символическое обозначение божества, авторы проанализировали в сравнительном плане стили классического индийского танца и символические значения букв санскрита. Результаты сопоставления для большей наглядности представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление символического значения стилей классического индийского танца с буквами санскрита

Стиль классического индийского танца	Буква санскрита	Божество	Символика
Бхаратнатьям	अ a	Шива, Брахма, Вишну	Сила, мужественность, физическая вселенная
Одисси	आ ā	Вишну	Победа, мир энергии
Катхак	ऊ ū	Лакшми	Сострадание, призыв, защищенность
Кучипуди	फ pha	Ганеша	Преданность и благоразумие
Манипури	ग ga	Кришна, Радха	Вера, движение, добродетель, страдание
Катхакали	त ta	Дурга	Талисман, амулет, лекарство

Из приведенной таблицы видно, что каждая буква санскрита, как и каждый стиль классического индийского танца, насыщены глубокой символикой и обладают общим значением, основанным на связи с конкретным божеством. Отсюда следует, что можно вести речь о неразрывном знаково-символическом единстве языка и хореографического искусства Индии.

Таким образом, обратившись к знаково-символическим особенностям важнейших составляющих традиционной культуры Индии (философии, музыке, языку, танцу), можно не только наглядно проследить одну из ее главных черт – комплексный характер, слитность религиозно-философских, социокультурных, эстетических

аспектов, синкретизм, но и в силу этой особенности рассматривать философию, музыку, язык и танцевальное искусство в качестве квинтэссенции, концентрированного выражения всей полноты и глубины традиционной индийской культуры [13]. Особенно актуально данное положение для восприятия традиционного индийского танца, который, в силу своей зрелищности, яркости, эмоциональности, зачастую трактуется достаточно поверхностно и упрощенно. Ни одно из явлений индийской культуры (как и любой другой традиционной культуры) не может быть понято без широкого социокультурного контекста, связи с другими элементами и их семантики.

Литература

1. Арти Д. Александер. Танцующие с Богами: индийская энцикл. – М.: Ниола-пресс, 2011. – 400 с.
2. Астапова К. Д., Волкова Т. А. Социокультурные основания традиционной индийской хореографии // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 44. – С. 50–55.
3. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. – М.: Наука, 1990. – 207 с.
4. Касто де В. Знаки и символы. – М.: Страта, 2016. – 297 с.
5. Лой Со. Йога с нуля. Основные асаны. – М.: Вектор, 2009. – 25 с.
6. Матвеев С. А. Учебник по санскриту. – М.: Амрита, 2019. – 544 с.

7. Морозова Т. Е. Нотописное наследие Индии. Знаковая связь времён. – М.: ИКАР, 2006. – 466 с.
8. Морозова Т. Е. Рагсангит и раса. Образно-эмоциональная сфера раги и поэтическая образность гити (на мат-лах V–XIII веков н. э.) // Искусство Востока. – Вып. 3. Сравнительное изучение традиций. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 10–33.
9. Морозова Т. Е. Гандхарва-Сангита: Высокая музыка Индии первого тысячелетия до н. э. [Электронный ресурс] // Искусство музыки. Теория и история. – 2019. – № 20. – С. 8–33. – URL: http://imti.sias.ru/upload/iblock/ea1/imti_2019_20_2_33_morozova.pdf (дата обращения: 03.09.2019).
10. Патанджали. Классическая йога. – М.: Наука, 1992. – 135 с.
11. Рыжакова С. И. Индийский танец. Искусство преображения. – М.: РГГУ, 2004. – 288 с.
12. Рыжанкова О. В. Индийский танец в контексте культурной модернизации [Электронный ресурс] // Культурная жизнь юга России. – 2016. – № 2 (61). – С. 120–124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/indiyskiy-tanets-v-kontekste-kulturnoy-modernizatsii> (дата обращения: 30.08.2019).
13. Рыжанкова О. В. Акрам Хан и обретение новой идентичности современного индийского танца [Электронный ресурс] // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 3 (77). – С. 116–125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/akram-han-i-obretenie-novoy-identichnosti-sovremennogo-indiyskogo-tantsa> (дата обращения: 10.09.2019).
14. Символы, знаки, эмблемы: энцикл. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик, 2005. – 340 с.

References

1. Arti D. Aleksander. *Tantsuyushchie s Bogami. Indiyaskaya entsiklopediya [Dancing with the gods. Indian encyclopedia]*. Moscow, Niola-press Publ., 2011. 400 p. (In Russ.).
2. Astapova K.D., Volkova T.A. Sotsiokul'turnye osnovaniya traditsionnoy indiyskoy khoreografii [Sociocultural bases of traditional Indian choreography]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2018, no. 44, pp. 50-55. (In Russ.).
3. Erasov B.S. *Kul'tura, religiya i tsivilizatsiya na Vostoke [Culture, religion and civilization in the East]*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 207 p. (In Russ.).
4. Kasto de V. *Znaki i simvoly [Signs and Symbols]*. Moscow, Strata Publ., 2016. 297 p. (In Russ.).
5. Loy So. *Yoga s nulya. Osnovnye asany [Yoga from scratch. Main asanas]*. Moscow, Vektor Publ., 2009. 25 p. (In Russ.).
6. Matveev S.A. *Uchebnik po sanskritu [Sanskrit textbook]*. Moscow, Amrita Publ., 2019. 544 p. (In Russ.).
7. Morozova T.E. *Notopisnoe nasledie Indii. Znakovaya svyaz' vremeon [Notepad heritage of India. Sign link of the times]*. Moscow, IKAR Publ., 2006. 466 p. (In Russ.).
8. Morozova T.E. Ragsangit i rasa. Obrazno-emotsional'naya sfera ragi i poeticheskaya obraznost' giti (na materialakh V–XIII vekov n. e.) [Ragsangit and race. The figurative and emotional sphere of raga and the poetic imagery of giti (based on materials from the 5th – 13th centuries A.D.)]. *Iskusstvo Vostoka. Vyp. 3. Sravnitel'noe izuchenie traditsiy [Art of the East. Vol. 3. Comparative study of traditions]*. Moscow, LKI Publ., 2008, pp. 10-33. (In Russ.).
9. Morozova T.E. Gandharva-Sangita: Vysokaya muzyka Indii pervogo tysyacheletiya do n. e. [Gandharva Sangita: High music of India of the first millennium BC e.]. *Iskusstvo muzyki. Teoriya i istoriya [The art of music. Theory and History]*, 2019, no. 20, pp. 8-33. (In Russ.). Available at: http://imti.sias.ru/upload/iblock/ea1/imti_2019_20_2_33_morozova.pdf (accessed 03.09.2019).
10. Patandzhali. *Klassicheskaya yoga [Classic yoga]*. Moscow, Nauka Publ., 1992. 135 p. (In Russ.).
11. Ryzhakova S.I. *Indiyskiy tanets. Iskusstvo preobrazheniya [Indian dance. The art of transformation]*. Moscow, RGGU, 2004. 288 p. (In Russ.).
12. Ryzhankova O.V. Indiyskiy tanets v kontekste kul'turnoy modernizatsii [Indian dance in the context of cultural modernization]. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii [Cultural life of the south of Russia]*, 2016, no. 2 (61), pp. 120-124. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/indiyskiy-tanets-v-kontekste-kulturnoy-modernizatsii> (accessed 30.08.2019).
13. Ryzhankova O.V. Akram Han i obretenie novoy identichnosti sovremennogo indiyskogo tantsa [Akram Khan and gaining a new identity for modern Indian dance]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]*, 2017, no. 3 (77), pp. 116-125. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/akram-han-i-obretenie-novoy-identichnosti-sovremennogo-indiyskogo-tantsa> (accessed 10.09.2019).
14. *Simvoly, znaki, emblemy: entsiklopediya [Symbols, signs, emblems. Encyclopedia]*. Moscow, LOKID-PRESS; RИPOL klassik Publ., 2005. 340 p. (In Russ.).

УДК 398.8

ПЕСНИ КАЗАКОВ-СТАНИЧНИКОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Бородина Елена Михайловна, кандидат культурологии, доцент кафедры народного хорового пения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ) E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Богатство казачьей песенной культуры неоспоримо. В быту казаки песню «играют» на праздниках, «беседах», свадьбах, похоронах, домашних застольях после совершения обрядов, хозяйственной работы. В репертуаре казаков-станичников до настоящего времени сохраняются воинские, лирические, свадебные, плясовые, шуточные и хулиганские песенные жанры. Большое распространение в казачьей среде получили «песни-переделки» на слова известных русских поэтов. Казаки хранят традиции своих предков и «играют» песни не только в быту, но и на сценической площадке: конкурсах, фестивалях, праздничных концертах районного, областного и межрегионального значения.

Автором статьи выделены местные особенности исполнения казачьих песен. В станицах казачьи песни звучат сольно, в мужском или женском исполнении, дуэтом, семейным ансамблем или творческим коллективом, в составе которого – казаки и казачки одной станицы. Тип многоголосия характеризуется как ленточное двухголосие, указывающее на влияние сибирской песенной традиции, и контрастное двухголосие, когда верхний голос противопоставлен нижнему. Песенная речь казаков строится на наддиалектном пении и ярко-выраженном диалекте (акающий, якающий говор, фрикативная «г»), который роднит ее с традицией донских казаков.

Ключевые слова: казаки-станичники, репертуар, воинские песни, семейно-бытовые песни, ансамблевое пение, казачьи ансамбли, локальные черты, характер исполнения.

THE SONGS OF KEMEROVO REGION COSSACKS-VILLAGERS

Borodina Elena Mikhaylovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Folk Choral Singing Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Scientific studies based on folklore and ethnographic materials make it possible to preserve the Cossacks' village local song art of Kemerovo Region. On the one hand, such an approach would more fully reveal the process of transformation of the Cossack song culture. On the other hand, it is possible to trace the formation of new styles that have arisen as a result of historical, geographical, sociocultural processes that influenced the formation of a local song culture. The materials received by the author of this article in the expeditions made it possible to analyze the state of the folklore heritage preservation and its performing features.

The author highlights that wealth of the Cossack song culture is indisputable. In everyday life, the Cossacks' song "is played" during the holidays, for a "conversation," weddings, funerals, home-based feasts after the ceremonies, a chore. In the Cossacks' village repertoire, the military, lyrical, wedding, dance, comic and hooligan song genres are still preserved. Widespread among the Cossacks "a song-rework" got the literary origin of the song to the words of the famous Russian poets. The Cossacks keep traditions of their ancestors, and play the songs not only at home but also in the scenic area: competitions, festivals, gala concerts of the district, regional and inter-regional importance.

There are local stylistic features of the execution of Cossack songs. In the villages, the Cossack songs are played solo, in men or women's performance, duet, ensemble family or creative team, which included the Cossacks and village of the same. The type of polyphony is characterized as: a tape two voice indicating the

influence of the Siberian song tradition and a contrast two voice when the upper voice is opposed to the lower. Cossack song speech is based on: over-dialect singing and a pronounced dialect.

Keywords: Cossacks, repertoire, military songs, domestic songs, ensemble singing, Cossack ensembles, local features, character of execution.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-208-213

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью углубления и расширения представлений о культурном наследии казаков-станичников Кемеровской области. С позиций фольклористической теории и исполнительской практики этот материал недостаточно изучен и требует проведения аналитического исследования, главным образом стилевого и жанрового наполнения, средств художественной выразительности и всех тех характерных особенностей, которые теснейшим образом переплетаются между собой.

Цель предлагаемой статьи – выявить степень сохранности песенного фольклора казаков-станичников, проживающих на территории Кемеровской области, охарактеризовать локальные черты их песен, сложившиеся в результате этнических и региональных традиций.

В научный оборот данного исследования вводятся неопубликованные архивные материалы фольклорно-этнографических экспедиций ГАУК «КОЦНТД» и полевые исследования автора статьи, зафиксированные во время встреч с хранителями традиционных казачьих песен в станицах Кемеровской области: Березовская, Верх-Чебулинская, Мариинская, Анжеро-Судженская, Ключевая, Кемеровская и др.

Песни сибирских казаков очень богаты и своеобразны по тематике, сюжету и исполнительской форме. В них отражена вся жизнь, боль, радость и думы о будущем, «черты свободолюбивого характера казачества, его нравственные ценности, отражающие представления о добре, правде, верности, храбрости, красоте и трудолюбии» [3]. В репертуаре казака песня «бесконечная». У любого слушателя казачьи песни, с одной стороны, вызывают эстетическое наслаждение, с другой – поражают глубоким смыслом, музыкальностью и красотой.

Сегодня песни казаков звучат повсеместно. Их можно услышать на домашних беседах (посиделках), свадьбах, праздниках, тематических концертах, фестивалях и конкурсах. Казачью песню включают в программы патриотического воспитания детей в структурах дополнительного образования, любительских объединениях, центрах казачьей культуры и др. Целями таких программ выступают патриотическое воспитание детей на исконных традициях российского казачества, раскрытие творческого потенциала каждого ребенка через приобщение его к ценностям духовного наследия казаков.

В современной исполнительской практике казачья песня является основой репертуара известных исполнителей, профессиональных и любительских фольклорных ансамблей, хоровых и семейных казачьих коллективов. Хранителями мощного пласта певческого искусства казаков Кузбасса стали такие казачьи коллективы, как: семейный казачий ансамбль «РодовА» (руководитель Сергей Кононов, г. Междуреченск), семейный фольклорный ансамбль «Родные напевы» (руководитель Анастасия Ключева, с. Большой Барандат, Тисульский р-н), семейный дуэт Михайловых (руководитель Юрий Михайлов, г. Мариинск). Традицию казачьих песен сегодня сохраняют станичные коллективы: казачий ансамбль «Росичи» (хутор «Поперечный», Юргинский район), народный самодеятельный коллектив, хор казачьей песни «Вольница», в составе которого 23 казака и казачки станичного общества Верх-Чебулинская (руководитель Валерий Осипов, пгт. Верх-Чебула) и др.

По-особому звучит песня в семье казака. Казак песню не поет, а играет. Начинает «играть» старший казак в семье, в арсенале которого – огромное количество песен воинского содержания. Он же задает тон, темп и характер песни.

В семейном кругу можно услышать наиболее любимые песни, такие как: «Над лесом солнце воссияло», «Проснулась станица», «Вражья пуля», «Ой, да ты, калинушка», «Из-за лесу копий и мечей», «Конь боевой с походным выюком», «Встала, проснулась зоренька алая», «Ехали казаки домой», «Прослужил казак три года», «Верно службу мы служили», «Дымно в Россеюшке» и др. В этих песнях казак раскрывает свою душу, сокровенные сердечные думы и отражает судьбу своего народа [1].

Песни воинского содержания имеют огромное значение для казаков. Появлению этих песен способствовал военизированный быт. Именно поэтому они исполняются исключительно мужчинами-казаками [5]. Сложение жанра воинской песни связано с реальными событиями, следовательно, большая часть этих песен возникла во второй половине XIX века, в годы славных воинских побед [8].

Художественный образ. Для воинских песен характерно изображение различных ландшафтов дальних расстояний, пространственно-временных образов, а также противопоставление природных объектов: *река – суша и гора – долина* и т. п. («Уж, ты поле мое, поле чистое», «Ты раздолье мое, ты широкое», «Из-за леса копий и мечей едет сотня казаков-лихачей!». «Мы завтра на рассвете рано в поход пойдем»; «Только утро рассветает, разнесет вокруг туман»; «Ой, да не бела то заря, зоренька, братцы, занималася», «Ясно солнышко, братцы, из гор выкаталосся») [2].

В песнях отражается образ самого казака, который предстает вольным, отважным, независимым человеком и бесстрашным воином: «*появился в Сибири славный крепкий казак*», «*настут сто казаков, все лихих молодцов*» и т. д. Данные варианты выделяют не просто казака, здесь раскрывается стержневая идея, определяющая суть казачества, – архаическое отождествление мужчины и воина [3, с. 77–78].

Для усиления эмоционально-положительного настроения в песнях используются многочисленные вставные конструкции: «э-ой», «э-гей», «охо-хо» и т. д. Дополнительной эмоциональной нагрузкой выступают словообрывы: «*ста...становил(ы)ся, доро...дорожка, ми...миленькой*».

Как и в любой русской народной песне, в текстах казачьих песен встречаются такие изо-

бразительно-выразительные приемы, как эпитеты: двойные («*зима лютая, морозная*»; *травка зелёная, шелковая*»; *ночь тёмная, холодная*); пояснительные («*молодой казачек*», «*коник воронный*», «*дорожка проезжая*», «*сабля острая*»); эпитет-метафора («*шельма-жена*», «*сырая земляшка*»).

В текстах песен встречаются и двойные формы слов («*путь-дарожка*», «*калина-малина*», «*травка-муравка*») [7].

Анализ литературного текста казачьих песен позволяет нам выделить символы, которые построены на широком использовании таких слов, как «*доля*», «*воля*», «*удаль*», «*тоска*». Они передают эмоциональное состояние героя и раскрывают общее настроение песни, определяя русскую ментальность.

Песенные жанры семейного круга. В семейном кругу жанровый состав песенного фольклора казаков не менее широк и разнообразен. Это песни лирические, свадебные, хороводные, скорые, плясовые, шуточные, игровые, романсы (в том числе городские), баллады [6]. Как говорят казаки: «*Коли нет в доме песни, знать, и счастья в этом доме не водится*».

В центре внимания семейно-бытовых песен находится любовная лирика, где раскрываются семейные взаимоотношения, разлука с милым, безответная любовь и пр. В текстах таких песен рисуются образные портреты главных героев. Большой популярностью пользуются песни: «*За рекой-то было, за реченькой*», «*Ой, ты, Маруся*», «*Не кукуй, моя кукушка*», «*Ты калинушка, размалинушка*» и др.

В репертуаре семейных казаков-станичников сохранилось немало свадебных песен. Многие из них приурочены к различным периодам свадебного действия, начиная со сватовства. Так, например, после рукобитья свахи пели песни: «*Волга-то река*», «*Рано ты, калинушка*», «*Бочечка-бочечка, ой медовая*», «*У нас свашенька да богата*», «*Черная ягода-смородина*», «*Во саду ли виноград поспел*» и др. [6].

Семейный репертуар значительно обогащен песнями литературного происхождения, которые казаки по-своему отредактировали. К песням-переделкам относятся произведения на стихи А. Ф. Мерзлякова «*Среди долины ровныя*», Д. А. Садовникова «*Из-за острова на стрежень*»,

К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака», Е. П. Гребёнки «Поехал казак на чужбину далёко», С. Т. Арсакова «Ехали казаки со службы домой», Г. Р. Державина «Пчёлочка золотая» и др. [5].

Наиболее ярким жанрово-стилистическим пластом бытового фольклора казаков-станичников представляется группа плясовых, шуточных и игровых песен. Эти песни насыщены социальными мотивами, в них много неподдельного юмора и сатиры, тонко высказанных обид и острых замечаний: «Говорят, что у Ерёмы», «Варвара, Варвара, за день так устала». К игровым песням можно отнести такие, как: «У нас Сёмочка мал», «Из-за горы, из-за лесу кони выбегали».

Исполнение игровых песен не требует особой театральной одаренности. Они просты и доступны в исполнительском плане. Все игровые действия были направлены на установление контактов между участниками, которые заканчивались поцелуем («Уроза, уроза, целоваться три раза...»). Отказавшиеся целоваться девушка или парень в следующей игре не участвовали [7].

Игровой характер песен имел продуцирующее значение, выраженное в различных магических действиях, в поцелуйных припевках. Эти песни были как бы прелюдией к браку, поэтому в их содержании отчетливо выражены семейно-брачные отношения.

Сохранившийся пласт молодежных песен, когда-то исполнявшихся девушками-казачками по вечерам, сегодня можно услышать от пожилых казачек-песельниц. Из воспоминаний В. К. Леконцевой: «*девушки-казачки собирались в избе: пряли, вязали, вышивали... тогда песен на вечерах "играли" много. А когда приходили казачки, то всю работу бросали, начинали играть, плясать...*» [7].

Локальные особенности. В результате многолетнего наблюдения нами были выделены разные по составу исполнительские формы в семейном кругу казаков-станичников. Прежде всего, это сольное и ансамблевое исполнение а capella.

Сольное пение разнообразно по половому и возрастному признаку. Песни воинской тематики исполняются мужчинами-казаками от 40 до 75 лет, семейно-бытовой фольклор – женщинами-казачками от 30 до 80 лет.

Ансамблевое пение в казачьих семьях представлено малыми формами: дуэты, трио, квар-

теты. Такие формы зафиксированы в станицах Верх-Чебулинская, Мариинская, Анжерская, Мундыбашская, а также в городах Междуреченск, Новокузнецк, Белово, Березовский, пгт. Тисуль, Крапивинском и Кемеровском районах.

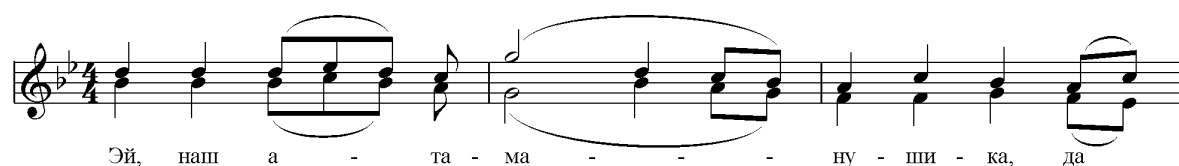
Многоголосие представлено в виде ленточного и контрастного двухголосия. Ленточный тип многоголосия указывает на влияние сибирской песенной традиции, контрастное двухголосие встречается гораздо реже и представлено ярким и пронзительным верхним голосом. В качестве верхнего подголоска может выступать как мужской, так и женский голос.

Песенная речь казаков строится на наддиалектном пении, с эпизодическим вкраплением фрикативного [г], смягченного окончания [ть], аканьем и яканьем, что роднит её с традицией донских казаков.

Воинские песни, как правило, исполняются исключительно мужчинами. Если женщина-казачка включается в исполнение мужских песен, в этом случае женский голос играет второстепенную роль. В смешанном ансамбле женский голос не выделяется, а звучит слаженно, по характеру и звуковому объёму – близко к мужскому исполнению.

Для территории Кемеровской области характерна особая манера исполнения песен казаками-мужчинами. Исполнение воинских песен напоминает беседу, где каждый исполнитель с индивидуально-облюбованным способом выражения, переживая заново песню, раскрывает свою мысль интонационно. Такой характер исполнения подтверждает атаман Верх-Чебулинской станицы Кемеровской области Валерий Андроникович Осипов: «...казаки тянут долго... ани не просто поют, ани думают» [7].

При исполнении песен наблюдается активная артикуляция, выражающаяся в ясном и отчетливом проговаривании слова. Такой характер исполнения позволяет понять смысловую природу жанра воинской песни. Нередко в казачьих песнях наблюдаются внутрислоговые распевы (вставки) – длительное пропевание звуков («е-е-е», «о-о-е»), смысловые ударения. Пение казаков-станичников украшает тембральное богатство мужских голосов в среднем и высоком регистрах:

По-иному звучат песни в исполнении женщин-казаков. Женское пение отличается мягкостью и вместе с тем – чувством внутренней пульсации. Однако в смешанном составе при исполнении воинских песен женщины подражают исполнительской манере мужчин, то есть используют более четкое послоговое пение и увеличивают звуковой объем.

В целом исполнительская манера казаков Западной Сибири отличается более мягким и сдержанным по настроению характером, в отличие от экспрессивной, энергичной манеры донских казаков.

Ансамблевое исполнение сопровождается игрой на шумовых и музыкальных инструментах. Самыми распространенными ударными инструментами в казачьем музыкальном фольклоре остаются барабан, коробочка, рубель, трещотки. Наиболее популярными музыкальными инструментами считаются русская гармонь, балалайка, реже встречается гитара. Звучание нескольких инструментов подчеркивает особое состояние духа, которое несет в себе песня, и рисует неповторимый художественный образ казачьей песни [2].

Вывод. Сегодня казачью песню можно признать «живучим» и популярным жанром. Она звучит со сцены, на праздниках и фестивалях-конкурсах, в семье казаков-станичников Кемеровской области. Наиболее сохранными являются циклы «воинских» (исторических, военных, походных, привальных) и семейно-бытовых песен (лирических, свадебных, шуточных, игровых).

В ходе изучения песенного наследия казаков-станичников Кемеровской области расширилось представление о художественном пространстве музыкального и поэтического текстов, выявляющих интегральную характеристику и раскрывающих изображения реального, физического и символического пространства.

Изученные фольклорно-этнографические материалы позволили выделить следующие локальные черты казачьих песен Кемеровской области: манера исполнения воинских песен, напоминающая беседу, наличие разных исполнительских форм (однородных и смешанных), приёмов, особый музыкально-поэтический склад песен.

Особенностью песенного наследия казаков-станичников является то, что оно представляет оригинальную и всеми любимую часть общерусского песенного наследия Кузбасса.

Литература

1. Архив фольклорно-этнографических материалов // ГАУК «КОЦНТД». – 2017. – Кол. № 1/3. – ЕД. ХР. 1./ 3.111.
2. Архив фольклорно-этнографических материалов // ГАУК «КОЦНТД». – 2018. – Кол. № 4/10. – ЕД. ХР. 4./ 10.109.
3. Бородин Е. М. «Воинские» песни сибирских казаков: тематика, образы и мотивы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 73–79.
4. Гончарова О. В., Овчарова Л. А. Воспитание национального самосознания старших дошкольников на традициях Донского казачества в процессе реализации дополнительной образовательной программы «Мы – казаки» // Концепт. – 2015. – Т. 11. – С. 46–50.
5. Жигунова М. А. Сибирское казачество: традиционная культура и современные стереотипы // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «История». – 2016. – № 4 (12). – С. 87–99.
6. Исаев В. В., Дунец А. Н. Традиционная культура сибирского казачества в историко-культурном наследии Алтайского края и перспективы ее использования в туризме // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4. – С. 47.
7. Личный архив фольклорно-этнографических материалов Е. М. Бородиной. – 2000. – Тетрадь № 3. – Л. 16–19.
8. Ярешко П. В. Воинские песни казаков Кубани как отражение жизни казачьей общины // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – № 01 (52). – С. 104–107.

References

1. Arkhiv fol'klorno-etnograficheskikh materialov [Archive of folklore and ethnographic materials]. *Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury «Kemerovskiy oblastnoy tsentr narodnogo tvorchestva i dosuga» [State Autonomous Institution of Culture "Kemerovo Regional Center of Folk Art and Leisure"]*, 2017, Collection no. 1, Storage Unit 1./ 3.111. (In Russ.).
2. Arkhiv fol'klorno-etnograficheskikh materialov [Archive of folklore and ethnographic materials]. *Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury «Kemerovskiy oblastnoy tsentr narodnogo tvorchestva i dosuga» [State Autonomous Institution of Culture "Kemerovo Regional Center of Folk Art and Leisure"]*, 2018, Collection no. 4, Storage Unit 4./10.109. (In Russ.).
3. Borodina E.M. "Voinskie" pesni sibirskikh kazakov: tematika, obrazy i motivy ["Military" songs of Siberian Cossacks: themes, images and motives]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state University of culture and arts]*, 2012, no. 18, pp. 73-79. (In Russ.).
4. Goncharova O.V., Ovcharova L.A. Vospitaniye natsional'nogo samosoznaniya starshikh doshkol'nikov na traditsiyakh Donskogo kazachestva v protsesse realizatsii dopolnitel'noy obrazovatel'noy programmy "My – kazaki" [Education of national consciousness of senior preschoolers on the traditions of the don Cossacks in the process of implementing additional educational program "We are Cossacks"]. *Kontsept [Concept]*, 2015, vol. 11, pp. 46-50. (In Russ.).
5. Zhigunova M.A. Sibirskoe kazachestvo: traditsionnaya kul'tura i sovremennyye stereotipy [Siberian Cossacks: traditional culture and modern stereotypes]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoriya" [Bulletin of Omsk University. History Series]*, 2016, no. 4 (12), pp. 87-99. (In Russ.).
6. Isaev V.V., Dunets A.N. Traditsionnaya kul'tura sibirskogo kazachestva v istoriko-kul'turnom nasledii Altayskogo kraia i perspektivy ee ispol'zovaniya v turizme [Traditional culture of the Siberian Cossacks and its role in the historical and cultural heritage and tourism in Altai krai]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*, 2014, no. 4, p. 47. (In Russ.).
7. Lichnyy arkhiv fol'klorno-etnograficheskikh materialov E.M. Borodinoy [Personal archive of folklore and ethnographic materials *Folklore*], 2000, booklet no. 3, pp. 16-19. (In Russ.).
8. Yareshko P.V. Voinskie pesni kazakov Kubani kak otrazhenie zhizni kazach'ey obshchiny [Military song of the Cossacks of the Kuban as a reflection of the life of the Cossack community]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii [Cultural life of the South of Russia]*, 2014, no. 01 (52), pp. 104-107. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 371

НАУКА И ИННОВАЦИИ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ВУЗА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Шунков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, ректор, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: pomomarev63@mail.ru

Черданцева Алена Александровна, кандидат технических наук, доцент кафедры дизайна, ведущий научный сотрудник научного управления, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: cherdanceva_aa@mail.ru

Инновационные векторы развития отечественной национальной системы высшего образования, включая профессиональное образование в сфере культуры и искусства, связаны, прежде всего, с общественным предназначением и общественной миссией вузов РФ, что, в свою очередь, актуализует необходимость изучения вопросов эффективности реализации данного взаимодействия и установления конструктивного «диалога» с учетом потребностей не только вуза, но и общества. В статье рассмотрен один из ведущих приоритетов установления такого взаимодействия с обществом и укрепления позиций вузов как образовательных, научных и творческих центров в регионах РФ по реализации государственной культурной политики, обеспечивающих «приоритетное культурное и гуманитарное развитие» регионов РФ, как основ их социально-экономического процветания. Особое внимание авторы уделяют оценке эффективности результатов научных исследований, поскольку вне связи с общественными и экономическими показателями эффективности они теряют систему внешних оценочных критериев, которые определились в рамках научно-образовательных центров РФ (НОЦ РФ), целью создания которых является объединение образования, науки (исследования – инновации – технологии) и бизнеса. В рамках проведенного исследования сформулированы критерии, предъявляемые к научной политике вузов культуры с целью их идентификации в качестве «НОЦепригодных»: определение фронта исследований, формирование «портфеля знаний», реализация междисциплинарных исследований и разработка маршрута вывода на рынок инновационного продукта. Сформулированные критерии «НОЦепригодности» и учет разработанных авторами предложений по установлению эффективного взаимодействия высших учебных заведений и общества способствуют повышению общественного статуса и инновационного уровня образовательных организаций, осуществлению компетентного менеджмента интеллектуального и творческого капитала вуза, разработке современных подходов к его оценке и коммерциализации научно-творческих достижений вуза.

Ключевые слова: научно-образовательный центр, фронт исследований, портфель знаний, экономика творчества, инновационный потенциал вуза культуры.

SCIENCE AND INNOVATION AS AN INTELLECTUAL RESOURCE
OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION IN PROFESSIONAL
TRAINING THE PERSONNEL OF CULTURE AND ART

Shunkov Aleksandr Viktorovich, Dr of Philology Sciences, Associate Professor, Rector, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru.

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing of Theatrical Performances and Festivals, Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ponomarev63@mail.ru

Cherdantseva Alena Aleksandrovna, PhD in Technical Sciences, Associate Professor of Department of Design, Leading Researcher of Scientific Management, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: cherdantseva_aa@mail.ru

Innovative vectors of development of the national system of higher education, including the professional education in the field of culture and art, are associated primarily with the public purpose and public mission of the universities of the Russian Federation, which makes it necessary to study the effectiveness of implementation of this interaction and establish a constructive “dialogue” taking into account the needs of not only the university but society as well. The article discusses one of the leading priorities for establishing such interaction with society and strengthening the positions of universities, as educational, scientific and creative centers in the regions of the Russian Federation on the implementation of state cultural policy, ensuring the “priority of cultural and humanitarian development” of the regions of the Russian Federation as the basis of their socio-economic prosperity. The authors pay special attention to evaluating the effectiveness of scientific research, because apart from social and economic indicators of efficiency, they lose the system of external evaluation criteria, which are defined in the framework of scientific and educational centers of the Russian Federation (SEC RF), the purpose of which is to combine education, science (research-innovation-technology) and business. As part of the study, criteria were formulated for the scientific policy of higher education institutions of culture with the aim of identifying them as “NOC,” such as defining the research frontier, forming a “knowledge portfolio,” implementing interdisciplinary research, and developing a route to market an innovative product. The formulated criteria of “NEC” and the consideration of the proposals developed by the authors to establish effective interaction between higher education institutions and society contribute to improving the social status and innovation level of educational organizations, implementing competent management of the intellectual and creative capital of the university, developing modern approaches to its assessment and commercialization of scientific and creative achievements high school.

Keywords: research and educational center, research frontier, knowledge portfolio, economy of creativity, innovative potential of a university of culture.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-214-221

Традиционно научные исследования реализуют первичную миссию вуза, генерируя новое знание, которое, в свою очередь, выступает основой образования.

В логике этой традиционной миссии в РФ сложилась система оценки деятельности вузовских научных школ. Современное высшее образование сегодня не исчерпывается лишь достижен-

ем учебных целей. Образование – это только путь. В настоящее время научно-исследовательская эффективность вузов характеризуется не только генерацией нового знания, но и участием вузов в научно-инновационном и бизнес-процессах.

Важно, что об этом применительно к высшей школе России было заявлено в Постановлении XI съезда Российского Союза ректоров «Универ-

ситеты в эпоху больших вызовов» и представлено в Московском международном рейтинге «Три миссии университета: образование, наука и взаимодействие с обществом».

Таким образом, национальная рейтинговая система высшего образования напрямую связана с общественным предназначением и общественной миссией вузов РФ, то есть способностью образования, науки и культуры осуществлять общественно-значимые приоритеты. Современный вектор научной политики отечественных вузов выражен в тезисе: «От гуманитарного исследования к социальному проекту». Немедленное подтверждение результативности, «знание – в – практике» – вот актуальный прагматичный принцип новой научной политики вуза.

Следовательно, инновационный уровень научной политики российских вузов, включая и отраслевые вузы Министерства культуры РФ, требует осознания значимости и определения способов инвентаризации интеллектуального капитала вуза, разработки современных подходов к его оценке и менеджменту, то есть – формирования «портфеля» научных исследований, соответствующего «мировой повестке»; определения междисциплинарной тематики научных исследований и создания междисциплинарных исследовательских коллективов в вузе; поиска социальных партнеров, инвесторов; коммерциализации научных достижений вуза для «тиражирования» (производства и воспроизводства) проектов, технологий (создание проектных офисов и инновационных площадок).

Инновационные векторы развития отечественной национальной системы высшего образования, включая профессиональное образование в сфере культуры и искусства, связаны с общественным предназначением и общественной миссией вузов РФ.

Один из ведущих приоритетов во «взаимодействии с обществом» – это укрепление позиций вузов как образовательных, научных и творческих центров в регионах РФ по реализации государственной культурной политики, обеспечивающих «приоритетное культурное и гуманитарное развитие» регионов РФ, как основ их социально-экономического процветания.

Здесь актуальной проблемой становится оценка эффективности результатов научных ис-

следований, поскольку вне связи с общественными и экономическими показателями эффективности они теряют систему внешних оценочных критериев, которые определились в рамках научно-образовательных центров РФ (НОЦ РФ), целью создания которых является объединение образования, науки (исследования – инновации – технологии) и бизнеса [6; 9].

НОЦ – это вызов для всех региональных вузов, а требования – возможность и время посмотреть на себя со стороны. Цель отраслевых вузов Министерства культуры РФ – стать «НОЦпригодными», а значит – обеспечить свою конкурентоспособность.

Какова должна быть научная политика творческих вузов по реализации «НОЦпригодности»?

Во-первых, всем научным школам творческих вузов необходимо провести анализ результатов своих научных исследований, сопоставляя их с проблематикой настоящего времени как на региональном и российском уровне, так и на мировом. Оценить, насколько данные исследования важны для решения этих проблем и какие мировые разработки ведутся в данной области. Другими словами, наметить «фронт исследования».

Во-вторых, исследования, вся их значимость подтверждаются публикациями в рецензируемых журналах (БАК, WoS, Scopus, 1–4 квартиля) и другими научными продуктами (монографиями, учебниками, научными конференциями с участием мировых лидеров науки и т. д.). В рамках НОЦ – это первое из требований к научным исследованиям. Традиционно индикаторами эффективности научных исследований является количество опубликованных статей, зарегистрированных патентов и т. д. – это есть «портфель» научного знания в вузе.

В-третьих, важным критерием оценки научных школ является наличие междисциплинарных исследований, проводимых совместно с другими научными российскими и международными школами. Все это также подтверждается совместными публикациями, проводимыми конференциями с участием представителей международных научных школ в этой области научных исследований.

В-четвертых, результатом научных исследований должна быть инновация, которая позволяла бы разработать инновационный продукт [1]. Ин-

новационность продукта в рамках НОЦ оценивается как его конкурентная способность на рынке. Продукт должен быть лучше или как минимум равным по качеству, имеющемуся на мировом рынке, использование которого ведет к росту (экономическому, культурному и т. д.) [2].

Кроме этого, в-пятых, в требованиях НОЦ заявлено о предоставлении разработанного маршрута вывода на рынок инновационного продукта, представление основных потребителей, тех, кто непосредственно нуждается в этом. Без этого ценность научных исследований и инновационных продуктов падает.

Такая направленность (фронтирность) научных исследований приведет к накоплению научных знаний, трансляции их в научное сообщество (публикации) и в образование (компетенции и технологии подготовки специалистов), патентованию, инновациям и инновационным продуктам на социально-культурном рынке (проектная деятельность). Прагматика сегодня определяет развитие науки, для отраслевых вузов Министерства культуры РФ это – «экономика творчества» [4].

Так, например, опираясь на политику «экономики творчества», отраслевым вузам Министерства культуры РФ может быть предложена идея создания арт-парков для реализации инновационных научных достижений, творческих проектов и программ в области культуры и искусства, имеющих существенное значение для обеспечения социально-культурного развития того или иного региона и развития системы профессионального образования в области культуры и искусства. Арт-парк признается федеральной инновационной площадкой и составляет инновационную инфраструктуру творческого вуза.

Арт-парк призван повышать общественный статус и инновационный уровень образовательной организации, осуществлять компетентный менеджмент интеллектуального и творческого капитала вуза, разрабатывать современные подходы к его оценке и коммерциализации научно-творческих достижений вуза, наконец, – достойно представлять результаты инновационной деятельности творческих вузов в Московском международном рейтинге «Три миссии университета: образование, наука и взаимодействие с обществом».

В настоящее время инновационный путь развития в образовании предполагает, в первую оче-

редь, опережающую и своевременную подготовку высококвалифицированных кадров, «способных не только генерировать идеи, но и претворять их в жизнь». И на сегодняшний день инновационный подход – это веление времени, и по-другому уже не будет. Это обуславливается быстрым устареванием накапливаемых знаний, развитием сети Интернет и быстрой информатизацией общества, постоянной модернизацией содержания преподаваемых дисциплин, апробацией и внедрением в образовательный процесс результатов научно-исследовательских работ. Инновацией в образовательном процессе является внедрение нового (технологии, методы, методики, формы) в содержание обучения, которое вносит изменения в стиль мышления у обучающихся, формирует у них принципиально новые инновационные компетенции [3; 5]. Тем самым создается интеллектуальный пласт, способный на дальнейшее развитие инновационной деятельности. Современное развитие человека и общества в целом уже немыслимы без научной и инновационной деятельности.

В то же время инновации неразрывно связаны с наукой. И одно без другого не может существовать и развиваться. В Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (последняя редакция) дано понятие «научный проект и (или) научно-технический проект» – комплекс скоординированных и управляемых мероприятий, которые направлены на получение научных и (или) научно-технических результатов и осуществление которых ограничено временем и привлекаемыми ресурсами. Полученные в ходе научного исследования результаты и являются инновациями, что свидетельствует о необходимости развития науки в высших учебных заведениях [10].

Инновационный потенциал вуза включает в себя, прежде всего, интеллектуальные ресурсы, которыми он обладает, а также научно-технические, материальные и финансовые. Всего этого достаточно для осуществления инновационной деятельности. Результативность процесса создания инноваций, их использования условно можно оценить по трем основным показателям:

- 1) показатель качества образования;
- 2) показатель баланса инфраструктуры;
- 3) социальный и экономический показатель инновационного развития вуза.

Инновации охватывают все сферы осуществляемой деятельности: образовательную и научно-исследовательскую, экономическую, управленческую, социальную и др. И нет определенного пути, определенных рекомендаций для внедрения инноваций в вузы, так как уровень инфраструктуры различен в каждом конкретном учебном учреждении, и может получиться так, что для одного вуза разработанная технология (метод, способ и т. д.) будет принципиально новой, а для другого – привычной.

Поэтому при решении о вводе инноваций, касающихся не только образования, но и науки, и культуры в вузе, предпочтительно использовать достаточно исследованные инновации, а также те, которые хорошо зарекомендовали себя в других вузах.

Научно-инновационная деятельность вуза может включать научно-исследовательскую деятельность, творческую (от проектных стадий до выпуска), информационно-аналитическую, маркетинговые и иные услуги.

Инновационная инфраструктура отраслевых вузов Министерства культуры РФ предполагает наличие и функционирование центров создания и продвижения инноваций по различным направлениям деятельности (проектных офисов). Вузы культуры, как все вузы России, могут бесперебойно обеспечивать весь инновационный цикл (от идеи до реализации), а также сопровождение подготовленными профессиональными кадрами.

В настоящее время правительство особое внимание уделяет вопросам образования, развитию науки и культуры в регионах страны. Кроме создания НОЦ, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», реализуется создание культурного кластера в регионе [9]. Это способствует объединению творческих организаций области, коммерческих и административных структур, что приводит, с одной стороны, к увеличению финансирования инновационных проектов как коммерческими организациями, так и государственными фондами. С другой стороны, такой центр аккумуляции творческих и интеллектуальных ресурсов будет способствовать быстрому обмену знаниями

и опытом, что неизбежно приведет к скачку развития культуры и науки в регионе.

Правительством РФ во исполнение поручений Президента РФ предпринят ряд мер, направленных на развитие науки и культуры в вузах России. Появляются государственные фонды поддержки как творческих, так и научно-исследовательских проектов. Самыми крупными из них, поддерживающими научно-исследовательские проекты, являются РНФ (Российский научный фонд) и РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований). Проекты в области культуры поддерживают: Фонд президентских грантов, Фонд Михаила Прохорова, Благотворительный фонд Владимира Потанина. Грантовая поддержка проектов всеми фондами осуществляется на конкурсной основе, и преимущество отдается инновационным проектам.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 декабря 2015 года № 607 «О мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности» [8] Образовательный фонд «Талант и успех» осуществляет ежемесячную выплату грантов Президента Российской Федерации для поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности и поступивших на обучение в образовательные организации высшего образования по очной форме обучения по программам бакалавриата и программам специалитета, профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования по очной форме обучения по программам подготовки специалистов среднего звена за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Получателями такого гранта становятся победители или призёры заключительного (итогового) этапа конкурсного мероприятия, результаты которого подлежат внесению в государственный информационный ресурс о детях, проявивших выдающиеся способности, формируемый в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2015 года № 1239 «Об утверждении Правил выявления детей, проявивших выдающиеся способности, сопровождения и мониторинга их дальнейшего развития» [7]. При этом достижение должно быть

получено не ранее чем за 2 учебных года, предшествующих году поступления в образовательную организацию.

Организация подобных мероприятий, олимпиад и конкурсов в вузе также является инновацией. Инновационным является то, что они охватывают не только студенческий пласт молодежи, но и школьников различных возрастов, позволяя выявлять талантливых детей и активно привлекать их к обучению в вузе, повышая свой интеллектуальный ресурс. Кроме этого, включение в перечень мероприятий, результаты которых учитываются при присуждении гранта Президента РФ, ведет к значительному повышению престижа вуза. К инновациям также можно отнести открытие «школьного института» («школьного университета»), нацеленного на привлечение талантливых школьников в стены вуза. Все это развивает интерес к науке, культуре и искусству у будущих студентов вуза культуры.

Организация эффективной инновационной среды в вузе – это создание такой среды, в которой должно быть престижно и выгодно «зарабатывать умом», в которой талантливые ребята смогут реализовать себя. Преподавателям и студентам необходимо прививать дух новаторства, коллективной заинтересованности в повышении уровня проектирования творческих проектов и проводимых научных исследований, чтобы полученные в результате исследований новые знания превратить в инновации. Нужно продумать механизмы, стимулирующие развитие в вузе полного цикла инновационных проектов и разработок, возможно создать институты поддержки инноваций. Креативный человек творчески работает только там, где ему комфортно. Ему важна интеллектуальная среда, его круг общения; важно быть услышанным коллегами, понятым начальством. Креативным людям без поддержки тяжело существовать, поэтому необходимо создать в вузе сообщества «инноваторов» (объединения по интересам) через советы молодых ученых, молодых исследователей, современных творческих коллективов и т. п. В творческой среде молодой человек обречен на то, чтобы начать генерировать идеи.

В рамках модернизации менеджмента научно-исследовательского процесса и инновационной деятельности, для обеспечения развития научных школ и оптимизации научных исследова-

ний в вузе поставлены следующие стратегические задачи:

- создание научно-образовательных центров или НКО для эффективного использования нематериальных активов вуза (интеллектуального капитала), включая научно-исследовательскую работу обучающихся;
- создание в вузе оптимальных условий для реализации научных программ и проектов с использованием механизмов многоканального финансирования НИР (помимо субсидируемых источников – грантов, это лицензионные и опционные соглашения с партнерами, патентование научно-образовательных технологий);
- активизация работы по организации внебюджетного финансирования научной и инновационной деятельности на основе менеджмента приоритетных научных проектов и исследований, создание бизнес-окружения, экспорта (или трансферта) научных достижений и др.

Эти задачи призваны стимулировать научно-исследовательскую деятельность вуза и стратегически способствовать коммерциализации ее результатов.

В этом случае инновационная стратегия вуза в области науки и творчества, предусмотренная Программой развития КемГИК до 2021 года, будет определяться принципами «креативной экономики», в которой на основе взаимных инвестиций участвуют структуры государственного менеджмента, вузовская наука, образование, творчество и бизнес-окружение.

Инвестиционный потенциал вуза здесь определяется его возможностями: во-первых, вуз обладает формацией креативного класса – ведущими и авторитетными деятелями науки и культуры, молодыми учеными, способными выступать в роли генераторов научных идей, во-вторых, интеллектуальный ресурс вуза (НИИ и исследовательские лаборатории) – это возможность генерации инновационных технологий в области культуры и социальной сферы, трансферта исследовательских разработок и их коммерциализации, и, наконец, в-третьих, научно-творческий комплекс КемГИК – это эффективная лаборатория для различных проектных технологий (научных форумов и творческих фестивалей, профессиональных конкурсов, арт-проектов, проведение выставок, создание галерей, дизайн-проектов и т. д.).

Литература

1. Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201438&fld=134&dst=100011,0&rnd=0.6331979245922157#03991497069288421>.
2. Костюкевич С. В. Инновации: подход современных западных авторов в контексте российского опыта // *Alma mater* [Электронный ресурс]. – URL: <https://almavest.ru/ru/archive/775/2700>.
3. Костюк Н. В., Султан Р. Г. Позитивная мотивация к обучению как фактор выстраивания учебно-профессиональной траектории студентов вузов сферы культуры и искусства // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств.* – 2018. – № 45, т. 2. – С. 47–53.
4. Пономарев В. Д. «Экономика творчества» как инновационная стратегия развития туризма в регионе: проектный подход (на примере Кемеровской области) // *Мир науки, культуры, образования.* – 2012. – № 2 (33). – С. 207–209.
5. Пономарев В. Д., Шунков А. В. Социально-культурная деятельность: государственная культурная политика и качество профессионального образования // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств.* – 2016. – № 37. – С. 175–184.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 года № 537 «О мерах государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики» [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/36626>.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2015 года № 1239 «Об утверждении Правил выявления детей, проявивших выдающиеся способности, сопровождения и мониторинга их дальнейшего развития» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/71251462>.
8. Указ Президента Российской Федерации от 7 декабря 2015 года № 607 «О мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 28.09.2017 года № 449) [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40269>.
9. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>.
10. Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/135919/#ixzz5eGqrwMTj>.

References

1. *Kontseptsiya innovatsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 1998–2000 gody* [The concept of innovation policy of the Russian Federation for 1998–2000]. (In Russ.). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201438&fld=134&dst=100011,0&rnd=0.6331979245922157#03991497069288421>.
2. Kostyukevich S.V. Innovatsii: podkhod sovremennykh zapadnykh avtorov v kontekste rossiyskogo opyta [Innovations: the approach of modern Western authors in the context of the Russian experience]. *Alma mater*. (In Russ.). Available at: <https://almavest.ru/ru/arch/775/2700>.
3. Kostyuk N.V., Sultan R.G. Pozitivnaya motivatsiya k obucheniyu kak faktor vystraivaniya uchebno-professional'noy traektorii studentov vuzov sfery kul'tury i iskusstva [Positive motivation to learn as a factor in building the educational and professional trajectory of students of universities in the field of culture and art]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2018, no. 45/2, pp. 47–53. (In Russ.).
4. Ponomarev V.D. “Ekonomika tvorchestva” kak innovatsionnaya strategiya razvitiya turizma v regione: proektnyy podkhod (na primere Kemerovskoy oblasti) [“Economy of creativity” as an innovation strategy for the development of tourism in the region: a project approach (using the example of Kemerovo region)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2012, no. 2 (33), pp. 207–209. (In Russ.).
5. Ponomarev V.D., Shunkov A.V. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': gosudarstvennaya kul'turnaya politika i kachestvo professional'nogo obrazovaniya [Socio-cultural activities: state cultural policy and the quality of vocational education]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2016, no. 37, pp. 175–184. (In Russ.).

6. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30 aprelya 2019 goda № 537 "O merakh gosudarstvennoy podderzhki nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov mirovogo urovnya na osnove integratsii obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya i nauchnykh organizatsiy i ikh kooperatsii s organizatsiyami, deystvuyushchimi v real'nom sektore ekonomiki"* [Decree of the Government of the Russian Federation of April 30, 2019, no. 537 "On measures of state support of world-class scientific and educational centers based on the integration of educational institutions of higher education and scientific organizations and their cooperation with organizations operating in the real economy"]. (In Russ.). Available at: <http://government.ru/docs/36626>.
7. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2015 goda № 1239 "Ob utverzhdenii Pravil vyyavleniya detey, proyavivshikh vydayushchiesya sposobnosti, soprovozhdeniya i monitoringa ikh dal'neyshego razvitiya"* [Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2015, no. 1239 "On approval of the Rules for the identification of children who have demonstrated outstanding ability, support and monitoring of their further development"]. (In Russ.). Available at: <http://base.garant.ru/71251462>.
8. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 dekabrya 2015 goda № 607 "O merakh gosudarstvennoy podderzhki lits, proyavivshikh vydayushchiesya sposobnosti" (V redaktsii Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28.09.2017 № 449)* [Decree of the President of the Russian Federation of December 7, 2015, no. 607 "On measures of state support for persons who have shown outstanding ability" (As amended by Presidential Decree of September 28, 2017, no. 449)]. (In Russ.). Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/40269>.
9. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2018 № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda"* [Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018, no. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"]. (In Russ.). Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>.
10. *Federal'nyy zakon ot 23 avgusta 1996 goda № 127-FZ "O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike"* [Federal Law of August 23, 1996, no. 127-ФЗ "On Science and State Scientific and Technical Policy"]. (In Russ.). Available at: <http://base.garant.ru/135919/#ixzz5eGqrwMTj>.

УДК 371

ВЫСШЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КУЗБАССЕ: ИСТОРИЯ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Редлих Сергей Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: redlikh49@ya.ru

Пономарёв Роман Евгеньевич, кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ). E-mail: p-re@mail.ru

Григоренко Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

Вопросы становления и развития высшего профессионального педагогического образования в Кемеровской области, несомненно, не только имеют значимость в аспекте истории региона, но и выступают ориентиром для обозначения перспектив развития при построении новых векторов движения всей социальной сферы региона. Цель данной статьи заключается в том, чтобы описать тенденции истории становления и развития высшего педагогического образования в Кемеровской области, прежде всего на юге Кузбасса. Основным методом настоящего исследования является метод исторического анализа.

Авторами рассматривается становление и развитие высшего педагогического образования в неразрывной связи с задачами развития экономики региона и повышения общего уровня образования его жителей. В статье отмечается особый вклад в становление системы высшего педагогического образования Педагогического института в г. Сталинск (позднее – г. Новокузнецк) и его коллектива. Подчеркивается роль Новокузнецкого педагогического института в становлении комплекса «педучилище – педиститут»

как многоуровневой системы подготовки учительских кадров в Кузбассе, отмечается вклад многих выдающихся деятелей и ученых в развитие и функционирование этой системы.

Анализ тенденций современного развития высшего педагогического образования в Кузбассе, востребованности учительских кадров в регионе неизменно подводит к выводу о необходимости увеличения набора в вузы студентов для подготовки к профессии учителя.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование, система педагогического образования, высшее профессиональное педагогическое образование в Кузбассе.

HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATION IN KUZBASS: HISTORY, TRENDS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Redlikh Sergey Mikhaylovich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: redlikh49@ya.ru:

Ponomarev Roman Evgenyevich, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: p-re@mail.ru

Grigorenko Natalya Nikolaevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

The issues of the formation and development of higher professional pedagogical education in Kemerovo region undoubtedly are of importance not only in the aspect of the history of the region but also as a reference point for designating the development prospects when constructing the new movement vectors of the entire social sphere of the region. The purpose of this article is to describe the trends in the history of the formation and development of higher pedagogical education in Kemerovo region, especially in the south of Kuzbass. The main method of this study is the method of historical analysis. The authors consider the formation and development of higher pedagogical education inextricably linked with the tasks of developing the region's economy and raising the general level of education of its residents. The article notes the special contribution to the formation of the system of higher pedagogical education of the Pedagogical Institute in Stalin (later - Novokuznetsk) and its staff. The article emphasizes the role of the Novokuznetsk Pedagogical Institute in the formation of the complex "pedagogical school – pedagogical institute" as a multilevel system of training the teachers in Kuzbass, the contribution of many prominent figures and scientists in the development and functioning of this system is noted.

An analysis of the trends in the modern development of higher pedagogical education in Kuzbass, the demand for teachers in the region invariably leads to the conclusion that it is necessary to increase the enrollment of students in universities to prepare for the teaching profession.

Keywords: higher pedagogical education, system of pedagogical education, higher professional pedagogical education in Kuzbass.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-221-227

Причины разного рода неудач, затруднений как отдельного человека, так и общества в целом человечество склонно искать в несовершенстве системы образования. Масштабы проблем профессионального педагогического образования невозможно недооценить. Поэтому развитие систе-

мы профессионального педагогического образования и вопросы подготовки профессиональных педагогических кадров были и остаются сверх-актуальными.

Целями данной статьи являются обзор исторических вех становления высшего профессио-

нального педагогического образования в Кузбассе и выявление возможных причин тех простых ситуаций, в которых оно сегодня находится.

Вопросам истории становления профессионального педагогического образования в Кемеровской области посвящены работы ряда ученых [1–7]. Не вызывает сомнений верность утверждения, что «стратегической целью социально-экономического развития региона является повышение его конкурентоспособности в области образования и, соответственно, рост благосостояния педагогических работников. Данная цель предполагает создание системы педагогического образования и подготовки педагогических кадров. Решение данной задачи невозможно без эффективной многоуровневой системы образования, для которой необходимо исследование потребности региона в педагогических кадрах. Эта проблема требует изменений в системе основного общего среднего и профессионального образования, которые связаны с формированием педагогического корпуса региона, соответствующего запросам современного общества» [4, с. 7]. Обращение к истории становления и развития высшего педагогического образования в Кузбассе позволяет расставить некоторые акценты в современных тенденциях его функционирования.

Первого сентября 1939 года в городе Сталинске Новосибирской области начал работу двухгодичный учительский институт. Но возник он не просто так и не на пустом месте. Предшественниками Сталинского учительского института были, прежде всего, педагогические училища: Анжеро-Судженское, Кузедеевское и Сталинское, а также их студенты и преподаватели высшего педагогического образования в Кузбассе, с конца 20-х годов XX века призванные решить кадровые проблемы учительства, давшие мощный толчок высшему образованию для учителей [3]. Приказ о создании Сталинского учительского института на базе Сталинского педагогического училища вышел в июле 1939 года. А первым директором стал Михаил Карпович Ковалев, работавший до этого директором педагогического училища. И, конечно, не случайно учительский институт был открыт именно в Сталинске.

В 30-е годы прошлого века страна ускоренно создавала третью металлургическую базу, Ста-

линск подходил почти идеально – железная руда и уголь находились рядом. Стремительный рост числа молодых людей, в основном не очень грамотных, приводит к возникновению запроса на образование, создается первый вуз Кузбасса – Сибирский металлургический институт. Но вот незадача – где взять подготовленных абитуриентов? Во времена Петра I, по сути, по этой же причине не состоялся первый российский университет в Санкт-Петербурге (по причине отсутствия студентов). Тогда не было школ, и студентов можно было выписать разве лишь из заграницы, что и было сделано. Однако поставленных задач это не решило, и университет закрылся. В 30-е годы прошлого века школы уже были, но подводил достигнутый уровень образования, а он упирался в недостаточную квалификацию учителя. Так, из 21 065 учителей Новосибирской области 9 409 не имели даже законченного среднего образования (по данным 1939 года), но не хватало и таких. В 1937–1939 годах в школы Новосибирской области было направлено свыше пяти тысяч учителей, прошедших лишь краткосрочные курсы.

В качестве ответа на эти вызовы в г. Сталинске и был открыт учительский институт в составе четырех факультетов – естественно-географического, исторического, русского языка и литературы, физико-математического. По результатам вступительных экзаменов на все четыре факультета было принято 260 человек. Если перейти к современной терминологии, то 80 лет назад на контрольные цифры приема в Сталинске было выделено 260 мест. Уровень квалификации преподавателей был не очень высоким, в их составе, к примеру, не было ни одного кандидата наук, не говоря уже о докторях.

Вскоре, однако, выяснилось, что учителя, за плечами которых лишь двухлетнее обучение в учительском институте, не могут обеспечить достаточного уровня образования, тем более подготовить учеников средней школы к поступлению в вуз. И в 1944 году в Сталинске был открыт педагогический институт. Какое-то время оба института работали вместе, затем надобность в учительском институте отпала, и он естественным образом закрылся.

Хотелось бы отметить, что с 1939 по 1949 год учительский институт не стоял на месте, он стремительно развивался, и к 1944 году, несмотря на тяжёлое военное время, в его составе было уже три кандидата наук. А в 1952 году начинается набор новый факультет – факультет иностранных языков. К этому времени в вузе обучается уже почти три тысячи студентов, работает больше сотни преподавателей, из которых 17 – кандидаты наук.

В 1949 году открылся педагогический институт и в городе Кемерово. Для ускорения создания интеллектуальной «критической массы» новокузнецкие отдали самое ценное из того, что было, то, что создавалось десятилетиями, – кадры и библиотеку. В Кемеровском вузе открылся исторический факультет. Исторический факультет в Новокузнецке закрылся, а на подготовку к его вторичному созданию (в 2000 году) ушло практически полвека.

В 1950 году в Сталинском педагогическом институте появился новый ректор – Николай Николаевич Чистяков, человек очень дальновидный и энергичный. Благодаря его энергии и упорству был совершен настоящий прорыв: в вузе была открыта аспирантура по трем специальностям, что по тем временам было событием «вселенского масштаба». Результаты не замедлили сказаться, за 12 лет его работы число дипломированных специалистов возросло почти в пять раз: с 7 до 34. Его стараниями было подготовлено и открытие в 1964 году индустриально-педагогического факультета, была заложена основа материальной базы и кадрового состава. В вуз пришли известные впоследствии люди, такие как профессор А. Н. Ростовцев и др., благодаря которым факультет долгое время являлся объектом подражания для многих педагогических вузов за Уралом.

Затем Николая Николаевича Чистякова отравили в Кемерово, возглавлять Кемеровский педагогический институт. Вместе с ним «ушла» и аспирантура. Потеря, конечно, была очень тяжелой, точнее, практически невозполнимой, и только через сорок с лишним лет вузом был накоплен достаточный потенциал для её вторичного открытия.

В середине 1970-х годов в Новокузнецке открывается факультет физической культуры, теперь

уже с помощью Кемеровского педагогического института. В вуз пришли известные впоследствии специалисты, в частности, Г. И. Морозов, профессор С. И. Петухов, доцент В. П. Зубанов и др.

А к середине 1990-х, во многом благодаря энергии доцента Н. Е. Разенковой, были открыты ещё два факультета: педагогики и методики начального образования и дошкольной педагогики и психологии.

Лихие девяностые, конечно, наложили отпечаток на развитие вуза. Ресурсов не хватало ни на что, в общежитиях – разруха и разбой, крыши текли, отопление – сплошные аварии... но коллектив, собрав последние силы, терпел и работал.

Во многом благодаря энергии, мудрости и профессионализму доцента Н. Я. Канторовича, начал развиваться проект комплекса «педучилище – пединститут», позволявший существенно гармонизировать подготовку педагогических кадров на уровне субъекта Федерации. На этом пути вуз был одним из первых в России. Существенный вклад в развитие этой идеи внесла и директор Ленинск-Кузнецкого педагогического училища кандидат педагогических наук Голянская Наталья Михайловна, трагически погибшая на рабочем месте. Педагогическим коллективам удалось так согласовать учебные планы и программы вуза и училища, что по окончании срока обучения в училище студент осваивал полностью программу первых курсов вуза и имел возможность поступить на старшие курсы. При этом экономились государственные ресурсы, личное время студента, рос авторитет педагогических училищ, а в педагогические вузы поступали мотивированные, хорошо подготовленные студенты. Но эта схема не совсем укладывалась в формальную логику наших законодателей, защитить её на законодательном уровне не удалось, победило мнение о том, что высшее образование можно получать только в высшем учебном заведении. Путь спасения руководство вуза нашло в создании филиалов, но, к сожалению, не смогло отстоять кандидатуру Н. М. Голянской в качестве директора Ленинск-Кузнецкого филиала Новокузнецкого педагогического института, не получило поддержки и на уровне области. В дальнейшем министерство взвинтило требова-

ния к филиалам, и вуз едва не лишился лицензии по результатам очередной аттестации. Филиал пришлось закрыть.

Идею комплекса «педучилище – пединститут» позаимствовали на Алтае, там ее судьба оказалась счастливее. Она трансформировалась в проект создания университетского округа, а в качестве теоретического обоснования была защищена докторская и несколько кандидатских диссертаций.

Вместе с тем в вузе было много и иных точек роста. Доцент Э. Ф. Чиспияков, а также профессора А. В. Есипова и И. В. Невская прилагали много усилий по поддержке и развитию культуры малых народов; создавались на языках малых народов учебники, переводились лучшие произведения мировой литературы. Но особой поддержки не было, только ресурсы педвуза, который, как и все педагогическое образование, финансировался по остаточному принципу. В итоге кафедра закрылась, но И. В. Невская и А. В. Есипова выросли в ученых-филологов мирового уровня.

Все эти усилия, несмотря на неудачу, способствовали профессиональному росту коллектива. Поэтому по результатам очередной аттестации педагогический институт был переименован в педагогическую академию.

Были укреплены и связи с ведущими институтами РАО, в вузе появился филиал ИОСО РАО, преподаватели получили возможность более тесного сотрудничества с ведущими учеными страны в области образования и ведения научной работы. Как результат – на рубеже тысячелетий в вузе открылась аспирантура по 8 специальностям, причем среди них половина была за пределами педагогической науки. Накопленная интеллектуальная «критическая масса» в самом начале XXI века позволила открыть диссертационный совет сразу по двум специальностям: 13.00.01 и 13.00.08, преподаватели вуза и работники педагогических учреждений Кузбасса смогли более эффективно завершать работу над кандидатскими и докторскими диссертациями. География соискателей была довольно обширна. Конечно, это приводило к росту авторитета кузбасского образования в педагогических кругах России. За время работы диссертационного совета защитилось несколько десятков соискателей. В работе совета принимали участие авторитетные ученые, такие как действи-

тельный член РАО Ю. В. Сенько, действительный член РАО В. А. Сластенин, профессор Т. С. Панина, профессор Н. А. Заруба и др.

Благодаря всем этим усилиям к 2014 году педагогический коллектив КузГПА подходил в значительной степени окрепшим – более 30 докторов наук, профессоров, аспирантура, диссертационный совет, острепенность около 70 %, контрольные цифры приема более 700 человек только по дневному отделению, 9 факультетов, более 40 кафедр, более 300 преподавателей и около 5000 студентов.

В самом начале нынешнего столетия отношение к профессиональному педагогическому образованию резко изменилось. Часто в средствах массовой информации стали появляться сюжеты, дискредитирующие качество подготовки учителей, подвергающие сомнению профессионализм педагогических работников и порождающие, в том числе, представления о некачественном профессиональном педагогическом образовании в России.

Затем начались поиски «ненужных» вузов под лозунгом борьбы за эффективность. Далее появились и критерии эффективности. Большая часть вузовского сообщества восприняла их со всем в другом ключе – как инструмент для ликвидации определенной категории вузов. Около 90 % педвузов автоматически попали в категорию неэффективных, даже флагман высшего педагогического образования – Московский государственный педагогический университет.

Коллектив вуза надеялся вначале, что это какая-то ошибка и, если постараться, то кое-что можно исправить. Некоторые параметры «неэффективности» удалось подтянуть, но заместитель министра выразился четко и ясно: из «неэффективных» дорога одна – «на погост». Однако Алтай, Новосибирск, Томск, Красноярск получили защиту в своих регионах и остались «в живых». Поэтому руководство НГПА добились встречи с представителем президента по Сибирскому федеральному округу В. А. Толоконским, получило полное понимание и поддержку, но, к сожалению, далее никаких действий по сохранению вуза в регионе не последовало.

По официальной версии министерства, в результате реформы университеты, обладая не-

сравнимо более мощным потенциалом, как интеллектуальным, так и материальным, поднимут педагогическое образование на невиданные до этого высоты. Но что получилось на практике? Результатов никто не проверял и не анализировал, во всяком случае, широкой педагогической общественности России они неизвестны. А каковы результаты реформы в Новокузнецке?

Вместо вложений в высшее педагогическое образование началось латание дыр за его счёт, а поскольку его ресурсы в России всегда были за пределами выживания, началась неизбежная деградация.

Исчезла аспирантура, исчез диссертационный совет, как шагреновая кожа, сжалась узкая прослойка кадров высшей квалификации – докторов наук и профессоров. Из более чем 30 человек осталось около десятка. Оказались вне надобности и ушли: учёный с мировым именем доктор филологических наук А. В. Есипова; один из авторов федерального комплекта учебников, любимая ученица легендарной Т. А. Ладыженской, доктор педагогических наук Г. Б. Вершинина; уникальный специалист по методике преподавания физики, доктор педагогических наук И. В. Шимлина; известный биолог, одна из лучших выпускниц Томского государственного университета, доктор биологических наук Э. Д. Крапивкина; известный культуролог, профессор Л. А. Тресвятский и многие, многие другие. Из 9 факультетов осталось 2, из более чем 40 кафедр осталось в пределах десятка, из более чем

300 ставок преподавателей осталось чуть больше ста, из 5000 студентов осталось тысячи полторы.

На сегодняшний день скрытый дефицит учителей на юге Кузбасса значительно превышает тысячу человек. Сколько понадобится лет, десятилетий, при описанном отношении к системе подготовки учителей, чтобы этот дефицит закрыть? И это только в количественном отношении, а в качественном? А может быть, планируется, как и во времена Петра I, «выписывать учителей из-за границы»? По многим важным параметрам система высшего педагогического образования на юге Кузбасса отброшена лет на 70 назад, но всё-таки не на 300, и поэтому с некоторым оптимизмом можно надеяться, что к временам Петра I в подготовке педагогических кадров мы не вернемся.

Вместе с тем, «на протяжении последних 20 лет педагогические коллективы образовательных организаций региона постарели. Средний возраст учителей 5–11-х классов образовательных организаций региона достиг 51 года, есть педагогические коллективы, в которых работают только учителя-пенсионеры. В ближайшие 10 лет произойдет резкий уход учителей-пенсионеров на пенсию, выпускники же университета (КемГУ – *прим. авт.*) не смогут их всех заменить» [4, с. 9].

Если не считать профессию учителя «хобби», то расчеты показывают, что для простого восполнения естественной убыли педагогов на юге Кузбасса необходимо ежегодно принимать от 700 до 900 человек на первый курс для подготовки к профессии учителя.

Литература

1. Вотинова Е. Г. Формирование профессионального мастерства будущих специалистов в условиях педагогического училища [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово: КемГУ, 2003. – URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-formirovanie-professionalnogo-masterstva-buduschih-spetsialistov-v-usloviyah-pedagogicheskogo-uchilischa#ixzz61IPLQHia>.
2. Жуков Г. Н. Система непрерывного профессионально-педагогического образования Кемеровской области: методология, опыт, перспективы // Образование. Карьера. Общество. – 2010. – № 3 (29). – С. 61–66.
3. История Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 207 с.
4. Касаткина Н. Э., Красношлыкова О. Г., Руднева Е. Л., Чурекова Т. М. Педагогическое образование: проблемы, перспективы // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2018. – № 1 (29). – С. 6–12.
5. Красношлыкова О. Г. История и перспективы подготовки кадров профориентаторов в системе высшего педагогического образования (1920–90-е годы) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Новосибирск: Сибирский институт образовательных технологий Российской Академии образования, 1996. – URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-istoriya-i-perspektivy-podgotovki-kadrov-proforientatorov-v-sisteme-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya-1920-90-e-gody#ixzz61IHRPy4>.
6. Кузбасская государственная педагогическая академия. Страницы истории. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 224 с.

7. Шаляпина И. В. Развитие среднего профессионального педагогического образования в Кемеровской области (1958–1985) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово: КемГУ, 2013. – URL: <http://cheloveknauka.com/razvitie-srednego-professionalnogo-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-kemerovskoy-oblasti#ixzz61IIQfQ8m>.

References

1. Votina E.G. *Formirovanie professional'nogo masterstva buduschikh spetsialistov v usloviyakh pedagogicheskoy uchilishcha. Avtoreferat dis. kand. ped. nauk [Formation of professional skills of future specialists in a pedagogical school. Author's abstract of diss. PhD in Ped. Sciences]*. Kemerovo, KemSU Publ., 2003. (In Russ.). Available at: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-formirovanie-professionalnogo-masterstva-buduschih-spetsialistov-v-usloviyah-pedagogicheskogo-uchilishcha#ixzz61IPLQHia>.
2. Zhukov G.N. Sistema nepreryvnogo professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya Kemerovskoy oblasti: metodologiya, opyt, perspektivy [The system of continuing professional and pedagogical education of the Kemerovo region: methodology, experience, prospects]. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo [Education. Career. Society]*, 2010, no. 3 (29), pp. 61-66. (In Russ.).
3. *Istoriya Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [History of Kemerovo State University]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 207 p. (In Russ.).
4. Kasatkina N.E., Krasnoshlykova O.G., Rudneva E.L., Churekova T.M. Pedagogicheskoe obrazovanie: problemy, perspektivy [Pedagogical education: problems, prospects]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Vocational education in Russia and abroad]*, 2018, no. 1 (29), pp. 6-12. (In Russ.).
5. Krasnoshlykova O.G. *Istoriya i perspektivy podgotovki kadrov proforientatorov v sisteme vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya (1920–90-e gody): avtoreferat dis. kand. ped. nauk [History and prospects of training of career counselors in the system of higher pedagogical education (in 1920–90s). Author's abstract of diss. PhD in Ped. Sciences]*. Novosibirsk, Siberian Institute of Educational Technologies of the Russian Academy of Education Publ., 1996. (In Russ.). Available at: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-istoriya-i-perspektivy-podgotovki-kadrov-proforientatorov-v-sisteme-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya-1920-90-e-gody#ixzz61IHRPy4>.
6. *Kuzbasskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya. Stranitsy istorii [Kuzbass State Pedagogical Academy. Pages of history]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2002. 224 p. (In Russ.).
7. Shalyapina I.V. *Razvitie srednego professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya v Kemerovskoy oblasti (1958–1985): avtoreferat dis. kand. istoricheskikh nauk [Development of secondary vocational teacher education in the Kemerovo region (1958–1985). Author's abstract of diss. PhD in Ped. Sciences historical sciences]*. Kemerovo, KemSU Publ., 2013. (In Russ.). Available at: <http://cheloveknauka.com/razvitie-srednego-professionalnogo-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-kemerovskoy-oblasti#ixzz61IIQfQ8m>.

УДК 379.8

КОНКУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СПО)

Белов Валерий Фёдорович, аспирант кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ), заведующий кафедрой технических наук филиала Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачёва (г. Белово, РФ).
E-mail: belovvf@bk.ru

Конкурсы профессионального мастерства долгие годы стабильно остаются одной из самых эффективных форм повышения профессионального мастерства и средством творческой самореализации личности. Рассматривая качество образования как определенный уровень освоения культуры профессиональной деятельности, а конкурс как средство формирования у студенческой молодежи ценностного отношения к будущей профессии, автор акцентирует внимание на организационно-методической

основе конкурсов профессионального мастерства и следующих научных подходах: системно-деятельностном; личностно-ориентированном и процессуальном.

В статье представлены методы социально-культурной деятельности, которые позволяют сделать конкурсы профессионального мастерства творческим процессом. Это: методы формирования сознания личности (убеждение, внушение, пример); методы организации деятельности (практическое задание, вовлечение в деятельность, индивидуальное поручение, соревнование, наставничество и т. д.); методы стимулирования общественного поведения и деятельности (моральное и материальное поощрение, общественное признание). Технологии социально-культурной деятельности позволяют сделать конкурсы профессионального мастерства творческим процессом, при котором его участники анализируют свою деятельность, приводят в систему свой опыт и демонстрируют свой уникальный опыт.

Автор делится опытом организации и проведения данных конкурсов в учреждении СПО и результатами исследования мотивации их участников.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, коммуникация, конкурс профессионального мастерства, творческий потенциал.

COMPETITION OF PROFESSIONAL SKILLS AS A WAY OF FORMING A VALUABLE ATTITUDE TO THE FUTURE PROFESSION (IN CASE OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION)

Belov Valeriy Fedorovich, Postgraduate of Department of Socio-cultural Activity, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation), Department Chair of Technical Sciences of Branch of T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Belovo, Russian Federation). E-mail: belovvf@bk.ru

Competitions of professional skill steadily for many years remain one of the most effective forms of improvement of a professional skill and means of creative self-realization of a person. Considering the quality of education as a certain level of mastering the culture of professional activity, and the competition as a means of forming students' value attitude to the future profession, the author focuses on the organizational and methodological basis of competitions of professional skill and the following scientific approaches: system-activity; personality-oriented and procedural approach.

The article presents the methods of socio-cultural activities that allow making the competitions of professional skills a creative process. These are methods of formation of consciousness of a person (persuasion, suggestion, example), methods of organization of activity (practical task, involvement in activities, individual assignment, competition, mentoring, etc.), methods of stimulation of social behavior and activity (moral and material encouragement, public recognition). Technologies of socio-cultural activities help make the competitions of professional skills the creative process where participants analyze their activities, lead in with their experience and demonstrate a unique experience.

The author shares the experience of organizing and conducting these competitions in the institution of the PDF and the results of the study of the motivation of their participants. Based on his research, the author concludes that the competitions, being an effective means of creative self-realization of its participants in professional activities, allow to outline the trajectory of professional self-development in accordance with professional and personal needs. Inclusion in the competition contributes to the development of activity in the profession. Participation in competitions of professional skill requires not only mobilization of internal resources, accurate calculation of time, huge psychological stress, but also is presented as a holiday of communication of professional and personal growth.

Keywords: socio-cultural activity, communication, competition of professional skill, creative potential.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-227-233

Переход на новые федеральные государственные образовательные стандарты в связи с изменением современной социально-экономической ситуации в стране подчеркивает необходимость повышения качества подготовки специалистов среднего профессионального образования, способных выдержать конкуренцию на рынке труда.

Изменение требований к профессиональной подготовке молодежи в современных условиях отразилось в активном распространении международного некоммерческого движения WorldSkills International, миссия которого – **повышение стандартов подготовки кадров**.

В 2016 году Россия присоединилась к этому движению, и реформирование системы среднего профессионального образования стало первоочередной задачей Союза «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)». Он установил новейшие стандарты современных рабочих профессий, изменил экзаменационную систему в вузах, техникумах, колледжах. Союз также является связующим звеном между выпускниками и работодателями.

В рамках чемпионатов готовят молодого профессионала, который адаптирован к новым условиям труда и, расширяя свои знания, готов работать с робототехникой и современными аппаратами.

Но качество образования нужно рассматривать и как определенный уровень освоения культуры профессиональной деятельности, способов самосовершенствования и саморазвития, формирования ценностного отношения к будущей профессии.

А. И. Юдина отмечает, что современные подрастающие являются основными носителями и проводниками инициатив и решений во всех сферах общественной жизни. Поэтому основной задачей образовательных организаций является создание социально-культурных условий для позитивной социализации молодых людей, которые будут реализовываться через развитие личностного потенциала и самореализацию этой группы [8].

М. И. Васильковская считает, что одним из наиболее эффективных способов развития личности молодых людей, их социализации и воспитания является активное включение в социально-культурную творческую деятельность. Это творческие и социально-культурные молодежные

инициативы, направленные на решение проблем и потребностей молодежи [2].

В свою очередь, А. С. Тельманова и П. С. Колесникова отмечают, что необходимо формировать социально-культурное пространство как базу для получения практического культурного опыта и оценки индивидуальных возможностей профессиональной деятельности [6].

Важное значение в аспекте формирования ценностного отношения к будущей профессии имеет наличие реального взаимодействия организаций профессионального образования с социальными партнерами. Это позволяет, как пишет Н. В. Костюк, «создать у обучающихся образ будущей профессии, очертить профессиональные нормы и ценности, которые надстраиваются над необходимыми для успешного выполнения деятельности компетенциями, определить особенности профессиональной культуры, которая включает в себя как высокую степень овладения профессией, соответствующий уровень правовой и специальной подготовки, так и общую образованность и воспитанность человека, определенную систему ценностей, мотивов, интересов» [3, с. 19].

Немаловажную роль здесь играют профессиональные праздники и конкурсы профессионального мастерства. Они помогают успешно решать задачи повышения качества подготовки специалистов, создавая благоприятную среду для развития их интеллекта, креативного мышления, формирования опыта творческой деятельности в профессиональной сфере.

Участие в конкурсах профессионального мастерства требует огромного психологического и умственного напряжения, мобилизации внутренних ресурсов. Но это еще и праздник общения, личностного и профессионального роста.

Мы провели опрос среди студентов Ленинск-Кузнецкого горнотехнического техникума, принимавших участие в конкурсах профессионального мастерства. На основании данных опроса, мы можем констатировать, что 91 % респондентов выразил желание вновь участвовать в этих конкурсах. На вопрос: «Каков главный мотив участия в конкурсе профессионального мастерства в горнотехническом техникуме?» – все участвующие в опросе отметили его практическую ценность и возможность приобрести новые знания, умения и навыки. 48 % респондентов отметили, что это

возможность заявить о себе и сделать определенную заявку на будущее, так как в жюри – потенциальные работодатели.

87 % опрошенных предлагают сохранить в практической части конкурса творческий элемент, который развивает воображение, художественный вкус. Ведь в условиях реального производства этот элемент ограничен определенными требованиями.

На основании исследования можно сделать вывод о том, что конкурсы, являясь в профессиональной деятельности его участников эффективным средством творчества, позволяют наметить траекторию профессионального саморазвития в соответствии с профессиональными и личностными запросами. Включение в конкурс способствует развитию активности в профессии.

Цели, потребности, мотивы, интересы – это часть творческой самореализации человека. Победитель конкурсов – это личность, имеющая склонность к нестандартным решениям. Победителем может стать тот, кто имеет не только знания в определенной предметной области, но и широкий кругозор, логическое мышление, способность рассуждать, воспринимать и анализировать поток информации. Конкурсы профессионального мастерства пропагандируют передовой опыт и поощряют творчество и профессиональную активность.

Д. И. Фельдштейн отмечал, что в ряду высших потребностей человека потребность в самореализации занимает одно из ведущих мест. Таким образом, конкурсы профессионального мастерства долгие годы стабильно остаются одной из самых эффективных форм повышения профессионального мастерства и средством творческой самореализации личности [7].

В организаторах и участниках, членах жюри и педагогических коллективах конкурсных площадок просыпается собственная творческая энергия, возникают новые идеи, мысли и планы, стимулируется мотивация. Поэтому конкурсы профессионального мастерства являются средством повышения профессиональной компетентности его участников, коллектива организации. Они создают атмосферу позитивной соревновательности и заинтересованности.

В Ленинск-Кузнецком горнотехническом техникуме сложилась многолетняя традиция проведения профессионально ориентированных меро-

приятий, среди которых особое место занимают конкурсы профессионального мастерства.

Организационно-методическую основу этих конкурсов составляют следующие научные подходы:

1. Системно-деятельностный подход, определяющий принципы, основные направления организации и проведения конкурса профессионального мастерства, обеспечивающий их целостность и интегративность, ориентацию на результат.

2. Личностно ориентированный подход, обеспечивающий индивидуальное профессиональное развитие каждого из участников конкурса, учитывающий его профессиональные предпочтения и интересы.

3. Процессуальный подход, дающий возможность акцентировать внимание на результатах. Это: а) процесс управления, организации и проведения конкурса профессионального мастерства, распространение инновационного опыта, формирование позитивного имиджа участников конкурса; б) процесс развития творческого потенциала и профессионального мастерства всех участников конкурса.

Конкурс является не только формой соревнования в профессиональном мастерстве и стимулом формирования потребности в профессиональном совершенствовании. Немаловажную роль играет тщательная подготовка к конкурсу, в рамках которой человек становится исследователем собственного опыта, приобретает знания о новых технологиях, знакомится с научными разработками в своей профессиональной области, использует диагностические методы в оценке результатов своего опыта.

Технологии социально-культурной деятельности позволяют сделать конкурсы профессионального мастерства творческим процессом, при котором его участники анализируют свою деятельность, приводят в систему свой опыт и демонстрируют свои уникальные умения.

По мнению М. А. Беляевой и Е. Ю. Стриганковой, механизмом осуществления социально-культурной деятельности является межсубъектная коммуникация, которая нацелена на оптимизацию процессов социализации, самореализации и социального взаимодействия [1; 5].

Поэтому в рамках подготовки и проведения конкурсов профессионального мастерства в горнотехническом техникуме используются следующие

щие методы социально-культурной деятельности, предложенные В. Е. Новаторовым:

1. Методы формирования сознания личности – убеждение (доказательство идеи); внушение (авторитетное заявление или заключение, которое рассчитано на его восприятие одним человеком или группой); пример (обращение к позитивному опыту специалистов).

2. Методы организации деятельности – практическое задание, вовлечение в деятельность, индивидуальное поручение, соревнование, наставничество и т. д.

3. Методы стимулирования творческой деятельности и общественного поведения – поощрение моральное (вручение дипломов и грамот), материальное (вручение призов, памятных подарков, сувениров и т. п.), общественное признание [4].

День проведения конкурса – большой праздник для обучающихся и педагогов техникума. Поэтому кроме самого конкурса проводятся: церемонии открытия и закрытия; торжественная церемония вручения наград; презентации направлений подготовки специалистов; встречи с выпускниками, добившимися значительных успехов в профессии; работодателями и т. д.

В рамках конкурсных испытаний для развития творческого потенциала и формирования ценностного отношения к будущей профессии был введен конкурс эссе «Моя профессия – мое будущее».

Конкурс профессионального мастерства требует тщательной подготовки: обсуждается Положение о конкурсе, подбирается объект работы, разрабатываются критерии оценки и баллы, составляются тестовые задания.

В Ленинск-Кузнецком горнотехническом техникуме в конкурсах профессионального мастерства участвуют обучающиеся всех курсов по профессиям/специальностям.

Рассмотрим особенности проведения конкурса профессионального мастерства.

1. Этап планирования конкурса. Здесь осуществляется сбор, анализ предложений и методы взаимодействия с организациями – партнерами учебного заведения.

2. Создание оргкомитета, в функции которого входит разработка положения о конкурсе. В нем отражены: сроки проведения и условия конкурса, критерии оценок, этапы оформления

технической и технологической документации, содержание теоретических и практических конкурсных заданий, меры поощрения и т. д. Оргкомитет формирует жюри, в состав которого должны входить руководители и специалисты предприятий социальных партнеров.

3. Составление плана материально-технического обеспечения, сметы расходов, подготовка помещений и др.

4. Планирование сопутствующих мероприятий – экскурсионных программ, выставок.

5. Проведение конкурса.

Конкурсы проводятся в три этапа и состоят из теоретической и практической частей. В теоретическом и практическом турах конкурса участвуют все обучающиеся в учебном заведении.

В рамках теоретической части учащиеся выполняют тестовые задания разного уровня сложности, а в практической – выполняют задания, которые имеют практическую ценность и по содержанию максимально приближены к производственным. По результатам конкурса за ту или иную тему учебной программы выставляются итоговые оценки.

Психологическая атмосфера конкурса создает благоприятные условия для коллективных форм труда, так как группа объединена выполнением определенного технологического процесса, и успех в конечном итоге зависит от результата работы каждого учащегося. Ответственность за результаты своего труда и группы в целом имеет большое воспитательное значение и способствует формированию навыков в управленческой деятельности, коммуникативных качеств, а также корпоративной культуры обучающихся. Конкурсы проводятся последовательно во всех группах и на всех курсах техникума, тем самым увеличивается и количество участников в конкурсах.

Эти конкурсы являются составной частью системы производственного обучения, поэтому они позволяют мастерам производственного обучения выявить уровень профессиональной мотивации обучающихся, определить динамику развития их профессиональной самостоятельности и в итоге выявить возможных участников чемпионата «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)».

При разработке программ организации и проведения конкурсов профессионального мастер-

ства в горнотехническом техникуме применяются методики Worldskills, что позволяет студентам на этом чемпионате рабочих профессий показывать приобретенные ими профессиональные навыки, отстаивать честь своей образовательной организации, делать определенные заявки на будущее.

В Кузбассе с 8 ноября по 2 декабря 2018 года проходил III Региональный чемпионат «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) по 39 компетенциям WorldSkills и 4 компетенциям Junior-Skills.

В чемпионате по компетенции «Электрослесарь подземный» приняли участие 13 студентов учреждений профессионального образования Кемеровской области, ведущих подготовку квалифицированных кадров для угледобывающей

и углеперерабатывающей промышленности. Ленинск-Кузнецкий горнотехнический техникум в этой компетенции представляли студент 2-го курса группы 2Эл/п-15 Юрий Сергеевич Желонкин и в качестве наставника-эксперта – мастер производственного обучения Виктор Николаевич Пушкеш. По итогам этого престижного чемпионата студент Юрий Желонкин был награжден Дипломом III степени по компетенции «Электрослесарь подземный».

На основе анализа работы горнотехнического техникума можно сделать вывод, что конкурсы профессионального мастерства завершают изучение курса учебной программы производственного обучения, тем самым доказывая свою высокую эффективность.

Литература

1. Беляева М. А., Беляева Л. А. Социально-культурная деятельность: структурно функциональная модель // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2013. – № 1 (33). – С. 68–74.
2. Васильковская М. И. Развитие творческих инициатив участников молодежных объединений // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 4. – С. 176–183.
3. Костюк Н. В. Феномен межкультурной коммуникации в пространстве профессионального образования // Профессиональное образование. Столица. – 2018. – № 3. – С. 17–20.
4. Новаторов В. Е. Культурно-досуговая деятельность. – Омск: Алт. гос. ин-т культуры, Омский фил., 1992. – 182 с.
5. Стриганкова Е. Ю. Коммуникации в процессах социализации // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. – 2011. – № 3 (28). – С. 220–226.
6. Тельманова А. С., Колесникова П. С. Социально-культурные условия реализации междисциплинарных проектов в образовательном процессе организаций высшего образования в сфере культуры // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 46. – С. 194–207.
7. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: избр. тр. – М.: МПСИ: Флинта, 2004. – 670 с.
8. Юдина А. И. Досуговые предпочтения современных подростков: предупреждение социальных рисков // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 38, т. 1. – С. 146–152.

References

1. Belyayeva M.A. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': strukturno funktsionalnaya model' [Socio-cultural activity: structural and functional model]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2013, no. 1 (33), pp. 68-74. (In Russ.).
2. Vasilkovskaya M.I. Razvitie tvorcheskikh initsiativ uchastnikov molodezhnykh ob'edineniy [Development of creative initiatives of participants of youth associations]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo state University of Culture and Arts], 2014, no. 4, pp. 176-183. (In Russ.).
3. Kostyuk N.V. Fenomen mezhkul'turnoy kommunikatsii v prostranstve professional'nogo obrazovaniya [The Phenomenon of intercultural communication in the space of vocational education]. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa* [Vocational education. Capital], 2018, no. 3, pp. 17-20. (In Russ.).
4. Novatorov V.E. Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' [Cultural and leisure activities]. Omsk, Altay State Institute of Culture, Omsk Branch Publ., 1992. 182 p. (In Russ.).
5. Strigankova E.Yu. Kommunikatsii v protsessakh sotsializatsii [Communication in the processes of socialization]. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [Bulletin of the Povolzhskaya Academy of State Service], 2011, no. 3 (28), pp. 220-226. (In Russ.).

6. Telmanova A.S., Kolesnikova P.S. Sotsial'no-kul'turnye usloviya realizatsii mezhdistitsiplinarnykh proektov v obrazovatel'nom protsesse organizatsiy vysshego obrazovaniya v sfere kul'tury [Socio-cultural conditions for the implementation of interdisciplinary projects in the educational process of higher education organizations in the field of culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 46, pp. 194-207. (In Russ.).
7. Feldshteyn D.I. *Psikhologiya vzrosleniya: strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki protsessa razvitiya lichnosti: izbr. trudy* [Psychology adulthood: structural characteristics of the process of personality development. Selected works. Proceedings]. Moscow, MPSI Publ., Flint Publ., 2004. 670 p. (In Russ.).
8. Yudina A.I. Dosugovye predpochteniya sovremennykh podrostkov: preduprezhdenie sotsial'nykh riskov [Leisure preferences of modern teenagers: prevention of social risks] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2017, no. 38, part 1, pp. 146-152. (In Russ.).

УДК 37.013.75; 791.43.05

ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА СРЕДСТВАМИ АНИМАЦИОННОГО ИСКУССТВА

Куркова Наталья Сымжитовна, старший преподаватель кафедры фотовидеотворчества, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: n-kurkova@list.ru

Художественно-творческая деятельность в области анимационного творчества в единстве познания, творчества, самовыражения личности в процессе художественно-образного освоения действительности и в условиях непрерывного образования способна стать одним из средств когнитивного, эмоционального, духовного, эстетического, социального и творческого развития детей и юношества.

Актуальность темы заключается в том, что анимационное искусство обладает уникальными возможностями воспитательного и развивающего воздействия в процессе обучения детей и юношества. Уникальность анимации – в универсальности её языка, позволяющего организовать систему комплексного эстетического развивающего обучения детей. Анимационная педагогика предоставляет неограниченные возможности для развития творческих способностей, самой личности творца, результатом деятельности которого является реальный продукт самостоятельного творческого труда – анимационное произведение.

Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день, несмотря на существование множества мультипликационных студий для детей по всей стране, в силу ряда причин, одной из которых является отсутствие подготовленных кадров – преподавателей, педагогический потенциал анимации реализуется не в полной мере. Лишь немногие кружки и студии предлагают своим обучающимся широкий спектр разнонаправленных творческих заданий, чаще всего это лишь практическая деятельность, направленная на освоение технических приемов работы над мультфильмом.

В статье освещается педагогический потенциал анимации как вида синтетического искусства, вобравшего в себя выразительные возможности кино, литературы, изобразительного и декоративно-прикладного искусств, театра, музыки, фотографии, пантомимы и др., интегрирующего в себе практически все виды художественной деятельности.

Доминирующей в преподавании анимационному искусству является технология личностно ориентированного обучения, главная особенность которого заключается в учете особенностей личности каждого ребенка, содержании обучения как средства развития творческой личности.

Предлагается создание анимационного отделения в детской школе искусств КемГИК. Кроме педагогов со специальным образованием – руководителей кинофотовидеостудий, должны преподавать педагоги художественных, музыкальных специальностей, педагоги детско-юношеского досуга. Таким

образом, будет организована система комплексного развивающего обучения детей и юношества, а также успешно решена проблема интеграции различных видов художественной деятельности в обучении анимации. Обучающиеся по окончании отделения должны овладеть образным языком анимации, оперировать диапазоном художественных и технических возможностей анимационного кино, уметь осуществлять творческо-технологический процесс создания анимационного произведения.

Ключевые слова: анимационное искусство, анимационная педагогика, художественно-творческая деятельность, экранные искусства, непрерывное образование, дополнительное образование, предпрофессиональное и профессиональное образование.

ARTISTIC AND CREATIVE DEVELOPMENT OF CHILDREN AND YOUTH BY A MEANS OF THE ART OF ANIMATION

Kurkova Natalya Symzhitovna, Sr Instructor of Department of Photo and Video Art, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n-kurkova@list.ru

Creative art activity in the field of animation in the unity of knowledge, creativity, self-expression in the process of artistic creative development of reality and in the context of lifelong education can become a means of cognitive, emotional, spiritual, aesthetic, social and creative development of children and youth.

The relevance of the topic lies in the fact that the animation art has unique opportunities for educational and developmental impact in the learning process of children and youth. The uniqueness of animation is in the universality of its language, which allows to organize a system of complex aesthetic developmental education of children. Animation pedagogy provides unlimited opportunities for the development of creative abilities, a personality of the Creator, the result of which is a real product of independent creative work, animated work.

However, it should be noted that today, despite the existence of many animation studios for children across the country, for a number of reasons, one of which is the lack of trained personnel, teachers, the pedagogical potential of animation is not fully realized. Only a few clubs and studios offer their students a wide range of multidirectional creative tasks, most often it is only a practical activity aimed at mastering the techniques of working on the cartoon.

The article highlights the pedagogical potential of animation as a kind of synthetic art, which has absorbed the expressive possibilities of cinema, literature, fine arts, arts and crafts, theater, music, photography, pantomime and other arts, integrating almost all kinds of artistic activity.

We propose the creation of Animation Department at the Children's School of Arts "Cengic.". In addition to teachers with special education heads of film and video studios, teachers of art, music specialties, teachers of children's and youth leisure should teach. Thus, the system of complex developing education of children and youth will be organized and the problem of integration of various types of art activity in training of animation will be successfully solved.

Keywords: animation art, animation pedagogy, artistic and creative activity, screen arts, continuing education, additional education, pre-professional and professional education.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-233-242

Художественно-творческая деятельность в единстве познания, творчества, самовыражения личности в процессе художественно-образного освоения действительности в условиях непрерывного образования способна стать одним из средств когнитивного, эмоционального, духов-

ного, эстетического, социального и творческого развития детей и юношества. В Концепции художественного образования, которая определяет стратегию развития художественного образования в России до 2025 года, говорится о том, что «художественное образование направлено на раз-

витие человеческой индивидуальности, включая её социально-культурную и творческую стороны» [6]. Понятие «художественная деятельность» традиционно связывается с понятием «искусство», под которым понимают художественное творчество и его результаты (художественные ценности), а также художественное восприятие явлений действительности и произведений искусства (духовных ценностей).

Художественно-творческая деятельность – это обладающий потенциалом для самоактуализации личности вид её активности, направленный на создание и/или восприятие произведения искусства, продуктов художественного творчества с целью генерирования новых смыслов, внесения новизны в уже имеющийся продукт деятельности средствами художественного освоения мира. Для художественного творчества необходимы такие характеристики творческой личности, как образное мышление, воображение, фантазия, эмоциональная лабильность, чувство эмпатии, творческие способности (комплекс свойств личности, обеспечивающий новизну и оригинальность результата творческой деятельности).

У современных детей и юношества, которые живут в эпоху господства визуальной культуры, особый интерес вызывают экранные искусства, в частности, анимационное искусство, поэтому существует объективная потребность в систематизации знаний в этой области и преподавании экранных дисциплин в общеобразовательной школе, в системе дополнительного образования и учреждениях культуры. Не раз уже звучали призывы ввести в школах предмет «Экранные искусства», где дети будут изучать историю и теорию кино, учиться снимать фильмы под руководством педагогов – специалистов в данной области.

Современная общеобразовательная школа осуществляет художественно-эстетическую деятельность по следующим направлениям: изобразительное, художественно-речевое, музыкальное, хореографическое, театральное. Однако до сих пор так и не введены в школьное образование киновоспитание и кинообразование. Киновоспитание и кинообразование – это союз экранных искусств и педагогики, который реализуется в приобщении детей и юношества к экранным искусствам в общеобразовательной школе, в системе дополнительного образования, культурно-досуговых учреждениях, семье.

Методики преподавания экранных искусств в школе разрабатывались Б. П. Юсовым, Л. М. Баженовой, Е. А. Бондаренко, Ю. Н. Усовым, Н. Ф. Хилько (полихудожественное развитие школьников 1–4-х классов общеобразовательных и специальных школ, лицеев, гимназий и внешкольных детских учреждений «Живой мир искусства» под рук. Б. П. Юсова, «Азбука кино» для детей 7–10 лет, «Основы экранной культуры» для 1–4-х классов Л. М. Баженовой, «Основы экранной культуры» для 5–8-х классов, «Основы телевизионной журналистики» для старшего школьного возраста, «Глазами видеокамеры» – для среднего школьного возраста, «Ты и мир вокруг тебя» Е. А. Бондаренко; а также «Основы экранной культуры» для 9–11-х классов, «Медиаобразование» для 10–11-х классов, разработанные Ю. Н. Усовым. Также разработаны «Педагогика аудиовизуального творчества в социально-культурной сфере» и «Педагогика и методика кино-, фото и видеотворчества» Н. Ф. Хилько).

Анализ сложившейся ситуации демонстрирует нам то, что в современном образовании не уделяется должного внимания киновоспитанию и кинообразованию. Между тем киновоспитание является фактором духовного развития общества, составной частью системы эстетического развития детей и юношества, методом формирования их личности. Кинообразование и киновоспитание мы рассматриваем как целенаправленный процесс художественного воздействия экранных искусств (анимации, кино, видео, телевидения) на личность ребенка, подростка, юноши, как развитие аудиовизуальной грамотности в процессе киновосприятия на первом этапе. Следующим этапом (ступенью) в развитии личности становится художественно-творческая деятельность детей и юношества, а в её процессе используются навыки киновосприятия, полученные в результате приобщения к киноискусству обучающихся как зрителей.

В Концепции развития детских школ искусств (в рамках проекта Программы развития системы дополнительного образования детей в РФ до 2020 года) в части содержательного направления на федеральном уровне предлагается «закрепить обязательный перечень услуг с учетом современных тенденций, расширить перечень учебных предметов: театр, дизайн, кино, ани-

мация, фотография, архитектура, современный танец, мультимедиа-арт, современное искусство, фолк, современная музыка (неакадемические жанры) и т. п. Только при наличии таких базовых условий образование в области искусств сможет реализовать свое комплексное воздействие на человека (эстетическое, психологическое, интеллектуальное), сформировать особый тип мышления, во многом определяющий будущее человечества» [5]. Анимация – это вид синтетического искусства, вобравшего в себя выразительные возможности кино, литературы, изобразительного искусства, декоративно-прикладного искусства, театра, музыки, фотографии, пантомимы и других искусств, интегрируя в себе практически все виды художественной деятельности. Анимационное искусство обладает своим, неповторимо своеобразным подходом к отражению действительности, в нем вступают в синтез художественные формы, существенно отличающиеся от тех, которые становятся основой для произведений других видов искусств. Это новый художественный синтез киноискусства и изобразительного искусства с использованием возможностей техники. Анимационное творчество в большей степени, чем, например, изобразительное или литературное, позволяет ребенку претворять на экране свою фантазию. Анимация дает возможность ребенку придумать и одушевить, заставив двигаться так, как ему хочется, неодушевленные и неподвижные предметы и персонажи в своих фильмах. Анимационное творчество, как и игра, является для детей не развлечением, а частью познавательной деятельности, в процессе которой формируется умение отождествлять творческую модель мира – мультфильм – с реальностью. Правоммерно в этой связи говорить о формирующемся, еще не совсем определившемся виде современной культуры – детском анимационном творчестве, не повторяющим, а дополняющим взрослую профессиональную мультипликацию.

Теоретические проблемы анимации, а тем более анимационной педагогики, мало разработаны. Данной проблемой в теоретическом аспекте занимались С. В. Асенин, Н. Г. Кривуля, А. А. Мелик-Пашаев, Ю. Б. Норштейн, Ф. С. Хитрук, Л. В. Носырев и др. Проблемы анимационной педагогики разрабатывали только практики, это Ю. Е. Красный и Л. И. Курдюкова (студия «Веснянка»), П. И. Анофриков и Е. Р. Тихонова

(студия «Поиск»), М. И. Нагибина и В. В. Ищук (центр детского анимационного творчества «Перспектива»).

Ю. Е. Красный отмечает: «Экран стал неотъемлемой частью нашей жизни. Часто с ТВ, видео, компьютером ребенок сталкивается раньше, чем с живой природой. Поэтому мы давно поставили перед собой цель превратить агрессивный экран в развивающий. Так возникла анимационная педагогика. Каждый ребенок талантлив и неповторим по-своему, только надо вовремя заметить, поддержать и, в процессе обучения и воспитания, развить ростки детской творческой одаренности. Ребенок сочиняет, рисует, лепит, строит, перевоплощается в своих героев, осваивает технику, осваивает экранный язык. Кроме того, работа над фильмом формирует личностные качества: инициативу, настойчивость, трудолюбие, ответственность, коммуникабельность и т. д. При этом создание фильма является средством развития ребенка» [9]. Анимация обладает уникальными возможностями воспитательного и развивающего воздействия в процессе обучения детей и юношества. Анимационная педагогика предоставляет неограниченные возможности для развития творческих способностей, самой личности творца, результатом деятельности которого является реальный продукт самостоятельного творческого труда – анимационный фильм. Целью воспитания детей и юношества средствами анимационного искусства является формирование разносторонней, нравственно состоявшейся, творческой личности обучающегося. Ключевым становится создание развивающей образовательной среды, которая обеспечила бы каждому обучающемуся возможность проявить заложенное в нем от природы творческое начало, то есть обрести способность быть творческим субъектом своего развития.

Уникальность анимационного искусства – в характере творческой деятельности в этой области – она не имеет аналогов в других искусствах, поскольку вбирает в себя практически все виды художественного творчества. Отдельными гранями она вбирает в себя профессии писателя, художника, актёра, музыканта, скульптора, кинематографиста. Взятая в целом, она не сравнима ни с чем. Столь многогранный характер анимации позволяет развивать способности ребёнка, подростка, юноши в различных областях

творчества и приобрести универсальный опыт в неограниченном числе видов деятельности. Роль творческой деятельности в формировании личности бесценна, особенно когда ребенок создает целостный зримый художественный образ, каковым является фильм.

В обучении анимации наиболее эффективны практико-ориентированные методы обучения. Ведущее место среди таких методов принадлежит проектной деятельности. Создание мультфильма – это анимационный проект, который реализуется учащимися от идеи до законченного анимационного произведения. В 1983 году во Франции проходил Международный симпозиум Всемирной ассоциации деятелей анимационного кино (АСИФА), посвященный мультипликационной педагогике на тему: «Мультипликационное кино – завтрашняя педагогика?». Одна из старейших детских анимационных школ «Škola Animiranog Filma» существует с 1975 года в Хорватии (г. Чаковец), работает по программам, которые направлены на развитие у детей в возрасте от 8 до 12 лет воображения, упорства и умения сотрудничать. Эдо Лукман был главой школы с момента ее основания 28 февраля 1975 года. С тех пор было создано более ста анимационных короткометражных фильмов. SAF является активным участником и организатором многих анимационных фестивалей и семинаров. С 2008 года начала свою работу детская анимационная студия «Rochemuchka» в г. Торонто (Канада). Как правило, обучающимися этой студии для создания мультфильмов выбираются техника перекладки, предметная анимация, сыпучая и пластилиновая анимация. Компьютеры в студии используются только в процессе монтажа.

Во всем мире сейчас существует детская мультипликация, в США, Европе, Азии осуществляют свою деятельность на разных уровнях детские анимационные студии. В 1967 году в г. Кишиневе была создана первая в мире детская студия мультипликационного фильма «Флоричика» (руководители В. и И. Барбэ), с 1997 года – центр детского анимационного творчества. В середине 1970-х годов в нашей стране действовало несколько детских мультстудий [7], в 1980-е – десятки, в том числе известная на всю страну студия «Веснянка» (г. Днепропетровск), которая начала свое существование в 1973 году. Ю. Красный писал в своей книге

«Мультфильм руками детей», вышедшей в свет в 1990 году: «На наших глазах рождается своеобразная мультипликационная педагогика. Педагогические функции мультипликации стали явственно обнаруживаться в последние десятилетия, когда она вышла на рубежи большого искусства, то есть обрела способность учить и воспитывать» [8]. Потом почти десятилетие в нашей стране анимационная педагогика практически отсутствовала.

Сейчас в России существует множество детско-юношеских анимационных студий, которые появились в последние два десятилетия. В Новосибирской области в данное время работают более 20 анимационных студий. Основоположником стала детская киностудия «Поиск», которая была открыта в 1973 году как любительский кинофотоклуб, мультипликация стала главным направлением в ней в начале 2000-х годов. С 2004 года «Поиск» является организатором Всероссийского мастер-класс-фестиваля детского мультипликационного кино «Жар-Птица», в котором в настоящее время участвуют детские анимационные студии со всей страны, в 2019 году фестиваль стал международным.

Анимация сейчас, как никогда, востребована обществом. Однако по данному направлению практически отсутствуют утвержденные образовательные программы, в отличие от программ по музыке, изобразительному, театральному и многим другим видам искусства. Тем важнее государству и обществу при отсутствии анимационного всеобуча в школьной программе поддерживать детское анимационное творчество. Было бы правомерно создать сеть специализированных школ искусств с анимационным уклоном.

В анимационном центре «Перспектива» (г. Ярославль) педагогический процесс выстроен так, что все художественно-эстетические дисциплины (музыка, рисование, литература, риторика, ритмика, пластика, технология съемки, компьютерная графика) анимация объединяет в единый педагогический воспитательный комплекс, целью которого является художественно-творческое развитие детей.

В Кузбассе до 2002 года анимационное творчество не развивалось. В 2002 году по инициативе автора статьи было открыто анимационное отделение в Детской школе искусств № 50 г. Кемерово. Впервые в практике деятельности школ искусств появилось такое подразделение.

Цель создания отделения – общеэстетическое воспитание и специальное образование детей, развитие их творческих способностей средствами анимационного искусства. Концепция преподавания на анимационном отделении – создание авторских фильмов, где ребенок выступает и как сценарист, и как аниматор, и как оператор, и как режиссер. Создавая фильм с первой и до последней стадии, ребенок является истинным творцом художественного образа [13]. В 2006 году состоялся первый выпуск на анимационном отделении. Разработка и построение модели анимационного отделения, её внедрение, апробация в течение шести лет продемонстрировали то, что анимационное искусство является уникальным средством раскрытия творческого потенциала и развития личности ребенка. Сейчас успешно работают мультстудия «Кун Кюзези» в Мысках, в Кемерово – студия «Аист», анимационным творчеством занимаются дети в детских садах, центрах детского творчества, учреждениях дополнительного и общего образования, культурно-досуговых учреждениях. Но приходится констатировать, что на сегодняшний день, несмотря на существование множества мультипликационных студий для детей по всей стране, в силу ряда причин, педагогический потенциал анимации реализуется не в полной мере. Лишь немногие кружки и студии предлагают своим учащимся широкий спектр разнонаправленных творческих заданий, чаще всего это лишь практическая деятельность, направленная на освоение технических приемов работы над мультфильмом.

Причина видится нам в том, что в стране почти не готовят кадры – преподавателей, которые могут профессионально заниматься с детьми анимационным творчеством. Преподавателю необходимо самому освоить весь спектр необходимых знаний, умений и навыков, применяемых в создании анимационных фильмов. И потому, прежде чем учить других, нужно самому научиться снимать анимационные фильмы. У нас же в стране сложилась ситуация, когда руководителями анимационных студий являются учителя информатики, изобразительного искусства, чаще всего это энтузиасты, которые любят анимацию.

В Кемеровском государственном институте культуры на кафедре фотовидеотворчества с 2007 года преподается дисциплина «Анимационное кино и видео» по авторской методике [12].

В 2012 году состоялась первая защита выпускной квалификационной работы – анимационного фильма «Вдохновение» студента А. Шкляра, в 2014 году были защищены 9 анимационных фильмов. Ежегодно выпускники выбирают анимационный фильм в качестве выпускной квалификационной работы. В 2019 году блестяще был защищен анимационный фильм А. Ковальчука «К мечте», созданный в технологии трехмерной компьютерной анимации. Сложность преподавания анимации заключается в том, что, создавая мультфильм, автор должен постоянно совмещать в своем сознании все его компоненты: сценарий, изобразительное и цветовое решение, актерское мастерство, ритм, созданное движение, последовательность действий придуманных персонажей, звук и др. Такой характер творчества диктует сознательно совмещать в одном занятии различные виды деятельности. Погружение детей и юношества в процесс создания анимационного фильма, участие во всех этапах его создания позволяют расширить кругозор обучающихся в области визуальных искусств в общем и в частности экранного творчества, формируют эстетические и нравственные ориентиры и, в конечном итоге, способствуют их творческому развитию.

Дополнительное образование детей можно охарактеризовать как сферу, объективно объединяющую в единый процесс воспитание, обучение и развитие личности обучающегося. «Фактически дополнительное образование становится инновационной площадкой для отработки образовательных моделей и технологий будущего, а персонализация дополнительного образования определяется как ведущий тренд развития образования в XXI веке» [7]. На протяжении XX века детские школы искусств выполняли важную социально-культурную и социально-экономическую миссию: в первую очередь – это допрофессиональная подготовка детей, выявление наиболее одаренных, способных в дальнейшем освоить профессиональные образовательные программы в области искусства в средних и высших профессиональных учебных заведениях, а во вторую – общеэстетическое воспитание подрастающего поколения, обеспечивающее формирование культурно образованной части общества, заинтересованной аудитории зрителей и слушателей.

Принятый в 1992 году Закон «Об образовании в Российской Федерации», в котором ДШИ

были определены как учреждения дополнительного образования детей без учета специфики их деятельности, сделал необязательной функцию выявления одаренных детей, раннюю профессионализацию с целью подготовки к поступлению в средние и высшие учебные заведения. Такая ситуация негативно отразилась на всей системе образования в сфере культуры и искусства. Положительные изменения произошли после 2012 года, когда вступил в силу Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», он вернул статус детской школы искусств, которая должна обеспечивать обучение одаренных детей и их профессионализацию. В статье 73 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» говорится о том, что «дополнительное образование детей и взрослых направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени. Дополнительное образование детей обеспечивает их адаптацию к жизни в обществе, профессиональную ориентацию, а также выявление и поддержку детей, проявивших выдающиеся способности. Дополнительные общеобразовательные программы для детей должны учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей» [3]. А также в статье 83 дано определение: «Художественное образование и эстетическое воспитание граждан, подготовка квалифицированных творческих и педагогических работников в области искусств осуществляются посредством реализации образовательных программ в области искусств. Реализация образовательных программ в области искусств основана на принципах непрерывности и преемственности и направлена на выявление одаренных детей и молодежи в раннем возрасте, профессиональное становление, развитие обучающихся, основанное на возрастных, эмоциональных, интеллектуальных и физических факторах, а также последовательное прохождение взаимосвязанных этапов профессионального становления личности» [3].

В связи с данной проблематикой неизбежно встает вопрос о выявлении и обучении одаренных детей. Мы опираемся на представление об одаренности, изложенное в Концепции раз-

вития ДШИ, которое в значительной степени расходится с привычным представлением об одаренности как высоком уровне развития конкретных (прежде всего умственных) способностей ребенка: одаренность трактуется как системное качество психики ребенка, развивающееся на протяжении всей жизни. При этом именно личность, ее направленность, система ценностей ведут за собой развитие способностей и определяют, как будет реализовано индивидуальное дарование. В основе одаренности к разным видам искусства лежит особое, сопрячающее отношение человека к явлениям жизни и стремление воплотить ценностное содержание своего жизненного опыта в выразительных художественных образах. Кроме того, специальные способности к искусству формируются под влиянием ярко выраженного своеобразия сенсорной сферы, воображения, эмоциональных переживаний и т. д. Понимание одаренности как системного качества предполагает рассматривать личностное развитие в качестве основополагающей цели обучения и воспитания одаренных детей. При этом очень важно помнить о том, что системообразующим компонентом одаренности является особая внутренняя мотивация к творческой деятельности, создание условий для поддержания и развития которой должно стать центральной задачей личностного развития.

В этой связи анимация как ярчайшее, удивительное искусство помогает эту личность увидеть, проявить и развить. Занимаясь мультипликацией, ребёнок приобретает универсальный опыт в неограниченном числе видов деятельности. Анимационная педагогика позволяет выявить и развить творческий потенциал ребёнка. Уникальность аниматора – в характере его работы, она не имеет аналогов в других искусствах, хотя вбирает в себя почти все виды художественного творчества. Столь многогранный характер мультипликации позволяет говорить об анимационном творчестве как уникальном способе развития личности ребёнка в различных областях творчества. Педагогическая ценность анимации – в универсальности её языка, позволяющего организовать систему комплексного развивающего обучения детей всех возрастных групп. Творческие колледжи и вузы должны осуществлять подготовку педагогов для общеобразовательных школ и детских школ искусств в рамках образовательных программ

в области анимационного искусства, а общеобразовательные школы и детские школы искусств должны являться базами педагогической практики для таких студентов.

Методологической основой развития содержания, форм и методов дополнительного образования в современных условиях является идея рассмотрения его как образовательного пространства и времени последовательной смены состояний развития личности, ее самоопределения и самореализации; идея свободного выбора содержания, форм и методов образования и принципов деятельностного развития. В концепции А. В. и В. А. Петровских, где развитие личности понимается как процесс вхождения ее в новую социальную среду, признается обусловленность развития личности комплексом форм деятельности и общения, деятельностно-опосредованным типом взаимоотношений личности с референтной группой [17]. Новой социальной средой и новой формой общения для личности выступает сфера искусства и связанное с ним общение. Л. С. Выготский впервые сформулировал точку зрения, которая была принята российскими учеными, – обучение ведет за собой развитие и должно идти впереди него. Обучение, по Л. С. Выготскому, – источник развития ребенка. При этом ведущая роль обучения стала пониматься как пробуждение в ребенке процессов развития. Обучение «вызывает их к жизни, пускает их в ход» [2]. Нами предлагается открытие анимационного отделения в детской школе искусств при Кемеровском государственном институте культуры. Методику обучения необходимо выстроить на следующих уровнях:

- первый уровень – для дошкольников и детей начальной школы. На этом уровне главной задачей является приобщение детей к анимации;

- второй уровень – для детей 4–8-х классов. Главной задачей является углубленное предпрофессиональное изучение учебных дисциплин по анимационному искусству. По мере реализации концепции «Анимация в системе непрерывного образования» создается анимационная студия, которая помогает обучающимся более полно реализовать свои способности, участвовать в профильных конкурсах;

- третий уровень – это учащиеся 9–11-х классов, которые обучаются по профилирующим программам, задача которых – профильное обучение,

приближенное к профессиональному, подготовка к поступлению в вуз.

В учебный план анимационного отделения необходимо включить следующие дисциплины: «Сценарное мастерство», «Основы изобразительного искусства (рисунок, живопись, композиция, лепка)», «Развитие речи и актерское мастерство», «Звуковое решение фильма», «Основы компьютерной графики и анимации», «Операторское мастерство», «Основы режиссуры анимационного фильма», «Анимация». В основу обучения закладываются следующие принципы. 1. Принцип развивающего и воспитывающего обучения, означающий, что цели, содержание и методы обучения должны способствовать не только усвоению знаний, умений и навыков, но и реализации познания в процессе обучения, а также развитию личности обучающихся. 2. Принцип индивидуализации и дифференциации обучения, состоящий в том, что цели, содержание и процесс обучения должны как можно более полно учитывать индивидуальные особенности обучающихся. 3. Принцип учета возрастных возможностей, предполагающий соответствие содержания образования и методов обучения специфическим особенностям одаренных учащихся на разных возрастных этапах.

Огромный потенциал в развитии художественно-творческих способностей детей и юношества средствами анимационного искусства заключается в том, что анимация синтезирует в себе все другие виды искусств. Её ценность заключается в интеграции практически всех видов художественной деятельности, в возможности транслировать личный жизненный опыт автора. Создавая мультфильм, обучающийся оказывается в центре художественного творчества, посредством которого решаются развивающие и воспитательные задачи. Доминирующей является технология личностно ориентированного обучения, специфика которого заключается в учете особенностей личности каждого ребенка; содержании обучения как средства развития творческой личности.

Анимационное отделение в структуре творческого вуза – идеальное место для реализации педагогического потенциала анимационного искусства. Кроме педагогов со специальным образованием – руководителей кинофотовидеостудий, должны преподавать педагоги художественных, музыкальных специальностей, педагоги детского юношеского досуга. Таким образом, будет орга-

низована система комплексного развивающего обучения детей и юношества и успешно решена проблема интеграции различных видов художественной деятельности в обучении анимации. Обучающиеся по окончании отделения должны овладеть образным языком анимации, оперировать диапазоном художественных и технических возможностей анимационного кино, уметь осу-

ществлять творческо-технологический процесс создания анимационного произведения, а самое главное – приобрести личностный опыт, который сформирует видение мира, мировоззрение и мироощущение творческого человека, способного сопереживать и родственно относиться к окружающему миру, умеющего рассказать о нем в своих фильмах.

Литература

1. Андреев В. И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. – Казань: Центр инновационных технологий анимаций, 2012. – 608 с.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2008. – 671 с.
3. Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.19) [Электронный ресурс]. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 03.09.2019).
4. Каптерев П. Ф. Антология гуманной педагогики. – М.: Издат. дом Шалвы Амонашвили, 2014. – 224 с.
5. Концепция развития детских школ искусств в рамках проекта Программы развития системы дополнительного образования детей в РФ до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://docplayer.ru/49932881-Koncepciya-razvitiya-detskih-shkol-iskusstv-v-ramkah-proekta-programmy-razvitiya-sistemy-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detey-v-rf-do-2020-g.html> (дата обращения: 07.07.2019).
6. Концепция художественного образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://infourok.ru/koncepciya-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federacii-1595556.html> (дата обращения: 07.07.2019).
7. Концепция развития дополнительного образования детей в РФ до 2020 года (утверждена Правительством РФ от 04.09.2014 № 1726-р) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/36940.html> (дата обращения: 07.07.2019).
8. Красный Ю. Е., Курдюкова Л. Мультфильм руками детей. – М.: Просвещение, 1990. – 176 с.
9. Красный Ю. Е. Анимационная педагогика [Электронный ресурс]. – URL: https://danilova.ru/club/tv_05.htm (дата обращения: 11.07.2019).
10. Краевский В. В., Хуторской А. В. Основы обучения. Дидактика и методика. – М.: Академия, 2008. – 352 с.
11. Краевский В. В., Бережнова Е. В. Методология педагогики. Новый этап. – М.: Академия, 2013. – 400 с.
12. Куркова Н. С. Анимационное кино и видео: азбука анимации. – М.: Юрайт, 2019. – 235 с.
13. Куркова Н. С. Анимационное отделение в образовательном пространстве детской школы искусств // Педагогика искусства как новое направление гуманитарного знания: сб. науч. ст. / ред.-сост.: Е. Ф. Командышко. – М.: ИХО РАО, 2007. – Ч. 2. – С. 67–72.
14. Мильситова С. В. Педагогические теории, системы и технологии. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 197 с.
15. Морозов А. В., Чернилевский Д. В. Креативная педагогика и психология. – М.: Академический проект, 2016. – 560 с.
16. Тебиев Б. К. История педагогической мысли: мировой опыт и национальная практика (краткий обзор достижений мировой теории и практики обучения и воспитания подрастающих поколений). – М.: МПА-Пресс, 2013. – 143 с.
17. Психология развивающейся личности / под ред. А. В. Петровского. – М.: Педагогика, 1987. – 240 с.

References

1. Andreev V.I. *Pedagogika: uchebnyy kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya* [Pedagogy: training course for creative self-development]. Kazan, Center for innovative animation technologies Publ., 2012. 608 p. (In Russ.).
2. Vygotsky L.S. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow, AST, Astrel, Keeper Publ., 2008. 671 p. (In Russ.).
3. Zakon “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii” ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 26.07.19) [The Law “On education in Russian Federation” of 29.12.2012 no. 273-FZ (as amended on 26.07.19)]. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (accessed 03.09.2019).
4. Kapterev P.F. *Antologiya gumannoy pedagogiki* [Anthology of humane pedagogy]. Moscow, Ed. Shalva Amonashvili's Publishing House, 2014. 224 p. (In Russ.).

5. *Kontsepsiya razvitiya detskikh shkol iskusstv v ramkakh proekta Programmy razvitiya sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya detey v RF do 2020 goda* [The concept of development of children's art schools in the framework of the program of development of the system of additional education of children in the Russian Federation until 2020]. (In Russ.). Available at: <https://docplayer.ru/49932881-Koncepciya-razvitiya-detskikh-shkol-iskusstv-v-ramkah-proekta-programmy-razvitiya-sistemy-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detey-v-rf-do-2020-g.html> (accessed 07.07.2019).
6. *Kontsepsiya khudozhestvennogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of art education in the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://infourok.ru/koncepciya-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federacii-1595556.html> (accessed 07.07.2019).
7. *Kontsepsiya razvitiya dopolnitel'nogo obrazovaniya detey v RF do 2020 goda (utverzhdena Pravitel'stvom RF ot 04.09.2014 № 1726-r)* [The concept of development of additional education of children in the Russian Federation until 2020 (approved by the Government of the Russian Federation from 04.09.2014 no. 1726-R)]. (In Russ.). Available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/36940.html> (accessed 07.07.2019).
8. Krasnyy Yu.E., Kurdyukova L.I. *Mul'tfil'm rukami detey* [Cartoon children hands]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 176 p. (In Russ.).
9. Krasnyy Yu.E. *Animatsionnaya pedagogika* [Animation pedagogy]. (In Russ.). Available at: https://danilova.ru/club/tv_05.htm (accessed 11.07.2019).
10. Kraevskiy V.V., Khutorskoy A.V. *Osnovy obucheniya. Didaktika i metodika* [Fundamentals of training. Didactics and methods]. Moscow, Academy Publ., 2008. 352 p. (In Russ.).
11. Kraevskiy V.V., Berezhnova E.V. *Metodologiya pedagogiki. Novyy etap* [Methodology of pedagogy. New stage]. Moscow, Academy Publ., 2013. 400 p. (In Russ.).
12. Kurkova N.S. *Animatsionnoe kino i video: azbuka animatsii* [Animated film and video: the ABC of animation]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 235 p. (In Russ.).
13. Kurkova N.S. *Animatsionnoe otdelenie v obrazovatel'nom prostranstve detskoy shkoly iskusstv* [Entertainment Department in the educational space of children's school of arts]. *Pedagogika iskusstva kak novoe napravlenie gumanitarnogo znaniya: sb. nauch. st.* [Pedagogy of art as a new direction of the Humanities: collection of scientific works. article: part 2]. Ed E.F. Komandysheko. Moscow, IHO RAO Publ., 2007, part 2, pp. 67-72. (In Russ.).
14. Melsitov S.V. *Pedagogicheskie teorii, sistemy i tekhnologii* [Pedagogical theories, systems and technologies]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2011. 197 p. (In Russ.).
15. Morozov A.V., Chernilevskiy D.V. *Kreativnaya pedagogika i psikhologiya* [Creative pedagogy and psychology]. Moscow, Academic project Publ., 2016. 560 p. (In Russ.).
16. Tebiev B.K. *Istoriya pedagogicheskoy mysli: mirovoy opyt i natsional'naya praktika (kratkiy obzor dostizheniy mirovoy teorii i praktiki obucheniya i vospitaniya podrastayushchikh pokoleniy)* [History of pedagogical thought: world experience and national practice (a brief overview of the achievements of the world theory and practice of training and education of younger generations)]. Moscow, MPA-Press Publ., 2013. 143 p. (In Russ.).
17. *Psikhologiya razvivayushcheysoya lichnosti* [Psychology of developing personality]. Ed. A.V. Petrovskiy. Moscow, Pedagogy Publ., 1987. 240 p. (In Russ.).

УДК 378

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ляхова Елена Георгиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ). E-mail: liakhoval@mail.ru

Демченко Максим Борисович, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ). E-mail: blessed.self@gmail.ru

Статья посвящена проблеме повышения эффективности усвоения иностранного языка (далее – ИЯ) в нелингвистическом вузе. В последнее время студенты, обучаемые ИЯ специальности, должны

успеть овладеть иноязычной коммуникативной компетенцией за сравнительно небольшое количество аудиторных часов, что требует такой организации усвоения ИЯ, при которой студенты максимально мотивированны и организованны. Авторы предлагают использовать новый подход к обучению ИЯ с элементами учебной медитации для формирования устойчивой мотивации студентов и улучшения их успеваемости.

Учебная двуязычная направленная медитация рассматривается специалистами как инструмент создания особой атмосферы обучения, способствующей снижению уровня стресса, испытываемого студентами во время занятий по ИЯ, что благотворно сказывается на повышении внутренней и внешней учебной мотивации на занятиях по ИЯ. Сочетание психологических установок на родном языке и на иностранном языке с медитацией и расслабляющей музыкой является инновационным подходом к формированию мотивирующей ситуации в группе обучающихся. Целью статьи является проверка возможности включения вышеупомянутой техники в процесс обучения ИЯ в неязыковом вузе.

В качестве метода проверки такой возможности авторы статьи использовали опытное обучение ИЯ контрольной и экспериментальной групп студентов 3-го года обучения в бакалавриате по специальности «Связи с общественностью».

Результаты опытного обучения показали увеличение эффективности усвоения ИЯ студентами экспериментальной группы по сравнению со студентами контрольной группы на 20–30 %.

Таким образом, авторы статьи приходят к выводу о том, что использование элементов учебной направленной медитации на занятиях по ИЯ специальности в вузе является перспективным направлением повышения учебной мотивации и эффективности усвоения ИЯ.

Ключевые слова: двуязычная направленная медитация, психологические установки, языковой барьер, учебная мотивация.

ENHANCING THE EFFICIENCY OF FOREIGN LANGUAGE VOCATIONAL TRAINING AT A NON-LINGUISTICS INSTITUTION FOR HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Lyakhova Elena Georgievna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: liakhoval@mail.ru

Demchenko Maksim Borisovich, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: blessed.self@gmail.ru

The article is devoted to the problem of increasing the efficiency of learning a foreign language in a non-linguistic university. Recently students at non-linguistic institutions for higher education are to acquire the foreign language communicative competence for a comparatively short period of time, which requires the most motivated students and the most efficient teaching. The authors take a new approach to teaching in order to provide students with sustainable motivation and improve their academic performance.

Specialists regard bilingual guided learning meditation as an instrument to create a special atmosphere in the English learning classroom to decrease the level of foreign language anxiety while increasing internal and external learning motivation of the students. The combination of psychological suggestions in the native language and in a foreign language with meditation and relaxing music is an innovative approach to the formation of motivating situations in the classroom and a reliable way to higher concentration and a better long and short term recall. The article considers the possibility of including the above-mentioned technology in the learning process and provides preliminary results of experiential learning.

To verify such an opportunity, the authors of the article used experimental studies of the control and experimental groups of undergraduate students of the 3rd year in Public Relations.

The results of the experimental studies showed an increase of 20–30% in the efficiency of the foreign language learning by the experimental group compared with students in the control group.

Thus, the authors of the article come to the conclusion that the use of study-oriented meditation in the classroom in a non-linguistics university is a promising direction for increasing educational motivation and efficiency of the foreign language learning.

Keywords: bilingual guided learning meditation, psychological suggestions, foreign language anxiety, learning motivation.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-242-252

Введение

Уже не одно десятилетие исследователи в области лингводидактики уделяют особое внимание такому явлению, как языковой барьер, называя его основной преградой на пути достижения успеха в усвоении иностранного языка.

Отечественные исследователи рассматривают языковой барьер как невозможность общения на иностранном языке, причём среди основных причин возникновения языкового барьера называют следующие:

1) недостаточное знание иностранного языка;

2) трудности с выражением мыслей на иностранном языке, которые возникают, несмотря на определённый лексический и грамматический запас обучающихся;

3) психологические трудности, связанные с определёнными чертами характера обучающихся или со стрессовыми ситуациями, возникающими на фоне невозможности осуществить коммуникативную задачу [2, с. 98].

Проанализируем эти причины. Преподаватели хорошо знакомы с ситуацией, когда человек, изучающий ИЯ некоторое время, считает, что он уже выучил достаточное количество необходимых слов и выражений, и, ему кажется, что учить язык уже хватит и он в состоянии общаться на ИЯ в любой ситуации. Но, как только он попадает в ситуацию реального общения на ИЯ, он испытывает чувство растерянности, потому что сталкивается с трудностями и при понимании иноязычной речи, и при выражении собственных мыслей на ИЯ. Это происходит из-за того, что его механизмы порождения и восприятия иноязычной речи ещё не сформированы полностью и уровень ИЯ у него недостаточный, но человек, испытавший

на себе коммуникативную неудачу, обычно объясняет её отсутствием у него способностей к ИЯ, а разочарование в собственных способностях приводит его к выводу о том, что для него учить ИЯ бесполезно, после чего такой ученик либо начинает пропускать занятия по ИЯ, либо присутствует на них, но все задания выполняет неохотно и в результате резко отстаёт от своей группы.

Для успешного усвоения ИЯ у обучающегося необходимо поддерживать высокий уровень учебной мотивации, которая помогает ему преодолевать сомнения в собственных способностях к изучению языка и продолжать процесс обучения до достижения необходимого уровня овладения ИЯ.

Особенности языкового барьера у студентов нелингвистического вуза

В западной научной литературе языковой барьер называется «foreign language anxiety» и рассматривается как страх и неуверенность, ведущие к снижению желания обучающихся продолжать изучение ИЯ, что приводит к ухудшению результатов обучения. Говоря о языковом барьере, мы пытаемся описать особое состояние дискомфорта, которое обучающийся испытывает, встречаясь с определёнными трудностями на пути усвоения ИЯ.

Некоторые авторы выделяют следующие наиболее типичные трудности, приводящие к возникновению языкового барьера: трудность общения, трудность речепроизводства и страх речепроизводства [2, с. 92–94].

Трудность общения возникает как результат отсутствия необходимых знаний (лексические знания, грамматические знания, знания норм межличностного общения и особенностей культуры) или недостаточной сформированности на-

выков спонтанной речи. В свою очередь это приводит к тому, что человек начинает испытывать неуверенность и боязнь совершить ошибку, что может вызвать у него разочарование в собственных способностях и желание бросить изучение иностранного языка.

В условиях лингвистической подготовки будущих специалистов в области связей с общественностью и в области журналистики языковой барьер приобретает некоторые особенности. При обучении ИЯ в вузе необходимо добиться формирования у обучающихся совокупности компетенций. В числе этих компетенций, прежде всего, можно назвать коммуникативную иноязычную компетенцию, овладение которой происходит в процессе формирования у обучающихся способности адекватно воспринимать и корректно использовать единицы речи на основе знаний о фонологических, грамматических, лексических, стилистических закономерностях изучаемого языка в сравнении с родным языком. Для профессионала важно научиться понимать и порождать иноязычный дискурс в профессиональной среде в стране и за рубежом. А для этого немаловажными качествами для студента являются ответственность за ход и результаты овладения ИЯ, сознательность в организации собственной учебной деятельности, самостоятельность и креативность при выполнении заданий. Насыщенность современных программ по ИЯ такова, что овладеть этим материалом можно только при активной работе обучающихся, и этот факт создаёт дополнительную психологическую нагрузку на современных студентов. В случае возникновения нежелания или неуверенности на занятиях по ИЯ, ведущих к отставанию от группы, компенсировать это отставание оказывается практически невозможно, что, в свою очередь, может привести у некоторых студентов к настоящему депрессивному заболеванию [4; 6].

Ещё одним фактором, оказывающим значительное влияние на эффективность обучения ИЯ в вузе, является изменение социальной среды, в которой живут, общаются и учатся современные молодые люди. Интернет стал неотъемлемой частью жизни общества, и возникший виртуальный социум активно изменяет психику и социальное поведение студентов. Многие из них прово-

дят в социальных сетях огромную часть своего времени, становясь психологически зависимыми от Интернета, признаками чего являются их неспособность вовремя выйти из сети и постоянное желание туда войти. Особенно ярко это проявляется, когда студент пытается продолжить общение в сетях даже на занятии и проявляет явные признаки беспокойства, если преподаватель запрещает ему это [6].

Потребность постоянно поддерживать онлайн-общение мешает обучающемуся сосредоточиться на изучении ИЯ и усиливает психологическую составляющую языкового барьера.

Кроме того, возможность в любой момент использовать интернет-переводчик приводит к тому, что студенты перестают ощущать необходимость заучивать иностранные слова наизусть и изучать перевод с одного языка на другой, что замедляет формирование механизма иноязычного речепорождения у студентов, усиливая лингвистическую составляющую языкового барьера.

С одной стороны, развитие интернет-технологий предоставляет современным людям невиданные прежде возможности общения, дистанционной работы, учёбы и широкий доступ к информации, но, с другой – современным студентам становится труднее преодолевать языковой барьер и на лингвистическом, и на психологическом уровнях.

Таким образом, говоря о языковом барьере как о некой совокупности факторов, мешающих эффективному усвоению ИЯ в вузе, можно прийти к выводу о том, что языковой барьер состоит из лингвистической и из психологической составляющих. Причем преодолеть только одну из этих составляющих языкового барьера в процессе обучения ИЯ невозможно, так как они тесно взаимосвязаны и переплетены. Современные условия обучения в нелингвистическом вузе обусловлены введением требований федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования нового поколения и формированием интернет-социума, что влияет на учебную мотивацию студентов, создавая для них дополнительные психологические трудности при овладении ИЯ. Поэтому целесообразно организовывать обучение таким образом, чтобы помогать обучающемуся преодолеть языковой

барьер и на лингвистическом, и на психологическом уровнях. Другими словами, желательно, чтобы во время занятия ИЯ обучающийся находился в оптимальном психологическом состоянии, максимально способствующем усвоению необходимого языкового материала.

Исследователи считают идеальной такую атмосферу в аудитории, которая способствует устойчивой концентрации внимания на изучении иностранного языка без излишнего перенапряжения при минимальном уровне стресса, порождённого чувством страха и неуверенности [2; 4; 5].

В последнее время все больше ученых в области психолингвистики и лингводидактики за рубежом обращаются к изучению положительного эффекта медитативных техник, которые используют на занятиях по ИЯ, чтобы снизить стресс и повысить успеваемость обучающихся.

Опыт применения медитации в учебных заведениях за рубежом

Учебная медитация успешно применяется в школах, на производствах и в коммерческих организациях во многих странах мира. Так, в 2018 году по инициативе политической партии Aam Party, возглавляемой мэром Дели Арвиндом Кеджривалем, в рамках проекта реформы системы индийского образования в некоторых школах индийской столицы был введён так называемый «урок тишины» («*silence class*»). В начале занятия ученики проделывают несложное упражнение: закрыв глаза, они сосредотачиваются на окружающих их звуках (например, на шуме дождя, звуках пролетающих насекомых или шелесте листьев) и, таким образом, опустошают свой ум, готовя его к наполнению новыми знаниями и навыками. В октябре того же года журналисты «Economist» посетили школу Kautilya Government Sarvodaya Senior Boys' Secondary и поделились своими впечатлениями с читателями [12]. Они отметили, что её ученики демонстрируют лучшую способность к концентрации, более креативный подход к выполнению заданий, чем их сверстники из других школ. Помимо собственно медитации, в программу уроков тишины входит рассказывание историй (story telling), открытое обсуждение вопросов, связанных с психологией отношений.

Во время полевых исследований в Ранопали (Фаизабад, Уттар-прадеш), проводившихся ме-

тодом включённого наблюдения в июле-августе 2017 и 2018 годов одним из авторов настоящей статьи, было выяснено, что благоприятное влияние на весь образовательный процесс оказывает сочетание медитативных, дыхательных и физических упражнений (йоги). Преподавая английский язык подросткам в средней школе с постоянным проживанием (boarding school), мы отметили, что перед началом учебного дня ученики собираются во дворе и выполняют простую дыхательную гимнастику с последующим комплексом упражнений, известных в йоге как *сурья-намаскар* (санскр. – «приветствие солнцу»). Это помогает им привести мозг в рабочую готовность после сна и избавиться от посторонних мыслей. Весь процесс занимает примерно 15 минут, после чего ученики отправляются в классы.

В некоторых школах, колледжах и университетах Соединённых Штатов проводятся эксперименты с «осознанностью» (mindfulness). Одна из проблем, поднимаемых критиками использования таких практик, – отсутствие времени в перегруженном учебном графике преподавателей и студентов. Джина Левит отмечает, что «для старшеклассников достаточно 10 минут медитации в день или 15–20 минут в неделю... чтобы дополнить учебный процесс» [8, с. 4]. Лори Паттон связывает медитацию с искусством убеждения («art of persuasion») во время занятия (см. [11, с. 39]).

Учебная медитация и йога входят в рабочую программу профессиональных корпораций, таких, например, как Делийское метро (DMRC). Уже в процессе подготовки в Training Institute будущие сотрудники метрополитена учатся медитировать, чтобы впоследствии эффективно применять навык в работе. Для этого и в здании института, и в офисах корпорации созданы специальные пространства, где и проходят занятия под руководством квалифицированных специалистов [9].

Учебная направленная медитация как эффективный инструмент для преодоления языкового барьера на занятиях по ИЯ в вузе

В последнее время появилось много публикаций о том, что использование медитации в начале и в конце занятия по ИЯ в вузе создаёт благоприятную среду для обучения студентов и позволяет

задействовать их психологические резервы, что приводит к увеличению объема краткосрочной и долговременной памяти, улучшению концентрации и, в целом, способствует повышению эффективности усвоения ИЯ [1; 3].

Для проведения сеанса медитации на занятиях по ИЯ не требуется специального оборудования или формы одежды. Чтобы начать тренировку, человек должен принять комфортную позу, не очень напряжённую, но и не слишком расслабленную. Практикующий сидит на стуле с прямой спиной и расслабленными руками и ногами, глаза закрыты. Дальнейшие действия зависят от типа медитации. Рассмотрим некоторые из них.

Среди используемых в классных комнатах медитативных техник известны такие, как медитация осознанности, медитация концентрации и управляемая медитация.

Медитация осознанности состоит в том, что основное внимание практикующего уделяется собственному состоянию здесь и сейчас. При этом медитирующий концентрируется на собственных ощущениях, не давая им критической оценки и никак на них не реагируя.

Во время медитации концентрации практикующий сосредотачивает своё внимание на определённом объекте наблюдения, например, на собственном дыхании. В этом случае он отслеживает каждый свой вдох и выдох как бы со стороны, никак на них не воздействуя и не давая оценку своим ощущениям.

И, наконец, во время управляемой медитации медитирующий слушает инструкции проводящего медитацию преподавателя и следует за ними. Например, он представляет описываемую картинку или испытывает описываемые эмоции.

Согласно немногочисленным пока исследованиям, с точки зрения эффективности все виды медитации показывают приблизительно одинаковые результаты снижения стресса и повышения уровня успеваемости студентов. При этом время медитации является решающим показателем. Чем дольше длится сеанс, тем быстрее происходят позитивные изменения, способствующие улучшению показателей успеваемости. Но даже пятиминутный регулярный сеанс медитации перед началом и в конце занятия повышает способности студентов к обучению и активизирует их внутренние резервы [1; 3].

Современные исследования в области мозга позволяют понять, каким образом медитация способствует повышению эффективности усвоения ИЯ и насколько этот приём приемлем в условиях обучения ИЯ в вузе.

Во время медитации заметно повышается нейронная активность в центрах, отвечающих за речь. Активность мозга возрастает и в тех областях, которые участвуют в построении картины мира индивида, связанной с собственным «я» человека. Дело в том, что эти области мозга приходят в состояние наивысшей активности, когда человек отдыхает (но не спит), то есть, если человеку не надо решать какие-либо внешние задачи, именно эти области мозга активизируются и начинают обрабатывать данные, связанные с картиной мира индивида на когнитивном и языковом уровнях.

Эти области мозга являются своего рода базовой операционной системой, отвечающей за сеть взаимосвязанных операций, которая лучше всего активизируется с помощью медитации, поддерживающей мозг в особом пограничном состоянии между расслаблением и сном.

Исследователи утверждают, что магнитно-резонансное сканирование мозга людей, регулярно занимающихся медитацией в начале и конце занятий по ИЯ, показывает, что в это время отдыхают лобные доли мозга, ответственные за принятие решений и планирование, затихают теменные участки коры, которые обычно обрабатывают сенсорную информацию и заняты ориентировкой в пространстве и времени, не активен таламус, перераспределяющий данные органов чувств, и ретикулярная формация не приводит мозг в состояние тревоги и боевой готовности [7; 10; 14].

Доказано и подтверждено экспериментальным путём, что медитация физически воздействует на серое вещество головного мозга. В результате сравнения результатов МРТ головного мозга людей, занимающихся медитацией, и контрольной группы было выявлено, что медитация вызывает рост серого вещества в любом возрасте. Хотя ранее считалось, что с возрастом серое вещество может только уменьшаться [1; 14].

Практика медитации приводит также к увеличению толщины префронтальной коры головного мозга в области чуть выше глаз, которая связана с вниманием и осознанностью [7; 10].

После сеансов регулярной управляемой медитации обнаружены также изменения в виде активизации с последующим ростом нейронной сети в следующих областях головного мозга:

1. Латеральная префронтальная кора, которую именуют «центром оценки». Она модулирует эмоциональное реагирование, поступающее из центра страха, и вносит вклад в формирование языкового барьера при изучении ИЯ.

2. Медиальная префронтальная кора – часть мозга, фиксирующая данные, которые строят наше «я» или нашу картину мира, включая и её языковую составляющую.

3. Вентромедиальная префронтальная кора – часть мозга, которая заставляет нас беспокоиться, провоцирует тревогу или вводит в стрессовое состояние. Например, когда мы начинаем испытывать чрезмерное беспокойство по поводу того, что у нас плохие способности к изучению ИЯ, именно эта часть активизируется, вызывая стрессовое состояние.

4. Дорсомедиальная префронтальная кора, участвующая в сохранении коммуникационных связей с другими людьми. Когда она активно функционирует, мы коммуникабельны, общительны и не испытываем трудностей в общении, даже говоря на ИЯ.

5. Мозжечок – наша охранная система, «центр страха».

Все вышеперечисленные области головного мозга так или иначе участвуют либо в построении механизма формирования речи на ИЯ, либо в создании психологических установок. Медитация благотворно воздействует на эти области, приводя наш головной мозг в состояние, когда учить ИЯ легко и приятно, снимая и лингвистический, и психологический языковые барьеры.

Кроме того, электрофизические исследования показали, что после сеанса медитации наступает состояние, когда разница между полушариями – их асимметрия – выравнивается. Известно, что при этом активизируются способности к запоминанию новой информации и происходит перераспределение ролей между сознанием и подсознанием. Сознание как бы на время затихает, и активизируется подсознание, раскрывая внутренние резервы обучающихся [7; 10; 14].

Преподаватели, которые использовали медитацию на занятиях по ИЯ, наблюдали следующие

позитивные изменения в экспериментальных группах. Обучаемые демонстрировали чёткость мышления и быстроту реакции при ответах. При этом студенты были спокойны и доброжелательны по отношению к друг другу и преподавателю. Заметно увеличилось количество креативных подходов к решению проблемных задач. Количество новых слов, которые обучаемые могли запомнить, возросло в семь раз. Улучшилась посещаемость занятий и возросла успеваемость [1; 2; 5].

Экспериментальное обучение с использованием направленной двуязычной учебной медитации

Наше экспериментальное обучение позволило исследовать возможности повышения эффективности усвоения ИЯ за счёт повышения успеваемости студентов по изучению ИЯ и улучшения психологической обстановки в аудитории.

Мы выдвинули предположение о том, что применение направленной учебной медитации во время занятий по ИЯ способствует совершенствованию усвоения ИЯ студентами.

Эффективность использования сеансов учебной управляемой медитации была проверена в ходе опытного обучения студентов 3-го курса дневного отделения факультета международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет» по специальностям «Связи с общественностью» и «Журналистика» в 2019 году.

В процессе экспериментального обучения мы использовали метод предварительного и итогового тестирования по аудированию, говорению и письму для установления уровня повышения успеваемости студентов, методику С. Коухена и Г. Виллиансона и метод тестирования для определения уровня улучшения их стрессоустойчивости [13].

Критерием эффективности экспериментального обучения служила оценка динамики овладения комплексом знаний, навыков и умений, необходимых студентам гуманитарных специальностей для успешной работы.

Перед началом обучения студенты проходили предварительный контроль по аудированию, говорению и письму в виде теста, содержащего задания, оцениваемые по десятибалльной системе.

После завершения обучения проводилось итоговое контрольное мероприятие, по результатам которого оценивалась эффективность прохождения курса с элементами учебной управляемой медитации.

В экспериментальном обучении принимали участие одна контрольная группа и одна экспериментальная группа учащихся. Студенты экспериментальной группы изучали тот же материал, что и контрольная группа, но с пятиминутными сеансами управляемой учебной медитации в начале и в конце каждого занятия. Длительность одного занятия в экспериментальной и контрольной группах составляла два академических часа. Опытное обучение продолжалось в течение двух месяцев, что составило 32 академических часа.

Перед началом экспериментального обучения студентам контрольной и экспериментальной групп объяснили, что они будут принимать участие в опытном обучении, которое должно помочь им в изучении английского языка. Их попросили внимательно отнестись к тому, что они будут чувствовать, и фиксировать в дневнике положительные и отрицательные эмоции, которые они будут испытывать во время занятий. В дальнейшем эти записи были использованы для сопоставления психологической обстановки в обеих группах.

Сеанс медитации проходил на фоне классической тихой музыки. В начале каждого занятия экспериментальную группу просили сесть и принять расслабленное, но осознанное состояние, закрыть глаза, представить себе то, что ассоциируется с понятием «счастье», и удерживать в сознании эти ассоциации в течении одной минуты. Потом преподаватель давал группе позитивную установку на русском и английском языках. Например:

Сегодня вы пришли на занятие и вспомнили, что такое для вас счастье. Оно у каждого своё, но каждый ощущает в душе легкость и радость, думая о своём счастье. Здесь мы изучаем английский язык легко и радостно. Ваши внутренние резервы активизируются и помогают вам учиться быстро, легко и радостно. Изучая английский язык, вы счастливы.

Our English learning will be interesting and easy. In this class you will naturally start tapping into your reserved potentials. We will have a hilarious learning time together.

После пяти минут медитации студенты открывали глаза, и дальше занятие продолжалось так же, как и в контрольной группе, по учебному плану.

В конце занятия преподаватель опять просил студентов сесть с прямой спиной, расслабить руки и ноги, закрыть глаза и давал позитивную установку на двух языках, например:

Сегодня вы хорошо поработали. То, что вы сегодня узнали, останется в вашей памяти естественным образом. Вы с нетерпением ждёте следующее занятие по английскому языку, который вы учите легко и радостно.

What you have learned today will naturally stay in your mind. You are looking forward to our next happy English learning.

Таким образом, создавалась психологическая установка на преодоление страха собственных ошибок, неуверенности в своих способностях, а медитативное состояние помогало «настроить» мозг обучающихся на оптимальный режим работы с иноязычным материалом.

Результаты итогового контроля отразили эффективность прохождения учебного курса с элементами учебной управляемой медитации, выраженную в позитивной динамике роста уровня знаний и умений экспериментальной группы по сравнению с контрольной группой (на 30–40 %).

Для определения уровня стрессоустойчивости студентов перед экспериментальным обучением и после него мы проводили тест самооценки стрессоустойчивости, разработанный С. Коухеном и Г. Вилиансоном, который определяет уровень стрессоустойчивости к различным факторам и событиям у респондентов. Данный уровень может быть: отличный, хороший, удовлетворительный, плохой или очень плохой. Тест представляет собой десять утверждений. Выставляемые оценки: никогда – 0, почти никогда – 1, иногда – 2, довольно часто – 3, очень часто – 4 [13].

Выполняя этот тест, студенты отвечали на следующие вопросы:

1. Насколько часто неожиданные неприятности выводят вас из равновесия?
2. Насколько часто вам кажется, что самые важные вещи в вашей жизни выходят из-под вашего контроля?
3. Как часто вы чувствуете себя «нервным», подавленным?

4. Как часто вы чувствуете уверенность в своей способности справиться со своими личными проблемами?

5. Насколько часто вам кажется, что все идет именно так, как вы хотите?

6. Как часто вы в силах контролировать раздражение?

7. Насколько часто у вас возникает чувство, что вам не справиться с тем, что от вас требуют?

8. Часто ли вы чувствуете, что вам сопутствует успех?

9. Как часто вы злитесь по поводу вещей, которые не можете контролировать?

10. Часто ли вы думаете, что накопилось столько трудностей, что их невозможно преодолеть?

Для обработки и интерпретации результатов теста мы просуммировали полученные баллы и сумму разделили на 10. При этом показатель отличной стрессоустойчивости должен быть равен 0,5; хорошей стрессоустойчивости – 6,8; удовлетворительной – 14,2; плохая стрессоустойчивость соответствует 24,2; очень плохая – 34,2 [13].

Одиннадцать студентов контрольной группы прошли этот тест дважды – непосредственно перед экспериментальным обучением и после него.

После первого теста результаты шести студентов контрольной группы были удовлетворительными, два студента показали плохую стрессоустойчивость, а три человека – очень плохую.

После двух месяцев экспериментального обучения у двух студентов стрессоустойчивость стала отличной, у восьми – хорошей, а у одного студента осталась удовлетворительной, из чего можно сделать вывод о повышении стрессоустойчивости у десяти студентов из одиннадцати.

Для определения отношения студентов к подобному рода обучению в контрольной группе было проведено анкетирование, в процессе которого студенты выразили желание продолжить

обучение с элементами двуязычной направленной медитации, называя среди преимуществ такого обучения благоприятную обстановку в классе, вызывающую желание приходить на занятия и изучать английский язык специальности.

В целом студенты экспериментальной группы продемонстрировали более позитивное отношение к изучаемому материалу, лучшую стрессоустойчивость во время контрольных мероприятий, заметное улучшение памяти и способности к концентрации внимания на изучаемом предмете, что в результате способствовало повышению успеваемости во время контрольного тестирования по аудированию, говорению и письму.

Заключение

Учебная управляемая медитация является новым и малоизученным инструментом управления учебной мотивацией студентов на занятиях по ИЯ в вузе. В последнее время этот прием становится всё более популярным во многих университетах мира. Согласно исследованиям, медитация благотворно влияет на многие области мозга, ответственные за порождение речи на иностранном языке. Кроме того, медитация успешно решает проблемы, связанные с психологическими трудностями, снижающими эффективность усвоения ИЯ.

В результате опытного обучения с элементами учебной управляемой медитации, проведенного среди студентов, изучающих ИЯ специальности, было выявлено, что такая практика может дать большие когнитивные преимущества нашим студентам за счёт повышения скорости реакции и снижения восприимчивости к различным формам стресса. В целом можно сделать вывод о том, что обучение ИЯ с элементами учебной управляемой медитации является перспективным направлением в лингводидактике, хотя и нуждается в дальнейшем тщательном изучении.

Литература

1. Дэвид Р. Гамильтон. Влияние медитации на мозг [Электронный ресурс]. – URL: <https://proektrazvitie.ru/vliyanie-meditatsii-na-mozg> (дата обращения: 17.06.2019).
2. Короленко И. А., Локша О. М. Речевые формулы как средство преодоления языкового барьера при изучении иностранного языка // Соврем. исслед. соц. проблем. – 2017. – Т. 8, № 6–2. – С. 92–101.
3. Лебедева М. В. Коммуникативно-интерпретационная технология асинхронного обучения студентов иностранному языку // Изв. Юж. федер. ун-та. Сер. «Пед. науки». – 2010. – № 8. – С. 55–64.
4. Ляхова Е. Г. Психологические аспекты формирования профессиональной межкультурной иноязычной компетенции в неязыковом вузе // Вопр. филологии. – 2015. – № 4 (52) – С. 24–29.

5. Ляхова Е. Г. Управляемая учебная медитация как упражнение, способствующее повышению эффективности усвоения иностранного языка в вузе // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2018. – С. 157–163.
6. Ляхова Е. Г., Мороз Н. Ю., Цацкина Е. П. Интенсификация учебной мотивации при обучении иностранному языку студентов-нелингвистов // Вестн. МГЛУ. Сер. «Образование и пед. науки». – 2018. – № 6 (814). – С. 89–103.
7. Нейроны просветления: что именно происходит с мозгом, когда вы медитируете? [Электронный ресурс]. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9883-brain-and-nirvana> (дата обращения: 17.06.2019).
8. Clive Erricker, Jane Erricker, Gina Levet, *Meditation in Schools*. – London: Continuum, 2001. – P. 4.
9. Delhi Metro Rail Corporation Ltd. Training Institute [Электронный ресурс]. – URL: http://www.delhimetrorail.com/Training-Institute/Training_Institute_Brochure.pdf (дата обращения: 25.06.2019).
10. Lazar S. W., Kerr C. A., Wasserman R. H., Craig J. R., Greve D. N., Treadway M. T., McGarvey M., Quinn B. T., Dusek J. A., Benson H., Rauch S. L., Moore C. I., and Fische B., *Meditation Experience is Associated with Increased Cortical Thickness* // *Neuroreport*. – 2005. – № 16 (17). – P. 1893–1897.
11. *Meditation and the Classroom* / edited by Judith Simmer-Brown & Fran Grace. – New York: State University of New York Press, 2011. – P. 39.
12. Schoolchildren in India are being taught how to be mindful [Электронный ресурс] // *The economist*. – 2018. – Oct. 11th. – URL: <https://www.economist.com/asia/2018/10/11/schoolchildren-in-india-are-being-taught-how-to-be-mindful> (дата обращения: 25.06.2019).
13. Stress-Assesment – an overview [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/medicine-and-dentistry/stress-assessment> (дата обращения: 25.06.2019).
14. Vestergaard-Poulsen P., M. van Beek, Skewes J., Bjarkam C. R., Stubberup M., Bertelsen J., and Roepstorff A. Long-Term Meditation is Associated with Increased Gray Matter Density in the Brain Stem // *Neuroreport*. – 2009. – № 20(2). – P. 170–174.

References

1. David R. Gamilton. *Vliyanie meditatsii na mozg* [Meditation influence on brain]. (In Russ.). Available at: <https://proektrazvitie.ru/vliyanie-meditatsii-na-mozg> (accessed 17.06.2019).
2. Korolenko I.A., Loksha O.M. Rechevye formuly kak sredstvo preodoleniya yazykovogo baryera pri izuchenii inostrannogo yazyka [Formulaic language as an approach to overcoming foreign language anxiety]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Society of Russia: educational space, psychological structures and social values], 2017, vol. 8, no. 6-2, pp. 92-101. (In Russ.).
3. Lebedeva M.V. Kommunikativno-interpretatsionnaya tekhnologiya asinkhronnogo obucheniya studentov inostrannomu yazyku [Communicative-interpretive technology of asynchronous teaching students a foreign language]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Ser. "Pedagogicheskie nauki"* [Southern Federal University news. Ser. "Pedagogical sciences"], 2010, no. 8, pp. 55-64. (In Russ.).
4. Lyakhova E.G. Psikhologicheskie aspekty formirovaniya professional'noy mezhekul'turnoy inoyazychnoy kompetentsii v neyazykovom vuze [Psychological aspects of the formation of professional intercultural foreign language competence in a non-linguistic University]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology], 2015, no. 4 (52), pp. 24-29. (In Russ.).
5. Lyakhova E.G. Upravlyayemaya uchebnaya meditatsiya kak uprazhnenie, sposobstvuyushchee povysheniyu effektivnosti usvoeniya inostrannogo yazyka v vuze [Guided learning meditation as an exercise to enhance the efficiency of a foreign language acquisition at a non-linguistic university]. *Traditsionnaya i innovatsionnaya nauka: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Traditional and innovative science: history, current state, prospects. A collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, ICIR OMEGA SCIENCE Publ., 2018, pp. 157-163. (In Russ.).
6. Lyakhova E.G., Moroz N.Y. Tsatskina E.P. Intensifikatsiya uchebnoy motivatsii pri obuchenii inostrannomu yazyku studentov-nelingvistov [Communicative competence development in foreign language learning/teaching at non-linguistic faculties]. *Vestnik MGLU. Ser. "Obrazovanie i pedagogicheskie nauki"* [Vestnik MSLU. Ser. "Education and pedagogical sciences"], 2018, no. 6 (814), pp. 89-103. (In Russ.).
7. Neyrony prosvetleniya: chto imenno proiskhodit s mozgom, kogda vy meditiруete? [The neurons of enlightenment: what exactly happens to the brain when you meditate?]. (In Russ.). Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/9883-brain-and-nirvana> (accessed 17.06.2019).
8. Clive Erricker, Jane Erricker, Gina Levet. *Meditation in Schools*. London, Continuum Publ., 2001. 4 p. (In Engl.).

9. *Delhi Metro Rail Corporation Ltd. Training Institute*. (In Engl.). Available at: http://www.delhimetrorail.com/Training-Institute/Training_Institute_Brochure.pdf (accessed 25.06.2019).
10. Lazar S.W., Kerr C.A., Wasserman R.H., Craig J.R., Greve D.N., Treadway M.T., McGarvey M., Quinn B.T., Dusek J.A., Benson H., Rauch S.L., Moore C.I. and Fische B. Meditation Experience is Associated with Increased Cortical Thickness. *Neuroreport*, 2005, no. 16(17), pp. 1893-1897. (In Engl.).
11. *Meditation and the Classroom*. Ed. by Judith Simmer-Brown & Fran Grace. New York, State University of New York Press, 2011, p. 39. (In Engl.).
12. Schoolchildren in India are being taught how to be mindful. *The economist*, 2018, Oct. 11th. (In Engl.). Available at: <https://www.economist.com/asia/2018/10/11/schoolchildren-in-india-are-being-taught-how-to-be-mindful> (accessed 25.06.2019).
13. *Stress-Assesment – an overview*. (In Engl.). Available at: <https://www.sciencedirect.com/topics/medicine-and-dentistry/stress-assessment> (accessed 25.06.2019).
14. Vestergaard-Poulsen P., M. van Beek, Skewes J., Bjarkam C.R., Stubberup M., Bertelsen J. and Roepstorff A. Long-Term Meditation is Associated with Increased Gray Matter Density in the Brain Stem. *Neuroreport*, 2009, no. 20(2), pp. 170-174. (In Engl.).

УДК 378

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ КИНЕЗИОЛОГИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Ивина Людмила Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ). E-mail: ivins@mail.ru

Ляхова Елена Георгиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ). E-mail: liakhoval@mail.ru

Нечаева Ксения Кирилловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры португальского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ). E-mail: nechaeva.ksk@mail.ru

Статья посвящена проблеме повышения эффективности усвоения иностранного языка (далее – ИЯ) в нелингвистическом вузе. Актуальность исследования обусловлена тем, что студенты, изучающие ИЯ специальности, должны успеть овладеть иноязычной коммуникативной компетенцией за сравнительно небольшое количество аудиторных часов, что требует такой организации усвоения ИЯ, при которой студенты максимально мотивированны и организованны. Авторы предлагают использовать новый подход к обучению ИЯ с использованием кинезиологических упражнений для формирования устойчивой мотивации студентов и улучшения их успеваемости. Физическая активность позволяет создать на занятии атмосферу, способствующую снижению уровня тревожности и повышению внутренней и внешней мотивации. Кинезиологические упражнения являются физическими упражнениями, которые выполняют функцию гимнастики для мозга. Они рассматриваются специалистами как инструмент активизации внутренних резервов учащихся. Перекрестные и другие несложные движения воздействуют на головной мозг человека, ускоряя процесс создания новых нейронных связей, за счёт которых улучшается краткосрочная и долговременная память учащегося, повышается концентрация внимания, увеличивается учебная мотивация. Сочетание занятий по ИЯ специальности в неязыковом вузе с кинезиологическими упражнениями является инновационным подходом к повышению эффективности усвоения ИЯ и формированию мотивирующей ситуации в аудитории. Целью статьи является проверка возможности

включения вышеупомянутой техники в процесс обучения ИЯ в неязыковом вузе. В качестве метода проверки такой возможности авторы статьи использовали опытное обучение ИЯ контрольной и экспериментальной групп студентов третьего года обучения в бакалавриате по направлению подготовки «Связи с общественностью». Результаты опытного обучения показали увеличение эффективности усвоения ИЯ студентами экспериментальной группы по сравнению со студентами контрольной группы на 40–50 %. Таким образом, авторы статьи приходят к выводу о том, что использование кинезиологических упражнений на занятиях по ИЯ специальности в неязыковом вузе является перспективным направлением повышения учебной мотивации и эффективности усвоения ИЯ.

Ключевые слова: английский язык, билингвальная картина мира, гимнастика для мозга, кинезиология, неязыковые вузы, обучение иностранному языку специальности, усвоение, учебная мотивация, физические упражнения.

SMART PHYSICAL EXERCISES IMPROVE FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION

Ivina Lyudmila Valeryevna, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivins@mail.ru

Lyakhova Elena Georgievna, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: liakhoval@mail.ru

Nechaeva Kseniya Kirillovna, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Portuguese, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nechaeva.ksk@mail.ru

The article addresses the problem of increasing the efficiency of learning a foreign language in a non-linguistic university. The issue is highly topical given the fact that students of non-linguistic institutions for higher education are supposed to acquire the foreign language communicative competence within a comparatively short period of time, which calls for powerful and efficient methods of boosting and maintaining students' motivation. The authors take a new approach to teaching with a view to providing students with sustainable motivation and improved academic performance. Physical activity has long been regarded as an instrument to create an atmosphere in the English learning classroom conducive to decreasing the level of foreign language anxiety while increasing internal and external learning motivation. Kinesiological physical exercises are brain gymnastics, which enhances the internal reserves of students by speeding up the process of creating new neural connections. The combination of physical exercises and a foreign language vocational training is an innovative approach to the creation of motivating situations in the classroom and a reliable way to boost long-term and short-term memory as well as concentration. The article aims to evaluate the viability of including the above-mentioned technology in the teaching process of a non-linguistic university. To verify the opportunity the authors of the article resorted to experimental studies of the control and experimental groups of third-year undergraduate students of Public Relations. The results of the experimental studies showed an increase of 40–50 % in the efficiency of the foreign language acquisition by the experimental group compared with the students in the control group. Thus, the authors of the article come to the conclusion that the use of physical exercises in the classroom in a non-linguistic university is a promising direction for increasing educational motivation and efficiency of the foreign language acquisition.

Keywords: English language, bilingual picture of the world, brain gymnastics, kinesiology, non-linguistic universities, teaching a foreign language specialty, learning, learning motivation, physical exercises.

Введение

В последнее время возрастает интерес учёных к альтернативным методам повышения эффективности изучения ИЯ в неязыковых вузах. Требования к уровню иноязычной коммуникативной компетенции, которой должны овладеть будущие специалисты, высоки, а количество аудиторных часов невелико. Такое соотношение приводит к увеличению нагрузки, которую испытывают студенты на занятиях по ИЯ, что зачастую вызывает переутомление и ухудшение результатов обучения ИЯ в лингвистическом вузе [6].

В этой связи актуальной становится тема создания такой атмосферы в аудитории и такого настроя студентов на продуктивную учебу, которые позволили бы без вреда здоровью достичь значительных успехов в усвоении ИЯ специальности. Среди таких методов можно назвать физические упражнения, которые стимулируют активность работы головного мозга, повышают концентрацию внимания при изучении ИЯ, улучшают кратковременную и долговременную память учащихся.

Обзор литературы

Недавно появились исследования, утверждающие, что физические упражнения играют немаловажную роль в качестве инструмента, повышающего эффективность усвоения отдельных слов ИЯ. Приводимые данные свидетельствуют об активизации мыслительных процессов, особенно связанных с запоминанием информации. Причиной этого называются следующие факторы: усиление синаптической пластичности и возникновение новых нейронов, образующих нейротрофические сети в головном мозгу учащихся [12; 13; 16; 18].

Например, Винтер и др. оценили способность здоровых немецких взрослых мужчин заучивать новые слова ИЯ при следующих условиях: после активного энергичного бега, после 40 минут лёгкого бега и после 15 минут сидячих занятий. Участникам представляли новые слова ИЯ во время подготовительного этапа опытного обучения. Во время эксперимента участники должны были соотносить новое слово из числа представленных и картинку с изображением предмета или явления, которые можно было описать, используя одно из изученных слов.

Интересно следующее: 1) все участники показали улучшение результатов изучения новых

слов ИЯ на 20 % после активного энергичного бега, который потребовал от них максимума усилий, по сравнению с участниками, бежавшими 40 минут трусцой, и участниками, которые перед экспериментом сидели в аудитории; 2) после интенсивной нагрузки у участников эксперимента, которые активно бегали, были зафиксированы максимальные показатели мозговой активности по сравнению с другими участниками.

Авторы этого эксперимента пришли к выводу о том, что активная физическая нагрузка непосредственно перед изучением новых слов ИЯ приводит к значительному повышению эффективности усвоения нового учебного материала по ИЯ и к увеличению долговременной памяти учащихся [18].

В другом исследовании ученые изучали влияние регулярной физической нагрузки на эффективность усвоения слов ИЯ. В течение трёх недель студенты занимались на велотренажёрах, одновременно изучая новые слова ИЯ. В конце каждой недели они проходили тест, в котором должны были перевести изученные слова ИЯ на родной язык. По результатам этого эксперимента студенты, изучавшие новые слова во время физической нагрузки, показали улучшение усвоения ИЯ по сравнению с контрольной группой [17].

Этот эксперимент и ряд ему подобных доказывает, что новые слова ИЯ лучше изучать одновременно с физической нагрузкой, например, на велотренажёре.

Известно, что при выполнении двух задач одновременно внимание человека рассеивается между этими задачами, что приводит к некачественному выполнению обеих задач или одной из них [15; 16]. Но в случае с изучением ИЯ предшествовавшая учебному процессу или совпадающая с ним физическая нагрузка улучшает показатели усвоения новых слов ИЯ.

Если предыдущие эксперименты проводились с участниками, которые не знали ранее ИЯ или уровень знаний которых был скорее начальным, то следующий эксперимент был проведен со студентами продвинутого уровня английского языка. Кроме того, во время этого опытного обучения было изучено влияние физической нагрузки на усвоение не только отдельных слов ИЯ, но и на усвоение фраз и предложений на ИЯ [14].

В этом эксперименте участвовали китайские студенты, изучающие английский язык. На подго-

товительном этапе им были представлены новые слова в парах с соответствующими картинками. Во время эксперимента они должны были не только правильно подобрать пару картинка – слово (лексический уровень эксперимента), но и выполнить задание, в котором нужно было выбрать из списка предложения, имеющие смысл (семантический уровень эксперимента). В этом случае студенты, выполняющие подбор слов к картинкам, должны были задействовать свою понятийную систему, что во втором задании помогало им сориентироваться в общем смысле предложения и сделать правильный выбор между бессмысленным и имеющим смысл предложениями. Таким образом проверялась гипотеза исследователей о том, что физическая активность благотворно влияет не только на усвоение ИЯ на уровне слов, но и на уровне предложений.

Эксперимент подтвердил, что сопутствующая учению физическая нагрузка повышает эффективность усвоения новых слов ИЯ по сравнению с их усвоением в статичном состоянии. Опытное обучение показало, что китайские студенты с базовым уровнем английского языка продемонстрировали не только существенный прирост в знаниях отдельных новых слов, но и лучшее понимание целых английских предложений в результате включения физических упражнений в процесс обучения ИЯ. Этот же эксперимент продемонстрировал некоторое отставание положительного прироста в знаниях во времени на семантическом уровне эксперимента по сравнению с его лексическим уровнем. В целом экспериментальная группа показала улучшение результатов усвоения лексических единиц уже на первой неделе опытного обучения, в то время как улучшение понимания отдельных английских фраз и предложений произошло только на четвертой неделе обучения [14].

Значительный шаг в исследованиях влияния физических упражнений на работу мозга и, в частности, на изучение ИЯ был сделан известным американским доктором Полом Деннисоном. После многочисленных экспериментов он разработал серию специальных упражнений, положительно влияющих на активизацию работы мозга и помогающих управлять своим эмоциональным состоянием во время обучения. Комплекс доктора Пола Деннисона получил название «Гимнастики

для мозга». Выполнение простых упражнений этого комплекса стимулирует продукцию нейротропинов, природных веществ, отвечающих за рост нервных клеток и увеличивающих число нервных связей в мозге. Программа «Гимнастика для мозга» возникла в 1970-х годах и с тех пор активно используется в учебных заведениях во многих странах, прежде всего, для детей, диагностированных как неспособные к обучению. Ученики выполняют упражнения по 10–15 минут каждый день, что приводит к повышению показателей успеваемости на 50 % за год. Значительно повышается способность обучающихся концентрироваться на изучаемом предмете [4; 11].

В дальнейшем эти исследования продолжались, в результате чего возникла новая отрасль науки – кинезиология – наука о развитии мозга через движение. Сейчас во всем мире используют достижения кинезиологии для повышения эффективности обучения. Но в основном использование этих упражнений в нашей стране ограничено специальными заведениями, работающим с психологически проблемными детьми, или обучающими центрами для пенсионеров [4].

Гимнастика для мозга использует координированные движения, особенно перекрестные, воздействие которых на мозговую деятельность сказывается в повышении резервных возможностей мышления и увеличении количества нервных связей. После таких упражнений повышается концентрация внимания, улучшается кратковременная и долговременная память. Упражнения просты в выполнении, не требуют много времени и специальной формы одежды.

Последние данные, полученные учеными посредством снимков головного мозга, сделанных с помощью магнитно-резонансной томографии (МРТ), свидетельствуют о том, что кинезиологические упражнения особенно заметно активизируют те части головного мозга, которые ответственны за изучение ИЯ, из чего можно предположить, что выполнение кинезиологических упражнений может благотворно повлиять на повышение эффективности усвоения ИЯ [4].

Усвоение иноязычных языковых явлений

Рассмотрим процесс усвоения новых явления ИЯ с точки зрения работы головного мозга учащегося. В самом общем виде усвоение определяет-

ся как процесс приема, смысловой переработки, сохранения полученных знаний и применения их в новых ситуациях решения практических задач, то есть использования этих знаний в форме умения на их основе решать новые задачи [5].

Организация успешного усвоения отдельных слов на ИЯ требует различной информации об этом слове, среди которой – концептуальные, семантические, морфологические, фонологические характеристики слова, не говоря уже об ассоциативных связях этого слова с другими словами ИЯ. В своем родном языке человек естественно усваивает новые слова с раннего детства, причем этот процесс неразрывно связан и происходит параллельно с формированием его концептуальной системы, которую называют также картиной мира индивида [14].

Изучение ИЯ после того, как процесс овладения родным языком уже завершился и концептуальная система индивида уже сформировалась, происходит прямо противоположно процессу овладения родным языком. Ребёнок, овладевая родным языком, двигается в направлении от смыслов к значениям, а взрослый человек, осваивающий иностранный язык, должен усваивать его от значений к смыслам. Поэтому каждое значение иностранного языка должно обрести для человека смысл, найти своё место в его индивидуальной картине мира на когнитивном уровне его сознания.

Под смыслами мы понимаем компоненты понятийного или когнитивного уровня картины мира индивида, а под значениями – составляющие элементы языкового уровня картины мира. Напомним, что языковой уровень картины мира индивида формируется родным языком человека, в то время как понятийный уровень его картины мира тоже пронизан категориями его родного языка и понятиями, которые во многом свойственны именно его родной культуре, которая, в свою очередь, формировалась под влиянием его родного языка. Таким образом, и языковой, и понятийный уровни картины мира индивида пронизаны смыслами и значениями родного языка человека. И организация процесса обучения ИЯ обязательно должна учитывать этот факт [7].

Отдельные слова ИЯ могут усваиваться как при опоре на ранее сформированные концепты и понятия в картине мира учащегося (понятийный уровень восприятия действительности), так и при

опоре на аналогичное слово родного языка учащегося (языковой уровень восприятия действительности).

В первом случае учащемуся достаточно показать картинку, соответствующую слову в ИЯ, чтобы определить, знает ли он новое слово, а во втором случае необходим перевод слова ИЯ на родной язык учащегося.

Взаимоотношения понятийного и языкового уровней в сознании изучающего ИЯ до сих пор являются предметом научных дискуссий. Считается, что от глубины проникновения знаний о ИЯ в концептуальную систему человека зависит, насколько свободно он владеет ИЯ. Чем выше уровень владения ИЯ, тем легче новые слова ИЯ коррелируются с элементами понятийной системы индивида. Концептуальная модель, предложенная Кроллом и Стюартом, удачно демонстрирует эту идею. Согласно данной модели, в сознании человека, уже овладевшего родным языком и изучающего ИЯ, существуют независимая от языков концептуальная система и две языковые лексические системы, взаимодействие между которыми происходит в процессе изучения ИЯ и языковой практики [15].

Когда взрослый человек с уже сформированной системой родного языка в его картине мира начинает изучать ИЯ, новые слова ИЯ ассоциируются в его сознании со словами родного языка, а уже через слова родного языка, опосредованно, происходит построение ассоциативных связей с концептами его понятийной системы. После достижения учащимся достаточно продвинутого уровня владения ИЯ новые слова ИЯ «получают доступ» к понятийному уровню человека, которому уже не нужно полагаться на родной язык для того, чтобы говорить на ИЯ [15].

В то же время существуют экспериментальные данные о том, что каждый раз, когда человек, свободно говорящий на ИЯ, произносит слово на ИЯ, в его сознании активируются области, ответственные за близкие по значению слова как в ИЯ, так и в его родном языке, наряду с понятиями и концептами, связанными с этими словами. Поэтому целесообразно говорить о том, что свободное владение ИЯ позволяет развить более разнообразные ассоциативные связи как между системами двух языков, так и между языками и понятиями, концептами индивида, составляющими его картину мира [15].

По многочисленным данным, процесс усвоения новой информации характеризуется асимметрией представления знаний ИЯ в сознании индивида. Исследование асимметрии головного мозга свидетельствует о том, что лингвистические и нелингвистические составляющие речевой деятельности по-разному локализуются в левом и правом полушариях мозга. Так, аналитические и логико-грамматические аспекты речи зависят в основном от функционирования левого полушария, тогда как невербальные функции речи, к которым можно отнести мимику и жесты, а также речевые автоматизмы и стереотипизированные выражения, которые можно считать сверхъязыковым остатком, обязаны своим появлением в речевом высказывании активизации правого полушария [1; 2; 3].

В целом, знания, хранящиеся в левом полушарии, осознаются индивидом, тогда как правополушарная усвоенная информация соответствует хорошо автоматизированным и потому переставшим осознаваться навыкам и глубоко усвоенным субъектом социальным нормам, по П. В. Симонову [10].

Правое полушарие головного мозга больше задействовано при обработке первичной информации об окружающем мире, выражаемой в описании единичных признаков объектов, в отличие от левого полушария, которое использует эталоны памяти в виде словесных символов и знаков и отражает схематизированную сущностную картину мира индивида без конкретных деталей, но пронизанную причинно-следственными связями. Если бы возможно было отделить левополушарную речь от правополушарной, то первую можно было бы считать речью без мышления, то есть дискурсом на основе хорошо сформированных ассоциаций, в котором краски внеязыкового внешнего мира тускнеют и утрачиваются, потому что их замещают языковые модели мира [9].

В действительности оба полушария головного мозга задействованы при формировании высказываний как на родном языке, так и при изучении ИЯ. Их работа взаимосвязана и взаимообусловлена. Так, например, Л. В. Сахарный рассматривал в качестве моделей деятельности левого и правого полушария при порождении высказывания левополушарную и правополушарную грамматики языка, по-разному ориентированные, но функционирующие по принципу дополнительности. Лево-

полушарная грамматика сознательна и оперирует грамматическими и лексическими категориями картины мира индивида. Правополушарная грамматика подсознательна, и её строительный материал – клишированные фразы, целые заученные тексты, так называемые деграмматизированные формы, всплывающие в языковом сознании как готовые реакции на типовые ситуации [8].

Нейропсихологи приходят к аналогичному выводу о том, что разные полушария головного мозга обладают различными способами обработки поступающей к человеку информации. Левое полушарие воспринимает сознательно контролируемую подачу новой информации со всеми формально-логическими способами выявления причинно-следственных связей. Оно является носителем научного мышления, лингвистических принципов анализа, формальной логики. Левополушарные процессы усвоения информации не смогут «запомнить» идиому или дешифровать метафору. Они ориентированы на восприятие не просто новой, но рационально поданной информации. Говоря об изучении ИЯ, левополушарная грамматика описывается традиционной лингвистикой в академических грамматиках и усваивается в процессе анализа лексических и грамматических норм и правил.

Правое полушарие ответственно за обработку и усвоение тех фактов окружающей нас действительности, в основе которых лежит сходство предметов или явлений. Правополушарные процессы протекают подсознательно. Так, К. Ф. Седов называет правое полушарие носителем метафорического сознания, которое хранит идиомы и метафоры, а для их дешифровки использует комплексное гештальтное восприятие. Правополушарная грамматика нуждается в описании языковых явлений как единого целого с ситуацией их использования в речи для соблюдения принципа смыслового единства. Усвоение таких явлений происходит благодаря формированию нужной вербальной реакции на определённое слово-стимул [9].

Говоря на родном языке, индивид использует элементы левополушарной и правополушарной грамматик в зависимости от коммуникативного намерения, не задумываясь о психологических особенностях этих явлений, так как они составляют его родной язык и его картину мира. Начиная

изучать ИЯ, индивид сталкивается с явлениями правополушарной и левополушарной грамматик. В его картине мира ещё не сформированы понятия и категории изучаемого ИЯ, поэтому все языковые явления он пытается понять, используя категории и понятия, сформированные под влиянием его родного языка. В результате осмысление явлений ИЯ происходит неправильно, и они усваиваются в искаженном виде. Накапливаясь, искажённые явления ИЯ формируют в сознании учащегося так называемый интерязык, то есть некий набор смыслов родной культуры учащегося и иноязычных явлений, не соответствующих смыслам иноязычной культуры и истинным значениям языковых явлений ИЯ. Учащийся пытается строить свои иноязычные высказывания, используя иноязычные явления, но по законам своего родного языка, что приводит к постоянным ошибкам в его речи на ИЯ. Как следствие, он начинает воспринимать ИЯ как нечто, что невозможно ни понять, ни выучить [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что различные стратегии обработки информации правым и левым полушариями приводят к необходимости по-разному организовывать процесс обучения правополушарным (языковые клише или ситуативные явления ИЯ) и левополушарным (нормативная грамматика и лексика или категориальные явления ИЯ) языковым явлениям ИЯ.

Явления левополушарной грамматики ИЯ лучше представлять в виде признаковового описания, которое поддаётся анализу. Такие явления усваиваются аналитически, и представлять их надо категориально, так, чтобы признаки их описания соответствовали условиям необходимости и достаточности. Эти требования легко осуществить, представив новую грамматическую тему в виде таблицы со всеми возможными правилами и исключениями. Усвоение этих категориальных явлений целесообразно организовать, последовательно выстраивая связи между иноязычными категориями и категориями родной культуры и языка учащихся. Этого можно добиться, научив обучающихся анализировать изучаемую грамматическую или лексическую категории ИЯ, осмысливая сходства и различия между иноязычным явлением и его аналогом в родном языке учащегося. Так можно изучать следующие темы: видовременная система английского глагола, система мо-

дальных глаголов английского языка и др. Данные явления называют категориальными явлениями ИЯ [7].

Явления правополушарной грамматики, а именно речевые стереотипы, пословицы, поговорки, которым, с точки зрения изучающего ИЯ, нет логического объяснения, необходимо усваивать вместе с ситуацией их использования, формируя правильную реакцию на словесный стимул с помощью многократного повторения этих ситуаций в ролевых и деловых играх на занятии. Именно поэтому такие явления называют ситуативными явлениями ИЯ [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при обучении ИЯ необходимо учитывать нейрофизиологические особенности усвоения новой информации левым и правым полушариями. Но в то же время целесообразно учитывать и тот факт, что взаимодействие обоих полушарий крайне важно для повышения эффективности изучения как категориальных, так и ситуативных явлений ИЯ, усвоение которых происходит тем легче, чем интенсивнее взаимодействие между двумя полушариями.

Цель и задачи исследования

Основной целью проводимого исследования является разработка способов повышения эффективности усвоения иностранного языка студентами лингвистических специальностей. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить влияние кинезиологических упражнений на формирование иноязычной компетенции;
- 2) проверить, насколько заметен положительный эффект от физической нагрузки на такие процессы, как осмысление и переосмысление иноязычного материала, происходящие на понятийном уровне картины мира учащегося.

Гипотеза исследования

Перед началом исследования была выдвинута следующая гипотеза: физическая нагрузка непосредственно перед занятием по ИЯ активизирует области мозга, ответственные за производство речи на ИЯ, что позволяет задействовать внутренние резервы учащихся и приводит к повышению эффективности усвоения ИЯ как на языко-

вом, так и на когнитивном уровнях картины мира учащихся.

Новизна нашей гипотезы состояла в следующем: мы использовали кинезиологические упражнения на занятиях по ИЯ специальности в лингвистическом вузе непосредственно перед организацией усвоения студентами лексического материала (языковой уровень картины мира учащихся) и грамматической темы (когнитивный уровень картины мира учащихся).

Материалы и методы

Для проверки гипотезы нами было проведено экспериментальное обучение. При проведении эксперимента мы решили остановиться на категориальных грамматических явлениях, усвоение которых активизирует преимущественно левое полушарие при менее активной работе правого полушария.

В качестве физической нагрузки были выбраны три кинезиологических упражнения, максимально простых, не требующих специального оборудования, формы одежды и подготовки учащихся. На каждом занятии в рамках экспериментального обучения мы начинали процесс обучения ИЯ с пятиминутной кинезиологической зарядки. Мы решили придерживаться именно такой структуры занятия, потому что главный вывод, к которому пришли кинезиологи, – обучение должно быть организовано таким образом, чтобы процесс усвоения нового материала происходил от движения к мышлению, а не наоборот [4].

Для проведения экспериментального обучения были выбраны три упражнения, которые по-разному воздействуют на активизацию головного мозга.

Первое упражнение увеличивает тонус коры головного мозга для повышения энергетики коры, что приводит к повышению концентрации на изучаемом предмете и развитию спокойного сосредоточенного состояния.

Описание упражнения 1. Сядьте за стол. Положите обе руки перед собой на стол. Положите голову между рук. Выдохните все напряжение. Затем спокойно вдохните воздух и наполните им всю грудную клетку. Теперь легко поднимите голову, начиная со лба, затем шеи и верхнюю часть тела. Нижняя часть тела и плечи остаются расслабленными. Далее с выдохом опустите подбородок

на грудь. Опустите голову так, чтобы удлинить задние мышцы шеи. Расслабьтесь и дышите глубоко. Выполняйте упражнение 2 минуты.

Второе упражнение восстанавливает и активизирует межполушарные связи и функциональную асимметрию мозга для улучшения приема и переработки слуховой и зрительной информации. Усиливает краткосрочную память.

Описание упражнения 2. Встаньте прямо, ноги на ширине плеч. Рисуите в воздухе перед собой «лежачие» восьмерки, то есть восьмерки, расположенные горизонтально. Делайте «восьмерки» по три раза каждой рукой, затем три раза обеими руками, соединенными вместе. Выполняйте упражнение 1 минуту.

Это упражнение можно выполнять по-другому. Встаньте прямо, слегка согните колени, спина прямая, вытяните руку вперед и прижмите голову к вытянутой руке. Рисуите вытянутой рукой лежачие восьмерки в воздухе перед собой. При этом вся верхняя часть тела (голова, плечо, рука и корпус) движется как единое целое во время прослеживания за восьмеркой. Смотрите вдаль расфокусированным взглядом. Выполняйте упражнение 10 раз. Повторите упражнение для другой руки.

Третье упражнение восстанавливает и активизирует связи между лобным и затылочным отделами мозга, улучшает баланс между правым и левым полем человека, снимает эмоциональный стресс. Улучшает речевую деятельность, усиливает контроль за речевыми высказываниями. Усиливает долговременную память.

Описание упражнения 3. Исходное положение: сидя на стуле с прямой спиной, закройте глаза, устройтесь поудобнее. Вдохи и выдохи должны быть ровными, мягкими, «длинными». Расслабьтесь, устранив посторонние мысли. Погрузитесь в состояние покоя. Затем начните прослушивание учебного материала на иностранном языке, очень легко, без напряжения сосредоточиваясь на его содержании. Лучше всего мысленно координировать прослушиваемый текст с ритмом вдохов и выдохов. Это же упражнение можно выполнять во время чтения материала на иностранном языке, который необходимо усвоить. В нашем эксперименте студенты выполняли это упражнение непосредственно перед упражнением по смысловому переводу в течение 2 минут.

Выполнение данных упражнений требует осмысленности и высокого уровня саморегуляции. При осуществлении этих движений инициируется процесс создания в коре головного мозга новых нейронных сетей. Способность учащихся довести движения до автоматизма является признаком того, что процесс расширения резервных возможностей мозга проходит успешно [12; 13].

Каждый ученик должен прочувствовать даже мельчайшие изменения, которые происходят в процессе выполнения этих упражнений. Кинезиологические упражнения дают как немедленный, так и кумулятивный эффект повышения умственной работоспособности и оптимизации интеллектуальных процессов. Занятия должны проходить в спокойной, эмоционально комфортной обстановке, если есть возможность, на фоне спокойной музыки. Занятия, проходящие в условиях стресса, положительного воздействия не имеют [6].

В зависимости от вида учебной деятельности можно варьировать упражнения, направленные на активизацию правого и левого полушарий. Причём, если учащиеся выполняют задание, связанное с работой правого полушария (например, отрабатывают диалог или ведут дискуссию, или заняты выполнением задания, требующего раскрытия интеллектуального потенциала с элементами творчества), кинезиологические упражнения лучше делать перед его началом. Это связано с тем, что речевая деятельность, активизирующая работу правого полушария, требует целостного восприятия и полного погружения в работу. Прерывать такие задания не рекомендуется [12; 13].

В то же время, если учащиеся выполняют задания, связанные с отработкой и усвоением категориальных явлений ИЯ (то есть левополушарной грамматики), то рекомендуется каждые 20–25 минут активной работы прерывать серией кинезиологических упражнений, так как преимущественная работа левого полушария быстрее утомляет головной мозг [8].

Проведение экспериментального обучения

В опытном обучении приняли участие 35 студентов, но результаты усвоения ИЯ двоих студентов не учитывались при подведении итогов, потому что один из них пропустил несколько занятий на первом, подготовительном этапе, а второй не прошёл заключительное тестирование. Таким об-

разом, окончательные результаты эксперимента проводились на основании 33 предварительных и 33 заключительных тестов.

В эксперименте участвовали две контрольные и две экспериментальные группы. Все участники были с ведущей правой рукой, русскоязычные бакалавры третьего года обучения на кафедре лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ по направлению подготовки «Связи с общественностью». Участники были здоровы, без физических и психических особенностей развития. Две группы были названы контрольными. Они изучали английский язык по учебному плану, сидя в аудитории за своими рабочими местами, то есть в традиционном режиме. Две других группы назывались экспериментальными, и каждую пару по ИЯ они начинали с пятиминутной разминки, состоящей из трех кинезиологических упражнений.

Предварительный этап

В качестве материала для предварительного и контрольного теста была выбрана грамматическая тема «Сложное подлежащее», которая не была известна участникам эксперимента ранее, а также 40 лексических единиц на тему «**Science and Technology**», **которые участники тоже не знали**. Во время предварительного тестирования участников просили перевести с русского языка на английский десять предложений, в которых надо было использовать конструкцию «Сложное подлежащее». Кроме того, они должны были перевести 40 лексических единиц с английского языка на русский. По результатам теста были отобраны только те участники, которые не смогли справиться с заданием, то есть для которых и эта грамматическая тема, и лексические единицы были незнакомы.

Этап организации усвоения

Следующий этап экспериментального обучения состоял в том, что студенты должны были усвоить новую грамматическую тему и 40 новых лексических единиц. И в контрольных, и в экспериментальных группах процесс усвоения был организован одинаково. Он состоял из четырех этапов – ознакомление учащихся с новым мате-

риалом, осмысление нового материала, переосмысление нового материала и его использование на практике.

1) Ознакомление учащихся с новым материалом. Преподаватель представляет грамматическую тему в виде таблицы, чтобы задействовать не только языковой уровень картины мира учащихся, но и её понятийную составляющую. Табличное представление воспринимается как паттерн или зрительный образ, который за счёт своих внутренних связей запоминается человеческим мозгом легче, чем текстовая информация.

2) Осмысление учащимися нового материала организуется за счёт выполнения упражнения по смысловому переводу, которое состоит из анализа русскоязычных предложений с целью вычленения тех членов предложения, которые несут на себе смысловую нагрузку, аналогичную изучаемому явлению в ИЯ; поиска по таблице изучаемого явления нужных способов выражения этих смыслов в ИЯ и перевода русскоязычных предложений на ИЯ с использованием алгоритма смыслового перевода. Этап осмысления нового иноязычного явления происходит под руководством преподавателя, чтобы предотвратить возможность возникновения явления негативного переноса особенностей русского языка и русскоязычной системы понятий, которое способно исказить восприятие ИЯ. На этом этапе учащиеся переводят предложения, которые обязательно содержат изучаемое явление ИЯ.

3) Переосмысление изучаемого явления ИЯ происходит в процессе осуществления упражнения по смысловому переводу самостоятельно с опорой на таблицу и алгоритм. Предложения для перевода на этапе переосмысления также обязательно содержат изучаемое явление.

4) Этап использования изучаемого материала ИЯ на практике организуется при переводе как предложений, содержащих новое явление ИЯ, так и других предложений, чтобы учащиеся имели возможность самостоятельно проанализировать предложения, узнать изучаемое явление ИЯ и правильно перевести. При этом учащиеся продолжают использовать и таблицу, отражающую все необходимые и достаточные связи изучаемого явления, и алгоритм перевода предложений.

В экспериментальных группах каждое занятие начиналось с пятиминутной кинезиологиче-

ской гимнастики, которая включала в себя выполнение первого упражнения (2 минуты), второго упражнения (1 минута) и третьего упражнения (2 минуты). Все три упражнения были направлены на активизацию работы головного мозга, повышение концентрации, внимания и улучшение памяти обучающихся. Также эти упражнения способствовали созданию благоприятной атмосферы в аудитории, что повышало учебную мотивацию студентов.

После завершения этапа обучения учащиеся проходили заключительное тестирование, в процессе которого они должны были перевести 10 русских предложений на английский язык с использованием конструкции «Сложное подлежащее».

Результаты экспериментального обучения

Результаты итогового контроля отразили эффективность прохождения учебного курса с использованием кинезиологических упражнений, выраженную в позитивной динамике роста уровня знаний и умений экспериментальных групп по сравнению с контрольными группами (на 40–50 %). В частности, студенты экспериментальных групп проявили более позитивное отношение к изучаемому материалу, лучшую стрессоустойчивость во время контрольных мероприятий, заметное улучшение памяти и способности к концентрации внимания на изучаемой теме ИЯ, что в целом способствовало лучшим результатам во время контрольного тестирования по переводу русскоязычных предложений на английский язык.

В группах было проведено анкетирование, в процессе которого большинство студентов выразило желание продолжить обучение с использованием кинезиологических упражнений, называя среди преимуществ такого обучения благоприятную обстановку в классе, вызывающую желание приходить на занятия и изучать английский язык специальности.

Выводы

Обучение ИЯ специальности в неязыковых вузах связано с большим количеством проблем, которые требуют решения. Среди прочих трудностей, стоящих перед преподавателями ИЯ в неязыковых вузах, важное место занимает необ-

ходимость таким образом организовать учебный процесс, формирование учебной мотивации, подачу нового материала, отработку иноязычных явлений, чтобы существенно повысить эффективность процесса усвоения ИЯ, но при этом сохранить здоровье студентов, уберечь их от перенапряжения, сформировать высококвалифицированного специалиста, с удовольствием использующего ИЯ в своей работе.

Последние исследования в области повышения эффективности обучения предлагают использовать в качестве инструмента, благотворно воздействующего и на результаты обучения, и на формирование позитивного настроя студентов на учёбу, альтернативные методы, такие как физические упражнения, являющиеся составной частью учебного процесса. В частности, интересные результаты получены благодаря использованию кинезиологических упражнений, повышающих внутренние резервы головного мозга учащихся. Эти простые в выполнении упражнения называют гимнастикой мозга. Они способствуют формиро-

ванию новых нейронных связей и активизируют такие функции головного мозга, как память, концентрация внимания, благоприятное отношение к своей деятельности.

Авторы статьи провели экспериментальное обучение среди студентов третьего года обучения по направлению подготовки «Связи с общественностью» с целью выявить способы повышения результативности обучения иностранному языку. Был проанализирован эффект от включения трех кинезиологических упражнений в процесс обучения ИЯ специальности.

В экспериментальных группах успешность усвоения грамматической темы и 40 лексических единиц английского языка была на 40–50 % выше, чем в контрольных группах.

Таким образом, можно прийти к выводу, что использование физических упражнений непосредственно перед обучением ИЯ улучшает результаты усвоения иноязычных языковых явлений как на языковом уровне картины мира учащихся, так и на её понятийном уровне.

Литература

1. Бабенкова С. В. Клинические синдромы поражения правого полушария мозга при остром инсульте. – М.: Наука, 1971. – 142 с.
2. Балонов Л. Я., Деглин В. Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. – СПб.: Наука, 1976. – С. 2–47.
3. Белый Б. И. Нарушения психических процессов при поражении правого полушария // *Вопр. психологии*. – 1973. – № 6. – С. 124–134.
4. Гимнастика для мозга доктора Деннисона [Электронный ресурс]. – URL: https://academikstar.blogspot.com/2018/02/blog-post_7.html (дата обращения: 09.07.2019).
5. Зимняя И. А. Педагогическая психология. – М.: Логос, 2001. – 234 с.
6. Ляхова Е. Г., Мороз Н. Ю., Цацкина Е. П. Интенсификация учебной мотивации при обучении иностранному языку студентов-нелингвистов // *Вестн. МГЛУ. Сер. «Образование и педагогические науки»*. – 2018. – № 6 (814). – С. 89–103.
7. Ляхова Е. Г. Лингводидактические условия формирования билингвизма при обучении иностранному языку (английский язык, языковой вуз): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2008. – С. 8–25.
8. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. – Л.: ЛГУ, 1989. – 180 с.
9. Седов К. Ф. Нейропсихолингвистика. – М.: Лабиринт, 2007. – 220 с.
10. Симонов П. В. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии. – М.: Наука, 1987. – 67 с.
11. Brian Richards. Brain Gym Exercises for the Classroom [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.livestrong.com/article/121468-brain-gym-exercises-classroom> (дата обращения: 09.07.2019).
12. Byungjoo Noh, Eric Vasey, Kevin Phillips, Myoungsoon Jeon. Smart exercise application to improve LEG function and short-term memory through game-like lunge exercises: development and evaluation // *Kinesiology*. – 2019. – Vol. 51, no. 1. – P. 102–109.
13. Hrvoje Podnar, Dario Novak, Ivan Radman. Effects of a 5-minute classroom-based physical activity on on-task behavior and physical activity levels // *Kinesiology*. – 2018. – Vol. 50, no. 2. – P. 251–259.
14. It takes biking to learn: Physical activity improves learning a second language [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0177624> (дата обращения: 08.07.2019).

15. Kroll J.F., Stewart E. Category interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations // *Journal of Memory and Language*. – 1994. – № 33. – P. 149–174.
16. Schmidt-Kassow M., Kulka A., Gunter T., Rothermich K., Kotz S. Exercising during learning improves vocabulary acquisition: Behavioral and ERP evidence. *Neurosci Lett*. – 2010. – № 482. – P. 40–44. – Doi: 10.1016/j.neulet.2010.06.089.
17. Song J.H., Bédard P. Paradoxical benefits of dual-task contexts for visuomotor memory // *Psych Sci*. – 2015. – № 26. – P. 148–158.
18. Winter B., Breitenstein C., Mooren F.C., Voelker K., Fobker M., Lechtermann A., et al. High impact running improves learning // *Neurobiol Learn Mem*. – 2007. – № 87. – P. 597–609. – Doi: 10.1016/j.nlm.2006.11.003.

References

1. Babenkova S.V. *Klinicheskie sindromy porazheniya pravogo polushariya mozga pri ostrom insul'te [Clinical syndroms of right brain damage after acute stroke]*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 142 p. (In Russ.).
2. Balonov L.Ya., Deglin V.L. *Slukh i rech' dominantnogo i nedominantnogo polushariya [Hearing and speech of dominant and nondominant hemisphere]*. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 2-47. (In Russ.).
3. Belyy B.I. Narusheniya psikhicheskikh protsessov pri porazhenii pravogo polushariya [Pathological mental processes after right brain damage]. *Voprosy psikhologii [Topics in the study of Psychology]*, 1973, no. 6, pp. 124-134. (In Russ.).
4. *Gimnastika dlya mozga doktora Dennisona [Brain gymnastics of Dr Dennison]*. (In Russ.). Available at: https://academikstar.blogspot.com/2018/02/blog-post_7.html (accessed 09.07.2019).
5. Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]*. Moscow, Logos Publ. 2001. 234 p. (In Russ.).
6. Lyakhova E.G., Moroz N.Yu., Tsatskina E.P. Intensifikatsiya uchebnoy motivatsii pri obuchenii inostrannomu yazyku studentov-nelingvistov [Boosting learning motivation in foreign language instruction for students-non-linguists]. *Vestnik MGLU. Ser. «Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki» [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Ser. "Education and Pedagogy"]*, 2018, no. 6 (814), pp. 89-103. (In Russ.).
7. Lyakhova E.G. *Lingvodidakticheskie usloviya formirovaniya bilingvizma pri obuchenii inostrannomu yazyku (angliyskiy yazyk, yazykovoy vuz): avtoreferat dis. kand. ped. nauk [Linguo-didactic conditions for forming bilingualism in foreign language teaching (the English language, a linguistic university). Author's abstract of Diss PhD in Pedagogy]*. Moscow, 2008, pp. 8-25. (In Russ.).
8. Sakharney L.V. *Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]*. Leningrad, LSU Publ., 1989. 180 p. (In Russ.).
9. Sedov K.F. *Neyropsikholingvistika [Neuropsycholinguistics]*. Moscow, Labirint Publ., 2007. 220 p. (In Russ.).
10. Simonov P.V. *Motivirovannyi mozg. Vysshaya nervnaya deyatel'nost' i estestvennonauchnye osnovy obshchey psikhologii [Motivated Brain. Higher nervous function and naturalist foundations of general psychology]*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 62 p. (In Russ.).
11. Brian Richards. *Brain Gym Exercises for the Classroom*. (In Engl.). Available at: <https://www.livestrong.com/article/121468-brain-gym-exercises-classroom> (accessed 09.07.2019).
12. Byungjoo Noh, Eric Vasey, Kevin Phillips, Myounghoon Jeon. Smart exercise application to improve LEG function and short-term memory through game-like lunge exercises: development and evaluation. *Kinesiology*, 2019, vol. 51, no. 1, pp. 102-109. (In Engl.).
13. Hrvoje Podnar, Dario Novak, Ivan Radman. Effects of a 5-minute classroom-based physical activity on on-task behavior and physical activity levels. *Kinesiology*, 2018, vol. 50, no. 2, pp. 251-259. (In Engl.).
14. *It takes biking to learn: Physical activity improves learning a second language*. (In Engl.). Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0177624> (accessed 08.07.2019).
15. Kroll J.F., Stewart E. Category interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations. *J Mem Lang*, 1994, no. 33, pp. 149-174. (In Engl.).
16. Schmidt-Kassow M., Kulka A., Gunter T., Rothermich K., Kotz S. Exercising during learning improves vocabulary acquisition: Behavioral and ERP evidence. *Neurosci Lett*, 2010, no. 482, pp. 40-44, doi: 10.1016/j.neulet.2010.06.089. (In Engl.).
17. Song J.H., Bédard P. Paradoxical benefits of dual-task contexts for visuomotor memory. *Psych Sci*, 2015, no. 26, pp. 148-158. (In Engl.).
18. Winter B., Breitenstein C., Mooren F.C., Voelker K., Fobker M., Lechtermann A., et al. High impact running improves learning. *Neurobiol Learn Mem*, 2007, no. 87, pp. 597-609, doi: 10.1016/j.nlm.2006.11.003. (In Engl.).

УДК 378.14

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА КАК ОСНОВА МЕТОДИЧЕСКОЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТА-ПЕРЕВОДЧИКА

Гасаненко Елена Александровна, старший преподаватель, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (г. Магнитогорск, РФ). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

Дёрина Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (г. Магнитогорск, РФ). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

Рабина Екатерина Игоревна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (г. Магнитогорск, РФ). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

Дёрина Ксения Сергеевна, студент, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (г. Магнитогорск, РФ). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

В статье рассмотрена сущность понятия профессионального имиджа студента-переводчика в рамках гуманизации высшего образования, даны структурные составляющие, особенности и характерные черты профессионального имиджа студента-переводчика технического вуза. В статье также рассматривается процесс профессиональной подготовки студентов технического вуза, который должен быть направлен не только на формирование их профессиональных компетенций и качеств, но и на их личностный рост, на развитие готовности выпускников самостоятельно представлять себя в мире для успешной самореализации. Чтобы определить профессиональный имидж студентов технического вуза, мы рассмотрим основные компетенции, которые должны быть сформированы в процессе обучения в университете. Кроме того, чтобы понять, каким должен быть имидж студента технического вуза, необходимо рассмотреть ряд качеств и навыков будущего специалиста. Это профессиональная компетенция (навыки), корпоративная компетентность (умение работать и общаться в команде), социокультурная компетентность: контакт, совместимость, коммуникабельность, дружелюбие, энергия, умение правильно и к месту одеваться, умение говорить грамотно, выбирать социальные роли, а также обладать такими социально значимыми навыками, как компьютерная грамотность и знание иностранных языков на должном уровне.

Ключевые слова: имидж, профессиональный имидж студента-переводчика технического вуза, структура имиджа, гуманизация высшего образования, профессиональная подготовка.

THE FORMATION OF A PROFESSIONAL IMAGE AS A BASIS OF METHODOICAL AND LINGUODIDACTIC TRAINING OF A STUDENT-TRANSLATOR

Gasanenko Elena Aleksandrovna, Sr Instructor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

Derina Natalya Vladimirovna, PhD in Philology, Associate Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

Rabina Ekaterina Igorevna, PhD in Pedagogy, Sr Instructor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

Derina Kseniya Sergeevna, Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

The article considers the essence of the concept of the student-translator's professional image within a humanization of higher education, structural components, features and characteristic features of professional

image of the student-translator of technical university are given. The paper also deals with the process of vocational training of students of a technical university which should be directed not only at the formation of their professional competencies and qualities, but also at personal growth, at developing the readiness of graduates to self-present them to the world for successful self-realization. In order to determine the professional image of the technical college students, we consider the main competencies that must be formed in the process of university training. The purpose of this article is to determine the essence of the professional image concept of the technical college student-translators' to identify its features, main components and functions. In addition, in order to understand what kind of image a student of a technical college should possess, what could help him to form his own image, it is necessary to consider a number of qualities and skills that a future specialist needs to possess. These are professional competences (skills), corporate competences (the ability to work and communicate in a team), sociocultural competences: contact, compatibility, sociability, friendliness, energy, ability to dress competently and to the place, ability to speak competently, choose social roles, as well as such socially significant skills as computer literacy, knowledge of foreign languages at the proper level and using all this in the process of interpersonal communication.

Keywords: image, professional image of a student-translator of technical university, structure of image, humanization of higher education, vocational training.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-264-270

Introduction. The modern period of rapid economic development of Russia has led to a number of transformations in the economic, political, social, cultural spheres of Russian society, and also indicated the need to rethink the basic priorities in the system of higher professional education. In the context of humanization of higher education as a whole, the new concept of higher professional education is aimed at the personal development of a student-translator graduate who possesses not only high qualifications, but also training of a competitive specialist with a high level of culture, an active participant in economic, political, social relations in modern society [1].

In this regard, the process of vocational training of student-translators of a technical university should be directed not only at the formation of their professional competencies and qualities, but also at personal growth [19], at developing the readiness of graduates to self-present themselves to the world for successful self-realization in the main areas of life [2].

This actualizes the development problem of the technical college student-translators' readiness to form their professional image in the process of university preparation.

The presence of the formed idea of the professional image of a technical university student will lead him to a successful career in the future [7]. Willingness to form a professional image will allow

him to successfully carry out professional activities of student-translators.

It should be noted that the curricula of technical universities do not provide for the study of imageology as an independent discipline [4]. Therefore, as shown by our analysis, 37 % of students do not have a clear essence idea of the concept of "image", 45 % of students could not identify the components of a professional image, 62 % note that they have difficulties in shaping the external image of a business person, 67 % - in determining the ways of forming a professional image, 52 % indicated that they never thought about the need and importance of forming a professional image.

Purpose statement. The purpose of this article is to determine the essence of the professional image concept of the technical college student-translators' to identify its features, main components and functions.

Statement of basic materials. According to the sociological encyclopedic dictionary, image is defined as an external image created by the subject, with the aim of evoking a positive impression of others, as well as a combination of properties attributed to advertising, propaganda, fashion, prejudice, tradition, etc. an object with the aim of causing certain reactions in relation to it.

Management considers image as an image, representation, perception by a subject or means of communication. The following types of image are

considered in this scientific field: primary, secondary and ideal. The primary image is understood as a general idea of a person as an individual, person and subject of management, reflected in the minds of employees based on the results of the initial acquaintance. Under the secondary image refers to the process of formation of the image of management. The ideal image is composed of primary and secondary as the average representation of the higher management about the qualities of the desired manager or employee [2].

In psychology, image is considered from the point of view of psychological cognition. According to A.V. Vasishcheva, the term “image” originates in the works of Z. Freud, which characterizes it not so much as the real image of a person or object (Ego), but an ideal image (Super Ego), which differs from the real one, as established in the mass consciousness and having the character of a stereotype, an emotionally colored image of someone and something. A political figure, profession, product, etc. may have a certain image [3]. From the point of view of psychology, image formation can take place spontaneously, but more often it is the result of purposeful work of specialists in the field of political psychology, advertising psychology, and marketing. The most effective way to create an image is to use the media. At the same time, the image reflects the social expectations of certain professional and social groups, so the presence of the image can sometimes provide the subject with success in different areas of life.

In the majority of works such scholars as V.M. Markin, V.M. Shepel give the reduced image concept to a psychological image. Image is considered by scientists as a person's image, in which those qualities are most noticeably manifested due to which the effect of personal attractiveness, reputation of the family, business entity, state or public institution, region or the country as a whole is achieved.

As shown by our theoretical analysis, in management and psychology, scientists single out the same basic characteristics of the image, such as immutability, awareness, integrity and consistency, simplicity and limitations, focus, variability, pragmatism [17]. According to immutability, the image is an ideal object that arises in the minds of people, such an image is not directly measurable, it can be assessed only by their relationship to the subject, manifested in the process of communication, professional activity, therefore, in the process of creating an image monitor it and take into account

the positive reactions of people to it. Integrity and consistency are the characteristics of the image corresponding to the generalized ideas about the subject. From the point of view of realism, one should not embellish the advantages of the image. Explicit exaggeration will reduce trust [4]. The pragmatism of the image lies in the fact that it is deliberately focused on solving a certain range of tasks that correspond to the goals of the organization or the particularities of the current situation and its development. Image variability implies the absence of a rigid and unchanging design. This indicates the presence of necessity and the possibility of making adjustments to the process of image presentation. This construction is absolutely unacceptable; the situation of image broadcasting is always dynamic. And the last characteristic of the image is its focus, i.e. its focus on the external environment. Forming an image, a technical university student sets a goal to form a positive image among a wide professionally oriented audience, with whom he needs to establish various forms of cooperation in the course of his work activity. A competently formed professional image will make it possible to influence the decisions of the employer in a positive way; a professional image contributes to successful cooperation with colleagues and the employer.

In addition to the main characteristics in management, the main types of image are defined. There is an external image that is focused on the external environment, for example, the interior of an apartment, office, home, etc. Internal image implies a tradition, especially business communication. A positive image encompasses the positive aspects of the personality, while a negative image - negative. Natural image is formed spontaneously, as a result of natural development. An artificial image, unlike the natural one, is created specially and does not fully correspond to the image of the person. Emotional image is intended to cause a strong emotional response, focused on a large audience. And in the case of a cognitive image, only “dry” special information is given, focused on a narrow circle of professionals.

In management, there are three main stages of image formation. At the first stage of visualization, a visual image is created, that is, the ideal behavior of a person and his appearance. At the second stage of image formation, its stereotyping of the visual image is carried out; a new behavior pattern is developed. It happens and at the final stage, the already developed

behavior must be self-presented. In this case, the new image obtained as a result of stereotypization should be included in the daily behavior of the image holder [5].

Thus, the effective formation of the image will be successfully implemented in the presence of all three stages.

To date, various positions are known for defining the image structure of such authors as E.N. Russkaya, V.V. Boyko, L.I. Popova, M.V. Udaltsova.

E.N. Russkaya identifies the following structural components of the image: a visual image (costume, hairstyle, plastic, facial expressions, voice), an internal image (temperament, mood, and personal qualities), mentality (spiritual practice, intellect).

V.V. Boyko views the structural components of the image as an audiovisual personality culture (speech, bracing, clothing, hairstyle), behavioral style (professional, intellectual, moral, emotional, communicative, aesthetic, ethical), internal philosophy, value system (attitudes, system of relationships), attributes that emphasize the status of the individual (office setting, car, etc.), the psycho-hygienic "I-image" (activity, goodwill, peacefulness, inner calm).

Thus, the effective formation of the image will be successfully implemented in the presence of all three stages.

To date, various positions are known for defining the image structure of such authors as E.N. Russkaya, V.V. Boyko, L.I. Popova, M.V. Udaltsova.

E.N. Russkaya identifies the following structural components of the image: a visual image (costume, hairstyle, plastic, facial expressions, voice), an internal image (temperament, mood, and personal qualities), mentality (spiritual practice, intellect).

V.V. Boyko views the structural components of the image as an audiovisual personality culture (speech, bracing, clothing, hairstyle), behavioral style (professional, intellectual, moral, emotional, communicative, aesthetic, ethical), internal philosophy, value system (attitudes, system of relationships), attributes that emphasize the status of the individual (office setting, car, etc.), the psycho-hygienic "I-image" (activity, goodwill, peacefulness, inner calm).

L.I. Popova identifies two main components: a visual image (visual) and a way of thinking, and actions. M. Udaltsova also designates two components in her structure: natural personality traits and specially created personality traits:

professionalism, competence, moral reliability, humanitarian education.

In our opinion, most fully, the structure of the image is represented by V.M. Shepel [15]. According to the position of this author, image formation or self-presentation turns out to be successful for those people who possess the appropriate abilities or qualities. Such abilities and qualities of V.M. Shepel were divided into three groups [15].

The scientist relates to the first group: natural qualities (interpersonal skills, i.e. the ability to easily converge with people); empathy (ability to empathy); reflexivity (the ability to understand another person); eloquence (the ability to influence the word); self-control (the ability to carry out activities in situations that affect the emotional sphere); personality psycho-energetic (emitted by subject fluids).

Communicability means having the ability to easily converge with people in the process of communication [10]. This is a socio-psychological personality trait, which is formed in the process of human group activity. Empathy refers to the capacity for empathy. The process of empathy is basically intellectual and emotional in its content [9]. Reflexivity is seen by scientists as the ability to understand another person. This is the subject's understanding of what means and why he made one or another impression on the communication partner. Eloquence indicates the ability to influence the word on the interlocutor. Self-control speaks of the ability to carry out activities in difficult situations that affect the emotional sphere of a person. Self-control is an indicator of emotional and social maturity. Purposeful development of these qualities contributes to the successful formation of a personal image. V. Shepel also added such ability as fluid radiation to these abilities. It manifests itself in the process of communication. Not every person has fluid radiation. This is a special glitter of the eyes, charming smile, extraordinary intonation of voice, unique style [16].

The second group, highlighted by V.M. Shepel, is the personality characteristics as a result of its upbringing and education: moral values, mental health, possession of a set of human technologies (interpersonal communication, overcoming conflict situations).

The third group includes everything related to the personal life and professional experience. In the course of their life and professional sphere, a person acquires and masters a certain set of qualities, abilities,

and behavior patterns [8]. In most cases, the image is the result of self-determination, skillful orientation in a particular situation [5], and therefore the correct choice of its behavior model. The third group is determined by the life and professional experience of an individual; it is a certain set of qualities, abilities, styles of behavior [15].

In order to determine the professional image of the technical college student-translators, we consider the main competencies that must be formed in the process of university training [13]. In addition, in order to understand what kind of image a student of a technical college should possess, it is necessary to consider a number of qualities and skills that a future specialist needs to possess. These are professional competence (skills), corporate competence (the ability to work and communicate in a team) [12; 19], sociocultural competence: contact, compatibility, sociability, friendliness, energy, ability to dress competently and to the place, ability to speak competently, choose social roles, as well as such socially significant skills as computer literacy and knowledge of foreign languages at the proper level [11].

Professional image is a generalized image of a specialist in a certain field of activity that has developed in the mass consciousness [6], which includes a certain number of values, skills, characteristics and qualities and has a certain impact on others. Professional image depends on the requirements for this profession, the main properties of which enter: dynamism, awareness, activity and believability.

The components of the professional image are: professional competence [12], psychological culture of the individual (interpersonal skills, goodwill, development of the verbal sphere, vigor, standardization of speech, social and psychological characteristics of a professional); visual image (style of clothing, accessories, hairstyle).

Forming your professional image, you must have an objective understanding of your appearance and the way in which others perceive it [14]. Important components in the technology of self-image, according to the scientists' opinion, are: the integrity of the perception of their own image, adequate self-esteem, awareness of the characteristics of their own personality, the degree of general development, ways and methods of self-determination [18].

Conclusions. It should be noted that the image of a technical student-translator is directly related to the professional competence of his personality and is an important indicator of his professional skills. In addition, the image is a socially desirable image. The modern concept of image includes, among other things, the most effective submission of a message about yourself, which allows you to hide certain features of a person. A specialist with a professional image should be attractive, empathetic, open, and sympathetic. He must radiate confidence and firmness of character. The basis of this approach is the belief about the property of a person to evaluate people by their style and appearance, the memory for words is lost long before the external impression about a person is forgotten.

Students-translators of a technical college should develop a readiness to form a professional image, since, first of all, it significantly influences the way of presenting yourself as a professional to the people around you. Secondly, a well-formed professional image affects the subject himself, forming in him an idea of the uniqueness of his own personality.

In accordance with the point of view of V.M. Shepel, the professional image performs a number of functions, which he divided into two groups.

The first group is the value functions of the image. It includes such sub functions as: personality-elevating function and the function of comforting interpersonal relations. Thanks to the creation of an attractive image, a person becomes professionally and socially demanded; as a result, the self-esteem of the person increases. It is in this way that the sub-image of sublimation appears. Comfort ability of interpersonal relationships arises when a professional has charm, which brings sympathy and benevolence into his communication. Image value functions indicate its indisputable value in professional and social activities, in building a healthy mental organization of the individual. Through the implementation of these functions, the inner world of the personality is manifested.

The next group was designated by the scientist as technological functions of the image [11], to which he attributed the interpersonal adaptation function and the shading function. The function of interpersonal adaptation is that, thanks to a properly chosen image, a technical university student-translators can later quickly enter a specific professional or social

environment, attract attention and establish friendly relations with work colleagues. The implementation of this function allows the future specialist to visualize their most attractive qualities that will cause sympathy or goodwill. This is the main idea of the function of highlighting the best personal and business qualities. The function of shading negative personal characteristics is carried out by means of makeup, clothing design, accessories, etc. Functional

image is diverse. Its main purpose is to achieve the effect of personal attraction. Whoever fully owns the functions of the image is inherent in such a state, which is called location magic [15].

Thus, a correctly formed professional image of a student-translator enables a specialist to demonstrate precisely the qualities, skills, values and abilities that society expects from him, thanks to the implementation of the relevant functions.

Литература

1. Асташова Г. В., Дёрина Н. В., Савинова Т. А., Залавина Т. Ю. Интеграционные процессы в зарубежной профессиональной подготовке успешного специалиста // Вестн. Челябин. гос. пед. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 9–20.
2. Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. Н. Социально-психологический климат команды и личности. – М.: Мысль, 1983. – 196 с.
3. Васищева А. В., Ненашева А. В. Изображение: определение центральной концепции образа логики // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 4. – С. 311–317.
4. Горчакова В. Г. Имиджелогия. Теория и практика: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 335 с.
5. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – М.: Академия, 2010. – 566 с.
6. Климова Т. Е., Купцова В. Г. Имиджевая компетентность будущего учителя физической культуры: теория и практика формирования. – Магнитогорск: МАГУ, 2008. – 150 с.
7. Ляхова Е. Г., Мороз Н. Ю., Цацкина Е. П. Профессионально ориентированное обучение будущих специалистов по связям с общественностью иностранному языку // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 47. – С. 217–215.
8. Медовикова Е. А., Мороденко Е. В., Емец Е. В. Индивидуальные особенности личности студентов практико-ориентированной системы обучения в вузе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 40. – С. 231–237.
9. Перельгина Е. Б. Социально-психологическая концепция образа. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 357 с.
10. Петрова Е. А., Шурко Н. М. Имидж учителя в современной России. – М.: Академия имиджологии, 2006. – 101 с.
11. Пикалова Е. А., Савва Л. И., Гасаненко Е. А. Овладение студентами университета средствами автодидактики профессионального имиджевого дизайна // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2016. – № 4. – С. 64–69.
12. Савва Л. И., Гасаненко Е. А., Шахмаева К. Е. Готовность студентов технического вуза к командной работе как основа профессионального имиджа // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 6 (36). – С. 56–64.
13. Савва Л. И. Межличностное познание в системе подготовки будущего учителя. – Магнитогорск: МАГУ, 2001. – 246 с.
14. Савва Л. И., Гасаненко Е. А. Профессиональный имидж студента технического вуза // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 170–177.
15. Шепель В. М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 87 с.
16. Шепель В. М. Административная антропология. Человеческая компетентность менеджера. – М.: Дом педагогики, 2000. – 260 с.
17. Феофанов О. А. США: Реклама и общество. – М.: Мысль, 1974. – 262 с.
18. Царан А. А., Савва Л. И. Апробация методики нравственного самоопределения будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки в вузе [Электронный ресурс] // Письма в выпуске. Не в сети (Emissia. Offline Letters): электр. науч. журнал. – СПб., 2012. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1768.htm> (дата обращения: 18.12.2013).
19. Якунина Е. К., Дёрина Н. В. Развитие информационно-технологического потенциала преподавателей вуза в процессе корпоративного обучения // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63–1. – С. 428–432.

References

1. Astashova G.V., Dyorina N.V., Savinova T.A., Zalavina T.Yu. Integratsionnye protsessy v zarubezhnoy professional'noy podgotovke uspehnogo spetsialista [Integration processes in foreign professional training of a successful specialist]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2018, no. 2, pp. 9-20. (In Russ.).

2. Boyko V.V., Kovalev A.G., Panferov V.N. *Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat komandy i lichnosti* [Socio-psychological climate of the team and personality]. Moscow, Thought Publ., 1983. 196 p. (In Russ.).
3. Vasisheva A.V., Nenasheva A.V. *Izobrazhenie: opredelenie tsentral'noy kontseptsii obraza logiki* [Image: the definition of the central concept of the image of logic]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social humanitarian knowledge], 2005, no. 4, pp. 311-317. (In Russ.).
4. Gorchakova V.G. *Imidzhologiya. Teoriya i praktika: uchebnoe posobie* [Imagology. Theory and practice. Textbook]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2011. 335 p. (In Russ.).
5. Klimov E.A. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow, Academy Publ., 2010. 566 p. (In Russ.).
6. Klimova T.E., Kuptsova V.G. *Imidzhevaya kompetentnost' budushchego uchitelya fizicheskoy kul'tury: teoriya i praktika formirovaniya* [Image competence of the future teacher of physical culture: theory and practice of formation]. Magnitogorsk, MAGU Publ., 2008. 150 p. (In Russ.).
7. Lyakhova E.G., Moroz N.Yu., Tsatskina E.P. Professional'no orientirovannoe obuchenie budushchikh spetsialistov po svyazyam s obshchestvennost'yu inostrannomu yazyku [Professionally oriented training of future specialists in public relations in a foreign language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 47, pp. 2017-215. (In Russ.).
8. Medovikova E.A., Morodenko E.V., Emets E.V. Individual'nye osobennosti lichnosti studentov praktiko-orientirovannoy sistemy obucheniya v vuze [Individual features of the personality of students of the practice-oriented educational system at the university]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2017, no. 40, pp. 231-237. (In Russ.).
9. Pereyagina E.B. *Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya obraza* [The socio-psychological concept of the image]. Moscow, ASPECT PRESS Publ., 2005. 357 p. (In Russ.).
10. Petrova E.A., Shurko N.M. *Imidzh uchitelya v sovremennoy Rossii* [Image of a teacher in modern Russia]. Moscow, Academy of Imageology Publ., 2006. 101 p. (In Russ.).
11. Pikalova E.A., Savva L.I., Gasanenko E.A. Ovladenie studentami universiteta sredstvami avtoidaktiki professional'nogo imidzhevogo dizayna [Mastering university students by means of auto-didactics of professional image design]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2016, no. 4, pp. 64-69. (In Russ.).
12. Savva L.I., Gasanenko E.A., Shakhmaeva K.E. Gotovnost' studentov tekhnicheskogo vuza k komandnoy rabote kak osnova professional'nogo imidzha [Readiness of students of a technical college for teamwork as the basis of a professional image]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives on science and education], 2018, no. 6 (36), pp. 56-64. (In Russ.).
13. Savva L.I. *Mezhlichnostnoe poznanie v sisteme podgotovki budushchego uchitelya* [Interpersonal cognition in the system of preparing the future teacher]. Magnitogorsk, MASU Publ., 2001. 246 p. (In Russ.).
14. Savva L.I., Gasanenko E.A. Professional'nyy imidzh studenta tekhnicheskogo vuza [Professional image of a technical university student]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2015, no. 2, pp. 170-177. (In Russ.).
15. Shepel V.M. *Imidzhologiya: sekrety lichnogo obayaniya* [Imagology: secrets of personal charm]. Moscow, Culture and Sport, UNITI Publ., 1997. 87 p. (In Russ.).
16. Shepel V.M. *Administrativnaya antropologiya. Chelovecheskaya kompetentnost' menedzhera* [Administrative anthropology. Human competence manager]. Moscow, House of Pedagogy Publ., 2000. 260 p. (In Russ.).
17. Feofanov O.A. *SSHA: Reklama i obshchestvo* [USA: Advertising and Society]. Moscow, Thought Publ., 1974. 262 p. (In Russ.).
18. Tsaran A.A., Savva L.I. Aprobatsiya metodiki nravstvennogo samoopredeleniya budushchikh menedzherov v protsesse professional'noy podgotovki v vuze [Testing the methods of moral self-determination of future managers in the process of vocational training at the university]. *Pis'ma v vypuske. Ne v seti (Emissia.Offline Letters): elektr. nauch. zhurnal* [Letters in the issue. Offline (Emissia.Offline Letters): Elect. scientifically Magazine]. St. Petersburg, 2012. (In Russ.). Available at: <http://www.emissia.org/offline/2012/1768.htm> (accessed 12.18.2013).
19. Yakunina E.K., Derina N.V. Razvitie informatsionno-tekhnologicheskogo potentsiala prepodavateley vuza v protsesse korporativnogo obucheniya [Development of the information and technological potential of university teachers in the process of corporate training]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2019, no. 63-1, pp. 428-432. (In Russ.).

Алфавитный указатель авторов

Астахов О. Ю.	168
Ащеулова А. А.	128
Белов В. Ф.	227
Белозёрова М. В.	106
Библиева О. В.	128
Бородин Е. М.	208
Бураченко А. И.	31
Во Ван Лак	44
Волкова Т. А.	200
Гаврилов О. Ф.	176
Гаврилова Н. П.	176
Гасаненко Е. А.	264
Григоренко Н. Н.	221
Демченко М. Б.	242
Дёрина К. С.	264
Дёрина Н. В.	264
Жилянина Н. А.	150
Ивина Л. В.	252
Исмагилова Е. И.	93
Карпун Н. Н.	106
Конопьянова К. Д.	200
Крылов И. А.	22
Куркова Н. С.	233
Латышев А. А.	157
Ляхова Е. Г.	242, 252
Мелехова К. А.	36
Мин Мин Лян	81, 87
Миненко Г. Н.	150, 157
Митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх (Смирнов В. А.)	168
Нечаева К. К.	252
Пенфей Сунь	81, 87
Поморцева Н. В.	58
Пономарёв В. Д.	214
Пономарёв Р. Е.	221
Попов А. А.	183
Попова В. Н.	142
Попова Н. С.	51
Попович Э. В.	193
Прокопова Н. Л.	22
Протасова Н. Г.	58
Прошкина О. А.	44
Рабина Е. И.	264
Редлих С. М.	221
Реховская Т. А.	134
Рыгалова М. В.	119
Рындин А. В.	106
Садовой А. Н.	106
Учитель К. А.	14
Федин С. Н.	64
Харсенюк О. Н.	64
Черданцева А. А.	214
Шорина Д. Е.	119
Шунков А. В.	168, 214
Юдин А. Н.	73

List of Authors in Alphabetical Order

Astakhov A.Y.	168
Ashcheulova A.A.	128
Belov V.F.	227
Belozeroval M.V.	106
Biblieva O.V.	128
Borodina E.M.	208
Burachenko A.I.	31
Vo Van Lac	44
Volkova T.A.	200
Gavrilov O.F.	176
Gavrilova N.P.	176
Gasanenko E.A.	264
Grigorenko N.N.	221
Demchenko M.B.	242
Derina K.S.	264
Derina N.V.	264
Zhilyanina N.A.	150
Ivina L.V.	252
Ismagilova E.I.	93
Karpun N.N.	106
Konopyanova K.D.	200
Krylov I.A.	22
Kurkova N.S.	233
Latyshev A.A.	157
Lyakhova E.G.	242, 252
Melekhova K.A.	36
Ming Ming Liang	81, 87
Minenko G.N.	150, 157
The Metropolitan of Kemerovo and Prokopievsk Aristarch (Smirnov V.A.)	168
Nechaeva K.K.	252
Penfei Sun	81, 87
Pomortseva N.V.	58
Ponomarev V.D.	214
Ponomarev R.E.	221
Popov A.A.	183
Popova V.N.	142
Popova N.S.	51
Popovich E.V.	193
Prokopova N.L.	22
Protasova N.G.	58
Proshkina O.A.	44
Rabina E.I.	264
Redlikh S.M.	221
Rekhovskaya T.A.	134
Rygalova M.V.	119
Ryndin A.V.	106
Sadovoy A.N.	106
Uchitel K.A.	14
Fedin S.N.	64
Kharsenyuk O.N.	64
Cherdantseva A.A.	214
Shorina D.E.	119
Shunkov A.V.	168, 214
Yudin A.N.	73

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(Выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» (<http://vestnik.kemgik.ru>) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статью следует отправлять в личном кабинете на сайте журнала.
2. Статья должна включать:
 - наименование рубрики журнала, где будет размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала);
 - индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
 - название статьи на русском и английском языках;
 - аннотацию статьи (**объемом 150–300 слов**) на русском языке;
 - ключевые слова (**не более 10 слов**) на русском и английском языках;
 - автореферат статьи на английском языке (**250–300 слов**) и исходный текст автореферата на русском языке.
3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.
4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.
5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.
6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:
 - шрифт – Times New Roman;
 - размер кегля – 12 пт;
 - межстрочный интервал – одинарный;
 - форматирование – по ширине;
 - все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ,
БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).
E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ,
БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке...

Ключевые слова на английском языке:...

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

- 1.
- 2.
- ...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

- 1.
- 2.
- ...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Справку об авторе(ах);
2. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - e-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
2. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Статью и сопроводительные документы следует отправлять в личном кабинете на сайте журнала теоретических и прикладных исследований «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» по адресу: <http://vestnik.kemgik.ru>.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: <http://vestnik.kemgik.ru>.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются.

Цена 550 рублей

Дата выхода номера в свет 25.12.2019

Подписано в печать 26.11.2019

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 9.

Уч.-изд. л. 28,6. Усл. печ. л. 31,5.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17. Тел.: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 550 roubles

Issue released on December 25, 2019

Signed for print on November 26, 2019

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 9.

Author's sheets 28,6. Printer's sheets 31,5.

Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
17 Voroshilov Street. Phone: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru